Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (51)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2018

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 3 (51). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 173 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2018

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 3 (51)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2018

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 3 (51). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2018. – 173 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov - D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Захаров В.Я., Трофимов О.В., Фролов В.Г., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Концептуальные основы оценки факторов и системных эффектов сбалансированного развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» 7
Краснов А.А. «Человеческий фактор» в управлении экономической системой 24
Мизиковский И.Е., Поликарпова Е.П. Аналитический учет оценочных обязательств 34
Перова В.И., Болеева Е.С. Нейросетевое моделирование динамики показателей среднего профессионального образования в регионах России как фактора роста экономики страны 42
Чежидов М.С. Развитие системы профессиональных квалификаций финансового рынка 50

Социологические науки

Воронин Г.Л., Курячьева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху 55
Козырьков В.П., Придатченко М.В., Кирина О.А. Раскрытие потенциала социальных сетей как направление современной культурной политики 66
Захарова Л.Н., Царева С.А. Социально-психологическая типология самоактуализации индивидуальных предпринимателей в сфере клиент-ориентированного бизнеса (на примере фитнес-тренеров) 75
Аргунова В.Н. Влияние социально-стрессовых расстройств на представления о социальной справедливости и несправедливости 82
Пушина Л.Ю. Подготовленность населения Ивановской области в вопросах гражданской обороны: результаты социологического исследования 86
Полывянная М.Т., Смирнова И.Н. Особенности детско-родительских отношений в семье (на материалах Ивановской области) 99
Болозин А.А. Механизм повышения доступности массового спорта для молодежи в современной России 107
Солдаткин А.Е., Широков А.А. Множественный Нижний Новгород: в поисках общих вещей 112
Курносова Л.С. Повторные браки в экосистеме семьи 121
Карушева Ю.М. Образ Родины в образовательной политике в сфере дошкольного образования 127
Галкин К.А. Профессия, сообщество и повседневность в нарративах молодых сельских врачей 134
Кострова Ю.А. Адаптация молодой семьи в официальном дискурсе социальной политики современного российского общества 143

Педагогические науки

Машина А.В., Шептуховский М.В. Естественнонаучные проектные задачи в обучении младших школьников 150
Саркисян Т.А., Швец И.М. Иноязычная профессионально-речевая компетенция студентов архитектурно-строительных профилей – фактор интеграции общекультурных и профессиональных компетенций 157
Штылева Л.В. Чем обусловлен гендерный разрыв в математическом образовании и STEM-занятости выпускников российских школ? 166

CONTENTS

Economic sciences

Zakharov V.Ya., Trofimov O.V., Frolov V.G., Kaminchenko D.I., Pavlova A.A. Conceptual framework for estimating factors and system effects of balanced development of complex economic systems in accordance with the concept Industry 4.0 7
Krasnov A.A. The human factor in the management of economic systems 24
Mizikovsky I.E., Polikarpova E.P. Analytical accounting of estimated liabilities 34
Perova V.I., Boleeva E.S. Neural network modeling of secondary vocational education dynamics indicators in the regions of the Russian Federation as a factor of growth of the country's economy 42
Chezhidov M.S. Development of the professional qualifications system of the financial market 50

Sociological sciences

Voronin G.L., Kuryachieva M.M. The Internet space of the older generation: analysis of the problem of entering the digital epoch 55
Kozyrkov V.P., Pridatchenko M.V., Kirina O.A. Unlocking the social networks' potential as a trend of modern cultural policy 66
Zakharova L.N., Tsareva S.A. Social and psychological typology of self-actualization of individual entrepreneurs in the sphere of customer-oriented business (a case study of fitness coaches).....75
Argunova V.N. Influence of social-stress disorders on beliefs with regard to social justice and injustice 82
Pushina L.Yu. Preparedness of the Ivanovo region population in civil defense issues: sociological research results 86
Polyvyannaya M.T., Smirnova I.N. Some peculiarities of parent-child relationship in a family (based on the materials of the Ivanovo region) 99
Bolozin A.A. Mechanism for increasing the accessibility of mass sports for young people in modern Russia 107
Soldatkin A.E., Shirokov A.A. Multi-faceted Nizhny Novgorod: in search of common things 112
Kurnosova L.S. Repeated marriages in family ecosystem 121
Karusheva Yu.M. The image of Motherland in pre-school education policy 127
Galkin K.A. Profession, community and everyday life in the narratives of young rural doctors.....134
Kostrova Yu.A. Adaptation of a young family in the official discourse of modern Russian society's social policy 143

Pedagogical sciences

Mashina A.V., Sheptukhovsky M.V. Natural science project tasks in the education of junior schoolchildren 150
Sarkisian T.A., Shvets I.M. Foreign language professional speech competence as a factor of integration of common cultural and professional competencies 157
Shtyleva L.V. What is the reason for the gender gap in mathematical education and STEM employment of Russian school graduates? 166

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.4

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ФАКТОРОВ И СИСТЕМНЫХ ЭФФЕКТОВ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СООТВЕТСТВИИ С КОНЦЕПЦИЕЙ «ИНДУСТРИЯ 4.0»

© 2018 г.

В.Я. Захаров, О.В. Трофимов, В.Г. Фролов, Д.И. Каминченко, А.А. Павлова

Захаров Владимир Яковлевич, д.э.н., проф.; профессор кафедры экономики фирмы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zaxarov48@yandex.ru
Трофимов Олег Владимирович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой экономики фирмы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iep-doct@yandex.ru
Фролов Владислав Генрихович, к.э.н., доц.; доцент кафедры экономики фирмы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com
Каминченко Дмитрий Игоревич, к.полит.н.; ассистент кафедры прикладного политического анализа и прогнозирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
dmitkam@iee.unn.ru
Павлова Ангелина Александровна, аспирант кафедры экономики фирмы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
angelina.pavlova@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 10.06.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Проводится анализ концептуальных подходов к цифровой трансформации сложных экономических систем. В последние годы появилось много работ, охватывающих факторы и проблемы развития сложных экономических систем в условиях развертывания «Индустрии 4.0». Прояснение связей между разноречивыми новыми результатами, сравнение их с результатами предшествующих работ и сопоставление полученных оценок с реальной практикой способствует росту продуктивности расширяющегося потока исследований. Анализируются системная исследовательская парадигма и ключевые концепции: устойчивое и сбалансированное развитие сложных экономических систем, системные инновации, управление устойчивыми переходами, цифровая трансформация.

Ключевые слова: сложные экономические системы, факторы и системные эффекты, устойчивое развитие, сбалансированное развитие, системные инновации, трансформация, управление переходами, сопротивление изменениям, «Индустрия 4.0».

Введение

Во многих публикациях показывается, какие гигантские возможности открывают новые цифровые технологии для развития экономического потенциала многих стран. Предполагается, что рождающаяся на наших глазах цифровая экосистема способна привести к столь глубокому и всестороннему преобразованию общества, что есть все основания говорить о грядущей цифровой революции.

Согласно оценке экспертов компании McKinsey, цифровизация российской экономики в 2016–2025 гг. может дать 19–34% ожидаемого прироста ВВП; объем цифровой экономики в России за это время вырастет в 3 раза [1, с. 3]. По количеству пользователей Интернета наша страна занимает первое место в Европе и шестое – в мире.

Несмотря на огромные потенциальные возможности концепции «Индустрия 4.0», как отмечают ее авторы, сегодня развертывание этой концепции в промышленности выглядит скорее как эпизодическая реализация пилотных проектов, которые больше похожи на технико-экономические обоснования. Темпы роста доли цифровой экономики в ВВП стран – лидеров по ее развитию после достижения уровня 8–10% замедлились [2, с. 34]. Мировая экономика переживает этап эволюции, на котором опробуют-

ся различные пути развития новых технологий, их возможности, способы их взаимодействия и выведения их на рынок, оцениваются потенциальные последствия этого и инструменты управления новой экосистемой.

Существует немало свидетельств того, что процесс цифровой трансформации будет длительным, нелинейным (с большими амплитудами колебаний), с высокой неопределенностью конечных результатов и чередой неизбежных кризисных ситуаций. Так всегда было в истории трансформации сложных экономических систем. Каждая новая трансформация сложных экономических систем не похожа на предыдущую: иные технологии, иное состояние общества, иные ценности и цели; каждая страна проходит свой путь.

Проблему исследования мы видим в том, что Россия должна найти подходы и инструменты цифровой трансформации национальной экономической системы, адекватные ее целям, особенностям, ресурсам, угрозам и возможностям в процессе встраивания в новую глобальную цифровую экосистему.

В мире гораздо больше неудачных, провалившихся проектов трансформации экономических систем, чем успешных. Опыт показывает, что сложность управляющей системы в начале глубоких преобразований отстает от быстро растущей (под влиянием потока новых технологий) сложности управляемой системы; управляющая система оказывается неспособной обеспечить новый баланс интересов заинтересованных сторон на основе интеграции ранее, казалось бы, несовместимых концептуальных подходов. Когда это становится очевидным, в первую очередь поддерживаются технологические, экономические и социальные инновации, позволяющие сложной экономической системе быть более гибкой и устойчивой.

В статье мы предприняли попытку показать связи между концептуальными установками, необходимыми для построения методологии управления развитием сложных экономических систем в условиях цифровой трансформации общества, и обосновать необходимость их органичного сочетания.

Теоретико-методологические подходы. Системная парадигма исследования

Системная исследовательская парадигма исходит из того, что всякое сложное явление или процесс следует рассматривать как совокупность взаимосвязанных элементов, образующих единое целое. Это целое обладает свойствами, которых нет у составляющих его частей. Изменение в одном из составляющих систему элементов влечет за собой изменения в других и в системе в целом.

Это означает, что для оценки любого управленческого решения необходимо определить все существенные взаимосвязи и установить влияние этого решения на поведение системы как единого целого, а не только рассматриваемой части. Мы выделяем элементы в системе с учетом их значимости и возможности измерить их взаимодействие. Элементы системы также рассматриваются как системы. Процесс такого расчленения заканчивается тогда, когда исследователь считает компоненты этого уровня элементарными блоками системы. Реальный объект целесообразно рассматривать как систему, если результат его поведения есть продукт взаимодействия его частей.

Исследуя сложные системы, полагает Я. Корнаи, невозможно заранее предсказать, какой из возможных научных подходов окажется наиболее эффективным. Поэтому чаще всего используется комбинация различных подходов, методы различных научных дисциплин.

В своей работе мы рассматриваем понятие «сложные экономические системы» как синоним «сложных социально-экономических систем» и «сложных социально-технических систем», не проводя между ними различий. Общим и операционно эффективным способом описания системы признается определение набора заинтересованных сторон, которым приходится взаимодействовать, чтобы система в целом выполняла заданную функцию (достигала поставленных целей). В нашем исследовании мы исходим из общности совокупности заинтересованных групп, следовательно, полагаем, что всякое системное изменение является одновременно техническим, экономическим и социальным. Попытки разграничить эти системы зависят от контекста и структур управления, а предлагаемые границы являются временными.

Мы полагаем, что для того, чтобы исследовательская модель была продуктивной, ее сложность и разнообразие должны соответствовать сложности и разнообразию механизма управления системой, который, в свою очередь, должен быть моделью самой этой системы. Основанием для такого подхода является закон необходимого разнообразия У. Эшби, который гласит: чтобы система функционировала устойчиво, количество состояний ее механизма управления должно быть больше или равно общему числу состояний в управляемой системе; чем больше разнообразие действий, доступных системе управления, тем больше разнообразие возмущений, которые она может компенсировать.

Особенности сложных экономических систем

Экономическими системами мы называем все организации и их объединения, занимающиеся производством, продажей и потреблением товаров и услуг. В процессе роста экономические системы усложняются, приобретают новые элементы, связи и свойства. Их поведение, будучи изначально целенаправленным, становится все более вероятностным, менее предсказуемым. Наиболее ярким проявлением непредсказуемости развития сложных экономических систем становятся организационные и общие экономические кризисы. Из теории систем выделяется теория сложности, которая тесно связана с управлением знанием и организационным обучением и позволяет рассчитывать индексы экономической сложности.

Предполагается, что сложные экономические системы всегда являются целенаправленными, или ценностно-ориентированными (стремятся к достижению целей, которые являются результатом согласования потребностей заинтересованных сторон), и открытыми (испытывают возмущения и неопределенности динамичной внешней среды).

Б. Артур [3] и другие выделяют несколько особенностей сложных систем:

- Дисперсное взаимодействие. Действие любого агента зависит от ожидаемых действий других агентов и от общего состояния системы.
- Управление обеспечивается механизмами конкуренции и координации.
- Междисциплинарная иерархическая организация – экономическая система имеет много уровней организации и взаимодействия. Единицы на каждом уровне организации обычно служат «строительными блоками» для построения единиц на более высоком уровне. Развивается много типов сложных взаимодействий на разных уровнях.
- Непрерывная адаптация – поведение, действия, стратегии и продукты пересматриваются по мере накопления отдельными агентами опыта, т.е. сложные экономические системы представляют собой самоорганизующиеся (обучающиеся и развивающиеся) сети взаимодействий.
- Инновационные ниши. Эти ниши связаны с новыми рынками (продуктами), новыми технологиями, новым поведением и новыми институтами. Действия по заполнению ниши в свою очередь вызывают рождение новых ниш; результат – непрерывно появляющиеся инновации.
- Неравновесная динамика (множественные равновесия). Поскольку новые ниши и новые возможности создаются постоянно, экономика функционирует без достижения устойчивого равновесия. Усовершенствования происходят регулярно, система непрерывно обновляется. На этапах рождения, роста и развития целенаправленная система ведет себя как неравновесная система, удаляющаяся от состояния устойчивого равновесия; на этапах деградации и смерти – как неравновесная система, приближающаяся к состоянию устойчивого равновесия.

Мы наблюдаем, как теоретические представления о сложных экономических системах и инструменты их реализации менялись по мере развития рынков [4, с. 32] (табл.).

Нетрудно заметить, что цифровая трансформация сложных экономических систем является тем процессом, который одновременно пронизывает все факторы и тенденции их развития, создавая возможности для сбалансированного устойчивого роста экономики. Мы вводим допущение, что для увеличения разнообразия системы управления критически важны информационно-коммуникационные технологии (ICT). Еще одно важное допущение: цифровая трансформация общества является ценностно-ориентированным процессом (как и развитие самого общества), в основании которого лежит представление об устойчивом развитии.

Устойчивое и сбалансированное развитие сложных экономических систем, роль государства

На протяжении десятилетий нарастала неудовлетворенность доминирующей моделью развития, которая приводила к концентрации экономической мощи в руках небольшого числа наиболее развитых стран (и транснациональных компаний) и углублению экономического неравенства как внутри стран, так и между странами. Одной из причин нарастания проблем была чрезмерная уверенность в возможностях свободного рынка, т.е. рыночный фундаментализм.

К началу 2000-х годов формируется концепция устойчивого развития. Развитие должно осуществляться так, чтобы удовлетворение потребностей сегодняшних поколений не ставило под угрозу удовлетворение потребностей будущих поколений и при этом обеспечивалось улучшение окружающей среды. Фундаментальная основа устойчивого развития − социальная справедливость, экономический рост поддерживается до тех пор, пока выгоды роста справедливо распределяются в обществе.

Признается, что стратегия глобального устойчивого развития должна опираться на стратегии национального устойчивого развития. Национальная стратегия усиливает уверенность

Таблица

Факторы, определяющие эволюцию теоретических представлений о сложных экономических системах	Тенденции развития теоретических представлений о сложных экономических системах и инструментов их реализации
Уровень сложности и взаимозависимости экономических систем	По мере того, как экономические системы становились все более сложными и разнообразными, увеличивается число теоретических моделей их развития, которые также становятся более сложными и разнообразными, отражая новые свойства систем; усиливается координация теоретических моделей и создаются управленческие инструменты усиления координации развития систем
Скорость изменений	Изменения ускоряются, и теоретические модели из статических превращаются в динамические. Формируются представления о гибких обучающихся системах, и разрабатываются методы управления их развитием
Степень предсказуемости изменений	Развитие экономических систем становится менее предсказуемым, появляется концепция устойчивого развития, усиливаются механизмы контроля и регулирования, внимание концентрируется на прогностических возможностях и стратегическом управлении
Влияния технологического фактора	Усиливается влияние новых технологий на экономическое развитие, в теоретических моделях технологический фактор из экзогенного переводится в эндогенный, активно создаются разнообразные инструменты и практики управления технологиями, устойчивыми технологическими переходами, с опорой на которые формируются национальные и глобальные инновационные системы
Влияния человеческого фактора	Все большее влияние на развитие экономических систем оказывает человеческий фактор, теоретические модели все более отражают потребности и интересы различных общественных групп и методы их согласования, их мотивацию и способы управления их поведением

общества в своих силах, доверие в обществе, вселяет веру в собственные человеческие и природные ресурсы, в способность людей создать новые ресурсы, новые способы их использования. Сохранение национального суверенитета над стратегическими ресурсами страны признается критически важным для устойчивого развития.

Многие российские экономисты фокусируются на системном (социально-техническом) подходе к устойчивому развитию. Л. Абалкин говорил о способности экономики к постоянному обновлению и совершенствованию, Р. Шнипер – о ее надежности и адаптивности [5, 6].

Российские исследователи из Дубны полагают, что при устойчивом развитии имеет место сохранение неубывающего темпа роста полезной мощности экономической системы в длительной перспективе (мощность потерь в системе при этом постоянно снижается). Если темпы роста полезной мощности сложной экономической системы устойчиво растут, то система движется в сторону порядка, в пределе – к всемогуществу. Если темпы роста полезной мощности (объем производства за определенное время) устойчиво убывают, то система движется в сторону хаоса, в пределе – к немощи и смерти. Полезная мощность системы зависит от рекомендуемых статистической комиссией ООН средних значений коэффициента совершенства технологий. Отсутствие механизмов реализации новых идей роста возможностей (мощности) экономики неизбежно порождает стагнацию и последующую деградацию страны [7].

Движение экономической системы можно разделить на три зоны: зона развития, или зона безопасности; зона стагнации, или переходная зона; зона деградации, или зона опасности.

Становится очевидным, что устойчивое развитие – это постоянная ценностно-ориентированная и социально ответственная трансформация внутренней и внешней сред экономической системы, позволяющая наращивать ее потенциал (ресурсы, возможности) и предупреждать кризисы, разрушающие этот потенциал. Устойчивое развитие формируется системным и сбалансированным наращиванием потенциала (мощности экономической системы) во всех его измерениях.

Признается, что критически важную роль в устойчивом развитии играют новые технологии: технологические инновации создают новые ресурсы и повышают эффективность использования существующих, разрешая противоречие, заложенное в самом понятии устойчивого развития. Именно поэтому на ускорение и стимулирование технологических преобразований

государство оказывает сильное направляющее воздействие (вопреки всем разговорам о свободном рынке). Вследствие развития технологий, отмечает Ф. Фукуяма, государство стало меньше, но сильнее. Сильнее в чем? Если кратко – в решении долгосрочных проблем.

Российская Национальная технологическая инициатива направлена на развитие стратегически значимых отраслей промышленности и формирование рынков будущего. Были названы 9 рынков будущего (AeroNet, AutoNet, MariNet, EnergyNet, NeuroNet, SafeNet, HealthNet, FoodNet, FinNet) [8].

Исследование факторов, способствующих устойчивому и сбалансированному развитию промышленных предприятий и сложных экономических систем в целом, требует уточнения понятия «сбалансированности». Как отмечает Г.Б. Клейнер, в случае с системной сбалансированностью экономики речь идет о «взаимной пропорциональности четырех системных секторов экономики: объектного или организационного, проектного, процессного и средового или инфраструктурного» [9, с. 75]. Причем объектный сектор в данном случае может включать в себя предприятия, регионы, домохозяйства и т.п., проектный – заключение договоров, выпуск новых изделий, овладение новым рынком и т.п., процессный – распространение инноваций, логистические операции и т.п., средовой – социально-экономические институты, организационную культуру, информационно-коммуникационное пространство и т.п. [9, с. 74–75].

Какое воздействие оказывает государство на рынки?

По мнению К. Поланьи, рынки во всех странах конструировались в соответствии с интересами государства. М. Портер называет государство катализатором процессов, обеспечивающих развитие. Начиная с эпохи Ренессанса считалось, что важная задача государства − создавать хорошо функционирующие рынки, обеспечивая законодательные рамки, стандарты, кредиты, физическую инфраструктуру; если необходимо, государство на время превращается в предпринимателя [10]. В периоды кардинальных технологических преобразований государство активно и целенаправленно способствовало исправлению структуры национального производства, обеспечивая совпадение частного интереса с новым вектором экономического развития страны. К. Перес показывает, в какой именно момент в больших технологических волнах происходит резкое усиление роли государства [11].

В 2013 г. в докладе ОЭСР «Возрождение активной промышленной политики: актуальные проблемы и новые тренды» внимание правительств привлекается к развитию конкретных технологий [12]. Разработанная в России «дорожная карта» TechNet имеет кросс-рыночный и межотраслевой характер, она призвана обеспечить технологическую поддержку развития рынков будущего и высокотехнологичных компаний, стимулируя создание нового поколения производств.

Цифровая трансформация с ее потенциалом оживления экономик выходит на вершину глобальной повестки дня и требует, по общему признанию, более активного участия государства. Вместе с тем исследователи отмечают, что влияние новых цифровых технологий на устойчивость развития изучено недостаточно (экологические, социальные и политические последствия).

Типы системных инноваций и способы проведения преобразований

От принятого подхода (типа инноваций, модели и инструментов преобразований) зависит отношение заинтересованных сторон к изменениям, скорость и результаты преобразований.

Выбор подхода к проведению преобразований определяется:

- уровнем сложности и управляемости экономической системы;
- ограничениями во времени;
- имеющимися ресурсами;
- разрывом между существующим и желаемым состояниями системы;
- уровнем рисков;
- культурой и стилем лидерства.

Широкое распространение получила классификация типов стратегических изменений Дж. Бэлоган и В. Хоуп-Хэйли [13] (рис. 1) в координатах скорость – глубина преобразований.

Природа перемен определяется скоростью преобразований. «Большой взрыв» требуется, когда экономическая система стоит на пороге кризиса или по каким-то причинам ей необходимо очень быстро сменить направление развития.

Диапазон перемен характеризует глубину преобразований, их кардинальность относительно существующей парадигмы управления, стратегического направления развития. Небольшие изменения проводятся в рамках текущей парадигмы, т.е. существующих в системе убеждений и предположений. Трансформация – фундаментальная смена стратегического направления, изменение парадигмы.

Типы системных инноваций. Под системными инновациями понимаются радикальные новшества в социально-технических системах, влекущие за собой изменения как компонентов,

		Диапазон перемен	
		Небольшие изменения	Трансформация
Природа перемен	Постепенные	АДАПТАЦИЯ	ЭВОЛЮЦИЯ
	«Большой взрыв»	РЕКОНСТРУКЦИЯ	РЕВОЛЮЦИЯ

Рис. 1. Типы стратегических изменений

		Технологии	
		Сохранение, закрепление существующих компетенций	Разрешение устаревших существующих компетенций
Связи с потребителями, рынками	Разрыв существующих, создание новых связей	СОЗДАНИЕ РЫНОЧНОЙ НИШИ	ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ СИСТЕМЫ
	Сохранение, закрепление существующих связей	ИНКРЕМЕНТАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ	РАДИКАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Рис. 2. Типы системных изменений

так и архитектуры системы [14]. Это могут быть новая база знаний и новые технические возможности; изменения в потребительском поведении и на рынках; изменения в инфраструктуре, в политике и культуре. Типология системных инноваций представлена на рис. 2.

В основание классификации кладутся основные драйверы технологических переходов, меняющие конфигурацию социально-технических систем: а) степень изменения связей компаний с потребителями (рынки, каналы сбыта); б) степень изменения компетенций (новые бизнес-модели, инфраструктура, культурные ценности) [14, с. 16].

Наиболее высокие риски несут кардинальные преобразования.

Риски кардинальных преобразований:

- в процессе преобразований неизбежно ослабляются связи между элементами системы, она может дезинтегрироваться и разрушиться; необходима сильная власть, способная остановить процесс дезинтеграции в тот момент, когда он перестает поддерживать реинтеграцию системы и ведет к ее разрушению;
- если возникнет кризис, то никто не знает заранее, как система будет реагировать на его развитие; характер такой реакции в любом случае будет отражать глубинные элементы культуры этой системы; происходит накопление опыта, который позволит системе сохранять эффективность;
- необходимость глубоких преобразований часто возникает из-за нарушения баланса интересов между важнейшими заинтересованными сторонами; возникают обоснованные разногласия в отношении характера, последовательности и последствий изменений в разных частях системы; действовать необходимо в интересах всех заинтересованных сторон, не боясь применять в случае необходимости силу;
- мы часто (из страха перед высокой неопределенностью) пытаемся сделать больше, чем нужно; между тем следует стремиться к минимуму преобразований – но обеспечить максимальный результат; анализ практики проведения преобразований показывает, что часто достаточно осуществить 60% задуманных преобразований, чтобы получить желаемые результаты.

В этом отношении нам представляется продуктивной теория точек воздействия или рычага Дж. Форрестера.

Точки воздействия или рычага (Leverage Points)

На важность этой проблемы обратила внимание Донелла Медоуз, опираясь на работы Дж. Форрестера [15]. В системе существуют места, вмешательство в которые с разной силой влияет на трансформацию всей системы. Точки рычага – это места в сложной системе, небольшие изменения в которых могут привести к большим изменениям во всей системе (к ее трансформации). Джей Форрестер так определил точки вмешательства в сложную систему в порядке силы их воздействия на трансформацию системы:

1. *Способность изменять парадигму системы, ее мировоззрение* (цели, структура, правила, параметры). Общая, разделяемая всеми идея, великие, необъявленные (не установленные официально) предположения (не установленные из-за ненужности установления, ибо все уже знают их) – все это составляет парадигму системы или глубокие убеждения о том, как она работает. Люди, которые сумели вмешаться в системы на уровне парадигмы, достигли самой высокой точки рычага, которая полностью трансформирует системы.

Нужно быть не привязанным к какой-либо парадигме, быть свободным на «арене парадигм», оставаться гибким; осознать, что нет парадигм «правда (истина)», что все, в том числе то, что формирует ваше собственное мировоззрение,

представляет собой чрезвычайно ограниченное понимание огромной и удивительной реальности. Если парадигма неверна, вы можете выбрать то, что поможет вам достичь своей цели.

2. *Цели системы*. Цель системы – точка рычага, превосходящая по силе воздействия способность самоорганизации системы. Какие-то элементы системы, например циклы обратной связи, имеют свои собственные цели, являющиеся точками рычага для этих элементов, но есть более крупные, менее очевидные цели с более высоким плечом – у всей системы. Цели каждого уровня уравновешиваются петлями отрицательной обратной связи более высокого уровня. На вершине системы один игрок может иметь право изменить цель всей системы.

3. *Возможность создавать, изменять и развивать структуру системы*. Это способность полностью изменить систему, создав новые структуры и поведение. В биологических системах эта сила называется эволюцией, в экономических – техническим прогрессом или социальной революцией, в самом общем виде это называется самоорганизацией. Способность к самоорганизации – самая сильная форма устойчивости системы. Система, которая способна развиваться, может выдержать практически любые внешние изменения, изменив себя.

Правила самоорганизации системы определяют, как и где система может добавлять в себя или вычитать из себя и при каких условиях. Самые сложные модели самоорганизации могут развиваться из относительно простых эволюционных алгоритмов. Самоорганизация основывается на «эволюционном сырье» – весьма изменчивом запасе информации, из которого можно выбрать возможные шаблоны и средства для экспериментов, для выбора и тестирования новых моделей. Поэтому так важны сегодня Big Data.

Здесь точка рычага очевидна: поощрять изменчивость, экспериментирование и разнообразие. Но она не популярна из-за боязни «утратить контроль». Из-за ложно понимаемой безопасности нередко уничтожается биологическое, культурное, социальное и рыночное разнообразие. Такая система обречена в долгосрочной перспективе, у нее нет будущего.

4. *Правила системы (стимулы, наказания, ограничения)*. Правила системы определяют ее сферу действия, ее границы, степени свободы. Конституции – самые сильные примеры социальных правил; физические законы являются абсолютными правилами, независимо от того, понимаем мы их или нет, любим или нет; законы, наказания, стимулы и неформальные социальные соглашения являются более слабыми правилами.

Правила – это высокие точки рычага. Власть над правилами – реальная сила. Если вы хотите понять самые глубокие сбои в системах, обратите внимание на правила и на тех, кто имеет власть над ними.

5. *Структура и скорость информационных потоков (кто имеет и не имеет доступа к информации)*. Информационные потоки способны создавать новые петли обратной связи там, где их не было. Отсутствие обратной связи является одной из наиболее распространенных причин сбоя системы. Добавление или восстановление информации может быть мощным вмешательством, обычно оно намного проще и дешевле, чем изменение физической инфраструктуры системы.

Важно, чтобы недостающая обратная связь была восстановлена в нужном месте и в неустранимой форме, обратная связь может быть принудительной. Люди склонны избегать ответственности за свои собственные решения. Вот почему так много недостающих контуров обратной связи и почему такой тип точки рычага популярен среди масс и непопулярен у властей, но эффективен.

6. *Степень усиления в петлях положительной обратной связи*. Если контур отрицательной обратной связи является самокорректирующимся, то положительный контур обратной связи является самоподкрепляющимся (самоусиливающимся). Петли положительной обратной связи являются источниками роста, взрыва, эрозии и коллапса в системах. Система с неконтролируемым положительным циклом в конечном итоге уничтожит себя. Вот почему их так мало.

Уменьшение коэффициента усиления в положительной петле – замедление роста – обычно является более мощной точкой рычага в системах, чем усиление отрицательных циклов, и поэтому гораздо предпочтительнее запустить положительный цикл.

Если система быстро усиливает положительные петли, то это в определенной ситуации может вызвать хаос. Так происходит, когда система начинает сильно меняться, намного быстрее, чем ее отрицательные петли могут реагировать на происходящее. Система доберется до точки, где один крошечный рост приведет к тому, что экономика перейдет от экспоненциального роста к колебаниям; еще один толчок вверх удвоит колебание; и еще один мельчайший дальнейший толчок погрузит систему в хаос.

Экономические системы могут перейти в хаос, если что-то в них может расти или снижаться очень быстро. Управление такими системами должно включать замедление положительных обратных связей.

7. *Сила контуров отрицательной обратной связи относительно воздействий, которые они пытаются устранить*. Отрицательные контуры обратной связи – механизм управления для сохранения важных состояний системы в безопасных пределах. Благодаря им система может самореформироваться (самокорректироваться) при разных условиях и воздействиях.

Присутствие контуров отрицательной обратной связи имеет решающее значение для долгосрочного благополучия системы. Мы совершаем большую ошибку, когда отбрасываем эти механизмы реагирования на чрезвычайные ситуации из-за того, что они не часто используются и кажутся дорогостоящими. В краткосрочной перспективе мы не видим никакого эффекта от них. В долгосрочной перспективе мы резко сужаем диапазон условий, в которых система может выжить.

«Сила» петли отрицательной обратной связи – ее способность сохранять назначенный запас близко к цели или рядом с ней – зависит от комбинации всех ее параметров и связей: точности и быстроты контроля, быстроты и мощности реакции, прямоты и размера корректирующих потоков. В некоторых случаях здесь есть точки рычага. Сила контура отрицательной обратной связи важна относительно внешнего воздействия, которое вызывает необходимость коррекции. Если воздействие усиливается, обратные связи также должны быть усилены.

8. *Продолжительность задержек в циклах обратной связи (в информации и действиях) относительно скорости изменения системы*. Задержки в обратной связи – это критические детерминанты в поведении системы, они являются причиной колебаний в ее поведении (у вас постоянно «недолет» или «перелет»). Система просто не может реагировать на краткосрочные изменения, когда она имеет долгосрочные задержки в обратной связи.

Задержки, которые слишком коротки, вызывают чрезмерную реакцию («преследуете ваш хвост»), колебания усиливаются из-за скачкообразности реакции. Задержки, которые слишком велики, вызывают затухающие, устойчивые или взрывоопасные колебания, в зависимости от своей продолжительности; в крайнем случае они вызывают хаос. Чрезмерные задержки в системе с порогом, опасной точкой, диапазоном, в котором может произойти необратимый ущерб, вызывают перерегулирование и крах.

Задержки не всегда легко меняются. Обычно проще медленно снижать скорость изменений так, чтобы неизбежные задержки в обратной связи не вызывали проблем. Но если в системе есть задержка, которую можно изменить, ее изменение может иметь большие последствия.

9. *Структура материальных запасов и потоков, размеры буферов, стабилизирующих запасов относительно потоков.* Можно стабилизировать систему, увеличивая емкость буфера. Но если буфер слишком велик, система становится негибкой, она реагирует слишком медленно. Системы стремятся создавать небольшие запасы, потому что иногда уязвимость к колебаниям или зависанию дешевле, чем постоянные затраты на запасы, а также потому, что малые и исчезающие запасы позволяют более гибко реагировать на изменение спроса.

Физическая структура (расположение, запасы и потоки) имеет решающее значение в системе, но редко является точкой рычага, потому что ее изменение крайне редко бывает быстрым или простым; точка рычага – в правильной конструкции (дизайне) физической структуры. Единственный способ исправить ошибочную систему – это построить ее заново, перестроить, реконструировать, если сможете.

10. *Константы, параметры, цифры* (например, субсидии, налоги, стандарты). Компании очень большое внимание уделяют параметрам, но среди показателей немного рычагов, т.е. параметры редко изменяют поведение системы. Если система хронически застаивается, изменения параметров редко запускают ее; если она сильно изменчива, параметры обычно не стабилизируют ее; если система уходит из-под контроля, они не тормозят ее. Существуют критические значения параметров, но они не так широко распространены, как кажется. Большинство систем разработано так, чтобы оставаться далеко от критических диапазонов параметров.

Чем выше точка рычага, тем больше система будет сопротивляться ее изменению.

В теоретических концепциях управления изменениями отчетливо выражены два подхода, развивающиеся параллельно: управление технологиями (устойчивыми технологическими переходами) и управление отношением к преобразованиям людей, их поведением.

Устойчивые технологические переходы

Устойчивое развитие системы представляет собой процесс, в котором с помощью системных инноваций осуществляются переходы от одного состояния к другому, более устойчивому, что означает переход к системе нового качества. Такие переходы называются переходами устойчивого развития или устойчивыми переходами (sustainability transitions).

Устойчивые переходы обладают рядом особых характеристик:

• затрагивают множество элементов и процессов, которые развиваются совместно (коэволюция) и нелинейно;

• осуществляются различными участниками и социальными группами, у которых есть свои собственные ресурсы, возможности, убеждения, стратегии и интересы;

• основная проблема переходов – взаимосвязь между стабильностью (существуют устойчивые траектории с зависимостью от пройденного пути) и изменениями (постоянно рождающимися инновациями, импульсами для радикальных преобразований);

• это долгосрочные процессы, которые могут длиться десятилетиями;

• высокая открытость и неопределенность будущего: невозможно предсказать, какая из многообещающих инноваций будет преобладать, существует несколько путей перехода;

• ценности, несогласие и борьба: разные субъекты и социальные группы склонны не соглашаться с наиболее желательными для системы нововведениями и путями перехода к устойчивости, потому что эти инновации могут угрожать экономическим позициям и бизнес-моделям, например, наиболее мощных отраслей;

• государственная политика должна играть центральную роль в формировании направленности переходов с помощью экологических норм, стандартов, налогов, субсидий и инновационной политики, ибо стимулы частных фирм ограничены из-за проблем со свободным райдером и дилемм призрака.

В последние два десятилетия созданы несколько теоретических подходов, описывающих характеристики устойчивых переходов и тесно связанных между собой: стратегическое управление нишами (Strategic Niche Management, SNM), многоуровневая перспектива (Multi-Level Perspective, MLP), технологическая инновационная система (Technological Innovation System Approach, TIS), управление переходами (Transition Management, TM).

Стратегическое управление нишами (SNM)

Новые технологии часто называют подающими надежды «чудовищами» или «уродцами», потому что в момент признания их изобретениями новые технологии выглядят неприглядно по сравнению с существующими: они неконкурентоспособны (сырые и неэффективные), не соответствуют идеалам, и вообще не очень понятно, как их можно использовать. Им предстоит преодолеть «долину смерти» между разработкой и выведением на рынок. Концепция стратегического управления нишами концентрируется на скорейшем внедрении новых технологий с высоким потенциалом для обеспечения устойчивого развития [16, 17].

Ключевое предположение SNM: устойчивое развитие инноваций может быть облегчено путем создания технологических ниш как защищенных пространств, которые позволяют экспериментировать с совместным развитием технологий, практиками потребителей и регулирующими структурами, делая их более совершенными. Радикальные инновации невозможно просто вытолкнуть на рынок: устойчивое развитие требует взаимосвязанных социальных, экономических и технических изменений. С помощью таких ниш фирмы и правительственные организации разрабатывают инновации, которые пока не вписываются в конкурентную среду отбора, совершенствуют их, адаптируют к запросам рынка, превращая технологическую нишу в рыночную. Поскольку рынок еще не существует, часто в этом активно участвует правительство.

Почему правительства субсидируют и развивают пока еще невыгодные инновации? Одна из причин – они ожидают, что новые разработки окажутся важными для реализации конкретных общественно значимых и коллективных целей. Из-за этих ожиданий правительства и другие заинтересованные лица участвуют в работе ниши, принимая недостатки инноваций в настоящем и вкладывая ресурсы в развитие этих «подающих надежды уродцев».

Подход SNM разработан для особого типа инноваций: 1) социально желательные инновации, нацеленные на достижение долгосрочных целей, например устойчивое развитие; 2) радикальные нововведения, которые не соответствуют существующей инфраструктуре, потребительским образцам поведения, правилам и т.п. Поэтому необходимы экспериментальные проекты в реальном мире, которые предшествуют развитию рыночных ниш.

Распространение инноваций ускоряется созданием положительных циклов обратной связи, которые увеличивают соотношение цены/производительности инноваций, согласно данным Артура [3], за счет: а) обучения использованием: чем больше технология используется, тем больше ее узнают, тем больше она улучшается; б) внешних сетевых эффектов: чем больше технология используется другими пользователями, тем больше она адаптируется под их потребности; в) экономии от масштаба, позволяющей снизить цены; г) роста осведомленности о технологии, приводящего к росту продаж; д) роста взаимосвязанности технологий: чем больше технология используется, тем больше появляется комплементарных (дополняющих) технологий.

Многоуровневая перспектива (MLP)

Здесь анализ внутренних нишевых измерений (SNM) дополняется анализом внешних по отношению к нишам процессов. Утверждается, что переходы происходят посредством процессов внутри и между тремя аналитическими уровнями (ниша/режим/ландшафт) и требуют взаимосвязанных социальных и технических изменений. Рассматриваемые уровни таковы:

1) *ниши* – защищенные пространства для выращивания радикальных инноваций, скорость изменений здесь высокая; ниши имеют решающее значение для обеспечения сдвигов в социально-техническом режиме, но они не могут сделать это самостоятельно; это микроуровень, или низший уровень;

2) *социально-технический режим* представляет собой институциональное структурирование существующих технических систем; существующий режим стремится стабилизироваться и закрепляется разными способами, ибо он отвечает за стабильность крупномасштабных систем; скорость изменений здесь – переменная величина: режим может быть относительно стабильным в течение длительного времени, пока потребности перехода не вызовут быструю реконфигурацию участников и их взаимоотношений; это мезоуровень, или средний уровень;

3) *ландшафт* – экзогенная среда за пределами влияния участников ниш и режимов, изменения в которой воздействуют на социально-технические режимы, скорость изменений здесь невысокая; это общая социальная, экономическая и политическая ситуация; это макроуровень, или верхний уровень.

Хотя каждый переход уникален, общая закономерность заключается в том, что технологические ниши накапливаются, взаимодействуют (соединяются), набирают движущую силу, и появляется доминирующая технологическая конструкция; доминирующий дизайн взаимодействует с преобладающим социально-техническим режимом, в конечном счете прорывается в него и расширяет свое влияние. Давление, вызванное развитием ландшафта, может ускорить преобразования в существующем режиме; наоборот, отсутствие такого давления может помешать переходу.

Путь и результат перехода зависят от взаимодействий и очень зависят от выравнивания между различными уровнями. Прорыв не гарантируется, и на практике существует множество возможных результатов. Переходы в сложных системах показаны на рис. 3 [18].

Позитивные культурные представления и сообщения в СМИ стимулируют интерес к новым технологиям и поддерживают их, формируя другое видение «хорошей жизни» (Уилкинсон) и создавая защищенное культурное пространство для работы над новыми технологиями (Гилс); у многих возникает ощущение включенности в процесс внедрения системных инноваций.

Технологическая инновационная система (TIS)

Технологическая инновационная система включает в себя технологии, участников и институты. Она определяется как сеть агентов, взаимодействующих в экономической/промышленной области в рамках конкретной институциональной инфраструктуры и участвующих в создании, распространении и использовании технологий. Новая технология создается в результате выполнения семи функций: 1) развитие знаний и их распространение, 2) предпринимательские эксперименты, 3) влияние на направление поиска, 4) формирование рынка, 5) легитимация, 6) мобилизация ресурсов и 7) развитие положительных внешних эффектов.

Управление переходами (TM)

Если SNM фокусируется на управлении нишей и развивает эволюционный подход, то TM предназначено для управления системой в целом, признает важность создания видения до начала экспериментов и нацелено на воздействие на социально-технический режим; этот подход основывается на представлениях о сложности систем и особенностях управления ими [19]. Анализируются четыре этапа управления переходами:

1) стратегическая деятельность на «арене перехода» – она нацелена на развитие видения и выявление потенциальных путей перехода;

2) тактические действия – разрабатываются более конкретные планы конкретных маршрутов и повестки дня, поддерживаются коалиции для этих маршрутов, предпочтительно с инвестиционными обязательствами;

3) операционная деятельность – такие мероприятия, как инновационные эксперименты, демонстрационные проекты и мероприятия по внедрению, направленные на обучение на практике;

4) рефлексивные действия – оценка проектов, мониторинг прогресса, они должны приводить к корректировке видений и формулированию передовых методов.

Недооцененные направления исследований по устойчивым переходам:

- Дестабилизация, сокращение и поэтапный отказ от господствующих технологических

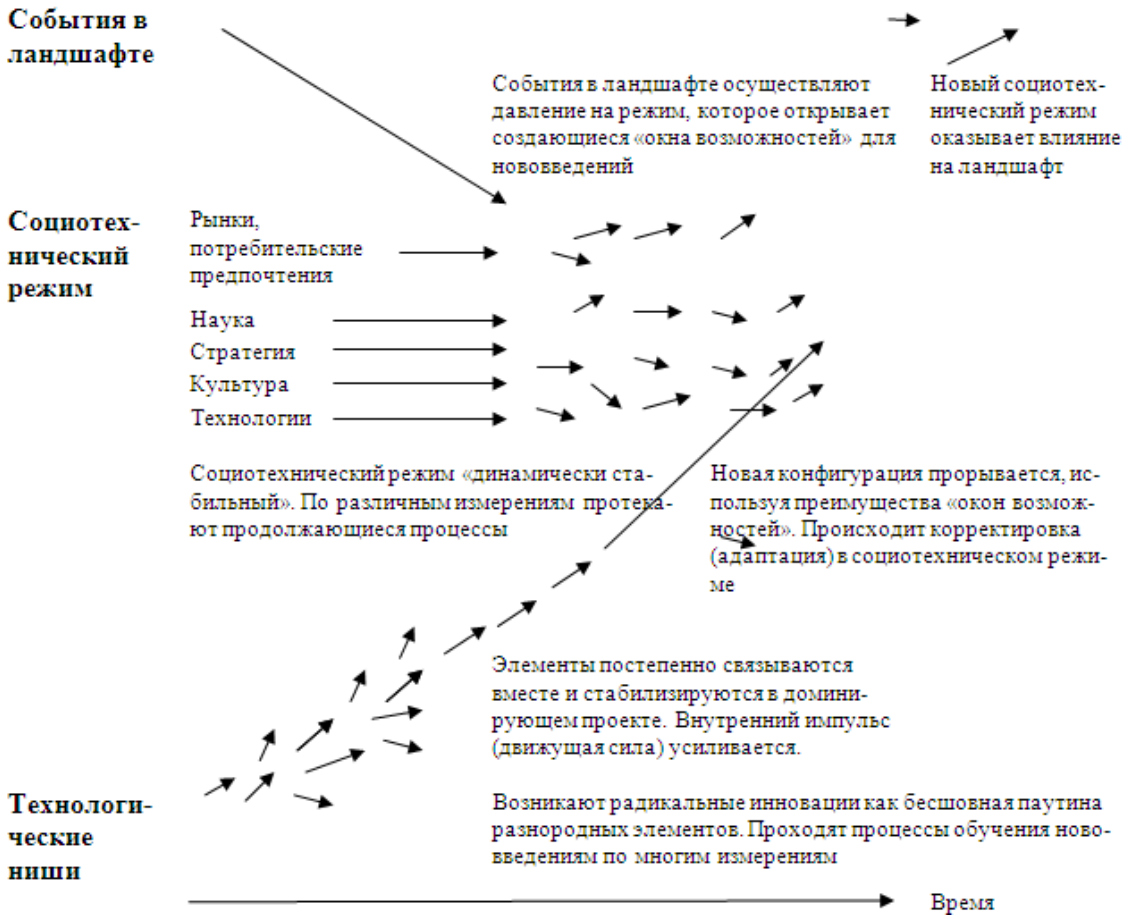

Рис. 3. Переходы в сложных социально-технических системах

систем и режимов, что создает пространство для ускоренного распространения нишевых инноваций.

- Больше внимания прорывам, переломным точкам и порогам в распространении инноваций.
- Анализ взаимодополняющего и конкурирующего взаимодействия нескольких возникающих и существующих технологий.
- Скорость переходов и способы их ускорения.
- Более общее понимание переходов как взаимодействия между несколькими системами.
- Изучение сильных сторон блокирующих переходы механизмов с целью их ослабления.

Существующие знания и навыки, их близость к конечному результату перехода являются ключевыми факторами быстрого реагирования.

Существующая техническая инфраструктура может как способствовать переходу (когда она в чем-то превосходит доминирующие технологии), так и препятствовать ему (когда ее уровень ниже уровня новых технологий). Решающую роль в развитии инфраструктуры играет государство.

Успех перехода сильно зависит от уровня концентрации принятия решений в социально-технологическом режиме [14]. Если ресурсы концентрируются у нескольких, наиболее крупных участников, это ослабляет возможности появляющихся претендентов (подавляет их деятельность), уменьшает когнитивное разнообразие в системе, отдаляет систему от желаемых конечных результатов перехода. Чрезмерная концентрация снижает устойчивость системы к внешним шокам. Что мы и наблюдаем сегодня на тех рынках цифровых технологий, где доминируют 3–4 компании-гиганты. Согласно Д. Хелбингу, разумная степень неоднородности (разнообразия) между узлами и звеньями сети (с точки зрения принципов проектирования и стратегий работы), как правило, повышает ее надежность [20].

Существующие рыночные структуры могут способствовать блокировке радикальных инноваций, которые часто терпят неудачу из-за отсутствия финансовых и организационных средств. Успешная системная инновация сопровождается корректировками в рамочных условиях (в законах, правилах, стимулах), если она способна изменить соотношение сил на рынке в свою пользу в ходе борьбы с существующей технологией (прорывная фаза ее развития).

Вообще же возможны три исхода борьбы между технологическими инновациями и существующими технологиями:

1) рост новых технологий приводит к падению существующих фирм;

2) существующие фирмы могут защищаться, скупая новые фирмы, препятствуя новым нововведениям (например, посредством стратегий ценообразования) или улучшая свои собственные технологии (последнее называют «эффектом парусного судна»), – именно поэтому многие радикальные инновации остаются небольшими, но не становятся жертвами;

3) существующие фирмы диверсифицируются и переориентируются на новую технологию.

Отзывчивость к изменениям или сопротивление изменениям зависят также от того, насколько изолированы разные части системы. Связи между частями системы можно рассматривать как механизмы передачи знаний, идей для дальнейших инноваций, рычаги влияния на долгосрочную эволюцию различных компонентов системы [21].

В последующем сторонники управления устойчивыми переходами [22] предпринимают попытки концептуально объединить подход многоуровневой перспективы с получившей широкое признание теорией больших технологических волн (технико-экономической парадигмы) К. Перес [23, 24], развивая представление о глубоких переходах. Системные инновации и переходы – сложные и долгосрочные процессы, которые могут длиться 30–50 лет, в которых выделяют 4 фазы: предварительная разработка («беременность»), взлет, прорыв и стабилизация (новые технологии стали новой нормой).

Управление отношением людей к преобразованиям

Успех или неудача системных изменений определяются тем, как реагируют на изменения люди: очень часто при проведении системных изменений приходится преодолевать либо инерцию, либо активное сопротивление, и успех не гарантирован. Скорость, с которой люди переходят от одного состояния (сопротивления) к другому (поддержка), зависит от следующих факторов:

- статуса человека;
- масштаба изменений;
- способа проведения предшествующих изменений и способа проведения новых изменений;
- количества изменений до этого;
- уровня вовлеченности в изменения;
- получаемой поддержки, обучения.

Неспособность создать *готовность к изменениям* приводит к провалу изменений. Готовность существует, когда члены организации чувствуют, что изменения необходимы, и имеют возможность проводить изменения (т.е. они осведомлены, принимают и проводят).

Результаты эмпирических исследований показывают:

- готовность к изменениям возрастает с увеличением удовлетворенности работой и уменьшением неопределенности будущего;
- работники с более высоким доверием к менеджменту, которые чувствуют уважение к себе, справедливость и компетентность в действиях менеджеров, выражают бо́льшую готовность к изменениям;
- для тех, кто более привержен организации и удовлетворен своей работой, изменения менее желательны;
- ожидание выгод от изменений увеличивает готовность к изменениям и степень участия в них.

Сопротивление изменениям – это отрицательное отношение к изменениям, проявляющееся в эмоциональном, когнитивном и поведенческих аспектах. Сопротивление может основываться на обоснованной и законной заботе об интересах больших социальных групп, которые могут много потерять; оно может указывать на упущенные или недостаточно подготовленные направления действий или быть результатом недостатка информации. Сопротивление проявляется поэтапно в отрицании: легитимности (обоснованности изменений), ответственности за решение проблемы изменений, в отказе от реализации инициативы по изменениям, в демонтаже изменений после начала их реализации. Продуктивное сопротивление способствует раскрытию новых возможностей организации при проведении изменений. Энергию сопротивления предстоит направить в нужное русло.

Если требуется время для более надежной оценки рисков, угрожающих жизненно важным частям системы, и необходимых затрат, если изменения связаны с ликвидацией гарантий от отрицательных последствий, то может быть разумно замедлить трансформацию системы.

Лидерство – способность менеджмента определять будущее экономической системы и поддерживать процесс необходимых для его достижения изменений. Черты, ценности и поведение лидеров влияют на отношение работников к изменениям и на результаты организационных преобразований.

Преобразования – это время построения критически необходимого *доверия* к лидерам и программе преобразований или время разрушения доверия. Доверие работников нарушается, когда их ожидания не совпадают с тем, как проводятся изменения и к каким результатам они

приводят. Доверие формируется на основе опыта (продолжительности работы) и создается постепенно, под влиянием поведенческой предсказуемости и взаимного понимания. Если высшему и среднему руководству работники доверяют, то более вероятно, что они поддержат изменения.

Глубинные преобразования, которые потенциально несет с собой цифровая трансформация, – это реформы, в ходе которых изменяются ценности, стремления и поведение людей при одновременном изменении процессов, методов, стратегий и систем. Глубинным переменам всегда сопутствует процесс обучения. Экономическая система не просто начинает делать что-то новое; она наращивает возможности для того, чтобы действовать по-новому, чтобы быть готовой к дальнейшим переменам.

Концепция «Индустрия 4.0»

Экосистема цифровых технологий, которая стимулирует цифровую трансформацию, включает в себя следующие ключевые технологии (рис. 4).

Термин «Индустрия 4.0» впервые появился в Германии в публикациях 2011 года и с тех пор используется для описания применения информационно-коммуникационных технологий (ICT) в промышленном производстве, т.е. цифровой трансформации. Конечная цель преобразований – превратить экономические системы в постоянно развивающиеся, гибкие, готовые к непрерывной и быстрой адаптации к меняющейся среде.

Гибкость и способность вносить изменения в реальном времени, ускорение процессов принятия решений и адаптации – ключевые стратегические характеристики успешных компаний в «Индустрии 4.0». Появляется возможность резко сократить время между возникновением событий и реализацией необходимых ответных мер. У каждой компании свой путь к «Индустрии 4.0», на котором она проходит ценностно-ориентированные уровни развития [25].

Согласно исследованиям, только для экономики Германии в ближайшие 5 лет потенциал создания ценности «Индустрии 4.0» оценивается в 100–150 млрд евро [2]. Эти показатели остаются далекой перспективой для промышленного сектора. Что, как показывают исследования, связано с непрозрачностью преимуществ (особенно для малого и среднего бизнеса), технологической и финансовой неопределенностью, длительными сроками реализации и высокими затратами, что характерно для многих новых технологических ниш. Сегодня компании решают проблемы, связанные с созданием базовых условий для «Индустрии 4.0».

Рост ICT и его потенциальные эффекты

Несмотря на продолжающееся влияние предыдущего кризиса, услуги по информационным технологиям продолжают расти и приносят положительные результаты. ICT-сектор остается ключевым драйвером инноваций, на него приходится основная доля бизнес-расходов на НИОКР и более трети использования патентов. Рост ICT-рынков вызван увеличением и подстегивается конкуренцией, инновациями и инвестициями [26].

Онлайн-платформы (по информации, товарам и услугам) растут экспоненциально. Интернет сделал значительно легче, чем когда-либо раньше, приведение в соответствие спроса и предложения в реальном времени, локально и глобально. Онлайн-платформы снижают трансакционные издержки и создают новые типы трансакций.

Рост ICT остается неравномерным между странами, фирмами и людьми (социальными группами). Меньше пользуются Интернетом пожилые и менее образованные люди, малый и средний бизнес. Пользователи озабочены более всего онлайн-безопасностью и защитой частной информации (конфиденциальностью), что является ключевыми барьерами для использования Интернета, даже для высокообразованных пользователей. Многие страны разработали национальные стратегии цифровой безопасности.

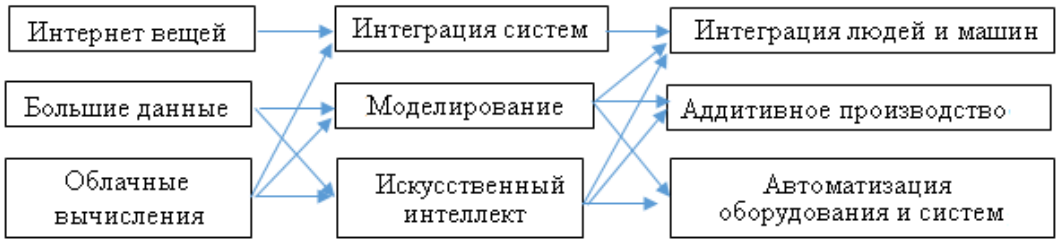

Рис. 4. Ключевые цифровые технологии

Быстро растет использование «облаков» и больших данных (от низкой базы). Роботы все больше используются в производстве, но в немногих странах (более 2/3 промышленных роботов используются в 4 странах ОЭСР).

В 2015 г. инвестиции в ICT в ОЭСР составили 11% общих фиксированных инвестиций, или 2.3% ВВП (по странам – от 1.5% до 3.8%). Почти 60% инвестиций в ICT были направлены в программное обеспечение и базы данных. Различия в уровне инвестиций между странами объяснялись различиями в специализации страны и ее позиции в бизнес-цикле [14].

Поддержка государством ICT-сектора осуществляется с помощью целого набора инструментов: налоговых, кредитных, субсидий НИОКР и экспорта, грантов и обучения. По данным опроса экспертов 35 стран в 2016 г., целевая аудитория государственной поддержки такова: 35% направлены на МСП и стартапы, 22% – на компании ICT-сектора, 17% – на все крупные компании, 26% – другим фирмам. По видам поддержки усилия ранжируются в следующем порядке: 1) поддержка цифровых инноваций, 2) поддержка экспорта, 3) поддержка инвестиций, 4) другие виды поддержки.

Добавленная стоимость в секторе ICT уменьшается, как и общая добавленная стоимость в экономике. Добавленная стоимость снижается в телекоммуникационном обслуживании, производстве компьютеров и электроники, но растет в информационных технологиях и остается постоянной в создании компьютерных программ. Это отражается на занятости и доле венчурных инвестиций – индикаторе ожиданий бизнеса [14].

Динамика бизнеса. Цифровые технологии создают новые возможности для усиления динамики бизнеса (появления новых и роста существующих фирм). Более низкие интернет-барьеры для предпринимательства делают легче старт, рост и управление бизнесом. Цифровые технологии поддерживают бережливые стартапы, создают рычаг для более низких постоянных издержек и аутсорсинга многих аспектов бизнеса, чтобы оставаться гибкими и отзывчивыми к рынку. Интернет в дальнейшем влияет на более широкую деловую среду путем снижения трансакционных издержек, увеличения ценовой прозрачности и улучшения конкуренции. Он облегчает бизнес-коммуникации с поставщиками, потребителями и работниками. Улучшенные коммуникации приводят к появлению новых и трансформации существующих бизнес-моделей.

Вместе с тем мы наблюдаем снижение динамики бизнеса в мире, что обусловлено более всего предшествующим экономическим кризисом 2008 г. Снижение динамики бизнеса ускоряется во время кризиса, а в последующие несколько лет рост восстанавливается лишь частично, не полностью. Уровень вхождения на рынок (отношение числа вступающих к числу существующих фирм) постоянно уменьшается.

Новые цифровые технологии благоприятствуют большим фирмам в усилении их динамизма (за счет координации и усиления прибыльности сложных и фрагментированных производственных сетей), уменьшая потенциал входа и роста небольших фирм. Ускоряется развитие небольшого числа лидирующих передовых фирм.

Маленькие стартапы лучше приспособлены к использованию новых возможностей, предлагаемых цифровыми технологиями. Однако сегодняшняя комбинация рыночных и регулирующих факторов действует как препятствие к созданию новых маленьких фирм. Первое препятствие – финансирование. Финансовые долги болезненнее для самых новых, маленьких и инновационных компаний, у которых выше риски по отдаче на инвестиции, которые основываются на специфических для фирм нематериальных активах, не всегда подходящих для обеспечения займов.

Венчурный капитал и инвестиции ангелов создают новые финансовые возможности для стартапов преимущественно в высокотехнологичных сферах. В 2016 г. в США свыше 70% венчурных вложений пошли в ICT-сектор. Во многих странах венчурный капитал невелик – часто меньше 0.05% ВВП. Исключение – Израиль (0.38%) и США (0.33%). Однако венчурные инвестиции резко упали в размерах почти во всех странах ОЭСР во время кризиса и остаются ниже докризисных уровней в большинстве стран [14].

Несмотря на их потенциал, доля маленьких фирм, финансируемых на рынке капитала, остается низкой. Высокие издержки мониторинга, низкая ликвидность, волокита и требования к отчетности, как и культурные факторы и практики менеджмента – препятствия для их развития. ICT сами по себе создают новые инструменты для преодоления этих препятствий. Платформы краудфандинга могут обеспечить новые источники финансирования маленьких стартапов. Peer-to-peer-кредитование может быть привлекательным для малого бизнеса, которому недостает обеспечения и кредитной истории для получения традиционного банковского кредита.

Использование больших данных становится ключевым драйвером цифровых инноваций. В промышленном производстве необходимую

информацию получают с помощью датчиков и используют для мониторинга и анализа эффективности работы оборудования с целью оптимизации операций и обеспечения послепродажного обслуживания, включая превентивное поддержание.

Вот некоторые эмпирические данные из материалов конференций на эту тему. Зарубежные исследования оценивают, что в США выпуск и продуктивность в фирмах, которые используют data-driven-решения, на 5–6% выше, чем от других инвестиций в использование ICT. Такие фирмы также работают лучше в терминах использования активов, рентабельности собственного капитала и рыночной ценности.

Поскольку товары становятся все менее маржинальными по прибыли, многие производственные фирмы развивают новые дополняющие услуги. Цифровизация – ключевой фактор, создающий возможности для трансформации в направлении дополняющих услуг с более высокой добавленной стоимостью.

Наблюдаются два основных трансформационных тренда в развитии цифровых технологий для производства:

– уменьшение стоимости цифровых технологий, что создает возможность более широкого их распространения, в т.ч. в малом и среднем бизнесе;

– и что более важно – это комбинирование цифровых технологий, что создает новые типы их использования; в сочетании эти технологии когда-нибудь приведут к полной автоматизации производства по всей цепочке от разработки до поставки.

Риски цифровой безопасности вызываются сочетанием внешних угроз и внутренних уязвимостей деятельности компании в цифровой среде. Меры по обеспечению цифровой безопасности направлены на снижение рисков до приемлемого уровня, они должны соответствовать и быть соизмеримыми с возникающими рисками. Риски связаны с цифровой неопределенностью, но по своим последствиям являются экономическими и социальными [27]. Управление рисками цифровой безопасности включается в общую систему управления рисками и контролируется топменеджментом. Необходимость конфиденциальности и нейтрализации рисков цифровой безопасности рассматривается как барьер к внедрению цифровых технологий. Внимание чаще всего сосредоточивается на трех аспектах: 1) цифровая безопасность, 2) конфиденциальность данных и 3) защита потребителей.

Создание хорошей информированности о цифровой безопасности и конфиденциальности – базовое условие для построения доверия к цифровой экономике. Опрос «Евробарометра» [28], проведенный в 2015 г., показал, что те, кто чувствуют себя хорошо информированными о рисках киберпреступлений, с большей вероятностью пользуются Интернетом по сравнению с менее осведомленными. И они вдвое более активны в использовании средств защиты данных. Эти результаты позволяют предположить, что существует отрицательная корреляция между уровнем информированности о рисках цифровизации и вероятностью стать жертвой киберпреступлений. Подчеркивается важность осведомленности, квалификации (умений) и расширения возможностей пользователей цифровых технологий.

Заключение

Концепция цифровой трансформации промышленного производства («Индустрия 4.0») – наиболее перспективная, на наш взгляд, попытка органично соединить различные концептуальные подходы к управлению развитием сложных экономических систем. Эта концепция уходит от технологического детерминизма и связанной с ним недооценки социальных, экономических и культурных проблем. В ней возникающие в процессе преобразований проблемы объективно оцениваются как системные и отрабатывается набор инструментов для их решения на уровне компаний, отраслей и государства.

Цифровые технологии одновременно и вызывают новые проблемы, и содержат в себе средства для их решения. Именно они, как никакие другие технологии, помогают повысить сложность и разнообразие управляющей системы до уровня сложности и разнообразия объекта управления, снимая в той или иной степени ограничения человеческого организма.

Технологии – это лишь часть решения проблемы перехода к устойчивому и сбалансированному развитию сложных экономических систем; только технологии недостаточны, сами по себе они редко являются драйвером общесистемных изменений. Реализация всего потенциала новых технологий зависит от организационных, экономических и социальных изменений (в ценностях и поведении людей), поэтому мы говорим об их коэволюции.

Необходимы новые подходы и инструменты (финансовые, управленческие, инфраструктурные, законодательные) для решения возникающих в процессе цифровой трансформации взаимосвязанных экономических, социальных, политических и культурных проблем, последствия которых могут быть для нас неожиданными и разрушительными. Форсайт и разработка «до-

рожных карт» особенно важны для выявления критических точек перехода.

Кардинально меняется роль национальных правительств, которые из координаторов и посредников превращаются в активную направляющую силу, обеспечивая устойчивые технологические переходы, соответствующие социальным потребностям общества. Правительства призваны подавлять политические конфликты и ограничивать борьбу за влияние заинтересованных сторон.

Сегодня большинство инновационных стратегий приводят к постепенным изменениям, качественно более сложная задача – стимулирование более широких изменений в социально-экономических системах – может быть решена с учетом наличия в системах точек, воздействие на которые в разной степени влияет на глубину их трансформации. При этом любое преобразование является ценностно-ориентированным.

Критические моменты в проведении цифровой трансформации неизбежны. Они могут быть связаны с технологическими разрывами, сбоями на рынке и отсутствием спроса, нарушениями в координации действий участников, скрытыми издержками программ перехода, сопротивлением изменениям. Одни компании могут блокировать переходы, другие – облегчать их; крупный бизнес, который защищен своим масштабом и зависит от максимизации прибыли, может не решиться инвестировать в инновации; существует риск государственного сбоя.

Следует избегать чрезмерной сосредоточенности на технологических и экономических показателях и в значительно большей степени учитывать другие измерения устойчивых переходов, в первую очередь – качество жизни населения. В дальнейших исследованиях целесообразно провести более глубокий количественный анализ взаимосвязей между технологическими, экономическими, социальными, политическими и культурными измерениями цифровой трансформации сложных экономических систем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00781.

Список литературы

1. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В. и др. Цифровая Россия: новая реальность. Исследование компании «МакКинзи», 2017. 133 с. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx

2. Шу Г., Андерл Р., Гауземайер Ю. и др. Индекс зрелости Индустрии 4.0 – Управление цифровым преобразованием компаний (acatech исследование). Munich: Herbert Utz Verlag, 2017. 68 с.

3. Артур У.Б. Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления // Terra Economicus. 2015. Т. 13. № 2. С. 15–37.

4. Захаров В.Я., Захаров И.В. Управление отраслевыми рынками // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 12. С. 31–37.

5. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12.

6. Шнипер Р.И. Регион. Диагностика и прогнозирование. Новосибирск, 1996.

7. Большаков Б.Е., Сальников В.Г. Проблема соизмерения безопасности и устойчивого развития на основе общих законов природы: идолы и идеалы // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2012. Т. 8. № 1(14). С. 20–66.

8. Национальная технологическая инициатива: цели, основные принципы и достигнутые результаты. Агентство стратегических инициатив, 2015. URL: http://static.government.ru/media/files/T9Crayp8PsBQU6hdVAl0SsDlu2XvCvYG.pdf.

9. Клейнер Г.Б. Системная сбалансированность экономики: методы анализа и измерения // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 1: Материалы Шестнадцатого Всероссийского симпозиума. Москва, 14–15 апреля 2015 г. / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 74–78.

10. Современный менеджмент / Под ред. М.М. Максимцова и В.Я. Горфинкеля. М.: Вузовский учебник, 2012. 299 с.

11. Перес К. Технологические революции и роль государства в наступлении «золотого века» // Кондратьевские волны: палитра взглядов. Волгоград: Учитель, 2013. С. 141–148.

12. Warwick K. Beyond industrial policy: Emerging issues and new trends: OECD. Science, Technology and Industry Policy Papers // OECD Lilibrary: website. 2013. № 2. 57 p. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/5k4869clw0xp.pdf?expires=1436183381&id=id&accname=guest&checksum=F825125BF8D63C1BA23C717D3F1BC7DA (дата обращения: 02.06.2018).

13. Balogun J., Hope Hailey V. Exploring strategic change. Prentice Hall, 1999.

14. System innovation: Synthesis report 2015. OECD Publishing, Paris. 102 p.

15. Meadows D. Leverage points: Places to intervene in a system // Solutions. 2010. Vol. 1. Is. 1. P. 41–49.

16. Geels F.W. Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: A multi-level perspective and a case-study // Research Policy. 2002. **31(8-9).** P. 1257–1274.

17. Schot J. and Geels F.W. Strategic niche management and sustainable innovation journeys: theory, findings, research agenda, and policy // Technology Analysis & Strategic Management. 2008. Vol. 20. № 5. P. 537–554.

18. Geels F.W. The multi-level perspective on sustainability transitions: Responses to seven criticisms // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2011. № 1. P. 24–40.

19. Loorbach D. and Raak R. Strategic niche management and transition management: different but complementary approaches. DRIFT, Erasmus University Rotterdam, 2006. 20 p. URL: http://hdl.handle.net/1765/37247.

20. Helbing D. Systemic risks in society and economics, International Risk Governance Council. 2010. 25 p. URL: https://www.irgc.org/IMG/pdf/Systemic_Risks_ Helbing2.pdf

21. Блинов А.О., Захаров В.Я., Захаров И.В. Модернизация экономики: влияние коммуникаций на качество человеческого капитала // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 4. С. 31–36.

22. Schot J., Kanger L. Emergence, acceleration, stabilization and directionality // Research Policy. 2018. Vol. 47. Is. 6. P. 1045–1059.

23. Perez C. Technological revolutions and techno-economic paradigms // Cambridge Journal of Economics. 2010. **34(1)**. P. 185–202 (Downloadable as Working paper TOC/TUT WP No. 20, WPs in Technology Governance and Economic Dynamics The Other Canon Foundation, Norway and Tallinn University of Technology, Estonia).

24. Перес К. Технологические революции и финансовой капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 231 с.

25. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г., Павлова А.А. Основные экономические факторы развития автомобильного производства России в рамках концепции Индустрия 4.0 // В кн.: Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / Под ред. А.В. Бабкина. СПб., 2017. С. 296–317.

26. OECD Digital Economy Outlook 2017. OECD Publishing, Paris. 325 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en

27. Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity: OECD Recommendation and Companion Document, OECD Publishing, Paris. 2015. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/97892642 4547-en.

28. Eurobarometer Standard.83. Spring. 2015 [Online]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb83/eb83_first_en.pdf.

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR ESTIMATING FACTORS AND SYSTEM EFFECTS OF BALANCED DEVELOPMENT OF COMPLEX ECONOMIC SYSTEMS IN ACCORDANCE WITH THE CONCEPT INDUSTRY 4.0

V.Ya. Zakharov, O.V. Trofimov, V.G. Frolov, D.I. Kaminchenko, A.A. Pavlova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the conceptual approaches to the digital transformation of complex economic systems. In recent years, many works have appeared covering the factors and problems of the development of complex economic systems as Industry 4.0 is being deployed. By clarifying the links between contradictory new results, comparing them with the results of previous work, and comparing the estimates obtained with real-life practices, the productivity of the expanding flow of research can be enhanced. The system research paradigm and its key concepts are analyzed: sustainable and balanced development of complex economic systems, system innovations, management of sustainable transitions, digital transformation.

Keywords: complex economic systems, factors and systemic effects, sustainable development, balanced development, system innovations, transformation, transition management, resistance to change, Industry 4.0.

УДК 330.46

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ

© 2018 г.

А.А. Краснов

Краснов Александр Артемьевич, к.ф.-м.н., доц.; доцент кафедры общей физики и теоретической механики Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета
krasnov1958@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.04.2018
Статья принята к публикации 18.07.2018

Представлены исследования влияния «человеческого фактора» на процесс формирования информации в обеспечение управления экономической системой. В рамках представленных исследований человек рассматривается как разумный, но не обязательно рациональный элемент экономической системы, имеющий свои интересы и динамичный при достижении своих целей. Отмечается субъективизм в сборе и обработке исходной информации при формировании управленческих решений. Исходя из этого, акцентируется внимание на интеллектуально-когнитивных способностях субъектов управления при формировании управленческих решений. Показано, что эффективность управления экономической системой определяется количеством семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении, позволяющей оптимизировать производство конечной продукции. Для оценки управленческой эффективности предлагается методика обработки исходных данных бухгалтерского учета, позволяющих: 1) определять оптимальный объем семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении, обеспечивающей максимальную управленческую эффективность; 2) определять действительный объем семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении, характеризующей реальную управленческую эффективность.

Ключевые слова: экономическая система, управленческое решение, информация, рентабельность.

Введение

Управление экономической системой направлено на организацию целенаправленной деятельности людей, реализующих базовые виды экономических процессов в обеспечение получения запланированных экономических выгод с использованием имеющихся материальных и нематериальных активов. Современный этап экономических исследований характеризуется особым вниманием к научному обоснованию и совершенствованию принципов и методологий управления экономическими системами, адекватных существующей экономической реальности. При этом существенное внимание уделяется роли «человеческого фактора» в процессе управления. «Человеческий фактор» наиболее ярко проявляется при взаимодействии людей как субъектов управления в процессе формирования управленческих решений и как объектов управления при исполнении управленческих решений [1–4]. В связи с этим в теоретических и практических приложениях обосновывается актуальность исследований по следующим вопросам:

– интеллектуально-когнитивные аспекты восприятия экономической действительности субъектами управления при осуществлении экономической деятельности [1];

– вопросы изучения соответствия индивидов при их взаимодействии как друг с другом, так и с производственными ресурсами на уровне рабочих мест в процессе осуществления экономической деятельности [2];

– проявление «риска безответственности» вследствие наличия асимметричности информации при взаимодействии субъектов в процессе информационных обменов при формировании управленческих решений [3, 4];

– разработка методов выявления в исходных данных новой информации (знаний), ранее неизвестной и практически полезной для принятия управленческих решений.

Человек в методологии системного подхода к управлению экономическими системами

В общем случае экономическую систему мы должны рассматривать как социотехническую, представляющую собой совокупность структурированных определенным образом элементов (индивидов, материальных ресурсов), отношения (взаимодействие) которых в процессе осуществления экономической деятельности определяют конечный результат. Сущность любой социотехнической системы определяется через ее развитие, которое представляет собой движение из одного качественного состояния в другое. Процесс движения экономической системы осуществляется на основе управленческих

решений посредством воздействия принимающих решения на тех, кто их реализует. То есть управление экономической системой подразумевает управление людьми путем координации их деятельности и представления информации по алгоритму конкретных взаимодействий между индивидами и материальными производственными ресурсами в обеспечение движения экономической системы к поставленным целям. Исходя из этого, управленческое решение можно рассматривать как информационное обеспечение реализации производственно-технологического процесса выпуска конкретной продукции.

Системный подход в настоящее время является одной из доминирующих методологий в исследованиях проблем управления экономическими системами. Объектом исследований в рамках данной методологии выступают процессы управления целостными экономическими системами с учетом возникающих при взаимодействии элементов системы новых качеств или свойств, отсутствующих до объединения этих элементов в систему. Системный подход подразумевает управление экономической системой в целом, а системная цель управления направлена на совершенствование функционирования экономической системы в обеспечении достижения запланированных результатов [5]. *С позиции традиционного системного подхода основной принцип управления экономической системой заключается в поиске наиболее рационального расположения элементов, образующих эту систему, и связей между ними, обеспечивающих максимальную эффективность деятельности.*

В настоящее время в теории управления широко позиционируется подход, в котором экономическую систему предлагается рассмотреть как кибернетическую, осуществляющую преобразование информации [6–8]. На современном этапе разработаны кибернетические модели, позволяющие определить основные информационные потоки управления экономической системой, а также предельные размеры информационных потоков, при которых экономическая система становится неуправляемой [8]. С позиции кибернетики одним из базовых принципов управления экономической системой является управление информацией. Поэтому в рамках кибернетического подхода существенное внимание уделяется процессам структурирования и формирования иерархий управления с целью оптимизации информационных процессов. То есть, с позиции кибернетического подхода, в обеспечении адекватного управления необходимо топологически правильно определить внутреннюю организацию информационных обменов. *С позиции как традиционного системного подхода к управлению экономическими системами, так и кибернетического* индивиды рассматриваются как статическая данность в структуре экономической системы, поведение и интересы которых зависят от характеристик институтов, определяющих их взаимодействие (институты первичны, индивиды вторичны). Поведение человека в экономической системе с представленных выше позиций можно описать на основе модели «институционального человека» [9, 10]. Данная модель основывается на принципах ограниченной рациональности. При этом побудительными мотивами действий людей являются не столько попытки получения максимальных выгод, сколько стремление к соответствию институциональным нормам и правилам. Исходя из этого, объектом исследований становится не человек, а институты, определяющие структуру и процедуры производственного взаимодействия при осуществлении экономической деятельности [9, 10]. Таким образом, в рамках представленных выше методологий, определяющими в достижении целей экономической системой являются ее производственная и информационная структуры. При этом не учитывается влияние индивидуальных способностей индивидов, как элементов экономической системы, на результаты деятельности этой системы. Необходимость пересмотра данных позиций при разработке теории управления экономических систем отражена в работах ряда ученых-экономистов [11, 12]. Так, по мнению В.Л. Тамбовцева [11], «необходимо изучить и теоретически, и практически важный вопрос, не имеющий пока надежного ответа: в какой мере структура и процедуры взаимозаменяемы с индивидуальными способностями работников?». Другими словами, можно ли из «плохих» элементов собрать (организовать) «хорошую» систему? Обратное, безусловно, верно: из «хороших» элементов легко собрать «плохую» систему». Согласно системно-интеграционной концепции предприятия (экономической системы) Г.Б. Клейнера [12], экономическая система выступает как системный интегратор производственных ресурсов, намерений, ожиданий и интересов внутренних и внешних участников деятельности. С позиции этой концепции, индивиды, как элементы экономической системы, имеют свои интересы, которые будут оказывать существенное влияние на их деятельность. Поэтому отдельный индивид в структуре экономической системы не должен рассматриваться как статическая данность, он обладает интеллектом и динамичен при достижении своих целей. Следует отметить,

что реакция людей (объектов управления) на управленческое воздействие является эмоционально-осмысленной, а не механической, поскольку люди наделены интеллектом и имеют свои интересы. При этом не всегда интересы отдельных индивидов (объектов управления) совпадают с интересами индивидов, являющихся субъектами управления. В связи с вышеизложенным в работе [13] предлагается дальнейшее развитие системного подхода для анализа ведения хозяйственной деятельности экономических систем осуществлять на основе привлечения реляционной парадигмы, требующей учета субстанциональных свойств элементов системы, обеспечивающих тот или иной результат при их взаимодействии в рамках конкретной структуры. В рамках реляционной парадигмы объект исследований динамичен и находится в постоянном изменении. Определяющей в реляционной парадигме является совокупность взаимодействий между элементами и событиями.

Субъективизм в процессе принятия управленческих решений

Управление экономической системой основывается на исходной информации о материально-технологических ресурсах, используемых при производстве продукции, а также на сведениях о процессах распределения и обмена, как внутри экономической системы, так и во внешней среде. В работе [1] Г.Б. Клейнер отмечал, что определяющими процессами, влияющими на функционирование экономической системы, являются процессы восприятия, интерпретации и осмысления системой информации о рыночной среде. Восприятие исходной информации субъектом управления происходит на основе сбора исходных данных и их структуризации. Принцип системности в процессе выполнения этих операций реализуется путем анализа исходных данных с различных позиций, учитывающих все аспекты деятельности экономической системы. Субстанциональные свойства субъектов управления проявляются уже на стадии сбора исходных данных, поскольку субъект управления выделяет только те данные об объекте управления, которые необходимы, по его мнению, для осознанного принятия управленческого решения. Исходя из этого, возникает вопрос о достаточности (полноте) исходной информации для принятия правильного управленческого решения. Здесь достаточность информации определяется ее смысловым содержанием (семантикой). Некорректные исходные данные обусловливают ошибки при формировании управленческих решений. С позиции кибернетического подхода (теории информации) достоверность информации может быть повышена, а неопределенность понижена путем накопления избыточных данных [14]. Однако использование избыточной информации может приводить к значительному превышению обрабатываемой общей информации над семантически и прагматически значимой информацией, необходимой для формирования управленческого решения. В работе [15] Аккофф отмечал: «В фирмах, имеющих действующие информационные системы, большинство менеджеров страдают от избытка неадекватной информации, а вовсе не от нехватки нужной». Таким образом, объемы исходной информации должны быть соизмеримы с возможностями ее обработки. В противном случае это может привести к потере управляемости экономической системы [8]. Из логики представленных выше рассуждений следует, что как неполная, так и избыточная исходная информация могут отрицательно сказываться на формировании управленческого решения. В связи с этим возникает проблема определения оптимального объема информации, доступного для восприятия и переработки в процессе формирования адекватного управленческого решения.

Результатом обработки исходной информации является новая информация, которая выступает как часть знаний, используемых в процессе управления экономической системой. Под знанием следует понимать концентрированную апробированную информацию, позволяющую решать конкретные практические задачи. Согласно И. Нонаке, знание можно трактовать как субъективированную информацию, неотделимую от убеждений индивида и целенаправленного действия [16]. Как подчеркивает Г.Б. Клейнер, «знание – это орудие и средство управления» [17]. Э. Тоффлер в работе [18] отмечал, что «все экономические системы зиждутся на основе знаний, все коммерческие предприятия зависят от этого производственного ресурса… При анализе хозяйственных факторов экономисты и менеджеры обычно делают упор на капитал, рабочую силу и землю, игнорируя знания, хотя этот ресурс, частично оплаченный, а частично используемый бесплатно, является в настоящее время важнейшим из всех». В процессе управления экономической системой обрабатывает исходную информацию и создает новые знания человек посредством своей интеллектуальной деятельности. При этом человек выступает как разумный, но не обязательно рациональный элемент экономической системы. Структуризация исходных данных позволяет выявить возможные функциональные зависимости и при-

чинно-следственные связи между ними. На основе этого можно создать информационную модель экономической системы. Информационная модель должна адекватно отражать управляемый объект и обеспечивать *оптимальный объем информации*, позволяющий проанализировать реакцию экономической системы на то или иное управляющее воздействие.

Следует отметить, что одни и те же данные и выявленные функциональные связи между ними могут являться источником разной информации (знаний) и, соответственно, разных информационных моделей экономических систем. Различие информации на основе одних и тех же данных будет определяться различием методов, используемых для ее извлечения, и интеллектуально-когнитивными способностями индивидов, формирующих информацию. То есть формирование информации и информационных моделей в обеспечении управленческих решений происходит посредством применения субъективных методов обработки объективных исходных данных, а релевантность этой информации и моделей существенным образом будет зависеть от субстанциональных, интеллектуальных свойств индивидов и информационных технологий, используемых в сборе и обработке исходных данных. Исходя из этого, альтернативы управленческих решений будут определяться внутренними технологическими ограничениями, обусловленными используемым в производстве оборудованием, информационными технологиями, интеллектуально-когнитивными качествами и интересами субъектов управления.

Информационные обмены при формировании управленческого решения

В процессе исследований и детализации информационных процессов часто оперируют понятием «информационное пространство». «Информационное пространство» формируется человеком и не может существовать без деятельности человека. Информацию, используемую для формирования управленческого решения, можно рассматривать как продукт взаимодействия субъектов управления с информационным пространством экономической системы. На современном этапе подход к категории «информационное пространство» осуществляется с различных позиций [19]. С одной стороны, информационное пространство представляют как систему, осуществляющую передачу, обработку и хранение информации с использованием технических средств и других ресурсов. В этом случае объектами информационного пространства являются информационные ресурсы, средства информационного взаимодействия и информационная инфраструктура [20]. С другой стороны, информационное пространство выступает как совокупность знаний и информации, формирующейся и постоянно изменяющейся в процессе эволюции общества. В этом случае объекты информационного пространства имеют «человеческую природу — люди и их сообщества» [21]. То есть с позиции этого подхода субъектами и объектами информационного пространства являются люди, производящие и потребляющие информацию [21]. По нашему мнению, составными элементами информационного пространства экономической системы являются как технические средства, используемые для передачи, обработки и хранения информации, так и люди, являющиеся носителями знаний и формирующие семантически значимую информацию. При этом информационное пространство образуется в процессе взаимодействия его элементов и является результатом этого взаимодействия. В рамках данного подхода информационное пространство должно отражать результаты семантической деятельности индивидов и опосредованно их интересы при ведении хозяйственной деятельности экономической системой в условиях существующей внешней среды. Структура и размеры информационного пространства конкретной экономической системы определяются ограничениями на применяемую технологию в производстве конечной продукции, техническими средствами, используемыми для передачи, обработки и хранения информации, и людьми, являющимися носителями знаний и формирующими семантически значимую информацию.

Следует отметить, что совокупная семантическая информация, как продукт взаимодействия индивидов с информационным пространством, является величиной не аддитивной и носит субъективный характер, поскольку формируется в процессе интеллектуальной деятельности людей. Согласно Дж. Стиглицу, субъективная информация не может быть совершенной, так как зависит от сознательных действий индивидов, их интересов и когнитивных качеств [22]. Формирование информации в обеспечение управленческого решения происходит путем информационных обменов между субъектами информационного пространства с использованием имеющихся средств коммуникации. Каждый этап информационных обменов направлен прежде всего на понижение избыточной ненужной информации и увеличение семантически значимой, актуальной информации для формирования управленческого решения.

Поведение людей в условиях взаимодействия может быть описано на основе теории игр [23]. Дж. Нейман и О. Моргенштерн применили теорию игр к изучению поведения людей в условиях взаимодействия друг с другом по типу игры, в которой результат зависит от решения и поведения нескольких человек. При этом каждый участник игры придерживается своей стратегии и принимает решения с учетом своих интересов на основе прогнозов поведения остальных участников. Выработка стратегии участником игры во многом будет определяться его интеллектуально-когнитивными качествами и информацией (знаниями) о стратегиях других участников. При реализации взаимодействий по типу игры возможно как возникновение антагонизмов между участниками, так и создание коалиций участников. Джон Нэш показал, что если за основу при рассмотрении взаимодействия людей использовать модель «экономического человека» Адама Смита [24], в которой каждый человек основывает своё поведение на личных и корыстных интересах, то это никогда не приведет к оптимальному групповому результату. Поскольку рациональное мышление присуще каждому участнику, наиболее вероятен выбор, который предлагает стратегия равновесия Нэша, подразумевающая некий баланс интересов участников взаимодействия. При этом в общем случае нэш-равновесие не является наиболее оптимальным для участников взаимодействия.

Рассмотрим взаимодействие индивидов посредством информационных обменов при формировании управленческих решений. Каждый индивид – участник взаимодействия с другими индивидами контролирует свой сегмент информационного пространства и, соответственно, поток ресурсов, находящихся в его компетенции. Субъект информационного пространства может оказывать существенное влияние на других субъектов, участвующих во взаимодействии через средства коммуникации в информационном пространстве. Рассмотрим ситуацию, когда воздействие субъекта на других участников информационных обменов обусловлено стремлением этого субъекта извлечь дополнительные выгоды. Данную ситуацию можно рассматривать как оппортунистическое поведение этого субъекта, обусловливающее возникновение антагонизмов между ним и другими участниками информационных обменов. Для достижения своих целей индивид может в своих интересах осуществлять соответствующее информационное наполнение контролируемого сегмента информационного пространства путем добавления искаженной информации (дезинформации). В этом случае информация, формируемая субъектом информационного пространства с учетом своих интересов и принятая другими, будет направлять их деятельность в интересах этого субъекта. Максимально это реализуется в случае, когда информация субъекта информационного пространства конструируется таким образом, чтобы обеспечить его интересы и быть привлекательной для других субъектов. Это можно рассматривать как проявление «риска безответственности» вследствие наличия асимметричности информации в процессе взаимодействия субъектов информационного пространства [3, 4].

Рассмотрим другую ситуацию, когда интересы всех участников информационных обменов совпадают с интересами субъекта управления и направлены на получение максимального конечного результата. Данную ситуацию мы можем рассматривать как коалицию участников информационных обменов в обеспечении максимального кооперативного результата деятельности в рамках экономической системы. Следуя П.К. Анохину [25], в этом случае «взаимодействие» всех участников информационных обменов будет протекать по типу «взаимосодействия», направленного на получение максимального кооперативного результата. Следует отметить, что в иерархии информационных обменов каждый уровень этих обменов должен обеспечивать *оптимальным объемом исходной информации* следующий, более высокий уровень. Это означает зависимость между уровнями информационных обменов, что находит отражение в качестве информации, сформированной на определенном уровне от информации, представленной на этот уровень с предыдущего. В работе [26] показано, что в системах, которые состоят из зависимых элементов, могут реализоваться условия супераддитивности информации, как результат системного эффекта (эмерджентности). Эмерджентность в системе информационных обменов между индивидами будет выражаться в рождении новой семантически и прагматически значимой информации (знаний) и зависеть от комбинации связей между ними и интеллектуально-когнитивных способностей участников информационных обменов.

Из представленного выше следует, что «человеческий фактор» является определяющим в процессе управления экономическими системами. При этом основной характеристикой в анализе эффективности управления экономической системой может выступать количество семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении.

Оценка эффективности управления деятельностью экономической системы

Интегральная эффективность деятельности экономической системы при реализации конкретного производства выступает как суперпозиция технологической и управленческой эффективностей. *Технологическую эффективность* экономической системы можно характеризовать как максимально возможный объем производства, достигаемый в результате использования имеющихся ресурсов. В основе управленческой эффективности лежат интеллектуально-когнитивные способности субъектов управления по адекватному восприятию и осмыслению информации о внешней и внутренней среде экономической системы. При этом управленческая эффективность будет проявляться в способностях субъектов управления оптимизировать производственно-технологические процессы выпуска конечной продукции на основе информации о рыночной конъюнктуре и потенциальных возможностях экономической системы в условиях постоянно меняющейся внешней среды, колебаниях спроса и появления новых конкурентов. Вклад управленческой эффективности в результаты деятельности экономической системы может быть измерен по величине прибыли, возникающей при реализации управленческих решений. Таким образом, если технологическая эффективность в основном определяется технико-технологическим обеспечением производства и квалификацией персонала, эксплуатирующего производственное оборудование, то управленческая эффективность будет существенным образом зависеть от качества информации в управленческом решении. Следует отметить, что технологическая и управленческая эффективности тесно связаны друг с другом. Действительно характер информации, содержащейся в управленческом решении, в основном будет зависеть от особенностей производственно-технологического процесса, обеспечивающего заданный выпуск продукции.

Производственно-технологический процесс производства продукции мы можем характеризовать при помощи коэффициентов *К*о и *КQ* [27]. Первый из них определяется следующим образом: *К*о = *Ф*/ПОСТ, где *Ф* – прямые производственные затраты, ПОСТ – постоянные затраты. Ко показывает, какой уровень постоянных затрат необходим для реализации прямых производственных затрат. Второй коэффициент *КQ* = *Ф/Q*, *Q* – валовый выпуск продукции. *КQ* показывает, какое количество валовой продукции (*Qi*) может быть произведено на единицу прямых производственных затрат (*Фi*). Составляющими прямых производственных и постоянных затрат являются затраты на энергоресурсы и исходное сырье. Поэтому несовершенство и неполнота информации в управленческом решении при закупке энергоресурсов и исходного сырья на внешнем рынке может приводить к увеличению прямых производственных и постоянных затрат. Это будет выражаться в уменьшении величины результата деятельности экономической системы, измеряемого в виде прибыли. Таким образом, управленческая эффективность будет проявляться в способностях субъектов управления по преодолению различного рода информационных и организационных проблем, препятствующих оптимизации затрат и получению максимальной технологической и соответственно интегральной экономической эффективности.

Существенной частью информационного пространства экономической системы, используемой в обеспечение формирования управленческих решений, являются данные бухгалтерского учета, сформированные в соответствии с действующими нормативами. Совокупность этих данных отражает результаты взаимодействий (отношений) элементов экономической системы при осуществлении производственной деятельности, измеренных в финансовых показателях. В общем случае данные, отраженные в бухгалтерской отчетности, можно рассматривать как числовую модель функционирования экономической системы. В соответствии с данной числовой моделью можно представить информационную модель, которая будет представлять собой производственную функцию, отражающую зависимость между факторами производства, поддающимися измерению в системе бухгалтерского учета, и объемом выпуска готовой продукции. На основе этой информационной модели можно проводить оценки интегральной эффективности деятельности экономической системы в плане соотношения возможных результатов и используемых для их получения факторов производства, поддающихся измерению в системе традиционных методов бухгалтерского учета.

Обычно оценка интегральной эффективности и прибыльности ведения хозяйственной деятельности экономической системой осуществляется на основе ряда показателей, рассчитанных по данным бухгалтерской отчетности. Среди них можно выделить следующие: 1) коэффициент эффективности потреблённых ресурсов в процессе производственной деятельности *КЭ* = *Q*/*З*, где *Q* – валовый выпуск продукции, *З* – суммарные затраты; этот коэффициент показывает, какое количество конечного про-

дукта получает экономическая система на единицу затрат; 2) коэффициент рентабельности основной деятельности *К*р.о. = *Р/З*, где *Р* – прибыль экономической системы; *К*р.о. показывает, какое количество прибыли получает экономическая система на единицу затрат. Исходя из определения коэффициентов *К*р.о. и *КЭ* функциональная связь между ними можно определить так [27]:

$$Кр.о. = КЭ - 1. \quad (1)$$

Следуя принципу системности, полный анализ интегральной эффективности функционирования экономической системы требует определения и измерения отдельно вклада как технологической, так и управленческой эффективностей в конечные результаты деятельности. Однако в рамках существующей методологии бухгалтерского учета это проблематично, поскольку отсутствуют адекватные методики измерения управленческой эффективности на основе набора данных, отраженных в бухгалтерской отчетности. То есть информационная модель в виде производственной функции, полученной на основе набора данных, отраженных в бухгалтерской отчетности, дает нам неопределенность в оценках управленческой эффективности. Следует отметить, что на неопределенность традиционных методов бухгалтерского учета в существующей на современном этапе экономической действительности указывают многие ученые-экономисты. В частности, в работе [28, с. 32] В.Ф. Палий отмечает: «Разработки в области теории бухгалтерского учета отстают от объективно возникающих практических проблем. В применяемом на практике бухгалтерском учете нарастает энтропия, существенное отставание от потребностей постиндустриальной экономики». Энтропию в интерпретации В.Ф. Палия можно рассматривать как неопределенность, возникающую при анализе деятельности экономической системы на основе данных бухгалтерской отчетности. Следуя теории информации, для уменьшения неопределенности необходимо ввести дополнительные данные для описания экономической системы. Эти данные в последующем экономическом анализе должны поддаваться интерпретации в традиционной системе единиц измерения экономических обменов. Из представленного выше следует, что для адекватной оценки управленческой эффективности необходимы достоверные измерения такого фактора производства, как семантически и прагматически значимая информация в управленческом решении. В связи с этим необходима разработка новых методов анализа исходных данных бухгалтерской отчетности, позволяющих: 1) *определять оптимальный объем семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении, обеспечивающей максимальную управленческую эффективность;* 2) *определять действительный объем семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении, характеризующей реальную управленческую эффективность.* Методологической базой для обработки данных бухгалтерского учета в концепции измерения информационной составляющей в результатах функционирования экономической системы может быть использована фрактальная информационная модель экономической системы [27]. В рамках данной модели вводится понятие информационной размерности (*R*max). Информационная размерность определяет количество информации, необходимое для полного описания системы с минимумом неопределенности. Для экономической системы информационную размерность (*R*max) можно рассматривать как величину семантически и прагматически значимой информации, полное отражение которой в управленческом решении позволяет свести к минимуму неопределенность и осуществить заданный валовый выпуск продукции (*Q*) на основе имеющегося производственно-технологического оборудования с минимумом затрат в существующих условиях ведения экономической деятельности. То есть информационную размерность можно представить как *оптимальный объем семантически и прагматически значимой информации, обеспечивающей максимальную управленческую эффективность.* Совокупность проведенных исследований в [27, 29] позволила сделать вывод, что информационная размерность экономической системы определяется уровнем производственно-технологического процесса производства продукции. При этом выражение для *R*max имеет вид:

$$R\max = 1 - 1/[(Ко + 1)(1 - KQ)]. \quad (2)$$

Действительный объем семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении, будет опосредованно характеризовать соответствие индивидов, наделенных полномочиями формирования управленческого решения, существующей экономической реальности и потенциальным возможностям технико-технологического обеспечения производства. При этом *действительный объем семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении,* можно рассчитать по выражению [29]:

$$R = KQ \times Кр.о. / S\max, \quad (3)$$

где *S*max – максимально возможная неопределенность экономической системы [27]:

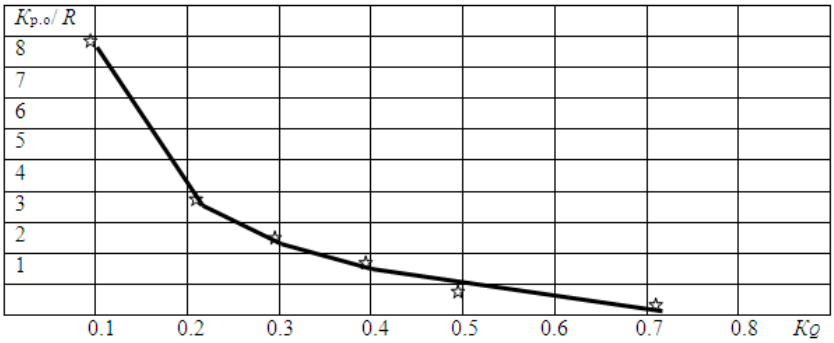

Рис. Изменение рентабельности, приходящейся на единицу объема семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении, в зависимости от технологического обеспечения производства

$$S\max = 1 - KQ. \quad (4)$$

Тогда для соотношения *действительного и оптимального объемов семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении можно записать:*

$$R/R\max = KQ \times K\text{р.о.}/\Delta S, \quad (5)$$

где $\Delta S = S\max - S\min$; $S\min = 1/(K\text{о} + 1)$ – минимально возможное значение неопределенности экономической системы [29].

Отклонение от оптимального объема информации в управленческом решении можно представить в виде:

$$\Delta R = R\max - R. \quad (6)$$

Из представленного выше следует, что отклонения от оптимального объема информации в управленческом решении могут быть связаны с интеллектуально-когнитивными качествами (компетенциями) субъекта управления или с проявлением «риска безответственности» при информационных обменах в процессе формирования управленческих решений.

Выражения (5) и (6) можно рассматривать как параметры, на основе которых можно проводить оценку управленческой эффективности, определяющей вклад *семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении, в прибыльность ведения экономической деятельности, измеряемой по величине коэффициента рентабельности основной деятельности* (*К*р.о.). Представляет интерес исследование вклада *семантически и прагматически значимой информации, содержащейся в управленческом решении, в прибыльность* (рентабельность) ведения хозяйственной деятельности экономической системой в процессе модернизации технологических процессов производства конечного продукта, обеспечивающих увеличение технологической эффективности. Технологическую эффективность производственно-технологического обеспечения выпуска конечной продукции мы можем характеризовать на основе коэффициента (*KQ*). Из выражений (2) и (3) следует:

$$K\text{р.о.}/R = (1/KQ) - 1. \quad (7)$$

Выражение (7) можно интерпретировать как рентабельность, приходящуюся на единицу *объема семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении.* На рисунке представлена зависимость рентабельности, приходящейся на единицу *объема семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении, в зависимости от технологического обеспечения производства.*

Из рисунка следует, что с уменьшением коэффициента *KQ* происходит нелинейный рост соотношения (*К*р.о./*R*). То есть увеличение технологической эффективности за счет модернизации производства конечного продукта обусловливает рост рентабельности, приходящейся на единицу объема семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении. *Таким образом, вклад управленческой эффективности в интегральную эффективность деятельности экономической системы увеличивается с ростом технологической эффективности производства конечного продукта*. Исходя из этого, эволюция экономических систем в направлении совершенства технологических процессов производства конечной продукции обусловливает повышение роли «человеческого фактора» в управлении.

Заключение

Применение системного подхода к процессам управления требует учета «человеческого фактора», проявляющегося в интеллектуально-когнитивных качествах и интересах индивидов, являющихся субъектами управления. При этом эффективность управления экономической системой определяется содержанием информации в управленческом решении, являющейся продуктом интеллектуальной деятельности индивидов и информационных обменов между ними. В практических приложениях оценка эффективности управления может быть осуществлена по методике, позволяющей рассчитать *оптимальный объем семантически и прагматически зна-*

чимой информации, содержащейся в управленческом решении, обеспечивающей максимальную управленческую эффективность (*R*max)*, и определять действительный объем семантически и прагматически значимой информации* (*R*)*, содержащейся в управленческом решении, характеризующей реальную управленческую эффективность.* По соотношению *R*/*R*max мы можем оценить вклад индивидов, формирующих управленческие решения, в конечные результаты деятельности экономической системы. Опосредованно соотношение *R*/*R*max будет характеризовать степень соответствия индивидов, участвующих в процессе управления, технико-технологическому обеспечению производства и рыночной конъюнктуре ведения хозяйственной деятельности. При существенных отклонениях объема семантически и прагматически значимой информации в управленческом решении от оптимального необходимо проводить комплексный анализ цепочки информационных обменов индивидов с целью выявления асимметричности информации, обусловливающей проявление «риска безответственности».

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Роль предприятий в современной экономике // В кн.: Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. М.: Изд-во «Экономика», 2005.

2. Ennen E., Richter A. The whole is more than the sum of its parts – or is it? // A Review of the Empirical Literature on Complementarities in Organizations. 2009. MPRA Paper. № 15666. P. 32.

3. Пиндайк Р.С., Рубинфельд Д.Л. Микроэкономика: Пер. с англ. М.: Дело, 2000. 808 с.

4. Стиглер Дж. Экономическая теория информации // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб., 1995. 345 с.

5. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 47–54.

6. Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1994. 275 с.

7. Винер Н. Кибернетика. М.: Советское радио, 1968. 728 с.

8. Дзюба С.А. Приложение теории информации к теории фирмы // Теория и методы принятия решений. Новосибирск: Наука, 2009. С. 117–129.

9. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 41.

10. Шаститко А.Е. Модели человека в экономической теории. М.: Юрист, 2006. 370 с.

11. Тамбовцев В.Л. Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 1. С. 5–40.

12. Клейнер Г.Б. Системно-интеграционная теория предприятия и эволюционный подход. Доклад на 6-м Международном симпозиуме по эволюционной экономике. Пущино, Россия, 23 – 24 сентября 2005 года.

13. Краснов Г.А., Краснов А.А., Краснов А.А. Реляционная парадигма в системном анализе экономических процессов // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 152–162.

14. Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987.

15. Аккофф Р. Искусство решения проблем. М., 1982. 475 с.

16. Nonaka I. A dynamic theory of organizational knowledge creation // Organizational Science. 1994. **5**(**1**). P. 14–37.

17. Клейнер Г.Б. Развитие теории экономических систем и ее применение в корпоративном и стратегическом управлении. Препринт # WP/2010/269. М.: ЦЭМИ РАН, 2010. 59 с. (Рус.)

18. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2004. 672 с.

19. Добровольская И.А. Понятие «Информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2014. № 4. С. 140–148.

20. Жилкин В.В. К вопросу понимания сущности термина «информационное пространство» [Электронный ресурс] / Центр системного анализа. URL: http://rosanaliz.ru/Post.aspx?Post=107 (дата обращения: 04.03.2014).

21. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.

22. Stiglitz J.E., Weiss A. Credit rationing in markets with imperfect information // American Economic Review. 1981. V. 71. № 3. P. 393–410.

23. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение: Пер. с англ. М., 1970. 470 с.

24. Шмарловская Г.А. и др. История экономических учений: Учебное пособие для вузов. Минск: Новое знание, 2006. 340 с.

25. Анохин П.К. Теория функциональной системы // Успехи физиологических наук. 1970. Т. 1. № 1. С. 19–54.

26. Александров Е.А., Боголепов В.П. О некоторых организационных критериях качества функционирования систем (К вопросу о создании математического аппарата теории организации) // В кн.: Организация и управление. М.: Мир, 1968. 275 с.

27. Краснов Г.А., Краснов А.А., Краснов А.А. Эволюция экономических систем в условиях технологического прогресса с позиции теории динамических развивающихся систем // Журнал экономической теории. 2012. № 3. С. 53–62.

28. Палий В.Ф. Теория бухгалтерского учета: современные проблемы. М.: Бух. учет, 2007. 88 с.

29. Краснов Г.А., Краснов А.А., Краснов А.А. Объективная и субъективная информация в экономической системе // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 188–195.

THE HUMAN FACTOR IN THE MANAGEMENT OF ECONOMIC SYSTEMS

A.A. Krasnov

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

We investigate the influence of the «human factor» on the process of forming the information required to support the economic system management. Within the framework of the presented studies, a person is viewed as a reasonable, but not necessarily rational element of an economic system. This element has its own interests and is dynamic in achieving one's goals. It is noted that some degree of subjectivism is present in the collection and processing of initial information required for managerial decision-making. Due to this, the work focuses on the intellectual cognitive abilities of management subjects making managerial decisions. It is shown that the effectiveness of economic system management is determined by the amount of semantically and pragmatically significant information in the managerial decision, which allows the production of final products to be optimized. To assess management effectiveness, a technique is proposed for processing initial accounting data, which serves to: 1) determine the optimal amount of semantically and pragmatically meaningful information contained in the managerial decision that ensures maximum management effectiveness; 2) determine the actual volume of semantically and pragmatically meaningful information contained in the managerial decision that characterizes the actual effectiveness of management.

Keywords: economic system, managerial decision, uncertainty, profitability.

УДК 657.411.6

АНАЛИТИЧЕСКИЙ УЧЕТ ОЦЕНОЧНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

© 2018 г.

И.Е. Мизиковский, Е.П. Поликарпова

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com
Поликарпова Елена Петровна, к.э.н.; доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита
Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева
Dikusar85@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Оценочным обязательствам как объекту бухгалтерского учета в настоящее время уделяется достаточно много внимания. Это связано с обязательностью их формирования согласно нормативным документам. ПБУ 8/2010 установлены условия признания оценочных обязательств, согласно которым в любой коммерческой организации существует вероятность возникновения соответствующих обстоятельств, при этом формирование оценочного обязательства по предстоящей оплате отпусков работникам неизбежно в силу соблюдения трудового законодательства. Многообразие рассматриваемых обстоятельств обусловливает наличие отличительных характеристик оценочных обязательств в их содержании, порядке формирования, степени распространения, частоте и вероятности возникновения на практике, что определило цель исследования – выработка рекомендаций по наиболее оптимальному построению аналитического учета оценочных обязательств. При этом использовались методы: анализа, синтеза, сравнения, классификации, обобщения, системного и логического подхода. Основываясь на особенностях и различиях между видами оценочных обязательств, предложена их классификация по следующим признакам: основание для признания, регулярность признания, уровень применяемости на практике, однородность, срок исполнения, объекты учета, в составе которых признают величину оценочного обязательства, степень существенности с позиции отражения в финансовой отчетности. Рекомендуемая система счетов аналитического учета операций на счете учета оценочных обязательств построена согласно предложенной классификации по признакам «основания для признания» и «срок исполнения». Применение указанной системы повысит полезность формируемого в организации информационного пространства для аналитических процессов и принятия управленческих решений.

Ключевые слова: оценочные обязательства, классификация оценочных обязательств, система счетов аналитического учета оценочных обязательств.

Введение

Адаптация к условиям риска и неопределенности путем формирования различных типов резервов является одним из направлений достижения устойчивого развития предприятий [1]. Наряду с оценочными резервами, предназначенными, главным образом, для обеспечения принципа осмотрительности и допущения временной определенности фактов хозяйственной деятельности в бухгалтерском финансовом учете, аналогичное значение имеет формирование другого элемента системы резервирования – оценочных обязательств. Они характеризуются относительным новшеством в применении и имеют множество особенностей и различий в порядке признания и методике учета, принципиально отличающихся от операций по созданию и использованию резервов предстоящих затрат.

Вопрос о включении оценочных обязательств в состав системы резервирования в работах различных авторов остается спорным. Т.Ю. Дружиловская в своих рассуждениях делает вывод о том, что экономическая сущность оценочных обязательств не тождественна экономической сущности резервов [2]. Большинство авторов сходятся во мнении, что резервы предстоящих затрат и оценочные обязательства – принципиально различные объекты, имеющие различную направленность [3–5].

Очевидно, что резервы предстоящих затрат выступают отдельной группой резервов. В результате исследования объективизации резервов обосновано выделение оценочных обязательств в их отдельную группу ввиду соответствия экономической сущности резервов и, вместе с тем, наличия существенных отличий [6].

А.М. Петров приводит систематизацию резервов на основе соответствующих обязанностей в немецкой практике, согласно которой резервы делятся в соответствии с обязанностями перед третьим лицом (подобно оценочным обязательствам) и обязанностями по отношению к самому себе (резервы предстоящих расходов и платежей) [7].

При этом оценочные обязательства могут выступать в качестве резервируемых затрат, то есть затрат, дата совершения которых может быть лишь предполагаемой [8].

ПБУ 8/2010 устанавливает условия признания оценочных обязательств: существование обязанности вследствие прошлых событий хозяйственной жизни организации, исполнение которой невозможно избежать; вероятность уменьшения экономических выгод организации для исполнения оценочного обязательства; возможность обоснованной оценки его величины [9].

В любом субъекте хозяйствования существует вероятность возникновения обстоятельств, которые будут отвечать указанным условиям [9, 10], например в отношении:

– выданных организацией обязательств на гарантийный ремонт и обслуживание в отношении проданных ею покупателям в отчетном периоде продукции, товаров, выполненных работ, оказанных услуг;

– сумм, которые подлежат выплате сотрудникам за предстоящие очередные и дополнительные отпуска;

– подлежащих выплате согласно внутрифирменной нормативной документации сумм ежегодных вознаграждений работникам за выслугу лет, а также, аналогично, сумм вознаграждений по итогам работы за год;

– сумм штрафов, ожидаемых в отношении организации в случае эксплуатации основных средств без проведения обязательных ремонтов (в отрасли, где соответствующие правила установлены на законодательном уровне);

– ликвидационных обязательств, возникающих при выводе из эксплуатации объектов основных средств и капитальных вложений;

– расходов, связанных с реструктуризацией компании (продажа или прекращение какого-либо направления деятельности организации, закрытие подразделений организации или их перемещение в другой географический регион и др.), если она проводится по утвержденному плану, согласованному с профсоюзом и объявленному работникам компании;

– сумм расходов, которые, вероятно, может понести организация в результате не завершенного на отчетную дату судебного разбирательства, в котором она выступает истцом или ответчиком;

– ожидаемых сумм по уплате госпошлины за регистрацию приобретенного автомобиля, если организация начнет его эксплуатировать с транзитными номерами;

– ожидаемых расходов по не разрешенным на отчетную дату разногласиям с налоговыми органами, связанным с уплатой платежей в бюджет;

– сумм выданных до отчетной даты гарантий, поручительств, а также других видов обеспечения обязательств в пользу третьих лиц, по которым не наступили сроки исполнения;

– сумм учтенных (дисконтированных) до отчетной даты векселей, срок платежа по которым не наступил (по состоянию на отчетную дату);

– обязательств, связанных с мероприятиями по охране окружающей среды, природоохранными мероприятиями, рекультивацией земель, обусловленных производственной деятельностью организации, а также требованиями законодательных и нормативных документов, положениями договоров, действиями или заявлениями организации;

– сумм ожидаемых штрафных санкций, подлежащих оплате контрагенту за неисполнение заведомо убыточного (обременительного) договора (неизбежные расходы на исполнение которого превосходят поступления, ожидаемые от его исполнения), если такие санкции предусмотрены данным договором;

– обязательств по другим аналогичным фактам.

Многообразие рассматриваемых обстоятельств обусловливает наличие отличительных характеристик оценочных обязательств в их содержании, порядке формирования, степени распространения, частоте и вероятности возникновения на практике. Бухгалтерский учет обеспечивает построение информации о наличии и движении объектов путем их систематизации и группировки по отличительным признакам. При этом важно на основе глубокого изучения разновидностей объекта построить их классификацию и определить место выделенных классификационных признаков в организации бухгалтерского учета. Конечной целью исследования стала выработка рекомендаций по наиболее оптимальному построению аналитического учета оценочных обязательств.

Согласно ПБУ 8/2010 выделяются две группы возможных источников возникновения оценочных обязательств, в соответствии с которыми И.А. Светкина подразделяет их на юридические и добровольные (практические) [11]. Источниками первых указаны договоры, законодательство, судебные решения, вторых – сложившаяся практика, заявления организации и т.п.

Д.В. Луговской выделяет типы обязательств, информация о которых формируется в бухгалтерском учете. Среди них [12]:

– Обязательства оценочные, юридические, то есть вероятные будущие обязательства, поставленные в зависимость от определенных событий, в отношении которых можно достоверно определить срок их исполнения или величину, и

имеющие юридическую силу. Например, выплата компенсаций увольняемым работникам, поставленная в зависимость от прекращения деятельности.

– Обязательства оценочные, юридическо-конклюдентные, в отличие от предыдущего типа предполагают систематический характер возникновения подобных обязательств. Пример – признание оценочных обязательств перед персоналом по предстоящим отпускам или гарантийных обязательств перед покупателями продукции.

– Обязательства оценочные, конклюдентные, которые связаны в первую очередь не с требованиями действующих нормативных актов и хозяйственных договоров, а со спецификой обычной деятельности организации, например сельскохозяйственной, в ходе которой у организации возникают будущие (оценочные) обязательства по осуществлению природоохранных мероприятий или рекультивации земель.

М.И. Чумаченко, рассматривая организацию контроля исследуемого учетного объекта, выделяет оценочные обязательства с низкой степенью неопределенности расчета (например, оценочные обязательства по оплате отпусков), а также оценочные обязательства, при формировании которых существует высокий уровень неопределенности (например, оценочные обязательства по ликвидации объектов и восстановлению природных ресурсов либо по гарантийному обслуживанию) [13].

Отметим, что авторы, как правило, рассматривают отдельные отличительные признаки изучаемого учетного объекта, отсутствует комплексный подход к их классификации. Осуществление дальнейшего исследования видов оценочных обязательств в целях выработки рекомендаций по организации их аналитического учета основывалось на принципах универсальности с использованием методов: анализа, синтеза, сравнения, классификации, обобщения, системного и логического подхода.

Теоретико-методологические подходы

В имеющихся публикациях затрагиваются вопросы аналитического учета оценочных обязательств. И.А. Светкина утверждает, что аналитический учет на счете 96 «Резервы предстоящих расходов» должен быть организован по видам оценочных обязательств, а при наличии множества объектов необходимо предусмотреть субсчета по каждой группе (например, по сроку погашения) [11].

Необходимо также принять во внимание возможность раскрытия информации по однородности видов исследуемого объекта. Н.Н. Парасоцкая считает, что начисление вновь признанного оценочного обязательства за счет избыточности суммы начисленного ранее однородного резерва следует отражать по дебету счета 96, счета аналитического учета ранее начисленного обязательства и кредиту счета 96, счета аналитического учета нового обязательства [14].

Рассматриваемые рекомендации приводятся с позиции какого-либо отдельного вида оценочных обязательств без проведения комплексного изучения и точного выделения их групп применительно к организации аналитического учета.

Для систематизации рассматриваемых учетных объектов и построения системы аналитических счетов необходимо на основе имеющихся различий определить классификационные признаки оценочных обязательств.

Думается, что оценочные обязательства (добровольные или конклюдентные), возникающие в результате действий организации, следует объединить в отдельную группу рассматриваемых объектов, формируемых исходя сугубо из прошлой практики организации. Вместе с тем так называемые юридические оценочные обязательства важно разделить по конкретным основаниям для признания, носящим различную причинно-следственную направленность – согласно требованиям законодательных и нормативно-правовых актов, течению судебного дела или условиям заключенных договоров.

Кроме того, многие оценочные обязательства, за исключением связанных с оплатой отпусков [15], вознаграждений работникам, а также с гарантийным ремонтом, создаются, как правило, в разовом порядке и только при возникновении событий, не соответствующих благоприятному ведению какой-либо сферы деятельности в организации.

Следует принимать во внимание характерные различия оценочных обязательств, обусловливающие выбор объекта учета, в составе которого признают величину оценочного обязательства – расходы по обычным видам деятельности, либо прочие расходы, либо стоимость актива.

Вместе с тем необходимо предусмотреть тот факт, что информация о наличии и движении оценочных обязательств в бухгалтерской отчетности организацией раскрывается в случае существенности их величины.

Основываясь на рассмотренных особенностях и различиях между оценочными обязательствами, предлагаем их классификацию, представленную в таблице 1.

Операции по начислению и списанию оценочных обязательств должны осуществляться на основании выводов квалифицированных

Таблица 1

Классификация оценочных обязательств

Признак классификации	Группы (виды) оценочных обязательств	Примеры
Основания для признания	Оценочные обязательства, возникающие на основании законодательных и нормативно-правовых актов	Оценочные обязательства: – по оплате отпусков сотрудникам; – по выплате штрафов, ожидаемых к установлению в отношении организации в случае эксплуатации основных средств без проведения обязательного ремонта объектов
	Оценочные обязательства, возникающие на основании судебного дела	Оценочное обязательство по ожидаемым расходам на возмещение потерь истцу на основании результатов незаконченного судебного дела
	Оценочные обязательства, возникающие на основании заключенных договоров	Оценочные обязательства: – по гарантийному ремонту и обслуживанию; – по выплате ежегодных вознаграждений работникам за выслугу лет; – по выплате вознаграждений по итогам работы за год
	Оценочные обязательства, возникающие исходя из прошлой практики организации	Оценочное обязательство по природоохранным мероприятиям, возникшее в результате действий самой организации без влияния требований законодательства
Регулярность признания	Оценочные обязательства, подлежащие признанию и корректировке ежемесячно	Оценочное обязательство по оплате отпусков сотрудникам
	Оценочные обязательства, подлежащие признанию и корректировке ежегодно	Оценочное обязательство по гарантийному ремонту и обслуживанию
	Оценочные обязательства, подлежащие признанию в разовом порядке (с последующей корректировкой только в случае возникновения какой-либо новой информации или события, влияющего на оценку и предположения, связанные с данными оценочными обязательствами)	Оценочное обязательство по ожидаемым расходам на возмещение потерь истцу на основании результатов незаконченного судебного дела
Уровень применяемости на практике	Оценочные обязательства, подлежащие признанию в каждой коммерческой организации	Оценочное обязательство по оплате ежегодных отпусков сотрудникам
	Оценочные обязательства, подлежащие признанию в организациях, производственно-финансовая деятельность которых характеризуется соответствующими особенностями	Оценочные обязательства: – по гарантийному ремонту и обслуживанию; – по ожидаемой выплате штрафов в случае эксплуатации основных средств без проведения обязательного ремонта объектов
	Оценочные обязательства, подлежащие признанию в какой-либо организации только при наступлении события, нехарактерного благоприятному ведению деятельности	Оценочные обязательства: – по незаконченному судебному делу; – по природоохранным мероприятиям, возникшие в результате действий самой организации без влияния требований законодательства
Однородность	Неоднородные оценочные обязательства, признание и погашение которых осуществляется только по каждому обязательству	Оценочное обязательство по незаконченному судебному делу
	Однородные (по характеру и порождаемой ими неопределенности) оценочные обязательства, признание и погашение которых может осуществляться по их совокупности	Оценочные обязательства по оплате отпусков сотрудникам

Окончание таблицы 1

Признак классификации	Группы (виды) оценочных обязательств	Примеры
Срок исполнения	Краткосрочные оценочные обязательства, предполагаемый срок исполнения которых составляет менее 12 месяцев после отчетной даты	Оценочные обязательства по оплате отпусков сотрудникам
	Долгосрочные оценочные обязательства, предполагаемый срок исполнения которых превышает 12 месяцев после отчетной даты	Оценочное обязательство по гарантийному ремонту и обслуживанию
Объекты учета, в составе которых признают величину оценочного обязательства	Оценочные обязательства, величина которых относится на расходы по обычным видам деятельности (если они связаны с производством готовой продукции, оказанием услуг, выполнением работ, которые организация осуществляет на регулярной основе в обычном режиме функционирования)	Оценочные обязательства: – по гарантийному ремонту и обслуживанию; – по оплате отпусков сотрудникам
	Оценочные обязательства, величина которых относится на прочие расходы (если они не связаны с обычными видами деятельности или с созданием, сооружением, приобретением, строительством, изготовлением объекта имущества)	Оценочные обязательства: – по незаконченному судебному делу; – по ожидаемым к выплате штрафным санкциям, подлежащим оплате контрагенту за неисполнение заведомо убыточного договора
	Оценочные обязательства, величина которых включается в стоимость актива (если они связаны с созданием, сооружением, приобретением, строительством, изготовлением объекта имущества)	Ликвидационные обязательства по объектам основных средств (скважин, электростанций и пр.)
Степень существенности с позиции отражения в финансовой отчетности	Оценочные обязательства существенной величины	Существенность величины оценивается на основании установленного организацией в учетной политике уровня существенности
	Оценочные обязательства несущественной величины	

сотрудников. Вырабатывая профессиональное суждение, бухгалтер пользуется заключениями других специалистов (юристов, оценщиков, инженеров и др.) [14].

При установлении фактов наличия обязательства, отвечающего критериям оценочного, работники юридических, экономических служб или эксперты должны оформить заключение, содержащее информацию о его характеристике и расчетной величине. На основании соответствующих документов бухгалтер начисляет оценочное обязательство, формируя бухгалтерскую справку. В случае установления фактов наступления (или ненаступления) событий, в результате которых списывается или корректируется величина оценочного обязательства, соответствующие записи в бухгалтерском учете осуществляются на основании решений суда, заключений компетентных сотрудников организации или экспертов и т. п. [16, 17]. При этом также формируется бухгалтерская справка. Кроме того, информацию, на основе которой начисляется, корректируется или списывается оценочное обязательство, целесообразно подкрепить распорядительным документом руководителя об осуществлении соответствующих операций.

На основании выводов о различии видов оценочных обязательств и соответствующем выделении классификационных признаков выработаны рекомендации по построению их аналитического учета.

Основные организационные и методические положения устанавливаются в учетной политике организации. В разделе, посвященном учету оценочных обязательств, необходимо указать виды оценочных обязательств, формируемых систематически в организации (с указанием регулярности признания), а также примеры оценочных обязательств, которые могут возникнуть в связи с особенностями и неблагоприят-

ными событиями в деятельности организации. Кроме того, следует предусмотреть порядок определения существенности величины оценочных обязательств, определить состав однородных объектов и особенности их учета.

Вместе с тем в учетной политике согласно рабочему плану счетом должен быть предусмотрен порядок отражения информации об объекте на счетах бухгалтерского учета.

Нормативными документами установлен порядок отражения рассматриваемого учетного объекта на счете 96 «Резервы предстоящих расходов» [9, 18].

Однако, думается, следует разграничивать оценочные обязательства и резервы предстоящих затрат, так как они различаются, главным образом, по своему назначению [5, 6]. В основе создания оценочных обязательств лежит оценка ожидаемой суммы кредиторской задолженности, право на получение которой у контрагента или сотрудника организации имеет место в силу свершившихся действий или событий. Поэтому в отличие от резервов предстоящих затрат при начислении оценочных обязательств обеспечение точности расчета соответствующих величин превалирует над принципом равномерности распределения планируемых затрат. Кроме того, период начисления оценочных обязательств зависит от момента возникновения прав контрагента или сотрудника на получение соответствующих сумм в будущем и может не соответствовать календарному году. Таким образом, рассматриваемые учетные категории представляют собой две разные группы резервов, то есть, к примеру, оценочное обязательство по оплате отпусков и резерв по предстоящей оплате отпусков – это два разных объекта учета.

Поэтому для обобщения информации о рассматриваемом учетном объекте необходимо выбрать дополнительный синтетический счет, используя их свободные номера в действующем Плане счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций [19]. Например, счет 95 с присвоением ему приемлемого наименования – «Оценочные обязательства».

Величину сформированного оценочного обязательства при этом следует отражать по кредиту счета 95, который корреспондирует со счетами в зависимости от вида затрат, в составе которых признается сумма данного обязательства:

– дебет счета 20 «Основное производство», либо 23 «Вспомогательные производства», либо 25 «Общепроизводственные расходы», либо 26 «Общехозяйственные расходы», либо 29 «Обслуживающие производства и хозяйства», либо 44 «Расходы на продажу», если величина оценочного обязательства относится на расходы по обычным видам деятельности;

– дебет счета 08 «Вложения во внеоборотные активы», если величина оценочного обязательства включается в стоимость актива;

– дебет счета 91 «Прочие доходы и расходы», если величина оценочного обязательства относится на прочие расходы. Данной записью также отражается разница (прирост) между дисконтированной (приведенной) стоимостью долгосрочного оценочного обязательства по состоянию на разные отчетные даты (по соответствующим процентам).

В момент признания кредиторской задолженности по ранее сформированному оценочному обязательству списываемая сумма отражается по дебету счета 95 в корреспонденции со счетами учета соответствующих затрат или расходов по исполнению обязательств или кредиторской задолженности, например:

– кредит счетов 70 «Расчеты по оплате труда» и 69 «Расчеты с внебюджетными фондами», если списывается оценочное обязательство при начислении сумм отпускных работнику организации;

– кредит счета 76 «Прочие доходы и расходы», если списывается оценочное обязательство при признании кредиторской задолженности, установленной в соответствии с принятым решением суда.

Аналитический учет на счете 95 должен быть организован по видам оценочных обязательств. Согласно предлагаемой классификации по признакам «основания для признания» и «срок исполнения» построена рекомендуемая система счетов аналитического учета операций на счете 95 «Оценочные обязательства» (таблица 2).

Рекомендуемая система может быть конструктивно применима при формировании рабочего плана счетов любой коммерческой организации. В результате построение учетной информации об оценочных обязательствах будет оптимально структурировано в соответствии с многообразием различий изучаемого учетного объекта, что повысит полезность формируемого в организации информационного пространства для аналитических процессов и принятия управленческих решений.

Заключение

Организация аналитического учета любого объекта должна базироваться на различиях его видов. Перечень оценочных обязательств, которые могут быть сформированы в каком-либо экономическом субъекте, остается открытым. Причем одни из них объективно должны формироваться систематически в обязательном порядке, обстоятельства же признания других имеют вероятностный характер. Исследование

Таблица 2

Рекомендуемая система счетов аналитического учета оценочных обязательств

Перечень разрядов в структуре счета	Аналитический признак	Примеры элементов структуры счета
95	Наименование счета синтетического учета резерва	Оценочные обязательства (общая сумма)
1-9	Срок исполнения	1. Краткосрочные оценочные обязательства 2. Долгосрочные оценочные обязательства
1-9	Основания для признания	1. Оценочные обязательства, признанные на основании законодательных и нормативно-правовых актов 2. Оценочные обязательства, признанные на основании судебного дела 3. Оценочные обязательства, признанные на основании заключенных договоров 4. Оценочные обязательства, признанные исходя из прошлой практики организации
01-99	Объекты признания	01. Оценочные обязательства по оплате отпусков сотрудникам 02. Оценочные обязательства по выплате штрафов при эксплуатации основных средств без проведения обязательного ремонта объектов 03. Оценочные обязательства по возмещению потерь истцу на основании результатов незаконченного судебного дела 04. Оценочные обязательства по неразрешенным разногласиям с налоговыми органами, связанным с уплатой платежей в бюджет 05. Оценочные обязательства по гарантийному ремонту и обслуживанию 06. Оценочные обязательства по выплате ежегодных вознаграждений работникам за выслугу лет 07. Оценочные обязательства по выплате вознаграждений по итогам работы за год 08. Оценочные обязательства по штрафным санкциям, подлежащим оплате за неисполнение заведомо убыточного договора 09. Оценочные обязательства по природоохранным мероприятиям, возникшие в результате действий самой организации без влияния требований законодательства
001-999	Наименование получателя средств при погашении обязательства или характер природоохранных мероприятий	По наименованию контрагента, фамилии и инициалам сотрудника или характеру природоохранных мероприятий (например, оценочное обязательство по восстановлению окружающей среды)

многообразия видов оценочных обязательств позволило сформировать признаки их классификации, отдельные из которых использовались для построения системы аналитических счетов на рекомендуемом счете учета рассматриваемого объекта. Указанная система способствует повышению полезности информационного пространства принятия управленческих решений. Полученные результаты исследования полезно применимы для дальнейших научных изысканий в области оптимизации признания и учета оценочных обязательств по видам и группам.

Список литературы

1. Широбоков В.Г. Вектор развития активно-адаптивной системы бухгалтерского учета в агропромышленном комплексе // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 31. С. 3–9.

2. Дружиловская Т.Ю. Оценочные обязательства и резервы: трактовка и проблемы учета в системах российских и международных стандартов // Международный бухгалтерский учет. 2016. № 21 (411). С. 2–18.

3. Слободняк И.А., Грозина Э.В., Быкова Т.Л. Учетно-аналитическая информация об оценочных обязательствах // Экономика и управление: проблемы, решения. 2014. № 2 (26). С. 46–54.

4. Горшенин В.П., Киреева Н.В., Долгих Т.С. Влияние оценочных обязательств на показатели ликвидности: проблемы и решения // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 11 (126). С. 85–96.

5. Рец А.В., Хромова И.Н. Формирование оценочных обязательств в бухгалтерском и налоговом учете // Символ науки. 2017. Т. 1. № 2. С. 104–107.

6. Мизиковский И.Е., Поликарпова Е.П. Концепция объективизации резервов в бухгалтерском учете // Сборник материалов II Международной межвузовской научно-практической конференции «Синергия учета, анализа и аудита в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства», посвященной памяти проф. Петровой В.И. и проф. Бакано-

ва М.И. (Москва, 2015). М.: Аудитор, 2016. С. 158–165.

7. Петров А.М., Мельникова Л.А. Сравнительный анализ состава и содержания отдельных видов резервов в отечественной и зарубежной практике // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2016. № 9 (91). С. 24.

8. Мизиковский Е.А., Мизиковский И.Е. Производственный учет. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. 272 с.

9. Положение по бухгалтерскому учету «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» ПБУ 8/2010 [Электронный ресурс]: утв. Приказом М-ва финансов Российской Федерации от 13 декабря 2010 года № 167н (ред. от 06.04.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Степаненко Е.И. Вопросы совершенствования учета резервов сельскохозяйственных организаций в условиях перехода на Международные стандарты // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2015. № 18 (23). С. 99–105.

11. Светкина И.А. Бюджетирование и учет оценочных обязательств на автотранспортных предприятиях // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 11 (121). С. 109–113.

12. Луговской Д.В., Абросимова Ю.А. Финансовые обязательства как элемент финансовой отчетности: вопросы классификации и оценки // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 1. С. 8–15.

13. Чумаченко М.И. Рекомендации по осуществлению внутреннего контроля величины оценочных обязательств // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2016. № 7–8 (60). С. 19–28.

14. Парасоцкая Н.Н. Инновационные подходы признания оценочного обязательства и порядок отражения его в учете // Биржа интеллектуальной собственности. 2013. Т. 12. № 7. С. 15–22.

15. Бакулина Г.Н., Поликарпова Е.П. Оценочное обязательство (резерв) по предстоящей оплате отпусков работникам в современной системе бухгалтерского учета сельскохозяйственных организаций // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 23. С. 27–37.

16. Хоружий Л.И., Постникова Д.Д. Проблемы бухгалтерского учета оценочных обязательств сельскохозяйственными организациями // Бухучет в сельском хозяйстве. 2015. № 1. С. 11–19.

17. Цаценкина Т.А. Понятие и порядок бухгалтерского учета оценочного обязательства // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и инновационная деятельность в агропромышленном производстве». Курск: Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова, 2015. С. 118–119.

18. План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкция по его применению [Электронный ресурс]: утв. Приказом М-ва финансов Российской Федерации от 31 октября 2000 года № 94н (ред. от 08.11.2010) // СПС «КонсультантПлюс».

19. Дружиловская Т.Ю., Игонина Т.В. Направления реформирования учета обязательств организаций в системе российских бухгалтерских стандартов // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 32. С. 2–12.

ANALYTICAL ACCOUNTING OF ESTIMATED LIABILITIES

***I.E. Mizikovsky*[1], *E.P. Polikarpova*[2]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev

Today, estimated liabilities as an object of accounting receive much attention in the literature. This is due to the fact that the obligation of their formation is prescribed at the regulatory level. Accounting rules PBU 8/2010 set out the conditions of recognition of estimated liabilities according to which there is a probability of the appropriate circumstances arising in any commercial organization; at the same time, the estimated liabilities for the forthcoming payment of vacation allowances to the workers must be formed inevitably in order to observe the labor legislation. Due to the diversity of the circumstances under consideration, distinctive characteristics of the estimated liabilities differ in terms of their content, the way they are formed, the extent of their prevalence, frequency and likelihood of occurrence in practice, which determined the purpose of the study: to develop recommendations on the optimal way of analytical accounting of estimated liabilities. The following methods were used in our research: analysis, synthesis, comparison, classification, generalization, systems and logical approach. Based on the features and distinctions between the types of estimated liabilities, their classification according to the following characteristics is proposed: grounds for recognition, regularity of recognition, practical applicability level, homogeneity, deadlines, accounting objects in which the value of the estimated liabilities is recognized, importance degree from the point of view of reflecting this line item in financial statements. The proposed system for analytical accounting of operations on the specified account is constructed according to the offered classification of estimated liabilities based on the characteristics «the base for recognition» and «deadlines». Application of this system will increase the usefulness of the information space created in the organization for analytical processes and administrative decision-making.

Keywords: estimated liabilities, classification of estimated liabilities, accounts system for analytical accounting of estimated liabilities.

УДК 330.354: 377.5

НЕЙРОСЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ КАК ФАКТОРА РОСТА ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

© 2018 г.

В.И. Перова, Е.С. Болеева

Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н., доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_vi@mail.ru
Болеева Екатерина Сергеевна, магистрант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sergeevna309@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Методом нейросетевого моделирования проведено исследование динамики показателей деятельности регионов Российской Федерации в сфере среднего профессионального образования. Исследование обусловлено тем, что человеческий капитал, представляющий собой совокупность знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и приносящих впоследствии доход, является одним из важнейших внутренних факторов экономического потенциала страны. Проведение исследования основывалось на анализе многомерных данных. Выполнен кластерный анализ по шести показателям при помощи самоорганизующихся карт Кохонена, реализованных в системе STATISTICA. Показано, что за 2010–2016 гг. регионы РФ образовали 4 кластера. Приведены состав и характеристики каждого кластера, и сделаны социально-экономические выводы. Проведенное исследование позволило определить особенности динамики показателей развития среднего профессионального образования в регионах России в целях определения путей повышения конкурентоспособности национальной системы образования как фактора роста экономики страны.

Ключевые слова: экономический рост, человеческий капитал, среднее профессиональное образование, регионы Российской Федерации, кластерный анализ, нейронные сети, самоорганизующиеся карты Кохонена.

Введение

В настоящее время в целях достижения высокого уровня благосостояния населения Российской Федерации приоритетными задачами являются повышение эффективности экономического развития, переход от экспортно-сырьевой направленности к инновационной экономике, основанной на знаниях. Это отражено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [1] и в работах [2–9].

К основным источникам социально-экономического роста относится человеческий капитал и его главная составляющая – «экономика знаний». Данной теме посвятили свои работы многие отечественные и зарубежные ученые [10–21]. Человеческий капитал – это совокупность накопленных в процессе обучения профессиональных знаний, умений и навыков, которые в дальнейшем будут приносить доход в экономику как страны в целом, так и ее регионов. Одним из ключевых факторов человеческого капитала является уровень образования населения страны. Поэтому инвестиции в образование приносят в будущем для экономики больше прибыли по сравнению с затратами. При этом капитал и рабочая сила будут более продуктивными и порождать рост доходов. Эта тема исследована в работах [16; 17; 22; 23].

Важными механизмами влияния образования на экономический рост являются:

– рост человеческого капитала. Увеличение квалификации рабочей силы приведет к повышению производительности труда и, как следствие, к более высокому уровню производства;

– повышение инновационного потенциала экономики. Полученные знания о передовых технологиях, процессах и продуктах будут способствовать росту экономики;

– распространение и передача знаний. Новые знания будут способствовать пониманию и обработке информации, которая необходима для реализации технологий, разработанных другими.

В настоящее время значительная часть занятого в экономике России населения имеет среднее профессиональное образование (СПО) [24]. Его целью является осуществление подготовки непосредственных организаторов и руководителей первичных звеньев на производстве; по-

мощников специалистов высшей квалификации; самостоятельных исполнителей определенной квалифицированной работы, требующей соответствующей теоретической подготовки и профессиональных умений и навыков [25; 26].

В современных экономических условиях для развития производства требуются специалисты со средним профессиональным образованием, имеющие высокий уровень знаний и умений. От конкурентоспособной рабочей силы в регионах страны, обеспечить которую может конкурентоспособная национальная система образования, напрямую зависит конкурентоспособная экономика. Поэтому является актуальным проведение исследований динамики деятельности регионов России в сфере подготовки специалистов со средним профессиональным образованием.

В данной работе рассмотрена задача анализа динамики деятельности регионов РФ в сфере среднего профессионального образования как фактора роста экономики регионов и страны в целом. В качестве базы для проведения исследований взяты показатели по регионам России за 2010–2016 гг., размещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики [24]: количество средних профессиональных учебных учреждений (ед.); численность преподавателей в средних профессиональных учебных учреждениях, чел.; численность студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, чел. на 10 тыс. чел. населения; прием на обучение, тыс. чел.; выпуск специалистов, получивших среднее профессиональное образование, тыс. чел.; отношение специалистов, имеющих среднее профессиональное образование в составе занятого населения, %.

Этот анализ проведен с применением перспективных информационных технологий, к которым относятся методы нейросетевого моделирования [27–31]. Данные методы относятся к технологии интеллектуального анализа данных (Data Mining) [32; 33] и зарекомендовали себя как эффективное средство анализа многомерных статистических данных. В настоящее время нейросетевые концепции реализуются с помощью большого количества специализированных программных продуктов. Для проведения исследований в данной работе использован особый вид нейронных сетей – самоорганизующиеся карты (СОК) Кохонена, реализованные в системе STATISTICA. Они рассчитаны на обучение без учителя, т. е. на неуправляемое обучение. Алгоритм функционирования СОК – это один из вариантов кластеризации данных, в котором многомерные векторы проецируются в двумерное пространство с сохранением топологического подобия [29].

Анализ результатов нейросетевого моделирования динамики показателей деятельности регионов России в сфере среднего профессионального образования

В данной работе проведено нейросетевое моделирование динамики деятельности регионов России в сфере среднего профессионального образования за 2010 – 2016 гг. по следующим показателям [24]: X1 – количество средних профессиональных учебных учреждений (ед.); X2 – численность преподавателей, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена (чел.); X3 – численность студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования (на 10 тыс. чел.); X4 – прием на обучение (тыс. чел.); X5 – выпуск специалистов, получивших среднее профессиональное образование (тыс. чел.); X6 – отношение специалистов, имеющих среднее профессиональное образование в составе занятого населения (%).

В результате нейросетевого моделирования получена динамика распределения исходных данных 83 регионов РФ в 2010–2013 гг. и 85 регионов в 2014–2016 гг. по четырем кластерам (табл. 1).

Из табл. 1 следует, что размерность кластеров варьируется: к концу рассматриваемого периода сокращается численность регионов, вошедших в состав кластеров *A* и *B*, в то время как количество регионов в составе кластеров *C* и *D*, напротив, увеличивается. Наибольшее число регионов, вошедших в состав кластера *D*, характеризующегося самыми низкими показателями, зафиксировано в 2012 г. Это свидетельствует о том, что в 2012 г. в поддержке и развитии уровня среднего профессионального образования нуждалась практически половина регионов России. В табл. 2 представлена динамика распределения регионов по кластерам, где *A* – кластер с самыми высокими показателями; *B* и *C* – кластеры со средними показателями, *D* – кластер, характеризующийся низкими показателями.

Из табл. 2 видно, что некоторые регионы на протяжении всего исследуемого периода относились к одному и тому же кластеру. Такие регионы составляют ядра кластеров. Так, ядрами кластера *A* являются 6 регионов: г. Москва, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Московская, Ростовская и Свердловская области. Ядром кластера *C* является Липецкая область. Ядро кластера *D* представлено следующими регионами: Ленинградская и Псковская области, Республика Ингушетия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ.

Таблица 1

Количество регионов РФ в кластерах за 2010–2016 гг.

Кластер \ Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
A	17	18	15	26	28	35	8
B	28	12	14	7	12	12	10
C	14	28	15	30	29	17	29
D	24	25	39	20	16	21	38

Таблица 2

Динамика распределения регионов РФ по кластерам в 2010–2016 гг.

Регионы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская область	C	C	C	B	B	B	C
Брянская область	C	C	C	B	B	B	C
Владимирская область	C	C	C	B	B	B	C
Воронежская область	B	B	D	A	D	A	C
Ивановская область	C	C	D	D	D	C	C
Калужская область	C	C	C	C	B	B	C
Костромская область	B	B	D	C	C	C	C
Курская область	B	C	C	C	C	D	C
Липецкая область	C	C	C	C	C	C	C
Московская область	A	A	A	A	A	A	A
Орловская область	C	D	D	C	C	C	D
Рязанская область	B	B	D	A	C	C	D
Смоленская область	B	B	D	A	C	C	C
Тамбовская область	B	C	D	C	C	C	D
Тверская область	B	B	D	C	B	B	C
Тульская область	B	C	C	B	B	B	C
Ярославская область	B	C	D	A	B	B	C
г. Москва	A	A	A	A	A	A	A
Республика Карелия	D	D	D	D	C	C	D
Республика Коми	B	D	D	C	C	D	D
Ненецкий автономный округ	D	B	D	D	A	A	D
Архангельская область	B	C	C	C	C	C	C
Вологодская область	C	C	C	B	B	B	C
Калининградская область	D	C	D	C	C	C	D
Ленинградская область	D	D	D	D	D	D	D
Мурманская область	C	C	D	C	C	C	D
Новгородская область	D	D	C	C	C	C	D
Псковская область	D	D	D	D	D	D	D
г. Санкт-Петербург	A	A	B	A	A	A	A
Республика Адыгея	D	C	D	D	C	D	D
Республика Калмыкия	D	D	D	D	A	A	D
Краснодарский край	A	A	A	A	A	A	A
Астраханская область	D	A	A	A	C	A	D
Волгоградская область	A	A	A	A	A	A	C
Ростовская область	A	A	A	A	A	A	A
Республика Дагестан	D	D	B	D	A	A	C
Республика Ингушетия	D	D	D	D	D	D	D
Кабардино-Балкарская Республика	D	D	B	D	D	D	D
Карачаево-Черкесская Республика	D	D	B	D	D	D	D
Республика Северная Осетия – Алания	D	D	C	D	C	D	D
Чеченская Республика	D	D	B	D	A	D	B
Ставропольский край	B	B	B	C	D	A	C
Республика Башкортостан	A	A	A	A	A	A	A

Окончание таблицы 2

Регионы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Марий Эл	B	D	D	C	C	C	D
Республика Мордовия	C	D	D	C	C	D	D
Республика Татарстан	A	A	B	A	A	A	A
Удмуртская Республика	B	C	D	C	B	B	C
Чувашская Республика	C	C	D	C	C	D	C
Пермский край	A	B	B	A	A	A	B
Кировская область	B	C	D	B	B	B	C
Нижегородская область	A	B	B	A	A	A	B
Оренбургская область	A	A	A	A	A	A	B
Пензенская область	B	C	C	C	C	C	C
Самарская область	A	A	B	A	A	A	B
Саратовская область	A	A	A	A	A	A	C
Ульяновская область	B	B	C	C	B	B	C
Курганская область	B	D	D	C	C	A	D
Свердловская область	A	A	A	A	A	A	A
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	C	C	C	B	B	B	C
Ямало-Ненецкий автономный округ	D	D	D	D	D	D	D
Тюменская область	C	C	C	A	C	A	D
Челябинская область	A	A	A	A	A	A	B
Республика Алтай	D	A	A	A	A	A	D
Республика Бурятия	B	D	A	C	C	A	D
Республика Тыва	D	D	D	D	D	C	D
Республика Хакасия	B	D	D	C	C	D	D
Алтайский край	B	C	D	C	D	A	C
Забайкальский край	B	D	D	C	C	C	D
Красноярский край	A	A	B	A	A	A	B
Иркутская область	B	B	B	C	A	A	B
Кемеровская область	B	B	B	A	A	A	B
Новосибирская область	B	C	B	C	D	A	C
Омская область	A	A	A	A	A	A	B
Томская область	C	C	D	C	C	D	D
Республика Саха (Якутия)	B	D	D	D	C	A	D
Камчатский край	D	C	D	D	D	D	D
Приморский край	B	C	D	C	A	A	C
Хабаровский край	B	D	D	C	C	A	D
Амурская область	D	A	A	A	A	A	D
Магаданская область	D	C	D	D	D	D	D
Сахалинская область	D	D	D	C	C	C	D
Еврейская автономная область	D	C	D	D	D	D	D
Чукотский автономный округ	D	D	D	D	D	D	D
Республика Крым					A	D	C
г. Севастополь					A	D	D

В табл. 3 приведена статистика средних значений деятельности регионов в сфере среднего профессионального образования за исследуемый период по кластерам и общих средних значений показателей по всем регионам России.

Наглядное представление о динамике средних значений показателей деятельности регионов Российской Федерации по кластерам за 2010 – 2016 гг. и соответствующих общих средних по РФ показателей дают графики (рис. 1–6).

Как показывает анализ данных рис. 1, 2, 4 и 5, среднее значение показателей X1 – количество средних профессиональных учебных учреждений; X2 – численность преподавателей, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена; X4 – прием на обучение; X5 –

Таблица 3

Статистика средних значений показателей деятельности регионов в сфере среднего профессионального образования по кластерам в 2010–2016 гг. и общих средних по РФ показателей

Год	Кластеры	X1	X2	X3	X4	X5	X6
2010	A	76	3424	154	20.22	16.38	27.76
	B	35	1296	158	7.86	6.36	27.66
	C	25	1021	139	5.44	4.57	25.48
	D	10	464	133	2.73	2.16	26.03
Среднее по РФ		**36**	**1552**	**146**	**9.06**	**7.37**	**26.73**
2011	A	66	3017	159	16.88	13.32	28.16
	B	47	1623	156	9.18	7.16	29.32
	C	27	1033	136	5.59	4.41	25.68
	D	16	641	133	3.57	2.74	24.73
Среднее по РФ		**39**	**1579**	**146**	**8.81**	**6.91**	**26.97**
2012	A	63	2910	164	15.97	11.91	27.73
	B	54	2159	134	12.36	8.92	23.04
	C	29	1082	131	5.10	4.04	26.78
	D	22	758	141	4.29	3.14	25.97
Среднее по РФ		**42**	**1727**	**143**	**9.43**	**7.00**	**25.88**
2013	A	55	2530	150	14.48	9.96	27.40
	B	35	1136	119	5.51	4.09	26.01
	C	27	1040	141	5.87	4.03	25.45
	D	10	392	93	2.33	1.53	23.31
Среднее по РФ		**32**	**1275**	**126**	**7.05**	**4.90**	**25.54**
2014	A	53	2493	149	13.95	9.41	23.82
	B	36	1150	133	6.03	4.21	26.20
	C	22	870	150	4.77	3.01	25.99
	D	21	764	106	4.46	3.10	23.38
Среднее по РФ		**33**	**1319**	**135**	**7.30**	**4.93**	**24.85**
2015	A	51	2441	160	13.75	8.89	25.74
	B	36	1210	137	6.21	4.01	26.27
	C	22	786	148	4.25	2.69	27.86
	D	14	604	125	3.41	1.97	22.31
Среднее по РФ		**31**	**1260**	**142**	**6.90**	**4.39**	**25.54**
2016	A	104	3495	141	22.82	15.65	26.06
	B	67	1981	178	13.97	8.78	24.67
	C	45	1102	144	7.12	4.63	26.21
	D	20	474	157	3.57	2.17	24.75
Среднее по РФ		**59**	**1763**	**155**	**11.87**	**7.80**	**25.42**

выпуск специалистов, получивших среднее профессиональное образование, в регионах, распределившихся в кластер *A*, на протяжении всего исследуемого периода превышает общее среднее значение по РФ.

Из анализа данных на рис. 1 следует, что с 2010 г. и до 2015 г. наблюдается плавное сокращение средних значений показателя X1 – численности средних профессиональных образовательных учреждений – в регионах, вошедших в кластер *A*. В 2016 г. произошёл существенный рост данного показателя во всех регионах страны.

Из рис. 2 следует, что среднее значение показателя X2 – численности преподавателей образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, – снижалось с 2013 по 2015 г., а затем произошёл его рост.

Рисунок 3 показывает, что в 2016 г. среднее значение показателя X3 – численности студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, – заметно возросло в регионах кластера *B*, а также произошло его увеличение по стране. В регионах, составивших кластер *D*, отмечается самое низкое значение данного показателя в 2013 году.

Рисунок 4 демонстрирует, что значения показателя X4 – прием на обучение – в регионах, вошедших в кластеры *C* и *D*, на протяжении всего рассматриваемого периода находятся на уровне ниже средних значений по РФ. При этом среднее значение приема на обучение во всей стране достигло максимального значения в 2016 г., особенно в регионах кластера *A*. Динамика показателя X5 – выпуск специалистов,

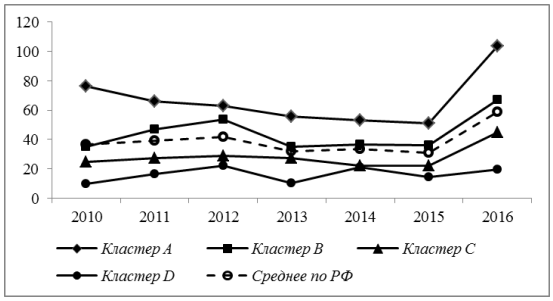

Рис. 1. Динамика численности средних профессиональных образовательных учреждений за 2010–2016 гг. (ед.)

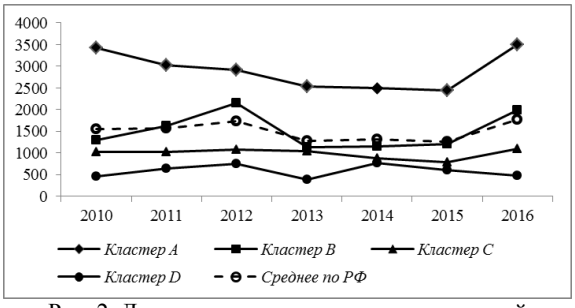

Рис. 2. Динамика численности преподавателей образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, за 2010–2016 гг. (чел.)

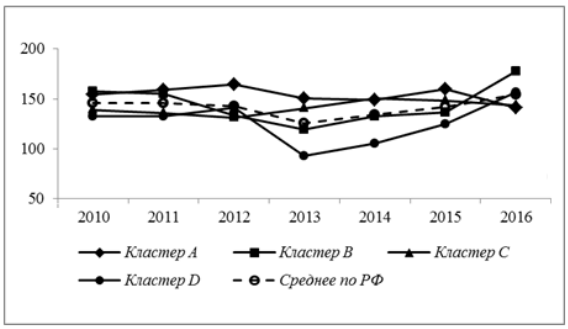

Рис. 3. Динамика численности студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, за 2010–2016 гг. (на 10 тыс. чел.)

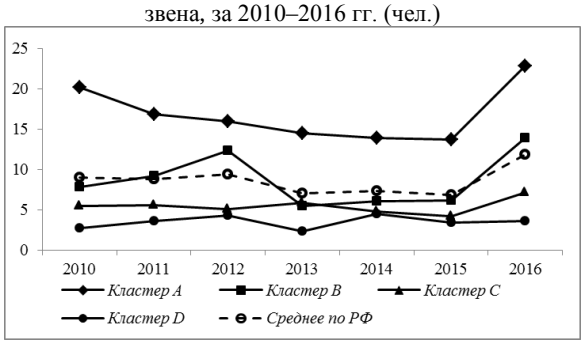

Рис. 4. Динамика показателя «Прием на обучение» за 2010–2016 гг. (тыс. чел.)

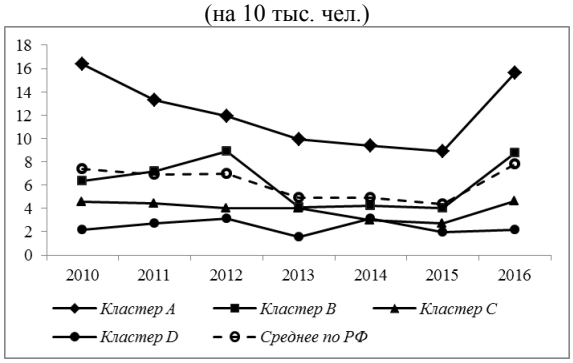

Рис. 5. Динамика показателя «Выпуск специалистов, получивших среднее профессиональное образование» за 2010–2016 гг. (тыс. чел.)

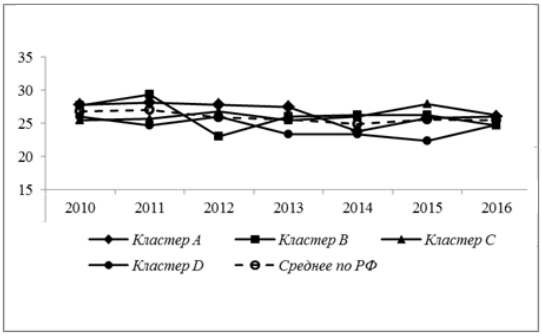

Рис. 6. Динамика отношения специалистов, имеющих среднее профессиональное образование в составе занятого населения, за 2010–2016 гг. (%)

получивших среднее профессиональное образование, – аналогична динамике показателя приема на обучение (рис. 5).

Среднее значение по РФ процентного отношения специалистов со средним профессиональным образованием в составе занятого населения на протяжении всего периода находилось приблизительно на одном уровне (варьировалось от 24.8% до 26.7%). Минимальное значение 22.3% зафиксировано в 2015 г. в регионах, составивших кластер *D*, а максимальное значение 29.3% отмечено в 2011 г. в регионах, образовавших кластер *B*.

Заключение

Человеческий капитал имеет стратегическое значение для экономического роста страны. При инновационном развитии российской экономики в ближайшие десятилетия следует ожидать качественного скачка в направлении значимости роли человеческого капитала в экономической деятельности регионов и страны в целом. Поэтому данное исследование было обусловлено тем, что в современных условиях устойчивое социально-экономическое развитие страны и ее регионов невозможно без развития человеческого капитала и его главной составляющей – экономики знаний.

Проведенное исследование показало, что эффективным средством для решения задачи кластеризации регионов Российской Федерации по показателям их деятельности в сфере среднего профессионального образования, как одного из важнейших элементов развития предприятий

промышленности и других секторов экономики, являются СОК Кохонена.

Применение методов нейросетевого моделирования в задаче исследования динамики деятельности регионов Российской Федерации в сфере среднего профессионального образования – одного из факторов экономического роста – показало присутствие заметных различий в размерах кластеров, что отражает неравномерный характер деятельности регионов России в данной сфере.

Уменьшение количества регионов в кластере *A* в 2016 г. свидетельствует о том, что часть регионов ухудшили свои показатели и перераспределились в кластеры с более низкими показателями. Однако при этом средние значения почти всех показателей в кластере *A* увеличились в 1.5–2 раза по сравнению с 2015 г.

Отрицательная динамика большинства показателей с 2010 по 2015 г. свидетельствовала о необходимости поддержки и развития регионов в сфере среднего профессионального образования. Эта тенденция сменила свое направление к 2016 г., что говорит о потребности российских предприятий в высококвалифицированных специалистах со средним профессиональным образованием. В настоящее время наблюдается высокий уровень трудоустройства выпускников ссузов. Данный показатель в 2016 г. составил 65% [34].

Развитие среднего профессионального образования является важной задачей для российской экономики, которая связана с эффективным использованием трудовых ресурсов, а также структурированием и развитием рабочей силы.

Полученные в данной работе результаты позволили определить регионы, являющиеся перспективными в плане развития образовательной деятельности в сфере СПО. Следует отметить регионы РФ, которые составили ядро кластера *A* с наивысшими показателями: г. Москва, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Московская, Ростовская и Свердловская области.

К регионам, которым с целью оптимизации их деятельности в сфере среднего профессионального образования необходима модернизация для увеличения человеческого капитала и повышения инновационного потенциала России, относятся регионы, характеризующиеся самыми низкими показателями на протяжении всего рассматриваемого периода: Ленинградская и Псковская области, Республика Ингушетия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ.

Таким образом, в настоящее время в рамках стратегического развития регионов и страны в целом необходимо уделить особое внимание приоритетному направлению подготовки высококвалифицированных специалистов со средним профессиональным образованием с учетом современных стандартов и передовых технологий.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Утверждена распоряжениями Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р и от 08.08.2009 № 1121-р). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527 (дата обращения: 24.11.2017).

2. Набиуллина Э.С. О долгосрочных прогнозах экономического развития // В кн.: XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (апрель 2012 г.). В 4 книгах. Книга 1 / Отв. ред. Е. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 26–33.

3. Гранберг А.Г., Михеева Н.Н., Ершов Ю.С. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 69–101.

4. Крюков В.А. Влияние фактора многообразия на особенность формирования политики развития ресурсного сектора и экономики регионов // Экономика управления. 2017. № 11. С. 21–30.

5. Кулешов В.В., Унтура Г.А., Маркова В.Д. Развитие экономики знаний: роль инновационных проектов в программе реиндустриализации региона // Регион: экономика и социология. 2016. № 3 (91). С. 28–54.

6. Удалов Ф.Е., Алёхина О.Ф. Макроуровневый анализ централизованной системы управления экономикой // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 3 (47). С. 82–85.

7. Швецов А.Н. Пространственная кластеризация инновационной деятельности: смысл, эффекты, государственная поддержка // Регион: экономика и социология. 2015. № 4. С. 142–161.

8. Brock G. Growth in Russia's federal districts, 1994–2003 // Post-Communist Economics. 2010. Vol. 22. № 1. P. 19–31.

9. López-Bazo E., Vayá E., Artís M. Regional externalities and growth: evidence from European regions // Journal of Regional Science. 2004. Vol. 44. № 1. P. 43–73.

10. Аганбегян А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 3. С. 66–79.

11. Аганбегян А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста (*окончание*) // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 6–21.

12. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА–М, 2010. 624 с.

13. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. 2003. Том 73. № 5. С. 450–456.

14. Макаров В.Л. Становление экономики знаний в России и мире // В кн.: Экономика знаний: Коллективная монография / Отв. ред. д-р экон. наук, проф. В.П. Колесов. М.: ИНФРА–М, 2008. 432 с. Гл. 1. С. 34–44.

15. Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. 204 с.

16. Кузнецов Ю.А. Человеческий капитал, производительность труда и экономический рост // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 43 (298). С. 2–14.

17. Лавров Е.И., Лаврова Л.А. Человеческий капитал как фактор экономического роста // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2006. № 2. С. 63–69.

18. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic growth. 2nd ed. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2004. 672 p.

19. Durlauf S.N., Quah D. The new empirics of economic growth // Handbook of Macroeconomics. Oxford: Elsevier, 1999. Vol. 1A. P. 235–308.

20. Lucas R.E. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. № 1. P. 3–42.

21. Quah D. Empirics for growth and distribution: stratification, polarization, and convergence clubs // Journal of Economic Growth. 1997. Vol. 2. № 1. P. 27–59.

22. Баранов А.О., Слепенкова Ю.М. Методологические проблемы анализа воспроизводства человеческого капитала в России // ЭКО. 2018. № 2. С. 5–17. URL: https://dlib.eastview.com/browse/doc/50460298 (дата обращения: 19.03.2018).

23. Benhabib J., Spiegel M.M. The role of human capital in economic development: Evidence from aggregate cross-country data // Journal of Monetary Economics. 1994. Vol. 34. № 2. P. 143–173.

24. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 10.02.2018).

25. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.condultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.10.2017).

26. Гаспаришвили А.Т. Среднее специальное образование и рынок труда: подготовка специалистов или ступень к вузу // Экономика и образование: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 7. С. 50–58.

27. Kohonen T. Self-organized formation of topologically correct feature maps // Biol. Cybern. 1982. Vol. 43. P. 59–69.

28. Перова В.И., Авагян Э.А. Нейросетевой анализ динамики показателей высшего образования в регионах Российской Федерации как фактора экономического роста страны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 54–60.

29. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. Ч. 1. Нейронные сети, обучаемые с учителем. 130 с.; Ч. 2. Нейронные сети, обучаемые без учителя. 135 с.

30. Перова В.И. Нейронные сети: Учебное пособие. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. Ч. 1. 155 с.; Ч. 2. 111 с.

31. Нейронные сети. STATISTICA Neural Networks: Методология и технологии современного анализа данных / Под ред. В.П. Боровикова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Горячая линия–Телеком, 2008. 392 с.

32. Дюк В.А., Самойленко А.П. Data Mining: Учебный курс. СПб.: Питер, 2001. 370 с.

33. Зайцев К.С. Применение методов Data Mining для поддержки процессов управления IT-услугами: Учебное пособие. М.: МИФИ, 2009. 96 с.

34. URL: http://www.spo.graduate.edu.ru/#/?year=2014&year_monitoring=2016 (дата обращения: 10.02.2018).

NEURAL NETWORK MODELING OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION DYNAMICS INDICATORS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR OF GROWTH OF THE COUNTRY'S ECONOMY

V.I. Perova, E.S. Boleeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

We have studied the indicators' dynamics of the Russian Federation regions in the field of secondary vocational education using the method of neural network modeling. The relevance of this study is due to the fact that human capital, which represents a combination of knowledge, skills and abilities obtained in the process of education and subsequently generating income, is one of the most important internal factors of the country's economic potential. The study was based on the analysis of multidimensional data. Cluster analysis on six indicators using Kohonen self-organizing maps is implemented using the STATISTICA system. It is shown that in 2010–2016, Russian regions were divided into 4 clusters. The composition and characteristics of each cluster are obtained and socio-economic conclusions are drawn. The research has allowed us to define the features of indicators' dynamics of secondary professional education development in Russian regions with the aim to determine the ways for increasing the competitiveness of the national educational system as a factor of the country's economic growth.

Keywords: economic growth, human capital, secondary vocational education, regions of the Russian Federation, cluster analysis, neural networks, Kohonen self-organizing maps.

УДК 331.102.323

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КВАЛИФИКАЦИЙ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

© 2018 г.

М.С. Чежидов

Чежидов Максим Сергеевич, генеральный директор
Ассоциации по развитию профессиональных квалификаций и компетенций
в Приволжском федеральном округе, Н. Новгород
maksim-chezhidov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.06.2018
Статья принята к публикации 18.07.2018

Исследуются основы системы профессиональных квалификаций финансового рынка в России. Определено, что в процессе деятельности субъектов финансового сектора создаются соответствующие фонды, которые с течением времени превращаются в инвестиционный капитал, стимулируется научно-технический прогресс, обеспечивается социальная защита отдельных субъектов экономической системы, снижается общественная социальная напряженность. На основании глобальной роли развития финансового рынка обоснована целесообразность создания и совершенствования функционирования Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка в современных условиях. Также рассмотрена структура СПК ФР, и обозначены основные функциональные компетентности, рассмотрены основные проблемы развития СПК ФР, что позволило определить ключевые направления повышения эффективности кадровой структуры сферы финансового рынка.

Ключевые слова: финансовый рынок, система профессиональных квалификаций, развитие, специалист, сотрудник, компетенция, совершенствование.

Введение

Прогрессивный рост экономики возможен при наличии развивающегося рынка труда, основанного на постоянном росте профессиональных знаний и навыков работников, удовлетворяющих современным потребностям работодателей. Развитые государства в современных условиях сталкиваются с проблемой внутренней недостаточности квалифицированного персонала, интеллектуальный капитал которого выступает предпосылкой дальнейшего развития их финансовых систем. В связи с чем возникает актуальность исследования развития системы профессиональных квалификаций в условиях формирования эффективно функционирующей кадровой структуры финансового рынка.

Целесообразность исследования проблем развития квалификаций и профессиональных стандартов обусловлена современными запросами социума, науки и образовательной практики на подготовку высококвалифицированных, конкурентоспособных, мобильных специалистов в условиях глобализации и экономической интеграции. Проблемы развития квалификаций и профессиональных стандартов занимают видное место в политике развитых стран. В частности, важными задачами Болонского и Копенгагенского процессов являются:

– обеспечение равности и сопоставимости квалификаций, которые получают граждане разных стран;

– расширение возможностей освоения квалификаций, в том числе путем постепенного накопления единиц квалификации;

– признание квалификаций, полученных в ходе предыдущей трудовой деятельности и в результате формального и неформального обучения, как основы эффективного рынка труда и т.д.

В основу данного исследования ложится аналитика построения максимально эффективного взаимодействия рынка труда и образования, в части выявления потребности работодателей и построения на этой основе взаимодействий с образовательными организациями, для получения на выходе из них высококвалифицированных кадров, соответствующих запросам работодателей, что является основной целью деятельности Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка.

Теоретико-методологические подходы

В последнее десятилетие в России, как и во всем мире, понятия «квалификации» и «стандарты» приобретают все большую взаимосвязанность. Толчком к этому стало принятие Европейских рамок квалификаций для обучения в течение жизни (The European Qualifications Frameworks for Lifelong Learning – EQF), где квалификация связывается не с процессом обучения, а с его результатом – совокупностью компетенций (результатов обучения) по заданным стандартам [1].

Профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции. Необходимость разработки и введения профессиональных стандартов определена Указом Президента РФ №597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [2].

Профессиональные стандарты являются обязательными для всех работодателей, если в соответствии с Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами с выполнением работ по определенным должностям, профессиям, специальностям связано предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений, то наименование этих должностей, профессий или специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификационных справочниках, утверждаемых в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, или соответствующим положениям профессиональных стандартов [3].

На сегодня разработано более 1200 профессиональных стандартов, по оценке Министерства труда РФ, планируется около 2500 стандартов, охватывающих все области и виды профессиональной деятельности [4].

В соответствии со статьей 195.1 Трудового кодекса РФ квалификация работника – уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника [3]. Таким образом, по нашему мнению, чем выше полученная квалификация, тем быстрее и качественнее сотрудник выполняет работу в рамках своих компетенций.

Требования к специалистам финансового рынка обусловливают необходимость развития в России новой качественной системы перехода к профессиональным компетенциям. Так, на основании мировых стандартов и положительной практики развитых стран с учетом российской специфики образовательной системы и функционирования всех отраслей хозяйствования (как коммерческих, так и некоммерческих организаций) в РФ создана и успешно осуществляет свою деятельность Национальная система квалификаций (НСК).

Сложности определения и конкретизации дефиниции НСК являются причиной глубоких исследований компетентных специалистов. В целом, анализ научной литературы позволил обобщить, что НСК по своей сути является комплексной системой документации, отдельные элементы которой тесно взаимосвязаны, а также включает систему государственно-целостных мероприятий и институтов, функционирование которых направлено на менеджмент жизненного цикла квалификаций, улучшение качества и эффективности использования человеческого капитала, организации трудовой деятельности [5].

Кроме того, реализация НСК РФ предполагает взаимодействие направлений и уровней образовательной системы и отраслей трудовой деятельности с целью гарантии компетентности сотрудников, а также повышения конкурентоспособности интеллектуального капитала России в условиях глобализации финансово-экономических процессов [6].

В контексте исследования стоит также выделить факт создания в соответствии с Указом Президента РФ № 249 от 16.04.2014 Национального совета при Президенте РФ по профессиональным квалификациям [7]. Национальный совет создает советы по профессиональным квалификациям. Советы по профессиональным квалификациям являются постоянно действующими органами национальной системы профессиональных квалификаций, создаваемыми с целью формирования и развития систем профессиональных квалификаций по определенным видам профессиональной деятельности.

В настоящее время на территории Российской Федерации было образовано и функционирует 28 СПК, которые представляют собой фундаментальные элементы в организационной структуре Национальной системы квалификаций [8].

В марте 2015 года была создана Ассоциация участников финансового рынка «Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка» (СПК ФР). Решением НСК от 20 мая 2015 года СПК ФР наделен полномочиями базовой организации по ведению деятельности по оценке профессиональных квалификаций финансового рынка.

В отношении структуры СПК ФР стоит отметить, что она отражает содержание, и итоги функционирования заключаются по реализации пяти основных направлений, которые определенны также Указом Президента РФ № 249 от 16.04.2014. Так, в структуру СПК ФР входят руководители ведущих профессиональных объединений финансового рынка (31 человек), среди которых представители Всероссийского союза страховщиков, Ассоциации российских банков, НФА, НП «Национальный платежный совет», Ассоциации региональных банков России, НАУФОР, Национального объединения внутренних аудиторов и контролеров, Минфина России, Ассоциации факторинговых компаний и других, а также представители Банка России, Пенсионного фонда России, Санкт-Петербургского государственного экономического универ-

ситета, РАНХиГС, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, СРО в области аудиторской деятельности и оценочной деятельности и других организаций [9].

Необходимо отметить, что ключевыми направлениями деятельности Ассоциации участников финансового рынка являются:

1. Осуществление мониторинга рынка труда, обнаружение новых профессий, изменений в названиях и списках профессий финансового рынка.

2. Создание, использование и актуализация профессиональных стандартов в рамках компетенций специалистов финансового рынка.

3. Создание, применение и актуализация отраслевой рамки квалификаций и квалификационных требований для специалистов финансового рынка.

4. Участие в процессе создания государственных стандартов профессионального образования, актуализации программ профессионального образования и обучения.

5. Проведение профессионально-общественной аккредитации образовательных программ.

6. Оценка квалификаций работников [10].

На наш взгляд, необходимость функционирования СПК финансового рынка обусловлена следующими причинами:

– на финансовом рынке реализуются национальные интересы государства, поэтому необходимо рассматривать финансовый рынок и потенциал его работников как комплекс экономических приоритетов развития страны;

– на финансовом рынке переплетаются интересы различных участников, а именно государства, субъектов хозяйствования и домохозяйств. Эти интересы могут зайти в определенные противоречия, и, соответственно, для обеспечения стабильности функционирования как рынка, так и финансовой системы страны в целом необходимо наличие определенных стандартов, которые уравновешивали бы интересы всех участников;

– главным действующим лицом на финансовом рынке являются домохозяйства, имеющие наибольшую долю в чистых сбережениях среди других институциональных секторов экономики. Население в основном не обладает достаточным объемом знаний в сфере финансовых отношений, и возникает необходимость в правовой защите интересов инвесторов на финансовом рынке, что может обеспечить только соответствующая подготовка кадров и постоянный мониторинг их квалификации.

Следует отметить, что СПК ФР, с одной стороны, осуществляет регулирование квалификаций и компетентности специалистов финансового рынка, а с другой стороны, является субъектом создания нового потенциала и интеллектуального капитала, формирующегося на финансовом рынке, поскольку может осуществлять мобилизацию необходимых человеческих ресурсов.

На сегодня действуют 7 представительств СПК ФР, они открыты в Санкт-Петербурге, Самаре, Екатеринбурге, Иркутске, Краснодаре, Хабаровске, Нижнем Новгороде.

Основными направлениями деятельности представительств являются: осуществление представительских функций СПК ФР; профессионально-общественная аккредитация образовательных программ; развитие сети центров оценки квалификаций и экзаменационных центров для специалистов финансового рынка и осуществление контроля за их деятельностью; обучение экспертов по ПОА и НОК.

Профессиональная общественная аккредитация образовательных программ является, на наш взгляд, неотъемлемой частью системы развития профессиональных квалификаций и одним из механизмов, связывающим работодателей и сферу образования.

Характерной особенностью развития института независимой оценки квалификаций является сопряжение государственного регулирования данного института с создаваемой для этого эффективной нормативно-правовой базой и наделение довольно весомыми полномочиями частных субъектов (организаций), как участников данных правоотношений, путем создания сети на базе юридических лиц центров оценки квалификаций (ЦОК) и наделения их полномочиями в сфере проведения квалификационных экзаменов.

Основными проблемами развития СПК ФР, на наш взгляд, являются:

– отсутствие должного информирования всех участников финансового рынка, что является основным фактором развития данной системы;

– отсутствие у работодателей понимания, какими полномочиями они наделены в момент становления и развития данной системы: участие в разработке, обсуждениях, валидации профессиональных стандартов и комплектов оценочных средств;

– отсутствие понимания работодателями и многими учебными заведениями значимости института профессионально-общественной аккредитации, который, в свою очередь, призван консолидировать усилия сфер труда и образования по подготовке молодых специалистов финансового рынка.

Проблематика, которую стоит выделить в рамках исследования СПК ФР, заключается в низком уровне текущей на данный период про-

фессиональной востребованности выпускников образовательных учреждений, специализация которых ориентирована на финансовый рынок. Также стоит вопрос о повышении конкурентоспособности отдельных регионов РФ как перспективного работодателя. Объединяя решение указанных проблем, необходимо учитывать, что на уровне субъектов РФ фундаментальной является задача, стоящая перед практиками СПК ФР, – это, безусловно, подготовка квалифицированных кадров, уровень специализации которых будет унифицирован для всех регионов и, соответственно, конкретных учебных учреждений. Кроме того, с нашей точки зрения, целесообразно создание не только региональных органов управления в СПК ФР, но и представительного комитета образовательной организации, который будет осуществлять мониторинг выработки и соответствия реальных стандартов и требований к квалификациям и стандартам обучения. Это работа должна проводиться системно. Сейчас она систематизирована на федеральном уровне, и ключевой целью является внедрение системы в масштабах вуза.

Также многими отечественными исследователями в контексте реализации СПК ФР отмечается проблема разделения труда. В современных условиях принятые и разрабатываемые профстандарты должны, во избежание проявления данной проблематики, полноценно и всецело отражать универсализацию, дифференциацию и диверсификацию, что обусловлено спецификой видов профессиональной деятельности на финансовом рынке.

Глобализация всех функциональных процессов на финансовом рынке также обусловливает проблему актуализации принятых профстандартов. В процессе этапа жизненного цикла СПК ФР, который включает в свое содержание комплексный анализ и обсуждение накопленных замечаний, предложений при использовании профстандарта, стоит разрабатывать также систему принятия решений в отношении необходимости его изменения и внесения изменений. В ходе актуализации особую роль играет учет нормативно-правовых условий функционирования направлений профессиональной деятельности, текущих и стратегически планируемых тенденций развития финансового рынка, финансовых продуктов, инструментов, услуг, технологий, подготовки системой образования кадров финансово-экономического профиля. Кроме того, актуализация предполагает использование профстандартов в кадровом управлении и продуцирование на их основе образовательных стандартов и программ. Исходя из этого создаются формальные и содержательные основания для внедрения соответствующих изменений в действующие профстандарты. Так, например, содержательными причинами являются новые требования к профессиям, вызванные изменением разделения труда, набора трудовых функций, выполняемых работником, а также появление принципиально новых предметов деятельности (как объективной основы формирования новых профессий) из-за появления новых продуктов, услуг [11].

Заключение

Эффективная деятельность субъектов финансового сектора, занимая особое место в системе хозяйствования, выступает одним из элементов развития экономики любой страны, обеспечивая ее стабильность, платежеспособность и относительную непрерывность хозяйственной деятельности ее субъектов. С помощью такой деятельности может быть обеспечена потребность в надежной защите от многих рисков, существующих в конкретный момент общественного развития, и оптимизации трудовых процессов. Недостаточная эффективность деятельности субъектов финансового сектора выступает сдерживающим фактором ее влияния на экономики государств. Для удовлетворения экономических интересов участников финансовой системы необходима не только финансовая устойчивость или надежность субъектов финансового сектора на рынке, но и, безусловно, эффективная система профессиональных компетенций. Стратегическая важность деятельности специалистов финансового сектора для государства обусловливает определение, систематизацию факторов, влияющих на ее эффективность, с целью дальнейшего стимулирования экономического развития.

Таким образом, освоение соответствующего набора единиц профессионального стандарта в рамках финансового сектора приводит к получению квалификации определенного уровня или к расширению объема квалификации, что позволяет сформировать четкую типологию квалификационных направлений специалистов финансового рынка и определить основные направления совершенствования и развития функций системы профессиональных квалификаций финансового рынка. Для положительных тенденций развития деятельности СПК ФР считаем необходимым возложить на региональные представительства ведение наиболее активной деятельности по организации дискуссионных площадок, круглых столов, конференций, семинаров, вебинаров с участием представителей сферы рынка труда и образования.

Список литературы

1. Бариленко В.И., Крылова Т.Д., Наумова О.Н. Профессиональные стандарты как критерий качества подготовки специалистов для финансового рынка // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2017. № 2. С. 100–103.

2. Указ Президента РФ №597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261 (дата обращения: 08.06.2018).

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 7 января. № 1. Ст. 57, 195.1 ТК РФ.

4. Журнал «Профессионал. Финансы». 2018. № 3 / Компания Finarty [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://asprof.ru/site/public/elfinder/Listalki/ProfFin_2017_03.pdf (дата обращения: 07.06.2018).

5. Формирование системы профессиональных квалификаций: словарно-справочное пособие. М.: Изд-во «Перо», 2016. 48 с.

6. Голодец О.Ю. Система профессиональных стандартов – шанс для повышения конкурентоспособности экономики // Бизнес России. 2015. № 3–4. С. 36–37.

7. Указ Президента РФ № 249 от 16.04.2014 «О национальном совете при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38330 (дата обращения: 08.06.2018).

8. Маштакеева Д.К. Организация системы независимой оценки квалификаций специалистов финансового рынка / Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kosygin-rgu.ru/filemanag/Uploads/umo/2016-12-12/1/Д.К.Маштакеева.pdf (дата обращения: 28.05.2018).

9. Мурычев А.В., Маштакеева Д.К., Новиков П.Н. Развитие системы профессиональных квалификаций финансового рынка России // Деньги и кредит. 2017. № 8. С. 18–25.

10. Малышев Н. Стандарт для профессии // Современные страховые технологии. 2018. № 1. С. 60–61.

11. Моисеев А.В., Мурычев А.В., Маштакеева Д.К., Новиков П.Н. О деятельности Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка // Финансовый журнал. 2017. № 1. С. 52–62.

12. Моисеев А.В., Маштакеева Д.К., Новиков П.Н. Формирование и развитие системы профессиональных квалификаций финансового рынка // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 2 (30). С. 28–40.

13. О Совете / Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://asprof.ru/about (дата обращения: 27.05.2018).

DEVELOPMENT OF THE PROFESSIONAL QUALIFICATIONS SYSTEM OF THE FINANCIAL MARKET

M.S. Chezhidov

Association for the development of professional qualifications and competencies in the Volga Federal District

The article examines the basic elements of the professional qualifications system in Russia's financial market. The author shows that in the process of the activities of financial sector entities, appropriate funds are being created, which, over time, become investment capital, scientific and technological progress is promoted, social protection of certain subjects of the economic system is provided, and social tension in society is reduced. Based on the global role of financial market development, the expediency of creating and improving the functioning of the professional qualifications system of the financial market in the current conditions is justified. The structure of the professional qualifications system of the financial market is also considered and the main functional competences are identified, which makes it possible to determine key areas for improving the efficiency of the personnel structure of the financial market.

Keywords: financial market, system of professional qualifications, development, specialist, employee, competency, improvement.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ВХОЖДЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

© 2018 г.

Г.Л. Воронин, М.М. Курячьева

Воронин Геннадий Леонидович, д.соц.н., доц.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва
VoroninGLmail@mail.ru
Курячьева Марсель Михайловна, аспирант Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
marso_1990@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.05.2018
Статья принята к публикации 19.07.2018

Интернет, сделавший первые шаги в начале 60-х годов, в настоящее время насчитывает, по разным источникам, от 3.3 до 3.8 млрд пользователей. Интернет-технологии, которые легко осваивает ребенок, с большим трудом даются человеку старшего возраста. В статье делается анализ включенности в интернет-пространства людей, родившихся до наступления эпохи Интернета. Авторы ограничиваются анализом взаимодействия с Интернетом возрастной группы 51 год и старше.

В качестве эмпирической базы исследования используются данные «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms).

Ключевые слова: Интернет, включенность в интернет-пространство, социальные сети, информационное общество, социальное взаимодействие.

Введение

Сегодня продолжается процесс информатизации общества, внедрение новых технологий происходит постоянно и повсеместно. Сложно назвать хотя бы одну отрасль производства или сферу обслуживания, где не использовались бы электронные системы или компьютерные технологии. В связи этим отдельный интерес представляет собой старшее поколение и его особенности взаимодействия с Интернетом. Среди данной социальной группы использование технических средств коммуникаций менее распространено, чем среди молодежи. Но при этом «многие пожилые мотивированы к включению в интернет-пространство и используют семейные ресурсы для их приобретения, проявляют самостоятельность, что соответствует духу нового Закона о социальном обслуживании» [1, с. 84].

Теоретико-методологические подходы

Сегодня многие сферы обслуживания (банки, почта, медицинские учреждения, магазины и др.) перешли не только на частично электронное техническое обслуживание (терминалы, банкоматы), но и ввели электронные очереди или электронную запись. Кому-то кажется очевидным, что новые системы обслуживания удобны, экономят время (например, дистанционные системы оплат с помощью банковской карты), однако ряду людей это кажется незнакомым, непонятным, порой опасным, и это прежде всего мнение старшего поколения.

Целью данной статьи авторы определяют выявление причин и потребностей старшего поколения в освоении и использовании интернет-технологий, а также проведение социологической диагностики социально-демографических факторов, способствующих или препятствую-

щих уверенному освоению Интернета старшим поколением.

Для получения результата необходимо выявить взаимосвязь между социально-демографическими показателями и уровнем вовлеченности старшего поколения в интернет-пространство, его готовность использовать новейшие интернет-технологии. Важно понять, как владение новыми технологиями повлияет на жизнь старшего поколения, включая повседневные условия, и как изменится общество, если значительная его часть овладеет новыми технологиями. Стоит понимать, что важность данной темы обусловливается даже не столько комфортом, профессиональным ростом, самореализацией, сколько необходимостью и вынужденностью старшего поколения адаптироваться к новым цифровым условиям жизни. Для достижения поставленной задачи авторы статьи используют метод логистической регрессии, позволяющей сделать прогноз на событие. В нашем случае – это прогноз на включенность лиц старшего возраста в интернет-пространство.

Данную тему поднимали И.А. Григорьева и В.Н. Келасьев в статье «Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность», в которой они рассмотрели сервис «КиберПочта» и насколько успешно он внедряется в жизнь пожилых граждан [1]. Т.С. Панина и Н.В. Павельева выступили со статьей «Использование информационно-коммуникационных технологий в непрерывном обучении людей «третьего возраста», где рассматриваются проблемы использования пожилыми людьми ресурсов сети Интернет и задачи, связанные с преодолением цифрового неравенства [2]. С.Е. Гасумова в работе «Отношение пожилых людей к сети Интернет и мобильной телефонной связи» показала, что в современных условиях в России формируется мотивационная готовность пожилых людей к освоению новых информационных технологий [3]. В статье Л.А. Солдатовой «Повышение человеческого потенциала старшего поколения посредством интернет-технологий» показано, что «средства массовой информации, включающие периодическую печать, радио, телевидение, кино, интернет-ресурсы и т. д., – это один из важнейших инструментов организации как местного сообщества, так и современного социума в целом» [4]. З.А. Бутуева в качестве приоритетной задачи образования для людей «третьего возраста» определила развитие и формирование у старшего поколения таких качеств и способностей, которые позволили бы им комфортно существовать в быстроизменяющемся мире. В качестве одного из условий успешной адаптации называется овладение лицами старшего поколения информационным ресурсом, в том числе с использованием Интернета [5]. Н.И. Нескромных и А.М. Мамадалиев в работе «Стратегии адаптивного поведения лиц пожилого возраста в интернет-пространстве» раскрыли специфику, конструктивные и деструктивные стратегии адаптивного поведения людей пожилого возраста в сети [6].

Также данный вопрос поднимался зарубежными коллегами: Smarn Loipha «Пожилые пользователи Интернета Таиланда (Thai Elderly Behavior of Internet Use)» [7]. В работе автор рассматривает возможность сделать пожилых социально активной группой посредством интернет-технологий, что в перспективе улучшит и их уровень жизни и положительно скажется на развитии общества в целом. Также автор рассмотрел причины, по которым новые технологии менее популярны у старшего поколения, нежели у молодежи. Alexander JAM van Deursen и Ellen Helsper опубликовали статью «Особенности понимания использования Интернета и его низкая востребованность среди пожилых людей (A nuanced understanding of Internet use and non-use among the elderly)» [8]. В работе показано, что пожилые – весьма разнообразная социальная группа и некоторые индивиды, ввиду условий жизни и личных особенностей, будут исключены из виртуальной жизни с большей вероятностью. Björn Niehaves и Ralf Plattfaut: «Интернет-принятие пожилыми людьми: использование теорий принятия технологий информационных систем для понимания возрастающего цифрового разрыва (Internet adoption by the elderly: employing IS technology acceptance theories for understanding the age-related digital divide)») [9]. В статье авторы говорят о том, что IT недостаточно используются старшим поколением, само исследование направлено на преодоление «цифрового разрыва» между старшим и молодым поколениями. Namkee G. Choi и Diana M. DiNitto: «Использование Интернета среди пожилых людей: взаимосвязь с потребностями в области здравоохранения, психологическим капиталом и социальным капиталом (Internet Use Among Older Adults: Association With Health Needs, Psychological Capital, and Social Capital)» [10]. В данной работе авторы сравнили здоровье и социальный капитал людей старшего возраста, которые пользуются Интернетом, а также тех, кто избегает пользоваться Интернетом. Shelia R. Cotten, George Ford, Sherry Ford и Timothy M. Hale: «Использование Интернета и депрессия среди пенсионеров пожилого возраста в США: панельный анализ (Internet Use and Depression Among Retired Older Adults in the United States:

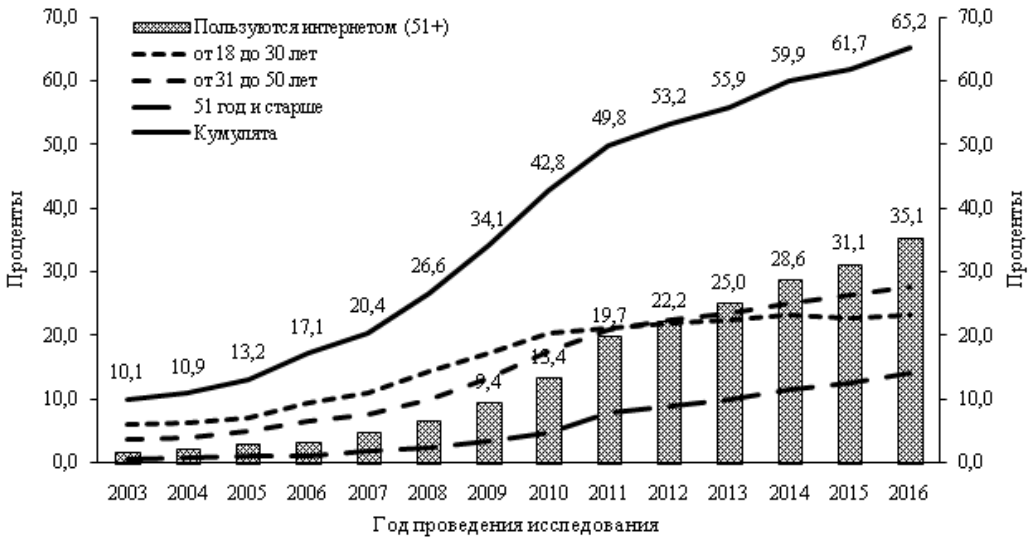

Рис. 1. Динамика изменения доли лиц, пользующихся Интернетом в течение последних 12 месяцев, в зависимости от возраста по выборке в целом и доля лиц, пользующихся Интернетом, в возрастной группе 51 год и старше, % (от числа жителей России старше 18 лет)

A Longitudinal Analysis)» [11]. В работе выявлена взаимосвязь использования старшим поколением Интернета и уровня депрессии; показано, что Интернет устраняет социальную изоляцию, тем самым понижая уровень депрессии. Aaron Smith в статье «Пожилые люди и использование технологий (Older Adults and Technology Use)» показал продолжающийся рост численности интернет-пользователей среди старшего поколения, а также сравнил две группы: тех, кто использует и не использует Интернет. Раскрывается, что те, кто не используют новые технологии, часто оказываются менее обеспеченными или имеют проблемы со здоровьем [12]. María A. Ramón-Jerónimo, Begoña Peral-Peral и Jorge Arenas-Gaitán: «Elderly Persons and Internet Use (Пожилые люди и использование Интернета)» [13]. В данной работе авторы рассмотрели гендерные различия пожилых пользователей всемирной сети и отметили, что возможность использования Интернета у женщин больше, но при этом больший интерес к новым технологиям проявляют мужчины.

Результаты анализа

Включенность в интернет-пространство. Пользователи интернет-технологий старшего возраста вызывают интерес в первую очередь потому, что в ближайшие годы именно эта категория будет наиболее активно продолжать вливаться в интернет-пространство. Если в целом средний абсолютный прирост интернет-пользователей с 2003 по 2016 г. в возрастной группе лиц 18–50 лет составлял 4.2%, то в группе лиц 51 год и старше средний абсолютный прирост в указанный период составлял 1.05%, следовательно, потенциал этой группы в освоении простора Интернета далеко не исчерпан.

Прирост новых пользователей в возрасте от 18 до 30 достиг своего максимума уже в 2010 г. и определяется уровнем рождаемости в предшествующие годы. Это объясняется тем, что большинство представителей молодежи уже является пользователями; так, в 2016 г. доля россиян в возрасте от 18 до 30, пользующихся Интернетом, находится в интервале от 92 до 94%. В возрастной группе 31–50 лет доля пользователей Интернета находится в интервале от 78 до 81%. И только в возрастной группе от 51 года и старше к интернет-пользователям относятся лишь 34–36%, что указывает на значительный резерв для увеличения доли интернет-пользователей в России (см. рис. 1).

В 2016 г. от 38 до 42% городского населения старше 51 являлись пользователями всемирной сети. Учитывая, что в городе проблемы физического доступа в Интернет достаточно эффективно решаются (что видно на примере интернет-пользователей от 18 до 30 лет), вполне правомерен вывод о том, что проблема доступа к интернет-ресурсам является производной от уровня потребности в такого рода услугах (деятельности). На селе только каждый четвертый в возрастной группе 51+ является пользователем Интернета. Таким образом, при актуализации потребности в интернет-деятельности этой возрастной группы происходит актуализация российского Интернета в целом.

За период наблюдения с 2003 по 2016 г. в целом фиксируется значительный рост числа пользователей Интернета в группах 18–30 лет и

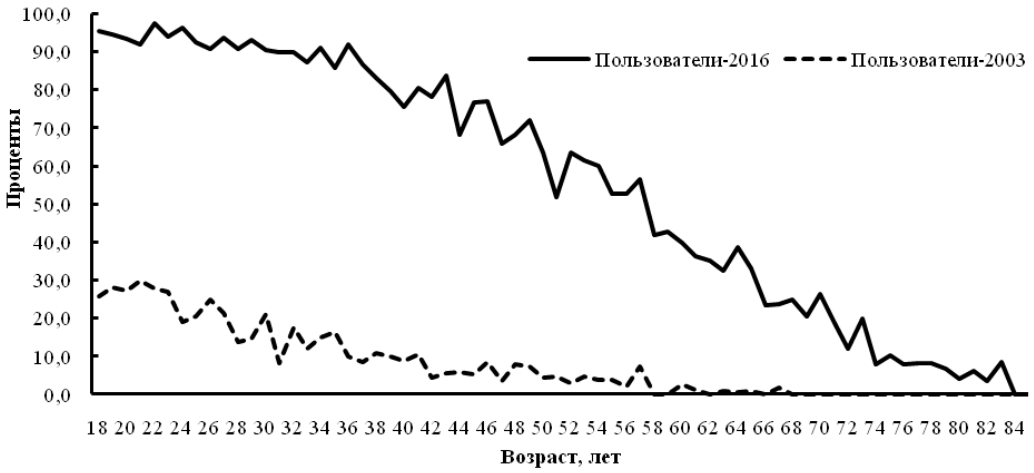

Рис. 2. Динамика изменения доли лиц в возрастных группах 18 лет и старше, пользующихся Интернетом в течение последних 12 месяцев, в 2003 г. и 2016 г., %. По данным RLMS-HSE, 2003–2016 гг.

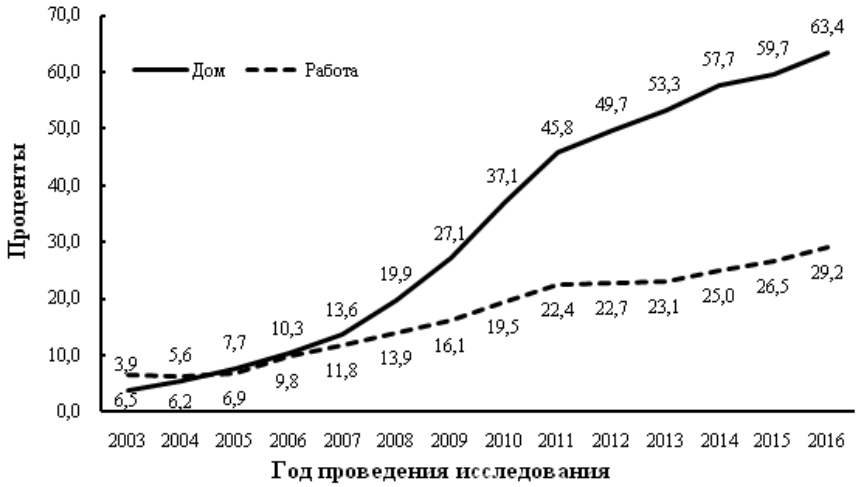

Рис. 3. Динамика изменения доли лиц, пользующихся Интернетом в течение последних 12 месяцев дома и на работе, среди лиц 18 лет и старше, %. По данным RLMS-HSE, 2003–2016 гг.

31–50 лет, в среднем около 70%, и только в возрастной группе 51 год и старше этот рост за 13 лет составил в среднем около 27 процентных пунктов (см. рис. 2).

Медианный возраст интернет-пользователя в возрастной группе 51+ в 2003 г. составлял 54 года, при максимальном возрасте 67 лет, но уже к 2016 г. эти показатели возросли до 57 и 88 лет, соответственно. Безусловно, надо учитывать естественное взросление пользователей: через 20 лет те респонденты, которым сейчас 31 год, будут относиться к старшей группе. Учитывая то, что сейчас около 80% населения (по данным на 2016 г.) в возрасте от 30 до 50 лет являются пользователями Интернета, мы получим практически полностью «цифровое» общество. Интерес представляет доля пользователей старшего возраста: если в 2003 году количество пользователей 58 лет и старше не достигало и 5%, то сейчас этот показатель для 58-летних значительно вырос и составил в 2016 г. 41.8%.

Места входа в интернет-пространство. Начиная с 2007 г. респонденты стали активнее пользоваться домашним Интернетом, нежели обращаться к сети по месту работы или учебы (годами ранее эти показатели были примерно равными – см. рис. 3). Домашний Интернет в 2016 г. был доступен 9 человекам из 10 в возрастной группе 18–30 лет, в группе 30–50 лет – 8 человекам из 10, а в возрастной группе 51 год и старше – только трем из 10. По месту работы, учебы в 2016 г. Интернетом пользуется только каждый десятый представитель возрастной группы 51 год и старше, тогда как в возрастной группе 18–30 лет каждый второй. К числу продвинутых пользователей, то есть тех людей, которые пользуются Интернетом дома, на работе, на учебе, в общественных местах, где есть Wi-Fi, в возрастной группе 51 год и старше в 2016 г. относилось менее 1% лиц, в возрастной группе 18–30 лет – 18.1%.

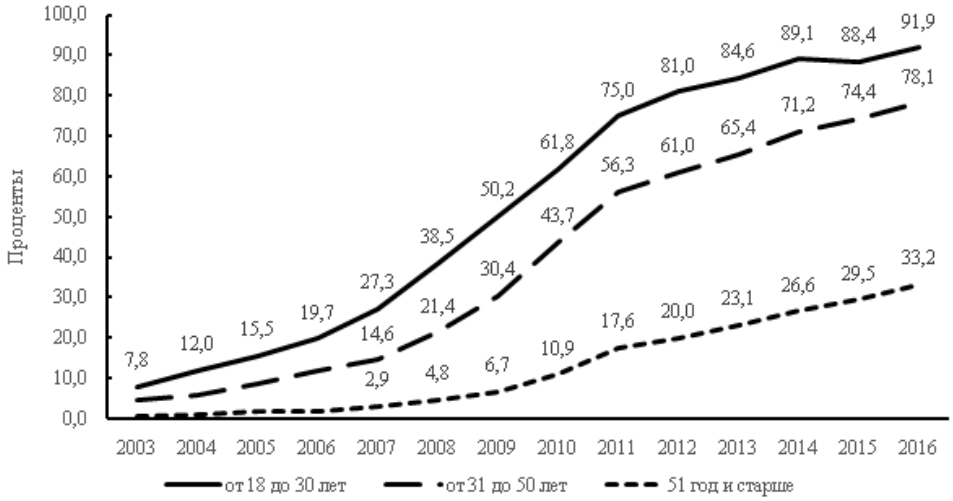

Рис. 4. Динамика изменения доли лиц в возрастных группах, пользующихся Интернетом у себя дома, среди лиц 18 лет и старше, %. По данным RLMS-HSE, 2003–2016 гг.

В возрастной группе 51 год и старше в 2016 г. зафиксировано различие в местах выхода в Интернет в зависимости от пола: мужчины несколько чаще используют для выхода в Интернет домашнюю сеть – 96.6%, женщины – 93.2%. Но женщины чаще выходят в Интернет по месту работы, учебы – 35.0%, тогда как среди мужчин данной возрастной категории – 28.8%. Выход в Интернет через Wi-Fi в данной возрастной группе пользуется наименьшей популярностью (3.6%), тогда как канал доступа в Интернет через Wi-Fi в группе 18–30 лет весьма популярен (30.6%).

С 2010 по 2011 г. произошел заметный скачок в увеличении доли пользователей домашнего Интернета: в возрастных группах 18–30 лет и 31–50 лет рост составил около 13 процентных пунктов, а в группе 51 год и старше – почти 7 процентных пунктов. Рост популярности домашнего Интернета с 2003 по 2016 г. практически десятикратный (6.5% и 63.4%, по всей выборке). В возрастной группе 51 год и старше пользователей домашней сети было в 2003 г. 0.5%, в 2016 – 33.2% (рис. 4).

Цели использования Интернета. К числу основных целей получения доступа в Интернет в 2016 г. для лиц старше пятидесяти лет относится получение новостей (30.1%), расширение своего кругозора (28.9%) и доступ к справочным материалам (28.9%). Таким образом, для лиц старше 50 лет наибольший интерес вызывает информационный блок. В целом по выборке доля ориентированных в поиске информационных материалов составляет около 37% данной возрастной группы в структуре населения России.

Как инструмент для общения Интернет выбирают 25.9% респондентов данной возрастной группы, или 10.5% от всего населения России старше 18 лет. Для посещения социальных сайтов Интернетом пользуются 19.0% данной возрастной группы, или 7.7% от всех жителей России. Для развлечения Интернет используют 22.2% лиц старшей возрастной группы, или около 9% населения России старше 18 лет. В целом коммуникативный сегмент Интернета интересен для 27% данной возрастной группы в структуре населения России старше 18 лет.

Для покупок, получения товаров или услуг Интернет используют 10.2% лиц старше 50 лет, в целом по выборке доля этих лиц составляют лишь 4% населения России старше 18 лет. Для целей работы и учебы Интернет используют 13.8% и 1.8% лиц старшей возрастной группы, соответственно. Третий блок, который можно условно можно назвать «рабочим», в целом представляет интерес примерно для 10% данной возрастной группы в структуре населения России. Как мы видим, рабочие цели не являются самыми востребованными у старшего возраста.

Социальные сети, достаточно популярные в среде пользователей Интернета (в 2016 г. 47.9% использовали Интернет для посещения данных сайтов), в возрастной категории 51+ еще не набрали должной популярности – 7.7%. В исследовании зафиксированы различия в предпочтениях по социальным сетям в разных возрастных группах: в возрастной группе 18–30 лет отдают предпочтение «ВКонтакте» (71.6%), возрастные группы 31–50 лет и 51 год и старше предпочитают социальную сеть «Одноклассники» – 44.2% и 16.5%, соответственно. «Твиттер», «ЖЖ» и «Фейсбук» являются наименее востребованными социальными сетями в русском сегменте Интернета во всех возрастных группах. Средний стаж использования социальных сетей находится в интервале 5–6 лет.

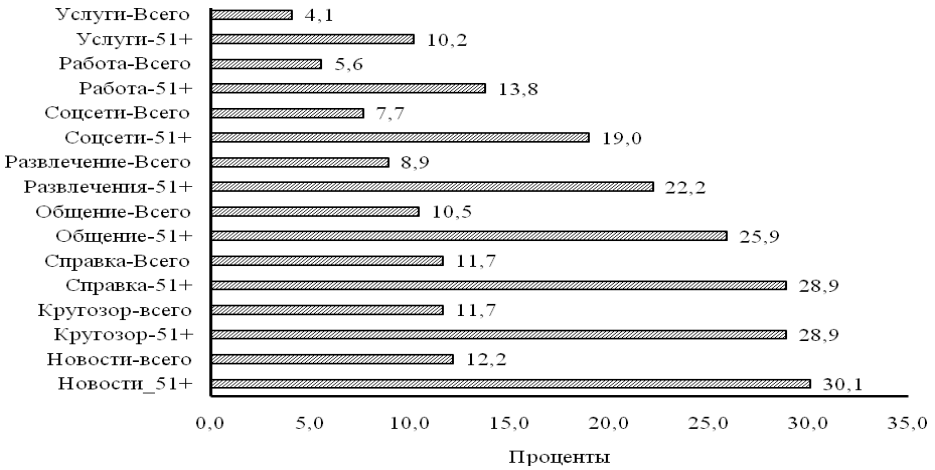

Рис. 5. Доля лиц старше 50 лет, использующих Интернет с целью получения новостей, расширения кругозора, поиска справочной информации, общений, развлечений, посещения социальных сетей, по работе, учебе или для получения интернет-услуг, %, 2016 г. (доля от лиц в группе старше 50 лет – 51+, доля данной группы в структуре населения России – Всего). По данным RLMS-HSE, 2003–2016 гг.

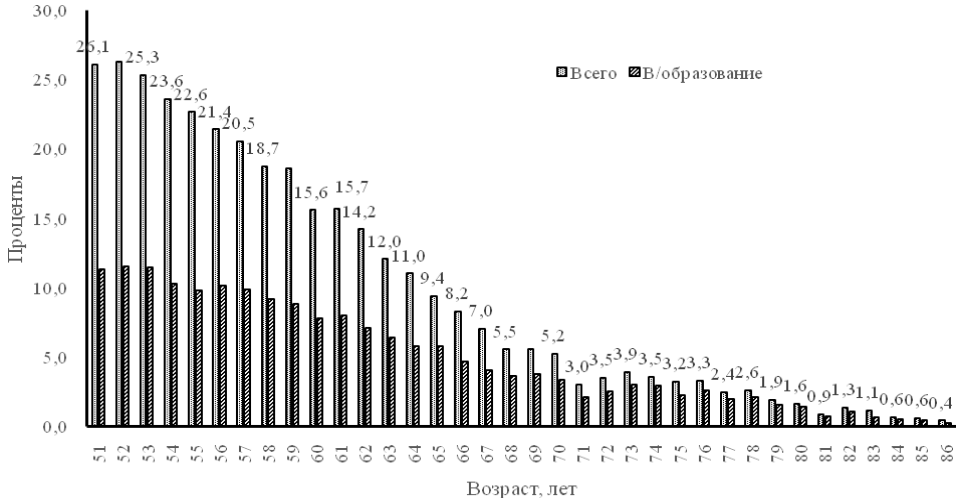

Рис. 6. Доля интернет-пользователей в возрастных группах 51 год и старше в целом и для лиц с высшим образованием, %. По данным RLMS-HSE, 2003–2016 гг.

Возраст. В группе лиц в возрасте 51 год и старше не зафиксировано различий между мужчинами и женщинами, пользующимися Интернетом. Так, например, в 2016 г. доля интернет-пользователей мужчин и женщин составляла 35.2% и 35.1%, соответственно. Отсутствие различий в долях интернет-пользователей среди мужчин и женщин характерно для всех лет наблюдения, начиная с 2003 г.

Здесь интересно сравнить российский и тайский сегменты: Smarn Loipha в своем труде «Пожилые пользователи Интернета Таиланда» пишет, что интернет-аудитория по гендерному признаку отличается: женщины меньше используют Интернет. Впрочем, там процент пожилых, которые не имеют опыта использования новых технологий, гораздо выше, чем в России (80.7% жителей Таиланда, против 64.1% в России, не имеют доступа в Интернет), и растет с увеличением возраста. Так, люди старше 80 лет не имеют опыта использования Интернета вовсе [7]. Об аналогичных выводах по гендерному различию пишут María A. Ramón-Jerónimo, Begoña Peral-Peral и Jorge Arenas-Gaitán в статье «Пожилые люди и использование Интернета». Более того, мужчины считают использование новых технологий более простым и менее опасным способом коммуникации [13].

В возрасте 51 год и старше среднее ежегодное абсолютное снижение доли интернет-пользователей составляет 0.73%. Если в возрасте 51 год доля интернет-пользователей – 26.1%, к 80 годам этот показатель составил 1.6%. В группе лиц 51 год и старше доля интернет-пользователей с высшим образованием за этот период (30 лет) снижается с 11.3% до 1.4%, а среднее абсолютное снижение составляет 0.28%. То есть в группе лиц с высшим образо-

Таблица 1

Доля граждан России, пользующихся Интернетом, среди работающих и неработающих в различных возрастных группах в 2003–2016 гг., %

Год	18–30 лет		31–50 лет		51 год и старше	
	Работают	Не работают	Работают	Не работают	Работают	Не работают
2003	24.2	22.7	9.9	4.9	5.1	0.2
2004	23.6	26.0	12.5	4.0	5.9	0.6
2005	29.6	27.1	15.5	6.0	7.6	0.9
2006	35.3	37.3	20.6	6.6	8.4	0.8
2007	43.2	41.2	23.2	8.5	12.4	1.5
2008	56.2	49.6	30.6	12.2	16.2	2.1
2009	64.1	64.1	41.7	17.2	21.1	3.2
2010	74.6	69.4	54.2	26.0	27.6	5.5
2011	86.2	74.9	64.7	41.9	35.9	10.3
2012	88.4	82.7	69.6	42.9	40.2	11.9
2013	90.2	82.5	72.8	46.6	42.9	14.7
2014	94.3	85.2	79.1	50.5	50.4	16.1
2015	94.2	86.0	80.5	58.4	53.3	18.4
2016	95.7	89.5	84.4	60.4	59.4	21.8

ванием среднее абсолютное снижение интернет-пользователей более чем в два раза ниже, чем в целом по этой возрастной группе.

Занятость. Наличие постоянной трудовой занятости во многом стимулирует население России использовать Интернет в своей повседневной жизни. Но наибольшее влияние работа, как стимул обращения к интернет-информации, оказывает на старшую возрастную группу. Если в 2016 г. доля пользователей Интернета в возрастной группе 18–30 лет среди работающих и неработающих составляла 95.7% и 89.5%, соответственно, в возрастной группе 30– 50 лет – 84.4% и 60.4%, то в старшей возрастной группе эти показатели составляют 59.4% и 21.8%, соответственно. Таким образом, работа как производительная деятельность или работа как нахождение человека в трудовом коллективе продвигают человека в направлении превращения в интернет-пользователя (см. табл. 1).

Доход. Уровень материального положения имеет прямую взаимосвязь с уровнем включения в интернет-пространство лиц старшей возрастной группы. В высокодоходной группе около семи человек из десяти пользуются Интернетом, тогда как в низкодоходной группе – только четыре человека из десяти. В то же время темпы прироста лиц, пользующихся Интернетом, в низкодоходной и среднедоходной группах в период с 2011 по 2016 г. увеличились практически в два раза, что говорит о возрастающей доступности Интернета для всех слоев населения. В высокодоходной группе рост составил 1.25 раза (см. табл. 2). Схожие результаты описал в работе под названием «Пожилые люди и использование технологий» Aaron Smith, где сравнил две группы пожилых: тех, что используют и не используют Интернет [12]. Автор пишет, что те люди, которые более материально обеспечены, вовлечены в цифровую жизнь активнее, в то время как их ровесники, которые не используют новые технологии, часто отрезаны от них и физически, и психологически.

Интернет-интерес респондентов старшей возрастной группы с разным уровнем достатка показал, что наиболее широкий спектр этого интереса у лиц с высоким уровнем дохода. Так, например, в 2016 г. в старшей возрастной группе лица с доходом выше среднего в пять раз чаще используют Интернет для учебы, в девять раза чаще для работы и в 1.7 раза чаще для покупок и оплаты услуг, чем это делают люди с доходом ниже среднего. Показатель обращения лиц с высокими доходами к Интернету за получением справочной информации в 2016 г. почти на двадцать процентных пунктов выше, чем в низкодоходных группах, 92% и 74.6%, соответственно (см. табл. 3).

Таблица 2

Доля включенных в интернет-пространство граждан России от 51 года и старше в зависимости от уровня индивидуального дохода* в 2011–2016 гг., %

Год	Низкодоходная (до 0.75)	Среднедоходная (0.75–2.25)	Высокодоходная (>2.25)	Хи-квадрат	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	Коэффициент сопряженности
2011	13.7	16.7	56.9	518.97	<0.001	0.277
2012	15.0	19.5	60.1	451.67	<0.001	0.276
2013	17.6	23.4	57.9	305.48	<0.001	0.237
2014	18.6	28.1	63.4	280.26	<0.001	0.251
2015	22.0	29.8	66.3	239.06	<0.001	0.235
2016	26.5	33.9	71.3	221.58	<0.001	0.229

*Принадлежность к той или иной группе по уровню дохода определялась в зависимости от того, насколько индивидуальный доход респондента отличался от медианного значения по выборке в целом (к низкодоходным группам относятся респонденты с индивидуальным доходом 0.75 и ниже медианного значения по выборке).

Таблица 3

Цели посещения Интернета гражданами России в возрасте 51 год и старше, принадлежащими к разным доходным группам в 2014, 2015 и 2016 годах, %

Уровень индивидуального дохода*	Учеба	Работа	Справка	Покупки
2014 год				
низкодоходные (до 0.75)	2.6	16.1	71.5	20.6
среднедоходные (0.75–2.25)	5.1	39.7	76.1	22.3
высокодоходные (свыше 2.25)	8.6	67.8	85.1	31.2
2015 год				
низкодоходные (до 0.75)	3.5	13.2	74.9	25.6
среднедоходные (0.75–2.25)	5.3	39.9	79.8	23.4
высокодоходные (свыше 2.25)	13.0	72.3	91.2	34.9
2016 год				
низкодоходные (до 0.75)	2.5	8.6	74.6	26.0
среднедоходные (0.75–2.25)	4.1	39.6	82.8	26.7
высокодоходные (свыше 2.25)	12.5	74.8	92.0	44.9

*Принадлежность респондента к той или иной группе по уровню дохода определялась в зависимости от того, насколько индивидуальный доход респондента отличался от медианного значения по выборке в целом (к низкодоходным группам относятся респонденты с индивидуальным доходом 0.75 и ниже медианного значения по выборке).

Таблица 4

Технические приспособления для выхода в Интернет, используемые респондентами разных возрастных групп в 2014, 2015 и 2016 гг., %

Гаджеты	18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше
2014 год			
Ноутбук, лэптоп	63.6	52.7	51.9
Персональный компьютер	62.2	70.6	66.0
Планшет	22.9	18.1	10.3
Мобильный телефон/смартфон	66.6	37.1	16.0
2015 год			
Ноутбук, лэптоп	64.4	54.9	52.8
Персональный компьютер	60.9	69.7	63.3
Планшет	26.0	21.7	12.0
Мобильный телефон/смартфон	74.6	47.2	21.5
2016 год			
Ноутбук, лэптоп	62.8	53.8	50.9
Персональный компьютер	59.8	66.8	60.5
Планшет	21.5	22.0	15.2
Мобильный телефон/смартфон	80.9	59.8	30.2

Устройства (гаджеты). Лица старшего возраста, по данным 2016 г., в качестве технических средств для выхода в Интернет отдают предпочтение персональным компьютерам и ноутбукам, 60.5% и 50.9%, соответственно (см. табл. 4). При этом низкой популярностью в этой возрастной группе пользуется мобильный телефон – 30.2% (2016 г.), но этот гаджет активно набирает поклонников и в этой группе: 2014 г. – 16.0%, 2015 г. – 21.5%, 2016 г. – 30.2%.

Таблица 5

Характеристика модели и коэффициенты логистического уравнения для возрастной группы 51 год и старше, по данным 2016 г.

Переменные	2016 год				
	Коэффициенты (B)	Среднеквадратичная ошибка	Статистика Вальда	Значимость	Exp (B)
Константа	3.016	0.392	59.257	<0.001	20.402
Коэффициент предиктора «Занятия физкультурой и спортом» (0 – «нет», 1 – «да»)	0.669	0.084	63.081	<0.001	1.953
Коэффициент предиктора «Инвестиции в образование» (0 – 28 лет)	0.254	0.014	346.721	<0.001	1.290
Коэффициент предиктора «Доход в месяц» (0 – 500000 руб.)	0.00003	0.000003	84.962	<0.001	1.000
Коэффициент предиктора «Город–село» (1 – 2)	–0.358	0.077	21.626	<0.001	0.699
Коэффициент предиктора «Занятость: не работает – работает» (0 – 1)	0.249	0.090	7.684	<0.01	1.282
Коэффициент предиктора «Возраст респондента» (51 год и старше)	–0.123	0.005	505.580	<0.001	0.885
Коэффициент предиктора «Пол: мужчина – женщина» (1 – 2)	0.263	0.072	13.533	<0.001	1.301
Общая доля правильно предсказанных значений, %	77.5	–	–	–	–
Сводка для модели: *R*-квадрат Нэйджелкерка	0.423	–	–	–	–
Универсальный критерий коэффициентов модели: хи-квадрат	2126.675	–	–	–	–
Число степеней свободы	7	–	–	–	–
Значимость	<0.001	–	–	–	

В возрастной группе 18–30 лет наиболее популярным гаджетом для выхода в Интернет является мобильный телефон – 80.9% (по данным 2016 г.). В возрастной группе 51 год и старше к продвинутым пользователям, лицам, использовавшим для выхода в Интернет два и более технических устройства, относятся: в 2014 г. – 31.2%, в 2015 г. – 34.8%, в 2016 г. – 38.3%.

Логистическая регрессия. Логистическая регрессия позволяет нам выявить социально-демографические характеристики респондента и их влияние на включенность в интернет-пространство лиц старшей возрастной группы. Другими словами, применяя логистическую регрессию, мы выясняем, насколько вероятно, что тот или иной представитель старшей возрастной группы будет использовать Интернет для получения информации или услуг, насколько вероятно наступление этого события и какое влияние оказывают на него те или иные характеристики респондента (см. табл. 5).

Результаты логистического анализа включенности старшей возрастной группы (51 год и старше) в интернет-пространство по данным 2016 г. позволяют нам говорить о том, что основными социально-демографическими характеристиками, способствующими этой включенности, являются: образование (при увеличении уровня образования на один год шансы стать интернет-пользователем возрастают в 1.29 раза); занятия физкультурой (спортом) (шансы возрастают в 1.95 раза); занятость (для работающих они выше в 1.28 раза, чем для неработающих); пол (у женщин в 1.3 раза выше, чем у мужчин). Такие особенности респондента, как проживание на селе, снижают шансы стать интернет-пользователем в 0.699 раза, а прибавление к возрасту одного года снижает шансы стать интернет-пользователем или увеличивает шанс перестать быть им в 0.885 раза. Высокое качество модели определяется общей долей правильно предсказанных значений – 77.5% и показателем *R*-квадрат Нэйджелкерка, равным 0.423 (см. табл. 5).

Рассмотрим включенность в интернет-пространство мужчины 62 лет, проживающего в городе, уделяющего внимание физическим упражнениям и спорту, работающего, имеющего доход 25 тыс. рублей в месяц, инвестировавшего в образование 27 лет. Какова вероятность этого человека быть интернет-пользователем?

Вероятность наступления события равна $1/(1+e^{-z})$, где e=2.71828 – основание натурального логарифма; z – линейная комбинация независимых переменных, $z=b_0 + b_1x_1 + b_2x_2 + ... + b_px_p$. Применительно к нашему примеру см. формулу (1).

$$z = 3.016 + 0.669*1 + 0.254*27 + 0.00003*25000 – 0.358*1 + 0.249*1 – 0.123*62 + 0.263*1;$$
$$z = 3.831327. \quad (1)$$
$$\text{Вероятность наступления события} = 1/(1 + e^{-z}) = 0.9788.$$

$$z = 3.016 + 0.669*0 + 0.254*10 + 0.00003*30000 – 0.358*1 + 0.249*1 – 0.123*62 + 0.263*1;$$
$$z = – 1.01686. \quad (2)$$
$$\text{Вероятность наступления события} = 1/(1 + e^{-z}) = 0.265639.$$

Вероятность наступления события – в нашем случае это включенность человека в интернет-пространство – составляет 0.9788, то есть данный человек является интернет-пользователем.

Во втором случае мы рассмотрим вероятность пользования Интернетом гражданина с такими же характеристиками за исключением: образование – 10 классов; доход – 30 тыс. рублей в месяц; не занимается физкультурой. Вероятность наступления события (интернет-пользователь) для этого человека составляет 0.265639 (формула (2)).

Возможно ли, что этот человек является пользователем Интернета? Да, возможно, но маловероятно. Таким образом, делаем вывод: данный человек не является интернет-пользователем.

Выводы

В настоящее время в возрастной группе от 51 года и старше большинство граждан России не является интернет-пользователями, что говорит о большом резерве для вовлечения в цифровую жизнь. Данная аудитория продолжит стремительно увеличиваться. Это связано не только с естественным взрослением, но и повышением образовательного уровня этой группы, продолжением трудовой занятости в связи с планируемым увеличением пенсионного возраста. Основной интерес группы связан с информационным блоком, что будет делать эту группу еще более социально активной.

Гендерные различия среди старшего поколения интернет-пользователей в российском сегменте, в отличие от некоторых других стран, не наблюдаются, однако есть взаимосвязь с доходом: чем он выше, тем с большей вероятностью человек обратится к новым технологиям. Однако за последние годы наблюдается значительный скачок числа пользователей среди среднедоходных и низкодоходных групп, поэтому правомерно делать вывод, что новые технологии становятся доступны всему населению, в том числе и старшему поколению.

В качестве устройств (гаджетов) для входа в Интернет в старшей возрастной группе наибольшей популярностью пользуются персональные компьютеры и ноутбуки, однако в последние годы заметен значительный рост популярности мобильных телефонов.

Список литературы

1. Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 82–85.

2. Панина Т.С., Павельева Н.В. Использование информационно-коммуникационных технологий в непрерывном обучении людей «третьего возраста» // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. **3** (**15**). С. 50–54.

3. Гасумова С.Е. Отношение пожилых людей к сети Интернет и мобильной телефонной связи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3 (27). С. 161–171.

4. Солдатова Л.А. Повышение человеческого потенциала старшего поколения посредством интернет-технологий // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. **2** (**26**). С. 14–18.

5. Бутуева З.А. Роль образования в ценностных ориентациях старших граждан: новые вызовы в изменяющемся мире // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. **5**. С. 163–167.

6. Нескромных Н.И., Мамадалиев А.М. Стратегии адаптивного поведения лиц пожилого возраста в интернет-пространстве // Медиаобразование. Media Education. 2017. № 1. С. 163–175.

7. Smarn Loipha. Thai elderly behavior of Internet use // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. **147.** P. 104–110. URL: www.science direct.com.

8. JAM van Deursen A., Helsper E. A nuanced understanding of Internet use and non-use among the elderly // European Journal of Communication. 2015. Vol. 30 (2). P. 171–187.

9. Niehaves B., Plattfaut R. Internet adoption by the elderly: employing IS technology acceptance theories for understanding the age-related digital divide // European Journal of Information Systems. 2014. **23**. P. 708–726.

10. Choi N.G., DiNitto D.M. Internet use among older adults: Association with health needs, psychological capital, and social capital // Journal of Medical Internet Research. 2013. Vol. 15. No 5.

11. Cotten S.R., Ford G., Ford S., Hale T.M. Internet use and depression among retired older adults in the United States: A Longitudinal Analysis // Journals of Gerontology. Series B Psychological Sciences and Social Sciences. 2014. **69** (**5**). P. 763–771.

12. Smith A. Older adults and technology use // Internet & Technology. Pew Research Center. April 3, 2014. URL: http://www.pewinternet.org/2014/04/03/older-adults-and-technology-use/ (дата обращения: 14.05.2018).

13. Ramón-Jerónimo M.A., Peral-Peral B., Arenas-Gaitán J. Elderly persons and Internet use. Social Science Computer Review. 2013. № 31 (4). P. 389–403. URL: https://www.researchgate.net/publication/258189872 (дата обращения: 14.05.2018).

THE INTERNET SPACE OF THE OLDER GENERATION: ANALYSIS OF THE PROBLEM OF ENTERING THE DIGITAL EPOCH

***G.L. Voronin*[1], *M.M. Kuryachieva*[2]**

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2] Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod Branch

The Internet, which made its first steps in the early 1960s, currently has from 3.3 to 3.8 billion users according to various sources. The Internet technology, which can be easily mastered by a child, presents great difficulties to an older person. The article analyzes the involvement of people born before the advent of the Internet era in the Internet space. The authors limit themselves to analyzing the interaction of the age group over 51 with the Internet.

As an empirical research base, we have used the RLMS-HSE data from the National Research University Higher School of Economics and ZAO «Demoscope» in conjunction with the Carolina Population Center, the University of North Carolina at Chapel Hill and the RAS Institute of Sociology.

Keywords: Internet, involvement in the Internet space, social networks, information society, social interaction, older generation.

УДК 316.77

РАСКРЫТИЕ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2018 г.

В.П. Козырьков, М.В. Придатченко, О.А. Кирина

Козырьков Владимир Павлович, д.соц.н.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kozir3@yandex.ru
Придатченко Мария Викторовна, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
primariya80@gmail.com
Кирина Ольга Алексеевна, магистрант кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
koa1104@list.ru

Статья поступила в редакцию 21.03.2018
Статья принята к публикации 19.07.2018

Анализируются потенциальные возможности использования социальных сетей в качестве пространства реализации современной государственной культурной политики. Социальные конфликты и напряжённость в сетевом пространстве, проблемы их регулирования оцениваются с позиции недостаточности проникновения культурной политики в социальные сети, её минимальной степени включенности и активности. С законодательной точки зрения коммуникация в сетевом пространстве регулируется с позиций Уголовного кодекса Российской Федерации, однако сама сетевая коммуникация до сих пор не является четко структурированной и определенной, что не позволяет выстроить четкие границы законности некоторых её проявлений. На основе существующих исследований и опыта проведения современной культурной политики в российском обществе в статье отмечается целесообразность работы государства в социальных сетях при помощи мягких мер, таких как культурная, социальная и образовательная политика. Предлагаются направления реализации стратегии мягких мер в социальных сетях на примере культурной политики.

Ключевые слова: культурная политика, социальные сети, Интернет, интернет-коммуникация, функции культурной политики, социальная напряженность, социальные конфликты, информационное общество, кибербуллинг, сетевой экстремизм.

Введение

Политика в области культуры может преследовать различные цели. В отечественной литературе отмечается, что современная культурная политика рассматривается прежде всего как совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий в социокультурной модернизации общества, затрагивающей все его социальные институты [1]. Возникает вопрос: в какой степени существующая культура может способствовать модернизации общества и не нуждается ли сама культура в обновлении, если необходимо модернизировать общество с возникновением новых информационных технологий? В предлагаемой статье авторы пытаются ответить на этот вопрос, опираясь на существующие исследования и опыт проведения культурной политики в российском обществе [2, 3], на имеющиеся документы в области сетевых сообществ и теоретического анализа существующих эмпирических данных.

При этом мы будем исходить из фундаментальной цели культурной политики, которая обусловлена сутью культуры. Она состоит в разработке принципов и эффективных мер, направленных на распространение позитивных духовных ценностей, охватывающих все социальные слои и группы общества. С появлением цифровых информационных технологий возможности для достижения этой цели значительно обогатились. Однако реализация появившихся возможностей требует создания особых коммуникационных технологий и конкретных программ, которые могли бы регулировать деятельность социальных сетей в социокультурной сфере. В этих условиях, не умаляя значимости культурной политики в деятельности традиционных социальных общностей, организаций и учреждений, было бы правомерно обратить более пристальное внимание на культурную политику в деятельности виртуальных социальных сетей, поскольку они становятся главными каналами социальной информации и коммуникации, особенно в молодежной среде. Тем более

для всех очевиден факт, что социальные сети в социокультурной области используются нерационально и в недостаточном объеме. Складывается впечатление, что информационные сети для государства выступают не перспективным каналом транслирования духовных ценностей, а нейтральной территорией, на которой происходит распространение ценностей, имеющих лишь деструктивный характер. Справедливо, что «существуют угрозы проявления и пропаганды расовой, национальной и религиозной нетерпимости, в том числе в средствах массовой информации и социальных сетях информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", осуществления экстремистской деятельности под видом гуманитарной, культурной и псевдорелигиозной деятельности, в том числе со стороны иностранных организаций» [4]. Но для устранения этих угроз важно разобраться, какой должна быть позитивная политика по отношению к социальных сетям в Интернете, а не только запретительная.

Возникает и общий вопрос: необходима ли особая политика для социальных сетей? И не менее важный вопрос: могут ли социальные сети и Интернет в целом активно использоваться для проведения общей культурной политики? На эти вопросы не так просто ответить. Объясняется это тем обстоятельством, что культурная политика в массовом сознании ассоциируется с традиционными культурными институтами и образованиями – музеями, театрами, библиотеками и так далее. В стороне часто остаются более широкие сферы культуры, охватывающие экономику и политику, право и религию, этносы и территориальные образования, а также малые общности и группы. Но именно в этом направлении рождаются новые сферы культурной деятельности. В частности, в сетевых сообществах. Но чтобы подойти к ответу на поставленный вопрос о специфике культурной политики в сетевом информационном пространстве, рассмотрим кратко общий вопрос о функциях культурной политики с точки зрения их эволюции.

Традиционные (базовые) и новые функции культурной политики

К традиционным (базовым) функциям культурной политики в существующей литературе относят следующие: защитную, смысл которой заключается в сохранении общей национальной культуры и воспроизводстве культурного многообразия; конструктивную – благодаря данной функции происходит непосредственное создание культурных ценностей; функцию распространения и пропаганды ценностей культуры среди всего населения или каких-то его определенных слоев; функцию осмысления (переосмысления), оценки культурных ценностей и создания иерархии этих ценностей; функцию общественного контроля всего процесса развития культуры [5]. Включение перечисленных направлений деятельности государства, ориентированных на регуляцию сферы культуры, не вызывает возражения. Однако этого перечня недостаточно, так как не упоминается общая функция культуры – формирование и развитие человека в соответствии со своей природой и характером культуры общества, в котором он живет. Если мы не выделим этой интегральной функции, то утрачивается общая цель культурной политики, которая обусловлена историческим предназначением и смыслом самой культуры. Таким смыслом, который достигается с помощью воспитания, социализации, обучения, образования, общения и других социокультурных институтов, которые в различной степени пронизывают все структуры общества, включая интернет-сети.

Кроме того, без выделения общей функции культурной политики невозможно эффективно реализовать и другие, конкретные функции. Осуществление функций защиты и контроля, например, представляется невозможным без человека, сформированного в пространстве общих ценностей и культурных паттернов.

Внешне представляется убедительным, что ряд традиционных функций культурной политики можно реализовывать посредством социальных сетей, обеспечивая тем самым наибольший охват недоступной ранее аудитории. Однако при этом надо учитывать, что аудитория, на которую надо воздействовать, это молодежь, поэтому надо более тщательно продумывать социально-психологический, личностный аспект воздействия. Для этого необходимо создать атмосферу наибольшей степени лояльности и доверия к культурной политике. Такой настрой особо важен для регуляции социальных сетей культурной направленности в Интернете, вызывающий у молодежи большее внимание, нежели традиционные средства массовой коммуникации [6]. Таким образом, для повышения социокультурного содержания в деятельности социальных сетей необходимо принципиальное изменение характера культурной политики. Пока что такая деятельность протекает больше стихийным образом и государство вмешивается лишь тогда, когда нарушаются какие-то правовые нормы. Важно отметить еще раз, что направленность изменения культурной политики должна соответствовать смыслу самой культуры – развитию молодого человека, формированию его свободной индивидуальности.

Поэтому мы поддерживаем вывод А.В. Фетисова, что «до настоящего времени основным субъектом, задающим правила игры в социальной реальности, остается государство, хотя его функции и степень вмешательства могут меняться в каждый текущий исторический момент в зависимости от реализуемой концепции социально-политического устройства общества и особенностей политической культуры конкретной страны» [7]. Важно только добавить, что политическая культура не должна отрываться от общей культуры, а такой отрыв произошел, когда сети стали использоваться в сугубо политических целях, нередко деструктивного характера.

Правовая и социокультурная регуляция социальных сетей

В этих условиях регулирование деятельности социальных сетей социокультурной направленности, в том числе молодежных, лишь с помощью норм права и запретительных средств недостаточно. Они скорее имеют характер тактики, а не стратегии в культурной политике. Разумеется, с целью снижения социальной напряженности политико-правовые средства более эффективны, так как с их помощью можно достичь определенной цели быстро, но вопросы развития культуры и воспитания быстро не решаются. Если мы хотим выстраивать долговременную культурную политику, то здесь требуется качественно иная стратегия проведения культурной политики, которая была бы ориентирована на решение проблем развития субкультуры молодежи во взаимодействии с субкультурой других возрастных слоев. Этот момент особо важно отметить, так как при стихийном развитии сетевых сообществ культура поведения в пространстве виртуальной коммуникации сегментируется по возрастам, приводя к социальной сегрегации и, как следствие, к новым очагам социального напряжения. И дело тут не столько в низкой правовой культуре большинства пользователей, сколько в незнании давно существующих правил этикета и норм этики, которое провоцирует ощущение вседозволенности, безнаказанности и бесстрашия. Там, где пытаются регулировать правовыми нормами, с успехом могла бы успешно и с большим социокультурным эффектом справиться высокая общая культура. Просто она исключена из сетевых сообществ, а вместо этого различные сетевые сообщества пытаются создавать собственные, корпоративные правила этикета и морали без учета общей культуры.

Таким образом, расширение в культурной политике различных видов контроля и надзора без повышения общей культуры общения не дает позитивного результата. В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда хотят повысить культуру участников социальных сетей в Интернете без обращения к самой культуре и без освоения ее общего наследия и духовного потенциала в области общения, этикета и морали. Складывается ощущение, что контролирующие инстанции и субъекты культурной политики пытаются ввести культуру поведения в виртуальных сетях с «чистого листа», считая, что Интернет есть дело настолько новое, что и культура тут тоже должна быть совершенно иной, какой никогда не было в истории. В итоге происходит отрыв сетевых сообществ от общей культуры и возникает иллюзия, что в этой области нет никаких общих и объективных социальных законов, связанных с развитием культуры. Но такое понимание приводит к тому, что снижается уровень реализации новых позитивных возможностей, которые заложены в виртуальных социальных сетях, и возрастают деструктивные.

Как показывают исследования западных социологов, активная роль общей культуры в современных коммуникациях не исчезает с появлением Интернета, а повышается. И вряд ли их нужно противопоставлять. Скорее всего, цифровые технологии, лежащие в основе виртуальных сетей, могут эффективно развиваться тогда, когда они опираются на развитую систему сложившихся исторических традиций и ценностей. Например, по мнению М. Кастельса, реальная коммуникация осуществляется во многом благодаря традициям и привычкам, которые, в настоящее время, «не то, чтобы исчезают, но слабеют, если не кодируют себя в новой системе, где их власть умножается электронной материализацией духовно передаваемых привычек. Сетевая коммуникация более эффективна, чем воздействие определенного харизматического авторитета при личных контактах» [8]. С этим мнением можно соглашаться или не соглашаться, так как в разных типах общества и в разных ситуациях соотношение традиций и привычек в их естественном виде и овеществленных в цифровых технологиях может быть различно. Но чтобы это кодирование произошло, необходима существующая развитая система традиций и привычек. Например, в настоящее время происходит усиление исторических традиций российского общества, но с использованием новых информационных технологий это можно сделать с большим размахом и быстро. И что-то делается в этом направлении силами пользователей Интернета и внутренними структурами. В этой связи важно выявить механизм передачи ценностей в социальных сетях. Распространено

воздействие харизматического лидера (популярный блогер, медиазвезда, организатор группы в сети и др.), но есть много традиционных социальных механизмов в самой культуре и в обществе, действующих в СМИ, образовании, семье и других социальных институтах, которые существуют давно, и выработаны соответствующие средства коммуникации и передачи ценностей. Этот фактор важно подчеркнуть, когда речь идёт о культурной политике в сети: раньше для того, чтобы привить индивидам определённые ценности, образ жизни или тип мышления, порой было достаточно поставить перед ними проповедника, который был бы авторитетным в этой группе прихожан. Даже при условии того, что было бы небольшое количество людей, не посещающих проповеди, при реальном взаимодействии с другими прихожанами (которые, естественно, послушали проповедника) они бы усваивали нужные культурные детерминанты. Но к этому официальному способу социальной коммуникации добавлялись семейные (с их семейными традициями), общинные (например, вече на Руси), праздничные (например, карнавалы), корпоративные (по месту работы). В современном обществе подобные практики не могут полноценно работать в той мере, в какой они работали в своих исторических условиях. К тому же мы находимся в качественно трансформирующемся обществе.

Социокультурная регуляция сетей в новых условиях

Современное общество имеет урбанизированный и глобализированный характер. Оно функционирует с помощью международной системы политических институтов, образования и науки, СМК и учреждений культуры. В этих условиях для трансляции духовных ценностей, норм поведения, принципов морали, художественных продуктов и научных знаний недостаточны привычные каналы распространения массовой информации, имеющие императивный и назидательный характер. К тому же в большинстве своём молодёжь не слушает официального радио, не читает официальных газет, не смотрит проектов центрального телевидения, считая их подобием идеологических инструкций. Вместо всего этого она активно использует информационные каналы в социальных сетях, обживая виртуальную территорию как свободную площадку для общения и диалога, усвоения новой информации и обучения. Такое положение подтверждается выводами исследователей.

Например, С.И. Алексухин еще в 90-х гг. утверждал, что логика сетевых коммуникаций стала доминировать, разрушать не соответствующие ей коммуникационные модели. В результате роль традиционных социальных сообществ в массовых коммуникациях начала постепенно снижаться, свое влияние сохранили лишь те традиции, которые приняли логику сети [9]. В нулевые годы этот вывод был подтвержден и развит [10]. За 20 лет ситуация несколько изменилась. Если интернет-коммуникация первоначально формировалась в связи с поиском различной информации, то в настоящее время Интернет насыщен сетевыми сообществами, которые возникают преимущественно в социокультурных целях: просветительских, корпоративных, личностно-коммуникационных, научных, религиозных и пр. Это показали, в частности, участники Российской интернет-конференции 2005 г. [11–13]. По мере развития интернет-коммуникации все больше актуализируются функции социального взаимодействия и общения. Эта тенденция должным образом проанализирована в ряде исследований текущего десятилетия [14–18].

Однако есть проблемы культурной политики, которые с социокультурной точки зрения должным образом даже не поставлены. Отечественные и западные исследователи отмечают, что культурная политика, по сути, сводится к поддержке профессионального искусства (arts policy) [19, 20] и не рассматривает вопросы культурного содержания повседневных коммуникаций. Например, интернет-коммуникация, несмотря на широкое распространение за двадцать лет с начала своего возникновения и погруженность в нее миллионов пользователей, до сих пор не имеет своей устоявшейся структуры, устойчивых функций и культуры ее регуляции. Если сравнивать эту складывающуюся социальную систему с теми, которые уже давно существуют, то можно прийти к выводу, что интернет-коммуникации находятся еще в самом начале своего становления. Мы слишком рано согласились с тем, что новая система коммуникации уже возникла. Возможно, ее можно было использовать для решения старых задач, которые существуют в политике, в коммерции, в бытовом общении, которые успешно решались и до Интернета. Интернет позволяет решать их быстрее и эффективнее, но при этом мы что-то теряем с личностной и культурной точки зрения, не замечая этого, так как это происходит латентно, и мы еще не знаем всех возможных отдаленных следствий такого отношения к Интернету. Однако мы должны моделировать эти последствия теоретически, чтобы культурная политика имела свою стратегию. Похоже, что пока что мы играем новой технологией, забавляемся ее новыми возможностями, но должным

образом еще не поняли, что такое Интернет с точки зрения его социокультурного статуса.

Дискуссия по этому поводу идет уже давно, но с крайними выводами, когда одна сторона определяет Интернет как новый вид СМИ, а другая категорически возражает, считая, что Интернет есть свободное социальное пространство, подобное уличному, в котором в качестве регуляторов выступают только участники беседы, усвоенные ими нормы этикета и морали. В соответствии с этой точкой зрения в сетевых сообществах будут действовать те же самые нормы, которые действуют на улице. Какая из этих точек зрения правильная? Видимо, в действительности имеют право на существование обе точки зрения, как и в регуляции уличного движения, и в жизни происходит их энергичное взаимодействие, рождающее самые разные конфигурации позиций, для регулирования которых еще не возникли адекватные нормы.

В последнее время участилось деструктивное общение в сети, часто выливающееся в травлю. Оценив возможные последствия (например, суицид) и проанализировав негативный опыт (травля в сети квалифицируется как травмирующий опыт), специалисты занялись активной разработкой мануалов, руководств и рекомендаций для пользователей сети и их близких [21]. В отличие от западных стран в России проблема кибербуллинга не рассматривается на уровне государства (в УК РФ имеется статья за хулиганство, которая считается достаточной для решения проблемы [22]). Оптимальным решением в этой ситуации было бы изучение интернет-травли в неразрывной связи с сетевым экстремизмом, борьба с которым является приоритетным направлением работы государства в Интернете. Между тем силовые средства борьбы с экстремизмом малоэффективны и в обычной социальной реальности, но еще менее эффективны они в сетевых сообществах. Хотя бы потому, что пользователь сидит дома, а по закону о неприкосновенности частной жизни никто, в том числе государство, не имеет права вмешиваться в частное пространство. Но весь парадокс в том, что Интернет с его информацией в сетевых сообществах признан видом СМИ, поэтому подчиняется закону о СМИ, которые по определению являются публичной сферой. Поэтому любой пост на стене в сети воспринимается властью как публичное выступление и попадает под соответствующую статью закона об экстремизме. Это уже не кухонные разговоры, столь популярные в советское время в диссидентских кругах, так как их содержание становилось известным только с помощью тайных осведомителей, а не с помощью СМИ.

Этапы и особенности развития сетей в российском обществе

Первые социальные сети в России были почти полностью представлены молодыми людьми (больше до 18 лет), так как в 80–90-х гг. сложились многочисленные неформальные молодежные группы, которые отчасти затем ушли в Интернет. На какое-то время эти группы приобрели вполне добродетельный вид. О деструктивности в сети, сетевом экстремизме тогда не говорили, протестных настроений в сети не наблюдалось, а если и были сегрегация и социальная напряженность, то они носили субкультурный характер (готы не любили эмо, например, но эта тенденция перешла из реальной жизни в сеть, а не наоборот), травля в сети пока еще тоже была минимальной и относительно беззлобной.

Постепенно социальные сети разрастались, а само взаимодействие внутри стало качественно меняться: социальные сети стали осваивать люди старшего возраста, да и первые пользователи подрастали. Субкультурная сегрегация ушла в прошлое, зато появились принципиально новые для молодых российских социальных сетей тренды: политические, националистические и религиозные группы, в которых велись горячие дискуссии. Затем в сети пришли и рекрутеры экстремистских и террористических группировок. Открыто криминальные 90-е годы ушли в прошлое, но начались полосы экономических кризисов, обострились проблемы в социальной сфере, а позже добавились международные санкции. В этой ситуации народ стал понимать, что обещанный политиками в начале реформ европейский уровень жизни оказался мифом. Интернет стал местом аккумуляции протестных, оппозиционных и деструктивных настроений. Все это в итоге привело к рождению кибербуллинга, киберхарассмента, секстинга и сетевого экстремизма.

По результатам исследований Microsoft, в 2012 году [23] Россия заняла пятое место в рейтинге стран с наивысшим показателем травли в Интернете. В нашей стране 49% подростков сталкивались с унижением посредством социальных сетей (средний показатель по всем странам – 37%). Но в реальной жизни ситуация с травлей в России еще хуже – 71% подростков признаются в том, что они подвергались буллингу, при этом почти не получали помощи со стороны окружающих, даже при обращении к ним. Особенно незначительной была реакция на травлю в сети, в том числе из-за недостаточного информирования населения о подобных процессах. Важен показатель внесетевой травли,

потому что, зачастую, наблюдается ее переход из реальной жизни в пространство социальных сетей. Достоверной статистики по сетевому экстремизму на данный момент нет, даже у ЮНЕСКО [24], которая приступила к изучению этой проблемы несколько нет назад.

В этой связи еще раз подчеркнем, что регулировать травлю в Интернете и сетевой экстремизм лишь посредством политики ограничения, как это делается сейчас, неэффективно. Более того, политика ограничения лишь усиливает социальное напряжение в сети, добавляя инакомыслящим пользователям новых сторонников и статус жертв. Сетевой экстремизм необходимо блокировать изнутри, самими пользователями социальных сетей. А для этого в виртуальном пространстве необходима актуализация и модернизация ценностей общей традиционной культуры, так как именно она изначально формирует и развивает духовные параметры человека. В частности, одна из задач обновления культурной политики в социальных сетях состоит в распространении норм уважительного сетевого взаимодействия, в чем состоит элементарное требование общей морали.

Раньше в социальные сети конфликты приходили из реальной жизни, так как Интернет позволял их выразить в суждениях и оценках более свободно. Однако анонимность и безнаказанность деструктивного поведения в Интернете способствовала появлению конфликтов в самой виртуальной реальности. На начальных этапах это явление не представляло угрозы для целостности государства и данная проблема была не актуальна для власти. По мере развития виртуальной реальности ее логика начинает управлять и реальными действиями человека и негативно влиять на нормы морали. Выскажем теоретическую гипотезу, что виртуальная реальность – это не иной социальный мир, а реальный социальный мир, который до Интернета существовал в латентном состоянии, а теперь реализовался в реальной публичной форме. К тому же в такой форме, в которой каждое частное лицо, имея латентное бытие, теперь может свободно перемещаться, общаться и взаимодействовать с другими. Частое и продолжительное нахождение человека в виртуальном пространстве порождает иллюзию свободы выбора, устранение от обязательств, что приводит к неспособности принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность в реальной жизни. И тут мы можем повторить идею, которая была высказана в 2005 г.: теперь «в пользователе Интернета есть ощущение абсолютности субъекта, ощущение Бога» [11]. Поэтому не только частная жизнь под угрозой Интернета [25], но и сама частная жизнь становится источником новых угроз, когда эффекты частной жизни начинают доминировать в публичном пространстве и возникает эффект публизации отношений [26, 27]. Духовный потенциал реальной публичной жизни стал снижаться.

Именно этими возможностями и вызываемыми ими ощущениями стали пользоваться различные деструктивные для культуры и общества силы. Реальный социальный запрос нашел для себя форму удовлетворения. Люди пытаются скрыться в виртуальном пространстве, ощущая там свободу, большое количество единомышленников, видя лидеров, вызывающих доверие и готовых к реальным поступкам. Освобождающие от преград процессы, происходящие в социальных сетях, убеждают рядового пользователя в своей социальной зрелости и приводят к мысли о необходимости менять ситуацию в реальном мире. Ведь если его мысли находят поддержку в сети и он может найти сторонников, значит, он сможет найти их и в реальной жизни. Если в сети он способен организовать вокруг себя группу и управлять ей, то сможет это делать и в реальности. Наконец, если в сети он может что-то менять, значит, он способен на изменение реальной жизни. Таким образом, виртуальные сети стали выполнять воспитательную, вербовочную и агитационную функцию.

Так что виртуальное социальное пространство стало оцениваться как продолжение пространства реального или как потенция реального. Оно обладает своими особенностями, но вполне объяснимо, что происходит смешение этих пространств в сознании пользователей. Но эффект смешения есть лишь внешняя сторона их взаимодействия. В действительности они дополняют друга. Эта взаимодополняемость традиционного и виртуального социальных пространств особенно заметна в том случае, когда возникает интернет-зависимость. Отчасти она объясняется неразвитостью реального социокультурного пространства, поэтому пользователь воспринимает красочное виртуальное пространство за реальное. И когда пользователя лишают возможности входить в сеть, возникает когнитивный диссонанс, который может привести к стрессовому состоянию.

Однако еще большим деструктивным следствием их взаимодействия является ситуация, когда человек реальное социальное пространство воспринимает как виртуальное и считает, что он может обращаться с ним точно так же, как он привык бесцеремонно и безжалостно обращаться с виртуальным. Отчасти этот эффект переноса действия с виртуальной сферы на реальную объясняет социально-психологическую природу

современной жестокости в социальной практике. В частности, когда ради размещения в сети скандальной информации и сбора множества лайков молодые люди идут на преступления.

Близка к описанной ситуации другая, когда происходит перенос интересов личности, связанных с реальным общением, на виртуальные коммуникации. В результате ценности пользователя сети формируются таким образом, что виртуальная среда становится для человека более ценной и значимой, нежели мир реальных социальных отношений. При таком раскладе становится особенно важным комьюнити в социальной сети, частью которого себя считает индивид, как качественно, так и просто фактически в плане его наличия. Воздействие окружающих может пагубно повлиять на индивида и его поведение: усвоенные от виртуальных «друзей» нормы и идеи кажутся такому человеку абсолютными, особенно на фоне его неуверенности в себе и комплексов неполноценности. Если даже индивид не состоит в комьюнити, но при этом обладает определенным уровнем программирования, то он так же страдает от комплексов и социопатии. В каждом из этих случаев возникает угроза деструктивного развития личности. В худших случаях подобная угроза может перерасти в троллинг, кибермошенничество, кибертерроризм и экстремизм, а в реальной жизни – в распространение практик папарацци, в перенос виртуальной жестокости на реальные ситуации, в заражение суицидальным настроением и др.

Основные направления культурной политики в области сетевых сообществ

Таким образом, для преодоления возникающих деструктивных процессов в сети необходимо качественное изменение культурной политики. Каким же образом можно мягко регулировать то, что не поддаётся жесткому ограничению? Если формулировать общий принцип, то необходим общий комплекс мер культурной политики, которые были бы в одинаковой степени нацелены на развитие реальной культуры и на формы ее продолжения и отражения в сетевых сообществах.

На наш взгляд, реализацию этого принципа можно построить вокруг следующих направлений.

Во-первых, необходимо создание реальных сообществ по интересам, в которых пользователи будут привлекаться к определённым культурным традициям, искусству, науке, технике. В таких реальных сообществах можно формировать новую ценностную ориентацию, за основу которой, например, можно взять общекультурные ценности, национальные кодексы моральных норм, кодексы профессиональной чести. Тем самым среди пользователей будет происходить мягкая переоценка и отказ от деструктивных ценностей, если такие были усвоены. Культура, даже самая высокая, никогда не формируется абстрактным и насильственным образом. Субъектом культуры является гражданское общество в целом, поэтому новая культурная политика может сформироваться только при активном и осознанном участии всех.

Во-вторых, распространение информации об экстремизме, травле (в том числе сетевой), различных киберпреступлениях и автоматическая маркировка информации как преступной. Благодаря этому информационному насыщению и большему доверию к пользователям мы сможем исключить из преступников рядовых пользователей, которые без злого умысла репостнули себе на страницу картинку или запись. Эту профилактическую функцию могла бы обеспечить высококультурная правовая информация среди участников сетей.

В-третьих, исключить из всех средств массовой коммуникации линию демонизации Интернета и социальных сетей. На данный момент существует страх неизведанного пространства, убеждение многих пользователей социальных сетей в лживости остальных СМК и упоение собственной вседозволенностью. Понятно, что новая коммуникационная культура в сети быстро не сложится, как и любая культура, но фактор демонизации сетей выгоден только тем, кто не хочет развития новой культуры, стремясь оставить только силовые средства регуляции для решения старых задач.

В-четвертых, важно работать в непосредственном контакте с пользователями социальных сетей. Обратная связь очень важна для современного молодого поколения. Проводимая втайне культурная политика не сможет привести к тем результатам, на которые она изначально направлена. Любые запретительные и директивные методы вызовут сопротивление со стороны лидеров виртуального пространства. Или они просто уйдут из него, лишая сети активного участника. Между тем пользователи социальных сетей знают о своем социальном пространстве гораздо больше, чем государственные субъекты регуляции, поэтому важно часть функции культурной регуляции передать им. Это обеспечит рост доверия между управляющими и действующими субъектами.

Заключение

Предлагаемые направления новой культурной политики в регуляции деятельности социальных сетей, конечно, надо уточнять по мере решения проблем соотношения реальных и виртуальных сообществ, частной и публичной жизни. Важно, чтобы проникновение новых подходов в культурной политике по отношению к новому социальному пространству было органичным, что возможно, когда она была основана на социокультурных принципах, имеющих исторические истоки. Политика регуляции социальных сетей на основе правовых мер, но не подкрепленная средствами духовной культуры, приведет к противоположному результату в борьбе с деструктивными сетевыми движениями и киберпреступлениями, так как перекроет возможности позитивного развития сетевых сообществ. Да и сами правовые меры могут эффективно работать лишь во взаимодействии с нормами морали, регуляторами частной сферы, деятельности научных и художественных организаций, нормами церковной и семейной жизни. Важно понять, что отодвигаемый на задний план культурный аспект является главным в предупреждении преступлений против личности в социальных сетях. Объясняется это просто: именно культура является способом формирования и развития личности, которая представлена в сети своими духовными параметрами. Проводимые на данный момент мероприятия, принимаемые меры заставляют рядового пользователя чувствовать себя в Интернете и социальных сетях стесненно, что противоречит изначальному позиционированию интернет-площадок как свободных для решения новых социокультурных задач. При этом сами преступники или пранкеры убеждаются в своей безнаказанности и избегают какого-либо наказания в сети. А в реальной жизни все чаще происходит процесс демонизации интернет-преступлений и виктимизации поведения пользователей, неспособных противостоять пранкерству или буллингу. Таким образом, система культурной политики нуждается в реформации с точки зрения интересов пользователей интернет-сообществ, представляющих собой гражданское общество в одном из своих пространств, которое имеет, одновременно, частный и публичный характер.

Список литературы

1. Гавров С.Н. Культурная политика: общественно-государственное взаимодействие, технологичность, многообразие // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1–2. С. 63–65.

2. Ивлиев Г.П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: Статьи и выступления. М.: Норма: НИЦ «Инфра-М», 2012. 208 с.

3. Мешкова А.В. Формирование государственной политики в сфере культуры и ее государственно-правовое регулирование. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Meshkova/ (дата обращения: 06.01.2018).

4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р. URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (дата обращения: 06.01.2018).

5. Карпухин О.И. Культурная политика России: цели и способы реализации // Социально-политический журнал. 1996. № 1. С. 44–86.

6. Исследование РосИндекса о доверии СМК. URL: http://www.android-touch.ru/novosti/1344-internet-vyzyvaet-vse-bolshe-doveriya-rossiyan.html доступ свободный (дата обращения: 06.01.2018).

7. Фетисов А.В. Теоретические и практические основы социально-культурной политики: Учебное пособие. М.: Дело, 2011. 152 с. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks369976 (дата обращения: 06.02.2018).

8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

9. Алексухин С.И. Социально-психологические особенности информационного взаимодействия в политике: на материале избират. кампаний 1994–1995 гг.: Автореф. дис. ... к. психол. н. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1996. 155 с. [Текст из электронной базы объявлений о защите сайта ВАК, открытый доступ].

10. Алексухин С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ. URL: http://www.elibrary.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/MFTI/2003/127.pdf (дата обращения: 30.01.2018).

11. Козырьков В.П. Интернет и развитие культуры. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16216381 (дата обращения: 30.01.2018).

12. Козырьков В.П. «Тройное дно» интернет-знания. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16216303 (дата обращения: 30.01.2018).

13. Воронин П. Социология и Интернет: дискуссия состоялась // Социальная реальность. 2005. № 1. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_05_01/gur050105 (дата обращения: 30.01.2018).

14. Губанков А.Н. Перспективы развития сетевых СМИ как интерпретатора культурного пространства современного города // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 3 (8). С. 15–23.

15. Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М.: ИФ РАН, 2015. 196 с.

16. Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения. Томск: Издат. дом ТГУ, 2016. 112 с.

17. Лежебоков А.А., Сергодеева Е.А., Сергодеев В.А. Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2017. 182 с.

18. Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик: Монография / Под ред. Л.П. Шестеркиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. 296 с.

19. Mulcahy K.V. The public interest in public culture // Journal of Arts Management. 1991. № 21. P. 5–25.

20. Горшенева-Долунц И.К. Проблема основного приоритета культурной политики // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problema-osnovnogo-prioriteta-kulturnoy-politiki

21. Останови кибербуллинг. URL: http://www.stopcyberbullying.org/parents/howdoyouhandleacyberbully.html (дата обращения: 16.01.2018).

22. Крапивенский А.С. Вербальный аспект культурной безопасности молодежи в социальных сетях // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=5935 (дата обращения: 16.01.2018).

23. Онлайн-буллинг среди российских подростков 8–17 лет от Microsoft. URL: https://www.google.lv/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjdjLqVtvjPAhVFFywKHdWCCbIQFggcMAA&url=http%3A%2F%2Fdownload.microsoft.com%2Fdownload%2FE%2F8%2F4%2FE84BEEAB-7B92-4CF8-B5C7-7CC20D92B4F9%2FWW%2520Online%2520Bullying%2520Survey%2520-%2520Executive%2520Summary%2520-2520Russia_Final.pdf&usg=AFQjCNECUpKYq474evpgm8u1SiGymrVV2w&sig2=Gob4VeuKslxCc2BT2p_Bmw (дата обращения: 18.12.2017).

24. Молодёжь и насильственный экстремизм в социальных сетях. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0026/002603/260382e.pdf (дата обращения: 17.12.2017).

25. Гарфинкель С. Все под контролем: частная жизнь под угрозой. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 432 с.

26. Козырьков В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры // Вестник ННГУ. Сер.: Социальные науки. 2002. Вып. 1 (2). С. 117–130. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9117845 (дата обращения: 30.01.2018).

27. Мелешевич Р. Публизация отношений в Интернете // Журналістыка 2017: стан., праблемы і перспектывы: Матэрыялы 19-й Міжнар. навук.-практ. канф., 16–17 ліст. 2017 г. Мінск: БДУ, 2017. С. 364–368.

UNLOCKING THE SOCIAL NETWORKS' POTENTIAL AS A TREND OF MODERN CULTURAL POLICY

V.P. Kozyrkov, M.V. Pridatchenko, O.A. Kirina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article considers the opportunities of using social networks as a tool for the implementation of modern state cultural policy. Social conflicts and tensions in the network space and the problems of their regulation are assessed from the perspective of low level of penetration of cultural policies into social networks. Communication in the network space is regulated from the positions of the Criminal Code of the Russian Federation, however, the communication itself is still not clearly structured and definite, which makes impossible the process of establishing clear boundaries of the legality of some of its manifestations. Based on the existing research and experience of modern cultural policy in Russian society, the article notes the expediency of the state's work in social networks through soft measures such as cultural, social and educational policies. The authors also suggest some ways to implement the strategy of soft measures in social networks, using the example of cultural policy.

Keywords: cultural policy, social networks, Internet, Internet communication, functions of cultural policy, social tension, social conflicts, information society, cyberbullying, Internet extremism.

УДК 316.354:351/354, 159.9(07)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ КЛИЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННОГО БИЗНЕСА (НА ПРИМЕРЕ ФИТНЕС-ТРЕНЕРОВ)

© 2018 г.

Л.Н. Захарова, С.А. Царева

Захарова Людмила Николаевна, д.психол.н., проф.; заведующая кафедрой психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zlnnnov@mail.ru
Царева Светлана Александровна, студентка факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Tsareva_svet@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.05.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования самоактуализации индивидуальных предпринимателей как фактора клиент-ориентированности и личностной характеристики субъекта трудовой деятельности. Разработана типология самоактуализации, имеющая в своей основе альтруистически-эгоистический и профессионально-личностный векторы направленности. Дан сравнительный анализ характеристик самоактуализации индивидуальных предпринимателей на примере персональных фитнес-тренеров и тренеров групповых программ с разными характеристиками темперамента и разными уровнями профессиональной успешности, которая определялась востребованностью тренера клиентами. Показано, что профессиональная успешность специалиста в клиентоориентированной сфере зависит, в первую очередь, от направленности самоактуализации. Менее важным фактором, но также оказывающим существенное влияние на успешность тренера – индивидуального предпринимателя, является соответствие характеристик экстраверсии-интроверсии клиента и тренера. Обосновано положение о ценностной неоднородности самоактуализационной мотивации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, индивидуальный предприниматель, клиент-ориентированность бизнеса, фитнес-тренеры, клиенты, направленность самоактуализации, темпераментальные характеристики; профессиональная успешность.

Введение

Предпринимательская деятельность граждан является основой современных развитых экономик. На самых высоких уровнях государственного управления неоднократно подчеркивается необходимость развития предпринимательства во всех его формах, включая малый и средний бизнес, как гарантии необратимости устойчивости развития России [1]. Вместе с тем известно, как много предприятий не выдерживает конкуренции, уходя с рынка, в том числе через процедуру банкротства. Безусловно, существует множество факторов, негативно влияющих на развитие бизнеса. Исследователи приводят целый комплекс драйверов интенсивности банкротств, сосредотачиваясь на правовых и экономических факторах. Это и нормативно-правовые, и бюрократические барьеры, и рост процентных ставок по кредитам, снижение платежеспособного спроса населения и пр. [2]. Остаются практически не исследованными социально-психологические факторы эффективности бизнеса, хотя те же авторы приводят данные о том, что в сфере коммерческих услуг – а это в основном малый и средний бизнес – наблюдается не такое значительное снижение количества предприятий в сравнении с другими сферами бизнеса, в то время как запас финансовой прочности у них часто очень невелик [2]. Среди социально-психологических факторов устойчивости современного бизнеса особая роль принадлежит клиент-ориентированности компаний, и в развитых экономиках принцип клиент-ориентированности является основополагающим принципом ведения дел [3–5]. Низкий уровень клиент-ориентированности (КО) персонала многих российских предприятий и организаций не только хорошо известен потребителям товаров и услуг, но и неоднократно отмечен как существенный барьер развития бизнеса [6]. Довольный клиент является источником прибыли фирмы, поэтому, чтобы оставаться жизнеспособной, она должна фокусироваться на потребностях своих клиентов. В условиях экономического спада и даже кризиса роль клиент-ориентированности еще более возрастает, поскольку снижается платежеспособный

спрос, и привлечение, а затем и удержание клиентов становится постоянной задачей бизнеса.

Методология

Социально-психологический источник клиент-ориентированности в отсутствие обучения специальным бизнес-технологиям можно обнаружить, исследуя те виды деятельности, которые не могут существовать без удовлетворенности клиента. Методологическую основу исследований и интерпретации результатов составляют те теории мотивации и поведенческие концепции, которые позволяют выявить социально-психологические регуляторы клиент-ориентированной деятельности и достижения клиентом чувства удовлетворенности от взаимодействия с субъектом предоставления товара или услуги. Это теории А. Маслоу и Б.Ф. Скиннера, какими бы разными они ни являлись [7, 8]. А. Маслоу раскрывает потребностную регуляцию поведения, а Б.Ф. Скиннер – снятие депривации и закономерности изменения и закрепления новых моделей поведения. Концепции К. Хобурга и К. Форнелла переводят широкий научный анализ человеческого поведения к специфике клиент-ориентированной деятельности [5, 9]. Анализ мотивационных теорий показывает, что базовым мотивом клиент-ориентированной деятельности является самоактуализация субъекта, побуждающая его раскрыть все свои возможности для достижения удовлетворенности другого человека этой деятельностью. Критерием клиент-ориентированности являются не желания и попытки субъекта предоставления услуги, а эмоциональный результат в форме специфического позитивного переживания, являющегося регулятором повторного обращения [5, 9]. Во всех других случаях мотивационного приоритета (заработок, комфортность рабочего места, принятие, общение и даже самоуважение) субъект деятельности больше озабочен своими выгодами, своим удовлетворением от деятельности, чем выгодами и удовлетворением другого человека (клиента) [7].

Самоактуализация человека – важнейшее условие успешности многих видов профессиональной деятельности. В первую очередь это можно видеть в сфере индивидуального предпринимательства и малом бизнесе. В сложных условиях ведения бизнеса в современной России самоактуализация часто является почти единственным фактором, заставляющим человека продолжать начатое дело [10].

Индивидуальное предпринимательство фитнес-тренеров является типичным примером профессиональной деятельности, основанной на самоактуализации – одной из личностных характеристик, определяющих эффективность профессиональной деятельности, и возможности для человека развиваться в профессии. Эта деятельность относится к бизнесу заботы и требует высокого уровня личностной вовлеченности, основанной на ценности другого человека [11]. Сегодня концепция самоактуализации – это концепция развития человека и общества, основывающаяся на идее максимально возможной опоры на саморазвитие и самоорганизацию [12].

Принято считать, что первым ввел в научный оборот понятие «самоактуализация» К. Гольдштейн. Он рассматривал самоактуализацию, как универсальный принцип жизни, и высшую самоактуализацию, как основной мотив человеческой жизни (по [12]). Наибольшее количество работ по проблеме самоактуализации принадлежит представителям зарубежной гуманистической психологии. Теорию самоактуализации прежде всего связывают с именами А. Маслоу и К. Роджерса [7, 13].

Акты самоактуализации проявляются в поведении, общении, взаимодействии с другими людьми, компетентности в определенном профессиональном виде деятельности, что позволяет человеку осуществить переход от ориентации на внешнюю оценку и подкрепление поведения к выработке «внутренних стандартов» для оценки себя, своих жизненных планов, проблемных ситуаций и других людей. Это особенно важно в тех случаях, когда реализация жизненного плана происходит в условиях неопределенности и (или) жесткой конкуренции, что особенно ярко выражено в сфере предпринимательства [14]. Л.И. Анцыферова в своем исследовании рассматривала особенности самоактуализации в зависимости от выбранной профессии. Выявлено, что самоактуализационные качества личности взаимосвязаны с особенностями профессиональной деятельности и с социальными установками личности. Таким образом, процесс самоактуализации рассматривается как «единство профессионального и личностного роста», сущность которого определяется личностными ценностями, креативностью, рефлексивностью и коммуникативностью [7, 15, 16].

Эти качества формируются в течение всей жизни и являются в большей мере социально обусловленными, проявляются в поведении человека и при общении с ним. Вместе с тем понятно, что самоактуализация является сложным феноменом уже хотя бы потому, что ее основой могут быть очень разные ценности. Поэтому отдельной задачей раскрытия роли самоактуализации в достижении субъектом трудовой деятельности успешной ориентации на удовлетво-

рение законных потребностей клиента является выявление ее базовых ценностей. Ценности являются предикторами поведения [17, 18]. Поведение в клиент-ориентированной деятельности в первую очередь проявляется в процессах коммуникации. Поэтому вполне обоснованно исследовать клиент-ориентированную деятельность в единстве ценностей и коммуникативного поведения, которое, в свою очередь, зависит от темпераментальных характеристик личности. Под темпераментом понимают индивидуально своеобразные свойства психики, определяющие динамику психической деятельности человека, которые одинаково проявляются в разнообразной деятельности независимо от ее содержания, целей, мотивов и остаются постоянными. Они заметны во внешней манере поведения, в познавательной деятельности, сфере чувств, побуждениях и действиях человека, умственных способностях, особенностях речи и т.п. [19]. Рассмотрение темпераментальных характеристик, а не чисто коммуникативных, представляется существенным потому, что темперамент, являясь в своей основе природным свойством человека, требует существенных личностных усилий для коррекции проявлений в клиент-ориентированной коммуникации. Эти усилия могут являться индикатором ориентированности субъекта деятельности на клиента, а их отсутствие свидетельствует о смещении ценностного баланса в направлении самого субъекта деятельности.

Проведено исследование, имеющее *цель* выявить ценностные и темпераментальные характеристики самоактуализации индивидуальных предпринимателей (персональных фитнес-тренеров и тренеров групповых программ) с разным уровнем деловой успешности.

Респонденты: 30 инструкторов тренажерного зала (15 персональных тренеров (индивидуальных предпринимателей) и 15 тренеров групповых программ) и 90 клиентов (по 3 клиента от каждого тренера).

Методы: наблюдение, включенное наблюдение, теоретическое моделирование, авторский опросник направленности самоактуализации для персональных тренеров и тренеров, ведущих групповые программы, методика выявления темпераментальных характеристик (экстраверсии-интроверсии и эмоциональной устойчивости, их сочетание дает четыре классических типа темперамента) Г. Айзенка (по [20]), метод ранговой корреляции Спирмена. Исследование проведено в два этапа. На первом этапе разработана теоретическая модель ценностной типологии самоактуализации и апробирован опросник, позволяющий выявить характеристики самоактуализации тренеров и ожиданий клиентов.

Одна из авторов статьи является фитнес-тренером и имеет возможность осуществлять наблюдение и включенное наблюдение. Пример одного из пунктов опросника для клиента: какова ваша основная цель занятий фитнесом с персональным тренером – а) достижение конкретных спортивных результатов; б) получение удовольствия от занятий в фитнес-клубе; в) поддержание хорошей физической формы и чувство удовлетворенности жизнью; г) расширение общения, совмещенного с полезными для здоровья занятиями? Сопряженный с этим вопросом вопрос тренеру: какие основные цели клиентов вам кажутся наиболее соответствующими смыслу тренерской работы – а) существенное продвижение; б) получение положительных эмоций от занятий фитнесом; в) желание поддержать хорошую физическую форму; г) пусть хорошо проводят время, многим из них просто не хватает общения с позитивным человеком? Типичными единицами наблюдения являлись выбор тренера после первой вводной тренировки, закрепление и отказ от тренера, переход к другому. Второй этап представлял собой эмпирическое исследование характера связи между ценностным вектором самоактуализации тренера, его темпераментальных характеристик и успешности его клиент-ориентированной деятельности, проявляющейся в выборе и закреплении клиента за тренером.

Результаты и их анализ

В основу разработки теоретической модели легла гипотеза о ценностной основе самоактуализации тренеров и результаты трехлетнего включенного наблюдения. Оказалось возможным выделить две относительно самостоятельные направленности самоактуализации. Во-первых, самоактуализация тренера может быть альтруистической или эгоистической в зависимости от того, какая ценностная ориентация преобладает. Одни тренеры направляют свои усилия на преимущественное удовлетворение потребностей клиентов. Эти потребности могут иметь самое разное содержание: от интересного времяпрепровождения до достижения конкретных спортивных результатов. Другие тренеры ориентируются на свои интересы, связанные, например, с повышением рейтинга в качестве специалиста в области фитнеса, расширением клиентской базы и пр. Таким образом, самоактуализация этих групп тренеров различается адресом приложения усилий: он сам или клиент. Во-вторых, направленность самоактуализации может различаться по содержанию усилий, развиваемых тренером. Одни тренеры прагма-

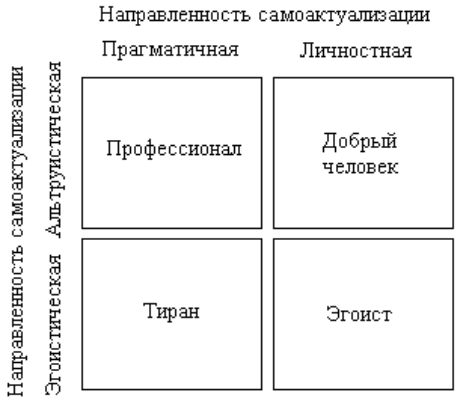

Рис. Типология ценностной самоактуализации тренеров

тичны и реализуют себя, в основном, как спортивные профессионалы, другие заинтересованы больше в личностном развитии самих себя и клиентов. Разработанная модель и данные сопряженного с ней опроса дают возможность причислить каждого тренера к одному из четырех типов ценностной самоактуализации. Каждый тип самоактуализации получил условное наименование в зависимости от социально-психологического облика тренера, соответствующего квадрантам матрицы (рис.).

На втором этапе исследована успешность персональных фитнес-тренеров и фитнес-тренеров, ведущих групповые программы, с разными типами самоактуализации и с разными темпераментальными характеристиками, эмоционально и поведенчески презентирующими личность тренера клиентам, по критерию их востребованности клиентами.

Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Прежде чем анализировать данные таблиц, отметим, что установлены статистически значимые положительные корреляции экстраверсии персональных тренеров и клиентов (r_s=0.475, $p \leq 0.01$) и групповых тренеров и их клиентов (r_s=0.328, $p \leq 0.01$), что указывает на значимость близости темпераментальных характеристик клиентов и тренеров. Но при этом характеристики экстраверсии-интроверсии тренеров-«профессионалов» не являются препятствием для успешного посещения их занятий клиентами с противоположными характеристиками экстраверсии-интроверсии. Корреляции эмоциональной устойчивости не достигают уровня статистически значимых (r_s=0.174 для характеристик персональных тренеров и r_s = –0.092 для характеристик тренеров, ведущих групповые занятия). Поэтому в дальнейшем анализе рассматриваем, в основном, только характеристики экстраверсии и интроверсии, используя данные о целостном темпераментальном облике тренеров и клиентов для создания более целостной картины их взаимодействия.

Факт отсутствия значимой корреляции эмоциональной устойчивости тренеров и клиентов может объясняться тем, что часть эмоционально неустойчивых клиентов стремится к эмоционально устойчивым тренерам, особенно в тех случаях, когда они хотят добиться позитивных результатов в фитнесе. Другая их часть желает работать с тренерами, близкими с ними по уровню эмоциональной устойчивости, что характерно для направленности клиентов на приятное времяпрепровождение в клубе, а не на результаты. Следовательно, ценностная направленность самоактуализации оказывает более сильное влияние, нежели темпераментальные характеристики.

Данные таблиц показывают, что более всего тренерский состав представлен тренерами с профессионально-альтруистическим типом самоактуализации, или «профессионалами», причем их существенно – на 13% – больше среди персональных тренеров. Они обладают разными темпераментальными особенностями, но востребованы всеми категориями клиентов, ценящими альтруистический компонет самоактуализации, сопряженный с профессиональным мастерством.

Сравнение данных таблиц показывает, что персональные и групповые тренеры имеют определенные темпераментальные различия. Среди персональных тренеров 7% обнаружили меланхолический темперамент, на первый взгляд, мало подходящий для такой профессии. И, действительно, такие тренеры не встречаются среди тех, кто реализует групповые программы. Этот факт указывает, что клиентские запросы шире того, что предлагает обычная профессиональная деятельность. Она не так чувствительна к потребностям клиентов, чем деятельность клиент-ориентированная. Очень разные по своему темпераменту клиенты выбирают таких тренеров. Хотя они имеют профессионально-эгоистическую направленность самоактуализации, но, по-видимому, тонкая душевная организация, защищающая себя маской эгоизма, все же оказывается привлекательной для целой группы клиентов. Только среди групповых тренеров встречается личностно-эгоистическая направленность самоактуализации. Она характерна для энергичных личностей, но признают ее за приемлемую только клиенты с флегматическим темпераментом, т.е. те, кто не слишком избирательно относится к характеристикам партнеров по взаимодействию.

Интересным фактом является то, что у профессионально-альтруистических персональных тренеров закрепляются клиенты с самыми раз-

Таблица 1

Психологические характеристики персональных фитнес-тренеров (ИП) и предпочтения клиентов, %

Направленность самоактуализации тренера	Темперамент тренера	Темперамент клиентов	Ориентированность клиентов
Профессионально-альтруистическая (66)	Холерический (50)	Холерический (60)	ПА (100)
		Сангвинический (27)	
		Флегматический (13)	
	Флегматический (50)	Флегматический (47)	ПА (100)
		Меланхолический(21)	ЛА (100)
		Холерический (16)	ПА (100)
		Сангвинический (6)	ПА (50), ЛА (50)
Личностно-альтруистическая (27)	Сангвинический (100)	Холерический (50)	ПА (100)
		Флегматический (34)	ПА (100)
		Сангвинический (8)	ЛА (100)
		Меланхолический (8)	ЛА (100)
Профессионально-эгоистическая (7)	Меланхолический (100)	Холерический (33)	ПА (100)
		Флегматический (33)	ПЭ (100)
		Меланхолический (33)	ПЭ (100)

В таблице: ПА – профессионально-альтруистическая; ЛА – личностно-альтруистическая; ПЭ – профессионально-эгоистическая; ЛЭ – личностно-эгоистическая (не обнаружена).

Таблица 2

Психологические характеристики фитнес-тренеров групповых программ (договор найма), %

Направленность самоактуализации тренера	Темперамент тренера	Темперамент клиентов	Ориентированность клиентов
Профессионально-альтруистическая (53)	Холерический (100)	Сангвинический (79)	ЛА (100)
		Флегматический (21)	ПА (100)
Профессионально-эгоистическая (20)	Флегматический (100)	Меланхолический (44)	ЛЭ (100)
		Флегматический (44)	ПЭ (100)
		Сангвинический (12)	ПА (100)
Личностно-эгоистическая (27)	Холерический (58)	Флегматический (100)	ПЭ (100)
	Сангвинический (40)		

В таблице: ПА – профессионально-альтруистическая; ПЭ – профессионально-эгоистическая; ЛЭ – личностно-эгоистическая; ЛА – личностно-альтруистическая (не обнаружена).

ными темпераментальными особенностями, а у групповых тренеров – только более эмоционально уравновешенные типы. Это говорит о том, что клиент-ориентированность персональных тренеров формирует более терпимый и заинтересованный локус контроля, позволяет им успешно решать задачи самых разных клиентов.

Среди персональных «профессионалов» встречаются обладатели как экстраверсивных характеристик, так и интроверсивных, в то время как «профессионалы», ведущие групповые программы, обладают исключительно экстраверсивными темпераментальными характеристиками. Отзывы в книге жалоб и предложений, предоставленной администрацией клуба, о работе этих тренеров имеют исключительно положительный характер: отмечается их умение доходчиво объяснять, поддерживать и мотивировать, умение находить индивидуальный подход к каждому клиенту, «зажигать». Тренеры, ведущие групповые программы, охватывают всю аудиторию, пытаются уделять внимание каждому. Важно отметить тот факт, что 100% тренеров-«профессионалов», ведущих групповые программы, также практикуют и персональный тренинг, но делают в групповых программах это не так успешно, как в клиент-ориентированных. Эти факты заслуживают особого внимания в перспективных исследованиях, т.к. обращают внимание на то, что один и тот же специалист в условиях разных требований может проявлять себя поразному, иногда не обнаруживая весь свой профессиональный потенциал.

«Добрые люди» встречаются только среди персональных тренеров. У них занимается около трети опрошенных клиентов. Это обусловлено тем, что эти тренеры больше внимания уделяют личностному развитию клиента и, как следствие, не отвечают потребностям тех, кто ориентирован в первую очередь на достижение результатов в фитнесе. Последних, по результатам исследования, оказалось значительно больше, нежели клиентов, нацеленных на личностное общение. Таким образом, эти тренеры востребованы, но лишь у контингента, имеющего целью не только тренировки, а, скорее, обще-

ние. Отсутствие фитнес-тренеров с этим типом самоактуализации, ведущих групповые программы, вероятно, обусловлено тем, что групповые занятия имеют четкую спортивную ориентацию и не подразумевают проведения семинаров, преследующих целью личностное общение.

У персональных «тиранов», обладающих исключительно интроверсивными характеристиками, занимается менее 10% опрошенных клиентов, в то время как у «тиранов», ведущих групповые программы, занимается 20% посетителей занятий. В книге жалоб и предложений последние отмечают, что тренеры заняты в большей степени собой, словно проводят занятия для себя, не уделяют достаточно внимания технике выполнения упражнений клиентами. У них (и у персональных, и у групповых тренеров) абсолютно отсутствует индивидуальный подход к клиентам. Новичкам они уделяют ровно столько же внимания, сколько и более опытным посетителям занятий, что увеличивает риск травмы, а также препятствует их «вливанию» в процесс тренинга. Таким образом, предоставляемые ими услуги отвечают потребностям ориентировочно 20% опрошенных клиентов.

У «эгоистов», ведущих групповые программы, занимается чуть более четверти (27%) опрошенных клиентов, посещающих их занятия. Среди тренеров с этим типом самоактуализации встречаются обладатели исключительно экстраверсивных темпераментальных характеристик. Отмечается их несколько авторитарная манера общения с окружающими, в том числе и с клиентами, что, в свою очередь, отталкивает большинство посетителей. Такие тренеры, по словам клиентов, производят впечатление людей, стремящихся самоутвердиться посредством принижения способностей других по сравнению с собой, хотя люди изначально приходят на занятие с целью развить у себя недостающие качества, приятно провести время, а не любоваться тренером и чувствовать себя ущербными. «Эгоистов» среди персональных тренеров обнаружено не было. Вероятно, это связано с тем, что в ситуации «один на один» давление со стороны тренера становится еще более явным, что лишает клиента мотивации ходить к нему на занятия, а то и тренироваться вовсе.

Выводы

1. Самоактуализация, понимаемая как стремление человека максимально выявить и развить свои способности в реализации собственного потенциала, влияет на успешность индивидуального предпринимателя в клиент-ориентированном бизнесе.

2. Мотивация самоактуализации неоднородна и различается в зависимости от ценностей, лежащих в ее основе. Выделены 4 типа ценностной самоактуализации человека в сфере индивидуального предпринимательства, различающиеся по двум основаниям: альтруизм – эгоизм и прагматизм – личность, получившие условные наименования: «профессионал», «добрый человек», «тиран» и «эгоист». Зависимость успешности деятельности от типа самоактуализации обусловливает актуальность и перспективность дальнейших исследований в других сферах бизнеса.

3. Характеристики темперамента, проявляющиеся в коммуникациях с клиентом и тем самым презентирующие личность тренера, имеют значение в части экстраверсии-интроверсии, влияя на востребованность тренера клиентом. Клиенты выбирают тренеров, близких к себе по этим характеристикам, но тип самоактуализации тренера имеет определяющее значение. Это указывает на то, что часть тренеров улавливает темпераментальные характеристики клиента и подстраивает под них проявление своих темпераментальных особенностей, обеспечивая клиент-ориентированность деятельности. В первую очередь это относится к тренерам с альтруистическим компонентом в направленности самоактуализации.

Наиболее успешными индивидуальными предпринимателями как в области персонального тренинга, так и в области проведения групповых программ являются обладатели профессиональной альтруистической направленности самоактуализации «профессионалы». Тип самоактуализации «добрый человек» востребован у четверти клиентов только в области персонального тренинга и не является перспективным в области проведения групповых занятий.

Список литературы

1. Путин В.В. Выступление на съезде партии «Единая Россия» 23 декабря 2017 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/56478

2. Рыбалка А., Сальников В. Банкротства юридических лиц в России: основные тенденции. III квартал 2017 / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования ВШЭ. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/PROM/2017/Bnkrpc-3-17.pdf

3. Kohli A., Jaworski J. Market orientation: Antecedents and consequences // Journal of Marketing. 1993. Vol. 57. July. P. 53–70.

4. Narver J.C., Slater F.S. The effect of a market orientation on business profitability // Journal of Marketing. 1990. Vol. 54. October. P. 20–35.

5. Fornell C., Rust R.T. and Dekimpe M.G. The effect of customer satisfaction on consumer spending

growth // Journal of Marketing Research. 2010. Vol. 47. № 1. P. 28–35.

6. Медведев назвал качество сервиса в Крыму «даже не российским». URL: http://www.forbes.ru/news/289557-medvedev-nazval-kachestvo-servisa-v-krymu-dazhe-ne-rossiiskim

7. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. 378 с.

8. Skinner B.F. Recent issues in the analysis of behavior. Columbus, OH: Merril Publishing Company, 1989. 147 p.

9. Homburg C., Koschate N., Hoyer W.D. The role of cognition and affect in the formation of customer satisfaction: a dynamic perspective // Journal of Marketing. 2006. Vol. 70. № 3. P. 21–31.

10. Иванова Н.Л. Самоопределение личности в бизнесе: проблемы и модели исследования // Психология. Журнал ВШЭ. 2011. Т. 8. № 2. С. 28–39.

11. Захарова Л.Н. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. №. 5. С. 388–395.

12. Вахромов Е.Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. М., 2001.

13. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 2008. 412 с.

14. Акиндинова И.А. Различные аспекты самоактуализации в профессиональной деятельности // Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 22–30.

15. Анцыферова Л.И. Концепция самоактуализирующейся личности А. Маслоу // Вопросы психологии. 1970. № 3.

16. Чередниченко И.П. Формирование самоактуализационных качеств старшеклассников в условиях интегративного обучения: Дис. ... кандидата педагогических наук / Волгогр. гос. пед. университет. Волгоград, 2010.

17. Schwartz S.H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. P. 268–290.

18. Здравомыслов Л.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 224 с.

19. Strelau J. Temperament. A psychological perspective. Boston, MA: Springer, 2002. 468 p.

20. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб., 2004. 701 с.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL TYPOLOGY OF SELF-ACTUALIZATION OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS IN THE SPHERE OF CUSTOMER-ORIENTED BUSINESS (A CASE STUDY OF FITNESS COACHES)

L.N. Zakharova, S.A. Tsareva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This paper presents the results of a theoretical and empirical research of individual entrepreneurs' self-actualization as a factor of customer focus and a personality characteristic of the labor activity subject. We have developed a self-actualization typology based on altruistic/ egoistical and professional/personal orientation vectors. A comparative analysis is given of self-actualization characteristics of individual entrepreneurs using the example of personal fitness coaches and coaches of group programs with different characteristics of temperament and different level of professional success as determined by clients' demand for such coaches. It is shown that a specialist's professional success in the customer-oriented sphere depends, first of all, on self-actualization orientation. A less important factor, though also having a significant effect on the coach's success, is the matching of the client's and the coach's extraversion/introversion characteristics. The proposition regarding value heterogeneity of motivation for self-actualization is substantiated.

Keywords: business activity, individual entrepreneur, customer focus of business, fitness coach, clients, orientation of self-actualization, temperament characteristics, professional success.

УДК 316.4

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-СТРЕССОВЫХ РАССТРОЙСТВ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

© 2018 г.

В.Н. Аргунова

Аргунова Вера Николаевна, д.соц.н., доц.; профессор кафедры социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета, Киров
v_argunova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Цель статьи заключается в выявлении негативных последствий утверждения несправедливости в ценностных ориентациях населения и обсуждении путей преодоления деструктивного влияния несправедливости. На основе ценностно-институционального анализа, осуществленного с учетом психологических факторов, обнаружена взаимозависимость между социальными преобразованиями, массовыми социально-стрессовыми расстройствами и деформацией представлений о справедливости. Показано, что массовые изменения психологического состояния не только детерминируют содержание ценностей, но и приводят к трансформации социального взаимодействия: нарастает социальное напряжение, недоверие, конфликтность, ослабляются коллективистские и солидарные связи. Включение психологических факторов в комплекс детерминант ценностной системы является новым в отечественной социологии. Делается вывод о необходимости целенаправленных усилий акторов различных уровней, в т.ч. и государства, по профилактике социально-стрессовых расстройств и возвращении справедливости в систему ценностей личности и общества.

Ключевые слова: ценностно-институциональный анализ, ценность, антиценность, социальная справедливость, социальная несправедливость, социально-стрессовые расстройства, профилактика социально-стрессовых расстройств.

Введение

Справедливость является вечным и безусловным принципом миропорядка, лежащим в основе человеческой истории и жизни каждого человека. Этот принцип беспристрастный и гуманный одновременно. Для справедливости нет ничего выше общественного блага, распространяющегося на всех членов общества. Гуманность справедливости состоит в том, что каждый член общества является значимым и должен получать адекватное вознаграждение за служение общественным интересам.

Требованиям справедливости подчиняются все социальные подсистемы. В экономике она регулирует распределение материальных благ, учитывая характер и объем труда. В политической подсистеме справедливость осуществляет селекционную функцию индивидов и социальных групп, способных к эффективному управлению. В культуре она поддерживает духовную связь поколений, сохраняя накопленный духовный потенциал. В социальной структуре позволяет различать легитимные и нелегитимные формы неравенства и социальной мобильности. Отклонение от этих требований хотя бы в одной из подсистем влечет за собой изменения в структуре и функционировании других подсистем и, в конечном счете, изменение характера всей системы [1].

Вместе с тем обозначенная выше абстрактная формула справедливости в каждом обществе всегда наполняется своим содержанием, обновляется вместе с эпохой, имеет свою социокультурную специфику. Ее главное предназначение – определить меру равенства и свободы индивидов в системе общественных отношений [2].

В общественном сознании современного российского общества социальная справедливость как ценность все больше вытесняется несправедливостью. Справедливость перемещается в сферу мечтаний о будущем, а в практиках повседневного взаимодействия торжествует несправедливость. Утверждение несправедливости в ценностной системе вызывает напряжение в межличностном и межгрупповом взаимодействии, увеличивает возможности конфликтов, препятствует достижению согласия, способствует разъединению людей и самоизоляции.

Однако простой констатации факта вытеснения справедливости антиценностью – несправедливостью – недостаточно. Необходимо разобраться в причинах этого, поскольку несправедливость влечет за собой целый шлейф негативных последствий.

Методология

Исследование осуществлено с позиций ценностно-институциональной концепции соци-

альной справедливости, предполагающей комплексное рассмотрение макро- и микроуровней социальной реальности, объективных и субъективных явлений. В данной статье ценностно-институциональный анализ осуществлен с учетом психологических факторов. Используется понятие социально-стрессовых расстройств, употребляемое для характеристики макропсихологической ситуации в российском обществе. Осуществлен вторичный анализ результатов социологических исследований Института социологии РАН «"Русская мечта": какая она и может ли она осуществиться».

Обсуждение и результаты

Как показывают результаты международных исследований, в России отмечается один из самых высоких в Европе показателей депрессивности населения, наряду с Венгрией и Украиной [3, с. 257–258]. В последние десятилетия в стране наблюдается рост числа людей с психическими заболеваниями, нарастает недоверие людей друг к другу, сопровождающееся пессимистическим настроением [4].

Сложившееся положение получило название «социально-стрессовые расстройства». Ю.А. Александровский ввел это понятие для обозначения последствий социальных изменений, начавшихся в нашей стране в 90-х годах XX в. Радикальные преобразования в экономике, приватизация, резкое снижение уровня жизни вызвали у населения экономический стресс. Навязывание чуждой ценностной системы и культуры привело к аккультурационному стрессу. Социальный стресс сказывается прежде всего на психическом здоровье. Он приводит к возникновению пограничного состояния, т.е. это уже не здоровье и еще не болезнь. Пограничное состояние сопровождается эмоциональным напряжением, депрессией, повышенной тревожностью и т.д. Если такое состояние становится хроническим, то могут возникнуть психосоматические заболевания, аддиктивное и девиантное поведение и пр. [5, с. 210–211].

Находясь в стрессе, человек воспринимает окружающую среду как враждебную, поэтому происходят сбои в адаптации, ведущие к устойчивым формам нарушения поведения [6].

Стрессовое состояние российского общества тесно связано с трансформацией ценностной системы. Ценности, как внутренние мотивы индивидуального поведения, своими корнями уходят в глубинные пласты культуры, закреплены в габитусе и поведенческих паттернах. Можно сказать, что они представляют собой объективное духовное наследие, которое новое поколение принимает независимо от своего желания. Именно поэтому резкая, напористая интервенция ценностной системы другой культуры, осуществляемая в последние десятилетия через СМИ, политические институты, образование и т.д., вызвала такую негативную реакцию у населения России.

В структуре ценности принято различать мировоззренческий и психологический уровни [7, с. 68]. На мировоззренческом уровне в соответствии с ценностями формируется индивидуальная картина мира. Ценности указывают человеку направления его поведения и деятельности, контролируют соблюдение этих направлений, открывают перспективы преобразования своей и общественной жизни на основе выбранных принципов. Можно сказать, что ценности являются той движущей силой, которая стратегически направляет поведение не только отдельного индивида, но и больших социальных групп, включая национальные, государственные, цивилизационные общности.

Принятие индивидом ценности представляет собой индивидуальный духовно-эмоциональный процесс. Человек усваивает ценность посредством *переживания*. Этот процесс зарождается в обыденно-практическом сознании на уровне эмоций, переходя затем на уровень осознаваемого чувства, духовного чувства. Переживание ценности определяется не витальными, а социокультурными потребностями человека. Потому оно может быть доступно не только индивидуальному, но и коллективному, совокупному субъекту [7, с. 163]. В обыденном, повседневном сознании эмоциональная сторона ценностей преобладает над рациональной, т.е. картина мира, существующая как в индивидуальном, так и в групповом и общественном сознании, всегда имеет ту или иную эмоциональную окраску.

Справедливость как ценность вызывает положительные эмоции: веру в лучшее будущее, оптимизм; уверенность в собственных силах; удовлетворенность; уважение себя и окружающих; спокойствие; доверие к людям и социальным нормам и др. [8, с. 70–72]. На справедливости строятся отношения доверия, согласия, коллективистские и солидарные связи в обществе. В российской социокультурной традиции на протяжении веков в представлениях о справедливости, в отличие от Запада, преобладает стремление к социальному равенству, а не к индивидуальной свободе. Соблюдение требований социальной справедливости в обществе связывается с деятельностью государства, которое существует во имя справедливости и поэтому имеет право уравнивать всех граждан. Российский социокультурный тип справедливости называют *этатистским* [2].

Преобразования, начавшиеся в начале 90-х гг. XX века и продолжающиеся в настоящее время, имеют другой вектор направленности. Государство все больше освобождается от своих обязанностей гаранта социальной справедливости, быстрыми темпами растет социальное неравенство во всех сферах общественной жизни. Такой радикальный поворот социальной системы означает отказ от следования российским представлениям о социальной справедливости.

Вместе с тем, как показывают исследования последних лет ИС РАН [9, 10], среди населения сохраняется приверженность российскому социокультурному типу справедливости. Для 2/3 населения социальное равенство имеет большую ценность, чем личная свобода. Люди считают проявлениями несправедливости невозможность самостоятельно изменить к лучшему социальное и материальное положение, огромный разрыв между богатыми и бедными [10, с. 113–115]; низкие заработные платы, результаты приватизации собственности [9, с. 9]. Надежды на восстановление справедливости респонденты связывают с государством [9, с. 65].

Чувство социальной несправедливости вызывает сильные эмоции. Это подтверждают исследования социальных психологов. Среди отдельных негативных эмоций, сопровождающих несправедливость, важное место занимают гнев, страх и чувство вины [8, с. 75–76]. Гнев – это реакция на препятствие в достижении цели. Чаще всего его вызывают ненависть, осуждение, обман, предательство.

Гнев, в свою очередь, может породить две противоположные формы социального поведения – апатию и агрессию. Они обе уводят человека от конструктивного решения проблемы и вызваны стрессовым состоянием. Апатия – это пассивная форма реакции на стресс. Она сводится к отказу от каких-либо действий и сопровождается самооправданием собственной беспомощности. Агрессия представляет собой желание быстро «навести порядок», найти и наказать других людей, обвиняя их в возникших проблемах, снимая с себя ответственность за произошедшее.

Вторая негативная эмоция, возникающая вследствие несправедливости, – страх. Страх сигнализирует о приближающейся опасности. Он часто возникает спонтанно, может быть едва заметным беспокойством, постоянным ожиданием плохих событий и даже паникой. Страхи могут появляться под влиянием общественной системы, быть частью национального менталитета. Страх – очень сильная негативная эмоция. Испуганные люди легко поддаются манипуляции, соглашаются с навязываемыми им решениями.

Третья эмоция, возникающая у участников несправедливого взаимодействия, – чувство вины, под которым понимается неприятное чувство недовольства собой, вызванное рассогласованием между своим поведением и социальными нормами. Чувство вины, которое испытывает человек, терпящий несправедливость, является следствием неуверенности в собственных силах, пассивным согласием с тем, что несправедливость торжествует. Это чувство лишает человека социальной активности, препятствует объединению людей для коллективных действий по восстановлению справедливости.

Негативный эмоциональный фон, сопровождающий несправедливость, делает отношения людей негармоничными, заражает «болезнью конфликта». В результате человек замыкается на самом себе, поскольку не может полноценно развиваться в недружественной среде, его самореализация становится почти невозможной [11, с. 248].

Итак, создается впечатление замкнутого круга, в котором детерминируют друг друга социальные преобразования, массовые социально-стрессовые расстройства, негативные эмоции и социальная несправедливость. Можно ли найти выход?

Исследования социологов показывают, что в российском обществе назрел запрос на справедливое общество. Об этом говорит тот факт, что при оценке текущего состояния в стране большая часть населения руководствуется не своими личными интересами, а представлениями о том, как *должно быть* устроено общество. Справедливость как ценность «рвется на поверхность» ценностной системы, она необходима обществу. Однако путь справедливости в массовом сознании пролегает через ценностные ориентации индивидов. Для утверждения веры человека в справедливость современным людям нужна профессиональная психологическая помощь в преодолении последствий стрессового состояния, трансформации негативных эмоций в положительные, обретении гармонии с самим собой и миром. В настоящее время уже имеется положительный опыт в деятельности по профилактике социально-стрессовых расстройств [11]. Люди, научившиеся независимо мыслить, контролировать свои мысли, чувства, живущие не только для себя, но и для других людей, обретают веру в справедливость. Прочное место справедливости в ценностной системе личности меняет личное и социальное самочувствие, придает осмысленность жизни. Этот процесс требует волевых усилий личности, он не может протекать под внешним давлением. Об этом в свое время говорил великий гуманист Сократ. Он полагал, что

никто не делает зла по своей воле, а лишь по неведению. В то же время одного желания избегать несправедливости недостаточно, необходимы обучение и практика, воспитание души и тела в добродетели [12, с. 129]. Иначе говоря, он ведет речь о постоянной духовной работе по пересмотру своих ценностных ориентаций.

Выводы

Проведенный анализ показал сопряженность друг с другом социально-стрессовых расстройств и утраты веры в справедливость, что влечет за собой утверждение в системе ценностей несправедливости. Несправедливость как антиценность ухудшает физическое и духовное здоровье личности и общества, ослабляет социальное доверие, коллективистские и солидарные связи, способствует групповой и индивидуальной самоизоляции. Психологическое состояние общества оказывается одной из ведущих детерминант трансформации системы ценностных ориентаций. В этой связи чрезвычайно важно преодолевать последствия массовых социально-стрессовых расстройств. Для этого требуются государственные программы внедрения эффективных методик профилактики социально-стрессовых расстройств; волевые усилия личности; целенаправленные действия по включению базисного, этатистского типа справедливости в деятельность социальных институтов.

Список литературы

1. Аргунова В.Н. Трансформация социальной справедливости в России: от советского периода к современному // Десятые Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 года / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. 2248 с.

2. Аргунова В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004.

3. Зеленев И.А. Социальные стрессы и пути их преодоления // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты»: Сборник материалов. М.: Издательство Московского университета, 2016. 897 с.

4. Зеленев И.А. Макропсихологическая ситуация и толерантность/интолерантность в России и других европейских странах // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 68–83.

5. Социальный стресс и психическое здоровье / Под ред. академика РАМН проф. Т.Б. Дмитриевой и проф. А.И. Воложина. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001. 248 с.

6. Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. Книга 2. Практические основы психологии здоровья (методическое пособие по первичной специфической и неспецифической профилактике). СПб.: Речь, 2006. 285 с.

7. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

8. Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 288 с.

9. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.

10. Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119.

11. Пеунова С.М. Конфликтное общество, стрессы и человек // Справедливое общество – основа общественного здоровья: Сб. научных статей / Ред. В.Н. Аргунова; сост. А.Е. Антипова [и др.]. СПб., 2017. С. 244–256.

12. Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Мысль, 1976. 198 с.

INFLUENCE OF SOCIAL-STRESS DISORDERS ON BELIEFS WITH REGARD TO SOCIAL JUSTICE AND INJUSTICE

V.N. Argunova

Vyatka State University, Kirov

The aim of this article is to identify the negative consequences of the establishment of injustice in the population's value orientations and to discuss ways to overcome the destructive influence of injustice. On the basis of the values and institutions analysis that was performed with the account of psychological factors, the interdependence between social transformations, mass social-stress disorders and deformation of the beliefs with regard to justice was revealed. It is shown that mass changes in the psychological state not only determine the content of values, but also lead to the transformation of social interaction: social tension, mistrust, conflict, weakening collectivist and solidary ties. The inclusion of psychological factors into the complex determinants of the value system is a new approach in Russian sociology. The conclusion is made about the need for purposeful efforts of actors at different levels, including the state, aimed at preventing social-stress disorders and returning justice to the system of values of the individual and society.

Keywords: values and institutions analysis, value, negative value, social justice, social injustice, social-stress disorders, prevention of social-stress disorders.

УДК 316.4.063

ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОПРОСАХ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2018 г.

Л.Ю. Пушина

Пушина Лада Юрьевна, к.соц.н.; доцент кафедры основ экономики функционирования Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России
bas2808@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.02.2018
Статья принята к публикации 18.07.2018

Представлены результаты авторского социологического исследования, проведенного в Ивановской области в 2017 г. и имевшего целью определение путей совершенствования управления развитием человеческого потенциала региона. Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней в качестве значимой характеристики развития человеческого потенциала выступает подготовленность населения в сфере гражданской обороны. Основным методом исследования явился массовый опрос жителей Ивановской области, вспомогательным – анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих организацию гражданской обороны в Российской Федерации. В ходе исследования дана оценка уровню теоретической информированности и практической подготовленности населения региона в сфере гражданской обороны: установлено, что владение жителей области необходимыми теоретическими знаниями приближается к среднему показателю, уровень владения практическими навыками – низкий. Выявлены факторы, обусловливающие уровень владения обязательными компетенциями в сфере гражданской обороны, – пол, возраст, уровень и профиль образования, род деятельности, сфера занятости, принадлежность к категории руководящих или рядовых работников, отношение к проблеме культуры безопасности жизнедеятельности, уровень материальной обеспеченности, – на основе чего определены пути совершенствования деятельности региональных и местных органов власти по подготовке населения в вопросах ГО (адресная работа с наименее подготовленными в этой сфере категориями граждан). Было установлено также, что устойчивый результат эта деятельность даст только в том случае, если по мере роста материального благосостояния людей возрастет их стремление к обеспечению собственной безопасности.

Ключевые слова: гражданская оборона, информированность, население Ивановской области, чрезвычайная ситуация, сигналы оповещения, безопасность.

Введение

Еще в 70-х годах прошлого века учеными было признано, что успех или крах экономического, социального и культурного развития наций в конечном счете определяется уровнем их человеческого потенциала и эффективностью его реализации. В соответствии с определением, данным выдающимся отечественным социологом Т.И. Заславской, человеческий потенциал – это важнейший фактор жизнеспособности общества (страны, государства), интегрально характеризующий его человеческие ресурсы как субъекта собственного воспроизводства и развития, его готовность и способность к активному ответу на множественные вызовы современности [1, с. 105, 168].

В Основах государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года (утверждены Указом Президента РФ № 696 от 20.12.2016) к вызовам, которым должно противостоять современное российское общество, отнесены:

− нарастание рисков возникновения крупномасштабных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе связанных с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов производственной и транспортной инфраструктуры, критически важных и потенциально опасных объектов;

− увеличение в среднесрочной и долгосрочной перспективе размера возможного ущерба от крупномасштабных чрезвычайных ситуаций и объема работ по защите населения, материальных и культурных ценностей от опасностей, возникающих при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях;

− угроза возникновения очагов вооруженных конфликтов и их эскалации;

− сохранение вероятности возникновения эпидемий, в том числе вызванных новыми, неизвестными ранее возбудителями инфекционных заболеваний человека и животных;

− растущая угроза проявлений экстремизма [2].

В этих условиях представляется очевидным, что одним из значимых аспектов сохранения и развития человеческого потенциала (и, следовательно, жизнеспособности современного российского общества) является подготовка населения в области гражданской обороны. (В Федеральном законе «О гражданской обороне» от 12.02.1998 № 28-ФЗ гражданской обороной называется система мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера; под подготовкой населения в области гражданской обороны понимается система мероприятий по обучению населения действиям в случае угрозы возникновения и возникновения опасностей при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера [3].) Недаром повышение качества подготовки населения в области гражданской обороны является одним из приоритетных направлений государственной политики в этой сфере.

Сказанное выше обусловливает актуальность и социальную значимость реализованного автором в 2017 г. социологического исследования, объектом которого явилось население Ивановской области.

Конечная цель исследования – совершенствование управления развитием человеческого потенциала Ивановской области. К непосредственным задачам исследования относятся оценка уровня информированности населения Ивановской области в вопросах гражданской обороны (ГО) и степени его готовности к действиям в условиях чрезвычайной ситуации (ЧС), а также выявление факторов, обусловливающих этот уровень.

Новизна работы определяется, во-первых, тем, что подготовка населения в вопросах гражданской обороны рассматривается в ней как аспект развития человеческого потенциала, во-вторых, тем, что в Ивановской области подобных исследований не проводилось. (Надо сказать, что научные работы, посвященные подготовке населения в вопросах ГО, вообще немногочисленны и носят теоретический, а не эмпирический характер [4, 5].)

Методология исследования

Методологической основой исследования послужила концепция О.И. Иванова, в соответствии с которой человеческий потенциал включает в себя комплексы систем потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей выполнять общественно необходимые виды деятельности. Ядром человеческого потенциала, определяющим его мощь, О.И. Иванов считает способности индивидов и общностей к выполнению определенных видов деятельности. Человеческий потенциал, полагает он, воплощает в себе реально сформированные способности, «которые в социальных практиках проявляются и используются или не проявляются и не используются, обеспечивая социальному миру его высокую или низкую жизнеспособность». Способность, в его трактовке, состоит из двух компонентов: знания специальных технологий решения задач и умения (навыка) применять эти технологии [6, с. 46].

С позиций описанной концепции, подготовка россиян в области гражданской обороны может быть представлена как вид общественно необходимой деятельности, вокруг которой формируется собственный комплекс потребностей, готовностей и способностей людей. А поскольку способности, как было сказано выше, представляют собой ядро человеческого потенциала, то характеризуя данный вид деятельности, необходимо прежде всего определить способности (знания и умения), которыми должны обладать россияне в области гражданской обороны.

Методика исследования

Основным методом, который мы применили в нашей работе, явился массовый опрос жителей региона. В качестве дополнительного метода нами был использован анализ документов, прежде всего нормативно-правовых актов, регламентирующих организацию гражданской обороны в Российской Федерации.

В ходе анализа документов нами были изучены сущность и содержание подготовки населения в области гражданской обороны, права и обязанности граждан в сфере реализации мероприятий по гражданской обороне, требования к знаниям и умениям различных категорий населения в вопросах ГО.

В частности, было установлено, что, в соответствии с правовыми нормами, в Российской Федерации существует Единая система подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций. Данная система представляет собой государственную структуру, объединяющую образовательные учреждения и органы управления подготовкой населения по преемственным программам обучения в области ГО, защиты от ЧС, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

Согласно федеральному закону «О гражданской обороне», порядок подготовки населения в области гражданской обороны определяет Правительство Российской Федерации; организация подготовки населения в области гражданской обороны возложена на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Осуществлять подготовку своих работников в области гражданской обороны в пределах своих полномочий и в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, обязаны также организации. Согласно статье 10 цитируемого закона, прохождение подготовки в области гражданской обороны является правом и обязанностью граждан Российской Федерации.

В соответствии с Положением об организации обучения населения в области гражданской обороны, утвержденным Постановлением Правительства РФ № 841 от 2.11.2000 г., обучение населения в области гражданской обороны проводится в образовательных учреждениях Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, в образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования федеральных органов исполнительной власти, в учебно-методических центрах по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям субъектов Российской Федерации, в иных образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования, на курсах гражданской обороны муниципальных образований, по месту работы, учебы и месту жительства граждан.

При этом лица, подлежащие обучению, подразделяются на следующие группы:

– руководители федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, главы муниципальных образований, главы местных администраций и руководители организаций;

– должностные лица гражданской обороны, руководители и работники органов, осуществляющих управление гражданской обороной, преподаватели курса «Основы безопасности жизнедеятельности» и дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» учреждений общего и профессионального образования;

– личный состав формирований и служб;

– работающее население;

– обучающиеся образовательных учреждений, за исключением дошкольных образовательных учреждений и образовательных учреждений дополнительного образования детей;

– неработающее население.

Обучение перечисленных категорий граждан реализуется в различных формах и в разном объеме. Понятно, что и объем знаний и навыков в сфере ГО, которыми они должны в результате владеть, различен. Однако, несмотря на имеющиеся различия, существуют общие для всех граждан требования к их подготовленности в вопросах гражданской обороны.

Так, в соответствии с федеральными законами «О гражданской обороне», «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и иными нормативными правовыми актами, граждане Российской Федерации обязаны:

– знать основные требования руководящих документов по вопросам ГО;

– знать принципы, средства и способы защиты от чрезвычайных ситуаций;

– знать правила поведения при возникновении опасностей военного времени;

– знать правила и порядок оказания само- и взаимопомощи при поражениях, травмах и ранениях;

– уметь четко действовать по сигналам оповещения;

– уметь пользоваться средствами индивидуальной защиты, изготавливать простейшие из них;

– уметь пользоваться убежищами, укрытиями и строить простейшие укрытия;

– уметь обеззараживать свое рабочее место, квартиру, местность, прилегающую к ним;

– уметь оказывать доврачебную медицинскую самопомощь и помощь пострадавшим;

– уметь защитить детей, больных и престарелых при угрозе нападения противника и при ЧС, надевать им средства индивидуальной защиты, обеспечивать их безопасность при эвакуационных и других мероприятиях.

Следовательно, оценка подготовленности населения в вопросах гражданской обороны должна базироваться на том, в какой мере граждане обладают перечисленными знаниями и навыками.

Таким образом, в результате проведенного анализа документов нами были определены параметры, на основании которых планировалось дать оценку уровня информированности населения региона в вопросах гражданской обороны. Была разработана анкета для проведения социологического опроса. Она включала в себя вопросы, объединенные в смысловые блоки, которые имели целью:

– блок 1 – выявить социально-демографические характеристики респондентов;

– блок 2 – определить степень значимости для населения Ивановской области проблем безопасности;

Таблица 1

Половозрастное распределение респондентов, %

Возрастные группы	В целом по выборке	Мужчины	Женщины
16–30 лет	22.2	10.8	11.4
31–60 лет	51.2	22.5	28.7
старше 60 лет	26.6	4.9	21.7
Всего	100	38.2	61.8

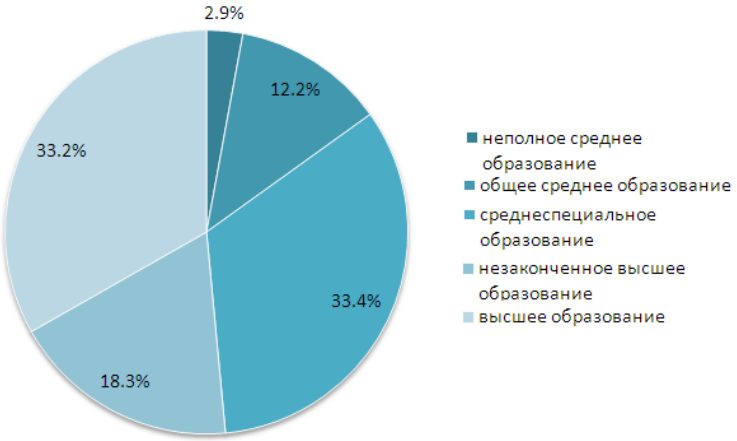

Рис. 1. Образовательный уровень респондентов

– блок 3 – установить основные источники знаний и навыков жителей региона в сфере гражданской обороны;

– блок 4 – определить степень знакомства респондентов с основными положениями нормативных документов по вопросам организации, планирования и проведения мероприятий по ГО;

– блок 5 – установить уровень владения жителями области правилами поведения и необходимыми навыками само- и взаимопомощи в ЧС.

В мае – сентябре 2017 года нами был проведен массовый опрос жителей Ивановской области, некоторые результаты которого представлены ниже.

Результаты исследования

Социально-демографические характеристики респондентов. Всего было опрошено 369 человек в возрасте 16 лет и старше (табл. 1), проживающих в различных населенных пунктах области – как в крупных городах (Иванове, Кинешме, Шуе), так и в сравнительно небольших муниципальных районах (Гаврилово-Посадском, Лежневском, Родниковском, Фурмановском). Выборка квотная.

Образовательный уровень респондентов довольно высок (рис. 1): высшее образование в общей сложности получили 33.2% участников опроса, причем 3.5% являются обладателями более чем одного высшего образования, 1.2% имеют послевузовское образование и ученую степень. Среди респондентов со среднеспециальным и высшим образованием наиболее велика доля тех, кто имеет техническое (41.4%) и социально-гуманитарное образование (31.1%), 11.4 % получили медицинское образование, 4.4% – естественно-научное, 2.2% – военное, 9.3% получили образование в других сферах (либо не указали его профиль).

Большинство участников опроса имеют работу и занимаются трудовой деятельностью (рис. 2); 1.6 % имеют специфическую сферу занятости (например, отпуск по уходу за ребенком); 9.9 % отказались сообщить соответствующую информацию.

Почти треть работающих респондентов (32.5%) занята в сфере торговли и услуг, 15.5% трудятся в промышленности, 10.4% – в сфере науки и образования, 9.1% – в здравоохранении, 6.6% – в силовых структурах, 5% – в сельском хозяйстве; 4.1% – в государственном и муниципальном управлении, 3.8% – в системе МЧС России, 3.2% – в сфере экономики и финансов, 2.5% – в области культуры; 7.3% опрошенных указали иной род деятельности (например, предпринимательство).

К категории рядовых работников относятся 72.3% работающих респондентов, 20.8% являются руководителями структурных подразделений, 6.8% – руководителями организаций.

Большинство респондентов (56.6%), по их собственному мнению, имеют средний достаток, 34.1% опрошенных являются малообеспеченными, 4.8% считают себя весьма обеспеченными, 4.5% полагают, что живут за чертой бедности. Доля признавших себя живущими за

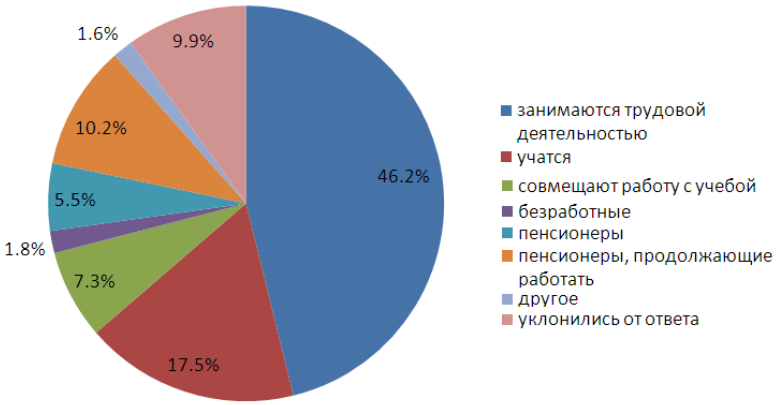

Рис. 2. Род деятельности респондентов

Таблица 2

Оценка респондентами уровня своей обеспеченности в зависимости от рода деятельности, %

Род деятельности	Уровень обеспеченности				Всего
	Весьма обеспеченный	Средний достаток	Низкий достаток	За чертой бедности	
работаю	5.7	60.3	29.3	4.6	100
учусь	8.2	59.0	29.5	3.3	100
совмещаю работу с учебой	0	50.0	50.0	0	100
безработный(ая)	0	33.3	33.3	33.3	100
пенсионер(ка)	5.0	35.0	55.0	5.0	100
пенсионер(ка), но продолжаю работать	0	60.5	36.8	2.6	100
другое	0	33.3	66.7	0	100

чертой бедности невелика (от 0 до 5%) во всех категориях респондентов, кроме безработных. Среди последних она составляет 33.3% (табл. 2).

Представление респондентов о сущности и задачах гражданской обороны. Массовый опрос, проведенный среди жителей Ивановской области, продемонстрировал, что по крайней мере половина из них имеет верное в целом представление о сущности и задачах гражданской обороны (рис. 3).

Так, вопрос анкеты о том, что такое гражданская оборона, почти у четверти респондентов (24.9%) вызвал затруднения, и ответа на него они не дали.

Однако 50.4% жителей региона при ответе на данный вопрос так или иначе связали гражданскую оборону с обеспечением безопасности людей при военных конфликтах и/или природных катаклизмах. (Примечательно, что о безопасности в условиях техногенных ЧС не упомянул никто из опрошенных. Возможно, это обусловлено незнанием респондентов о наличии на территории региона опасных производств.) Согласно ответам этой группы респондентов, гражданская оборона – «комплекс мероприятий по обеспечению безопасности жизнедеятельности людей в мирное и военное время», «система защиты людей и ценностей в случае ЧС», «обеспечение безопасности людей» и т.п.

Также 12.6% опрошенных под гражданской обороной подразумевают знания и умения людей в области обеспечения собственной безопасности. По их словам, это «умение вести себя в ЧС», «знания гражданского населения о поведении в случае катастрофы, урагана и др., а также безопасность жизнедеятельности в обычных условиях» и пр.

По мнению 0.3% участников опроса, гражданская оборона – это «область знаний о правильных действиях в экстремальных ситуациях», которая «учит защищаться и оберегаться».

Кроме того, 8.2% респондентов под ГО понимают состояние защищенности: «безопасность лично каждого», «когда тебе не нужно беспокоиться о безопасности», «мир», «сплоченность общества».

Еще 3.6% опрошенных в качестве определения ГО представили оценочные («важное дело») или атрибутивные («забота государства») суждения.

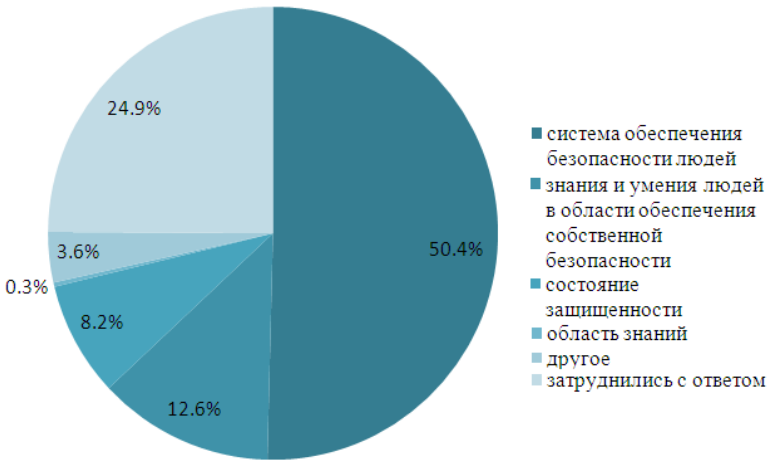

Рис. 3. Представления респондентов о сущности и задачах гражданской обороны

Мужчины-респонденты продемонстрировали большую, нежели женщины, корректность в формулировке определения гражданской обороны: точную дефиницию привели 39.2% из них (тогда как среди женщин это сумели сделать 29.8%). Женщины же чаще, чем мужчины (11.8% против 9.3%), связывают гражданскую оборону с состоянием защищенности, а также со знаниями и умениями людей в области обеспечения собственной безопасности (19.9% против 11.3%).

Самая большая доля тех, кто ассоциирует ГО с состоянием защищенности, отмечена в группе респондентов старше 60 лет (19.4%, тогда как в группе самых молодых респондентов – 10.2%, в группе респондентов среднего возраста – 9.2%): по-видимому, в силу возраста, эти участники опроса в большей степени, нежели другие, нуждаются в защите и заботе. Правда, и самая большая доля тех, кто связывает гражданскую оборону со знаниями и умениями людей в деле обеспечения собственной безопасности, фиксируется в самой старшей группе респондентов (38.7%; в самой молодой группе – 8.2%, в средней возрастной группе – 18.5%). Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что пожилые респонденты ответственности за обеспечение собственной безопасности с себя не снимают.

Корректность определений, данных респондентами понятию «гражданская оборона», сопрягается с уровнем и профилем их образования, а также со сферой их занятости.

Так, те участники исследования, которые привели точное определение, имеют образование не ниже среднего, а 41.9% из них получили высшее образование. 60% тех респондентов, которые окончили военные учебные заведения, привели абсолютно точное определение ГО, остальные 40% использовали не вполне корректные формулировки, но дали определение, верное по существу. Верное по сути определение гражданской обороны дало большинство (59.3%) респондентов, имеющих медицинское образование. Больше всего тех, кто трактует гражданскую оборону как состояние защищенности, обнаружилось среди лиц с социально-гуманитарным (18.3%) и естественно-научным (18.2%) образованием.

66.7% принявших участие в опросе сотрудников МЧС России привели абсолютно точное определение гражданской обороны, 33.3% – определение, верное по существу. Так же и сотрудники силовых структур (МВД, ФСБ, армии и пр.): 66.7% из них определили ГО абсолютно корректно, 26.7% дали определение, верное по существу.

Руководители разных уровней осведомлены о сущности и задачах ГО в целом лучше, нежели рядовые работники: точное определение гражданской обороны привели 40% участвовавших в исследовании руководителей организаций, 46.3% руководителей структурных подразделений и 27.9% рядовых работников (рис. 4).

Осведомленность респондентов о содержании нормативных документов по ГО. Как видно из рисунка 5, четкое представление о содержании нормативных документов, регламентирующих организацию, планирование и проведение мероприятий по ГО, имеют лишь 14.1% респондентов.

Руководящие работники, которые, в соответствии с действующим законодательством, обязаны владеть информацией о содержании документов, регламентирующих ГО, в действительности знакомы с ними лучше, чем остальные граждане: о том, что содержание этих документов им хорошо известно, сообщили 40% руководителей организаций, 20.3% руководителей структурных подразделений и лишь 10.9% рядовых работников.

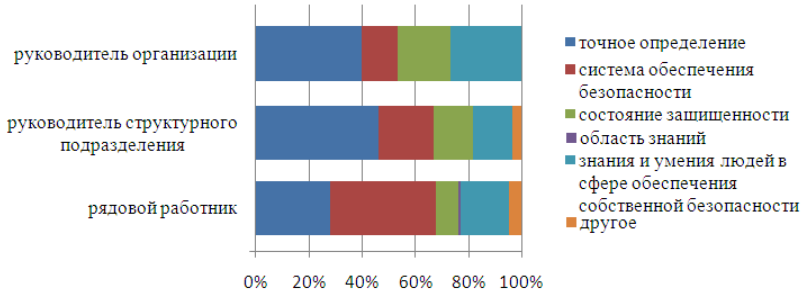

Рис. 4. Осведомленность респондентов о сущности и задачах ГО в зависимости от принадлежности к той или иной категории работников

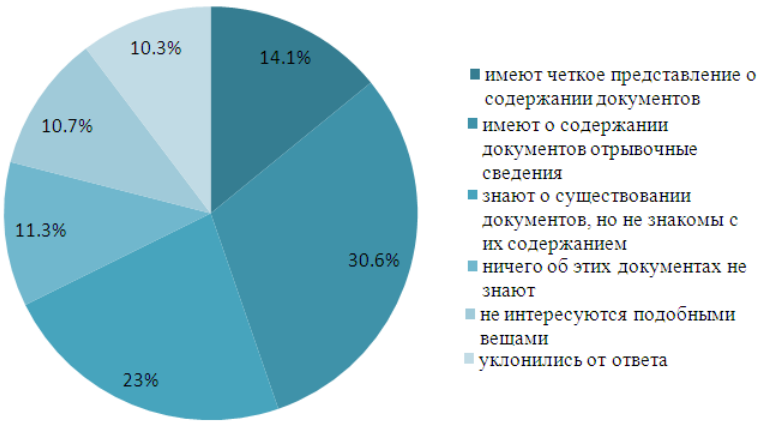

Рис. 5. Осведомленность респондентов о содержании нормативных документов по гражданской обороне

Владение респондентами знаниями и необходимыми навыками поведения в ЧС. Судя по ответам респондентов, сигналы оповещения о чрезвычайных ситуациях довольно хорошо знакомы 33.2% из них, 58% опрошенных знакомы некоторые из этих сигналов, 8.7% ничего о них не знают.

Вполне закономерно, что лучше других владеют соответствующей информацией лица, имеющие военное образование: о том, что им хорошо знакомы сигналы оповещения о ЧС, сообщили 66.7% из них, незнакомых с этими сигналами среди представителей данной категории респондентов нет. Неплохим знанием сигналов оповещения обладают также респонденты, получившие медицинское образование (35.5% из них).

Ожидаемым является также то, что хорошими знаниями о сигналах оповещения обладают лица, сферами занятости которых являются система МЧС России (81.8% из них), государственное и муниципальное управление (53.8% из них), силовые структуры (42.9% из них). Среди представителей этих категорий респондентов отсутствуют те, кому сигналы оповещения были бы совсем незнакомы. Минимален процент незнакомых с сигналами оповещения и среди работников системы здравоохранения (3.4%).

Наиболее низок процент тех, кому сигналы оповещения хорошо известны, среди тружеников сельского хозяйства (6.7%).

Самый низкий уровень информированности о сигналах оповещения продемонстрировали безработные: среди них нет людей, которым бы данные сигналы были хорошо известны, при этом среди них наиболее высок процент тех, кто об этих сигналах ничего не знает (28.6%). Довольно большой процент лиц, ничего не знающих о сигналах оповещения, обнаружился и среди неработающих пенсионеров (20.0%). Среди работающих пенсионеров доля незнакомых с сигналами оповещения заметно ниже – 12.8%; среди работающих граждан, не достигших пенсионного возраста, она составила 6.8%; среди учащихся – 6.1%; среди совмещающих работу с учебой – 7.1% (рис. 6).

Исследование показало, что большинство наших респондентов действительно знает, как следует поступить, услышав сигнал «Внимание всем!»: 65.7% из них включат радио или ТВ и будут ждать информации от регионального управления МЧС России. Однако 25.3% опрошенных, согласно их ответам, в описанной ситуации поступят неправильно: 8.7% пойдут на улицу, чтобы узнать, что произошло; 7.3% в первую очередь отправятся сообщить о том, что услышали сигнал,

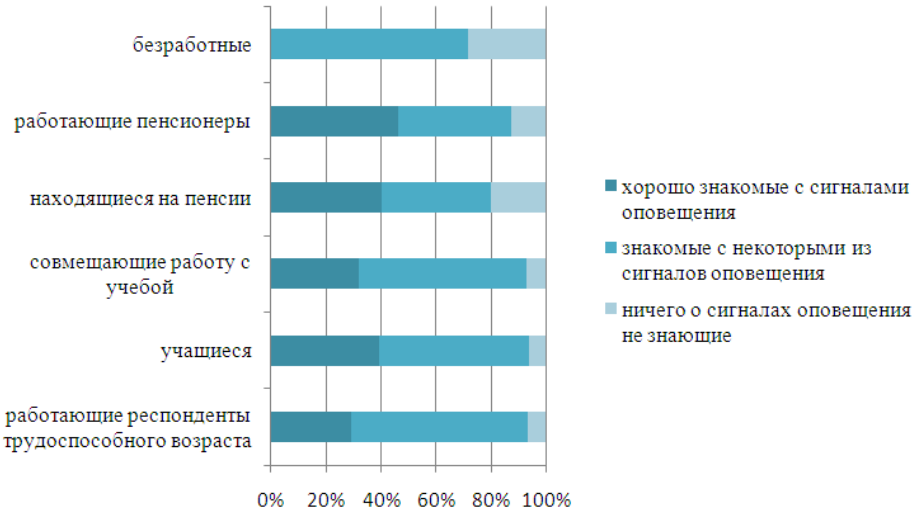

Рис. 6. Осведомленность респондентов о сигналах оповещения в зависимости от рода деятельности

Таблица 3

Осведомленность респондентов о правилах поведения при поступлении сигнала «Внимание всем!» в зависимости от возраста, %

Возраст	Как поступите, услышав сигнал «Внимание всем!»?					Всего
	включу радио или ТВ и буду ждать информации от регионального МЧС	надену средства защиты и срочно покину помещение	в первую очередь сообщу соседям	пойду на улицу узнать, что произошло	затрудняюсь ответить	
16–29	71.0	8.9	2.4	7.3	10.5	100
30–59	68.3	9.4	6.7	7.2	8.3	100
старше 60	37.5	10.0	25.0	20.0	7.5	100

соседям; 9.3% участников опроса предполагают, что, надев средства защиты, они покинут помещение (правда, остается неясным, где и какие средства защиты они в этой ситуации возьмут). Еще 9% респондентов, судя по тому, что соответствующий вопрос вызвал у них затруднения, растеряются и поведут себя непредсказуемо.

Чем старше респонденты, тем выше вероятность того, что при поступлении сигнала «Внимание всем!» они предпримут ошибочные действия (табл. 3).

Правильную линию поведения при поступлении сигнала «Внимание всем!», согласно данным опроса, изберут 100% сотрудников МЧС России, 90.5% сотрудников силовых структур, 87.5% работников учреждений культуры. Среди респондентов, занятых в других сферах деятельности, доля тех, кто выберет правильный вариант действий, заметно меньше, а минимальна она среди работников сельского хозяйства (31.3%). Кстати, именно у тружеников сельского хозяйства рассматриваемый вопрос вызвал и наибольшие затруднения: от ответа на него уклонились 25% из них (табл. 4).

Истинной информацией о том, что следует сделать в случае отсутствия технической возможности теле- или радиоприема информации после сигнала оповещения «Внимание всем!», согласно данным опроса, владеют чуть более четверти респондентов (27.2%). Почти половина опрошенных (49.3%) имеет на этот счет ошибочные сведения и, следовательно, в описанной ситуации поступит неправильно. 23.5% участников исследования информацией по данному поводу не располагают (20.9% из них сознались, что соответствующий вопрос вызывает у них затруднения, 2.6% предпочли на него вовсе не отвечать).

Наибольшие затруднения при ответе на вопрос о поведении в описанной ситуации испы-

Таблица 4

Осведомленность респондентов о правилах поведения при поступлении сигнала «Внимание всем!» в зависимости от сферы занятости, %

Сфера занятости	Как поступите, услышав сигнал «Внимание всем!»?					Всего
	включу радио или ТВ и буду ждать информации от регионального МЧС	надену средства защиты и срочно покину помещение	в первую очередь сообщу соседям	пойду на улицу узнать, что произошло	затрудняюсь ответить	
промышленность	63.3	14.3	8.2	10.2	4.1	100
с/х	31.3	12.5	18.8	12.5	25.0	100
торговля и сфера услуг	59.2	11.7	7.8	12.6	8.7	100
экономика, финансы	80.0	0.0	10.0	0.0	10.0	100
наука и образование	69.7	15.2	6.1	3.0	6.1	100
здравоохранение	72.4	3.4	3.4	10.3	10.3	100
культура	87.5	0.0	0.0	12.5	0.0	100
МЧС	100.0	0.0	0.0	0.0	0.0	100
силовые структуры (армия, МВД, ФСБ и др.)	90.5	4.8	4.8	0.0	0.0	100
государственное и муниципальное управление	61.5	23.1	7.7	0.0	7.7	100
другое	69.6	0.0	4.3	4.3	21.7	100

тали безработные (40.2% из них) и пенсионеры (30%). Не допустили ошибок при ответе на него в основном учащиеся (40.9%) и те, кто совмещает работу с учебой (33.3%). Наилучшую информированность в данном вопросе продемонстрировали респонденты, сферами занятости которых являются МЧС России (45.5%), здравоохранение (37.9%), силовые структуры (35.0%), а также те опрошенные, которые получили военное (50%) и медицинское (41.4%) образование.

Если судить по ответам респондентов, о месте расположения убежища, в котором следует укрыться в случае чрезвычайной ситуации, знают 31.1% участников опроса; соответствующей информацией не владеют 67.5% из них; 1.4% респондентов от ответа на вопрос по данной теме уклонились.

Информированных о месте расположения убежища мужчин оказалось заметно больше, чем женщин (39.2% против 26.3%). Лучше других осведомлены о месте расположения убежища лица, получившие военное образование (50% из них), сотрудники МЧС России (81.8%), силовых структур (47.6%), служащие сферы государственного и муниципального управления (46.2%) и работники промышленности (44.7%). Большую (по сравнению с другими категориями работников) осведомленность в данном вопросе продемонстрировали руководители структурных подразделений.

Интересно, что уровень информированности респондентов о месте расположения убежища сопрягается с уровнем их обеспеченности (табл. 5).

Согласно ответам респондентов, большая часть из них (41.2%) умеет пользоваться средствами индивидуальной защиты (имеет практические навыки); 21.2% опрошенных имеют соответствующие теоретические знания, которых, правда, они никогда не применяли на практике; 25.2% имели соответствующие знания и практические навыки раньше, но ныне их утратили; 10.7%, по их словам, никогда не имели ни знаний, ни навыков; 1.2% респондентов на соответствующий вопрос ответа не дали. Практические навыки применения средств индивидуальной защиты имеет большинство мужчин (64.6% из них): по-видимому, в силу того, что они проходили службу в армии.

Более половины респондентов (56.8%), согласно данным опроса, сумеет при необходимости изготовить простейшие средства индивидуальной защиты. Однако 37.9% опрошенных со-

Таблица 5

Информированность респондентов о месте расположения убежища в зависимости от уровня обеспеченности, %

Уровень обеспеченности	Знаете ли о месте расположения убежища, в котором следует укрыться при ЧС?		Всего
	да	нет	
весьма обеспеченный	37.5	62.5	100
средний достаток	33.7	66.3	100
низкий достаток	27.4	72.6	100
за чертой бедности	26.7	73.3	100

Таблица 6

Умение респондентов изготавливать средства индивидуальной защиты в зависимости от уровня материальной обеспеченности, %

Уровень обеспеченности	Сможете ли изготовить простейшие средства индивидуальной защиты?			Всего
	да, смогу	сомневаюсь, что смогу	не понимаю вопроса	
весьма обеспеченный	81.3	12.5	6.3	100
средний достаток	58.6	37.1	4.3	100
низкий достаток	55.8	41.6	2.7	100
за чертой бедности	46.7	46.7	6.7	100

мневаются в том, что смогут это сделать; еще 4.1% признались, что не поняли соответствующего вопроса; 1.2% предпочли на него совсем не отвечать. Больше всего тех, кто не понял вопроса, оказалось среди безработных (14.3%).

О том, что они умеют изготавливать средства индивидуальной защиты, в ходе опроса сообщили в основном мужчины (70.8% из них); среди женщин, судя по их ответам, этим умением обладают только 49.5%. Наличие соответствующего умения фиксируется, прежде всего, у респондентов, получивших военное образование (у 83.3% из них), техническое (у 65.8% из них) и медицинское (у 60% из них), а также у тех опрошенных, сферами занятости которых являются МЧС России (90.9%), силовые структуры (90.5%), здравоохранение (64.3%), промышленность (63.8%), наука и образование (60.6%). Доля тех, кто сумеет изготовить средства индивидуальной защиты, минимальна среди работников сельского хозяйства (25%). По нашим данным, в большей степени, нежели рядовым работникам, это умение присуще руководителям разного уровня. Умение изготавливать средства индивидуальной защиты опять-таки сопрягается с уровнем материальной обеспеченности респондентов (табл. 6).

О том, что они имеют практические навыки оказания доврачебной медицинской помощи пострадавшим, сообщили в ходе исследования 25.8% респондентов; 40.3% опрошенных указали, что имеют соответствующие теоретические знания, которых никогда не применяли на практике. О том, что соответствующие знания и навыки имели ранее, но ныне их утратили, заявили 13.3% участников исследования; 19.7% сообщили, что никогда подобных знаний и навыков не имели; 0.9% респондентов проигнорировали соответствующий вопрос.

Как теоретическими знаниями, так и практическими навыками оказания доврачебной медицинской помощи в большей степени владеют мужчины (соответственно 43.1% и 31.5% из них против 38.9% и 22.7% у женщин). Естественно, что практические навыки имеют в основном лица, получившие медицинское образование (67.7% из них) и военное (66.7% из них). Наиболее высок процент тех, кто имеет практические навыки оказания доврачебной помощи, среди респондентов, занятых в сфере здравоохранения (58.6%), в системе МЧС России (54.5%), в силовых структурах (42.9%) и в промышленности (38.3%). Доля тех, кто имеет соответствующие теоретические знания, довольно велика среди представителей сферы государственного и муниципального управления (61.5%) и силовых структур (52.4%). Больше всего тех, кто никогда не имел ни соответствующих знаний, ни навыков, среди работников сельского хозяйства (31.3%). Чем более обеспеченными признают себя респонденты, тем чаще они сообщают о наличии у них практических навыков оказания доврачебной медицинской помощи (в категории весьма обеспеченных – 31.3%, в категории среднеобеспеченных – 27.5%, в категории малообеспеченных – 25.7%, в категории живущих за чертой бедности – 20%).

Таблица 7

Владение жителей Ивановской области обязательными компетенциями в сфере ГО

Компетенция	Число респондентов, ответы которых свидетельствуют о сформированности у них данной компетенции, %	Уровень подготовленности жителей региона в соответствии с данной компетенцией
Умение:		
четко действовать по сигналам оповещения	27.2–65.7	низкий/средний
пользоваться средствами индивидуальной защиты	41.2–62.4	средний
изготавливать простейшие средства индивидуальной защиты	56.8	средний
пользоваться убежищами, укрытиями	31.1–52.7	низкий/средний
оказывать доврачебную медицинскую помощь пострадавшим	25.8–66.1	низкий/средний

Выводы

Итак, исследование показало, что более 50% жителей Ивановской области в целом правильно понимают сущность и задачи гражданской обороны. Содержание руководящих документов по ГО в большей или меньшей степени знакомо почти половине из них.

Одной из задач исследования, как упоминалось ранее, являлась оценка уровня владения населением региона знаниями и навыками, необходимыми в ЧС.

Мы разработали критерии такой оценки. Нами было принято за основу, что если той или иной необходимой компетенцией владеет менее 15 % жителей области, то это свидетельствует о чрезвычайно низком уровне их подготовленности в соответствии с данной компетенцией; если от 15% до 39% – это низкий уровень подготовленности; от 40% до 75% – средний; свыше 75% – высокий уровень.

Однако, как было показано выше, знанием о том, как правильно поступить, услышав сигнал оповещения «Внимание всем!», обладают 65.7% жителей региона (средний уровень); при этом истинной информацией о том, что следует сделать в случае отсутствия технической воз-можности теле- или радиоприема информации после сигнала оповещения «Внимание всем!», владеют чуть более четверти респондентов (27.2%) (низкий уровень). Умение пользоваться средствами индивидуальной защиты, оказывать доврачебную медицинскую помощь постра-давшим и пр. может проявляться в форме как теоретических знаний, так и устойчивых практических навыков. Поскольку указанными теоретическими знаниями и практическими навыками владеет разное число респондентов, мы суммировали соответствующие показатели, что дало противоречивую картину. Она представлена в таблице 7.

Думается, тем не менее, что на основании полученных нами данных можно утверждать: владение жителей области необходимыми теоретическими знаниями в сфере ГО приближается к среднему показателю, уровень владения соответствующими практическими навыками – низкий.

На основании данных исследования можно также констатировать, что уровень подготовленности жителей региона в области гражданской обороны определяется перечисленными ниже факторами.

1) Гендерной принадлежностью: мужчины владеют соответствующими знаниями и навыками в целом лучше, чем женщины, что обусловлено, по-видимому, прохождением многими из них службы в рядах Вооруженных сил.

2) Возрастом: с одной стороны, чем старше респонденты, тем больше внимания они уделяют вопросам безопасной жизнедеятельности, с другой – респонденты из старшей возрастной группы в большей степени, нежели представители других возрастных когорт, ощущают недостаток обучающей информации по вопросам ГО, и именно они в случае ЧС, скорее всего, предпримут неправильные действия.

3) Уровнем и профилем образования: большая осведомленность в вопросах ГО присуща наиболее образованным, и прежде всего тем, кто получил военное и медицинское образование.

4) Родом деятельности: самый низкий уровень подготовленности продемонстрировали неработающие граждане (безработные, неработающие пенсионеры, женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком).

5) Сферой занятости:

– наиболее подготовленными в вопросах гражданской обороны, что естественно, являются сотрудники МЧС России и силовых структур (армии, МВД, ФСБ и пр.); неплохую подготовленность демонстрируют также работники здравоохранения, служащие сферы государственного и муниципального управления (в соответствии с требованиями законодательства, они регулярно проходят переподготовку и участвуют в тренировках и учениях по гражданской обороне);

Таблица 8

Отношение респондентов к проблеме формирования КБЖ в зависимости от уровня обеспеченности, %

Уровень обеспеченности	Относится ли проблема формирования КБЖ к числу важных?				Всего
	безусловно	это важная проблема, но есть и более значимые	нет	затрудняюсь ответить	
весьма обеспеченный	62.5	31.3		6.3	100
средний достаток	46.0	46.0	2.1	5.9	100
низкий достаток	52.2	36.3	6.2	5.3	100
живу за чертой бедности	26.7	33.3	13.3	26.7	100

– самый низкий уровень подготовленности отмечается у работников сельского хозяйства; низкий уровень подготовленности в некоторых аспектах ГО присущ также работникам торговли и учреждений культуры, что не может не вызывать тревоги, т. к. работники этих сфер трудятся в местах массового пребывания людей.

6) Принадлежностью к той или иной категории работников: наибольшую осведомленность в вопросах гражданской обороны демонстрируют руководители структурных подразделений.

7) Уровнем материальной обеспеченности: чем он выше, тем выше информированность в вопросах гражданской обороны.

Кстати, уровень обеспеченности сопрягается и с отношением респондентов к проблеме формирования культуры безопасности жизнедеятельности (КБЖ). Наиболее обеспеченные респонденты чаще других склонны считать эту проблему важной (табл. 8).

Большая часть респондентов, живущих, по их собственной оценке, за чертой бедности, не только не признает данную проблему значимой, но и проявляет в вопросах обеспечения безопасности большие, нежели другие категории опрошенных, безразличие и пассивность. В частности, наименее обеспеченные участники опроса не выказывают интереса к разного рода обучающим материалам по ГО, не стремятся участвовать в соответствующих мероприятиях. При этом представители данной группы опрошенных демонстрируют в вопросах обеспечения безопасности и больший пессимизм. Так, 86.7% из них (значительно больше, чем в других группах респондентов) признают уровень подготовленности населения Ивановской области в вопросах ГО неудовлетворительным; именно в этой категории опрошенных наиболее велика доля тех, кто не считает возможным во время ЧС найти в доме или офисе относительно безопасное место.

Подобное безразличие к проблемам безопасности со стороны малоимущих граждан можно объяснить по-разному. С одной стороны, можно предположить, что они в принципе более пассивны, чем обеспеченные, и именно поэтому живут «за чертой бедности». С другой – причина описанной ситуации может заключаться в том, что эти люди сконцентрированы на решении более значимых для них сиюминутных задач, и на фоне их каждодневных забот «о хлебе насущном» могущие возникнуть в перспективе чрезвычайные ситуации, вызванные природными катаклизмами, техногенными факторами или военными конфликтами, представляются им слишком маловероятными и имеющими мало отношения к реальной жизни.

Как бы то ни было, результаты исследования свидетельствуют о том, что повышение уровня материального благосостояния людей – задача, важная не только сама по себе, но и значимая с позиций формирования культуры безопасности жизнедеятельности граждан.

Результаты работы, к тому же, позволили определить основные пути совершенствования деятельности региональных и муниципальных органов власти по подготовке населения Ивановской области в вопросах ГО и, следовательно, пути развития человеческого потенциала региона (что являлось целью исследования). Это, прежде всего, адресная работа с наименее подготовленными в сфере ГО гражданами – работниками сельского хозяйства, безработными, неработающими пенсионерами, женщинами, находящимися в отпуске по уходу за ребенком, и т.д., к которой мы предлагаем привлекать региональные отделения Пенсионного фонда России, департаменты социальной защиты населения, «Почту России», товарищества собственников жилья (ТСЖ), управляющие компании и пр. Однако, как было установлено нами, устойчивый результат эта работа даст только в том случае, если по мере роста материального благосостояния людей возрастет их стремление к обеспечению собственной безопасности.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
2. Указ Президента РФ от 20.12.2016 г. № 696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года».
3. Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне».
4. Айол А.А. Направления совершенствования подготовки в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций на современном этапе // Педагогика: традиции и инновации: Материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, январь 2017). Казань: Бук, 2017. Часть II. С. 112–115.
5. Гребенникова Е.Л., Айол А.А. Совершенствование подготовки населения по вопросам гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций // Молодой учёный. 2016. № 6.1 (110.1). С. 24–28.
6. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). СПб.: Скифия-принт, 2013.
7. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2000 г. № 841 «Об утверждении Положения об организации обучения населения в области гражданской обороны».
9. Гражданская оборона. Права и обязанности граждан. URL: http://66.mchs.gov.ru/document/285820 (дата обращения: 20.04.2017).

PREPAREDNESS OF THE IVANOVO REGION POPULATION IN CIVIL DEFENSE ISSUES: SOCIOLOGICAL RESEARCH RESULTS

L.Yu. Pushina

Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters

This paper presents the results of original sociological research conducted in the Ivanovo region in 2017 with the aim of identifying ways for improving the management of human development in the region. Scientific novelty of the work stems from the fact that it looks at the preparedness of the population in the field of civil defense as a significant characteristic of human development. The main research method was a mass survey of the Ivanovo region residents, while the auxiliary one comprised an analysis of normative legal acts regulating the organization of civil defense in the Russian Federation. The study assessed the level of theoretical awareness and practical preparedness of the region's population in the field of civil defense. It was found that the residents' theoretical knowledge is close to the average level while the level of their practical skills is low. We have identified the factors contributing to the level of the mandatory competencies in the field of civil defense: gender, age, level and profile of education, occupation, field of work, belonging to a certain category (managers or ordinary employees), attitude to the problem of safety culture, level of material security. Based on the analysis of these factors, some ways were proposed to improve the work of regional and local authorities in the area of civil defense (targeting the least prepared groups of population). It was also found that this work can only yield sustainable results if the growth of people's material welfare increases their desire to ensure their own safety.

Keywords: civil defense, awareness, population of the Ivanovo region, emergency, alarms, safety.

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2018 г.

М.Т. Полывянная, И.Н. Смирнова

Полывянная Марина Тимофеевна, к.соц.н.; заведующая кафедрой педагогики и психологии Института развития образования Ивановской области
lobach.63@mail.ru
Смирнова Инна Николаевна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета
kodina_inna@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Цель статьи – социологический анализ структуры и особенностей детско-родительских отношений в современной российской семье. При разработке инструментария использован трехкомпонентный подход к исследованию детско-родительских отношений. На основе данных авторского социологического исследования изучен взгляд родителей и детей на характер детско-родительских отношений, на особенности протекания конфликтов и возможности их преодоления, на виды насилия в современной семье, а также на потребности современной семьи в оказании различных видов помощи. Проанализированы особенности детско-родительских отношений в семьях разного материального достатка, уровня образования, состава, возраста семьи. Обосновывается необходимость разработки программы по укреплению детско-родительских отношений.

Ключевые слова: семья, детско-родительские отношения, родительские установки, дети.

Введение

Семья принадлежит к важнейшим общественным институтам, являясь посредником между личностью и обществом, транслятором фундаментальных ценностей от поколения к поколению. Семье отводится основная роль в формировании нравственных начал, жизненных принципов подрастающего поколения. В статье 44 закона РФ «Об образовании» отмечается: «Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами. Они обязаны заложить первые основы физического и интеллектуального развития личности ребенка в раннем возрасте» [1].

Для всестороннего развития ребенка в семье должны складываться благоприятные условия. Во многом эти условия определяются характером сложившихся в семье детско-родительских отношений.

Проблема детско-родительских отношений и их влияния на развитие ребенка неоднократно рассматривалась в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Воспитание как фактор, детерминирующий возникновение девиантного поведения у детей, подробно изучен в психологических и медицинских работах В.И. Гарбузова, А.И. Захарова, Д.Н. Исаева, А.Я. Варга, Л.А. Николаевой, Э.Г. Эйдемиллера и др. [2–5]. Социологические аспекты детско-родительских отношений рассмотрены в трудах О.В. Бессчётновой, Е.Н. Васильевой и Н.Ю. Ярыгиной, Т.А. Гурко, Л.В. Карцевой, И.Н. Кириленко, А.И. Санниковой и Н.В. Редькиной, З.Х. Саралиевой и Е.Е. Кутявиной [6–12]. Ученые неоднократно отмечали их противоречивый характер: с одной стороны, главной характеристикой родительского отношения к ребенку является любовь, а с другой – присутствует требовательность и контроль родителей. Чтобы выйти из обозначенного противоречия, необходима «определенная «родительская компетентность», включающая семейные ценности, установки и ожидания родителей, родительскую позицию и родительские отношения, родительские чувства и меру ответственности, стиль семейного воспитания» [13].

В современных условиях семья существенно меняется. Становятся иными экономические условия ее жизни, система норм и семейных ценностей, преобразуются межпоколенные родственные связи, изменяется ролевое поведение мужчин и женщин в семье. Все это не может не отразиться на характере детско-родительского общения, воспитательном потенциале семьи.

Социологическое исследование на тему «Детско-родительские отношения в семье» было проведено в январе – феврале 2017 г. и включало исследование следующих индикаторов: характер детско-родительских отношений в семье; конфликты в семье и возможности их преодоления; виды насилия в современной семье; ана-

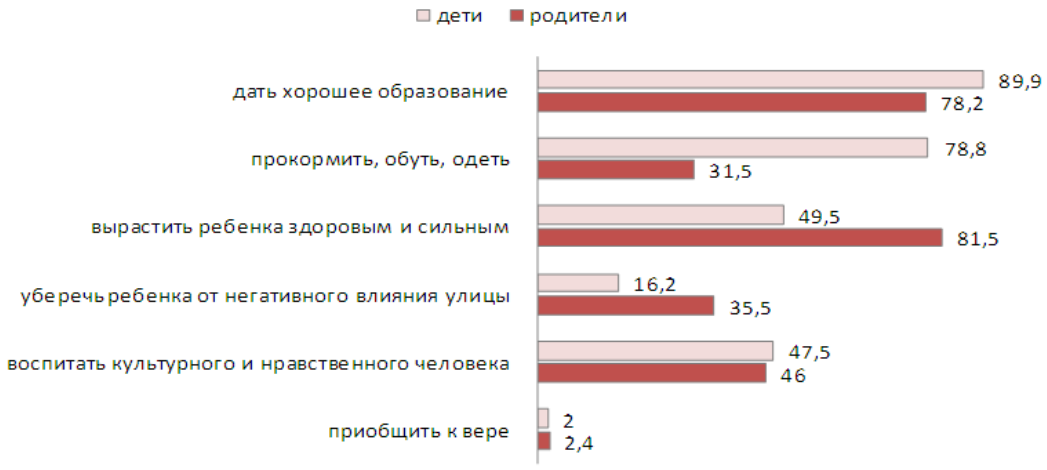

Рис. 1. Наиболее важные права и обязанности по отношению к ребенку (по мнению родителей и детей), *n*=225, %

лиз потребностей современной семьи в оказании помощи.

Объектом исследования стали семьи Ивановской области, имеющие детей в возрасте до 18 лет, постоянно проживающие на территории региона. *Методом* персонального (личного) анкетирования было опрошено 225 человек (ошибка выборки составила 7%; $p = 0.90$). В социологическом опросе приняли участие 73 жителя г. Иванова, 74 чел. из районных городов Ивановской области, 78 чел. из сельской местности. В рамках используемой *квотно-случайной модели выборки* было сформировано распределение респондентов по территориальному, социально-ролевому и гендерному признакам. Для проведения сравнительного анализа специфики представлений о детско-родительских отношениях были учтены мнения 110 подростков из полных (*N*=50) и неполных семей (*N*=60), а также мнения их 115 родителей, воспитывающих детей с мужем/женой (*N*=55) и в одиночку (*N*=60). Средний возраст родителей составил 41.4 лет, средний возраст детей – 13.6 лет.

Детско-родительские отношения в семье: структуры и роли

Детско-родительские отношения составляют важнейший индикатор семейных отношений и могут рассматриваться как «непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями ребенка и родителя отношения» [14]. Как правило, в структуре детско-родительских отношений выделяют эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. *Эмоциональный компонент* – это преобладающий эмоциональный фон взаимодействия родителя и ребенка, эмоциональная оценка родителем себя и образа своего ребенка. *Когнитивный компонент* проявляется в определенных представлениях родителя и ребенка о том, какими должны быть детско-родительские отношения, каковы их проявления и способы выражения. *Поведенческий компонент* затрагивает конкретные действия, реакции и поступки родителей и детей [15].

Главным элементом в структуре детско-родительских отношений являются *родительские установки*. Идентифицировать преобладающие типы родительских установок можно по тем правам и обязанностям, которые родители считают доминирующими по отношению к своим детям, особенностям проведения свободного времени с детьми, моделям поведения в конфликтной ситуации. Большая часть респондентов (как родителей, так и детей), отвечая на вопрос: «Какие из перечисленных прав и обязанностей кажутся Вам наиболее важными по отношению к своему ребенку?» – выбрали ответ «дать хорошее образование» (рис. 1).

На открытый вопрос: «Какой помощи дети ожидают получить от родителей?» – респонденты-дети также ответили «помощь в обучении» (37.1%). В итоге воспроизводится модель «что дают родители – в том и нуждаются дети». Тем не менее 21.4% хотели бы получать дружескую поддержку от родителей, общение с ними. Самым же распространенным ответом родителей был абстрактный – «оказать любую помощь». Таким образом, четко прослеживается приоритет «учебы» в детско-родительских отношениях. Данная тенденция фиксируется и в специфике проведения свободного времени родителей с детьми.

Досуг является механизмом реализации не только рекреационной функции семьи, но и психотерапевтической, направленной на создание благоприятного климата в семье, способствующей снятию напряжения и самосохранению.

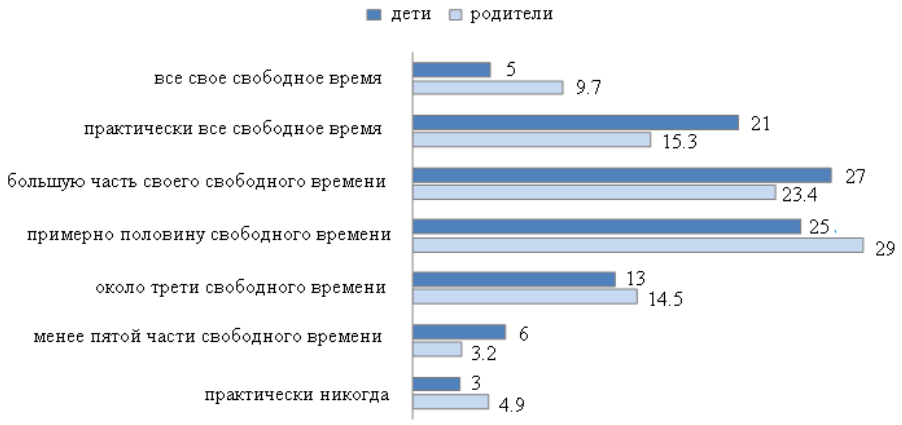

Рис. 2. Количество свободного времени, проводимого родителями с детьми (по мнению родителей и детей), *n*=225, %

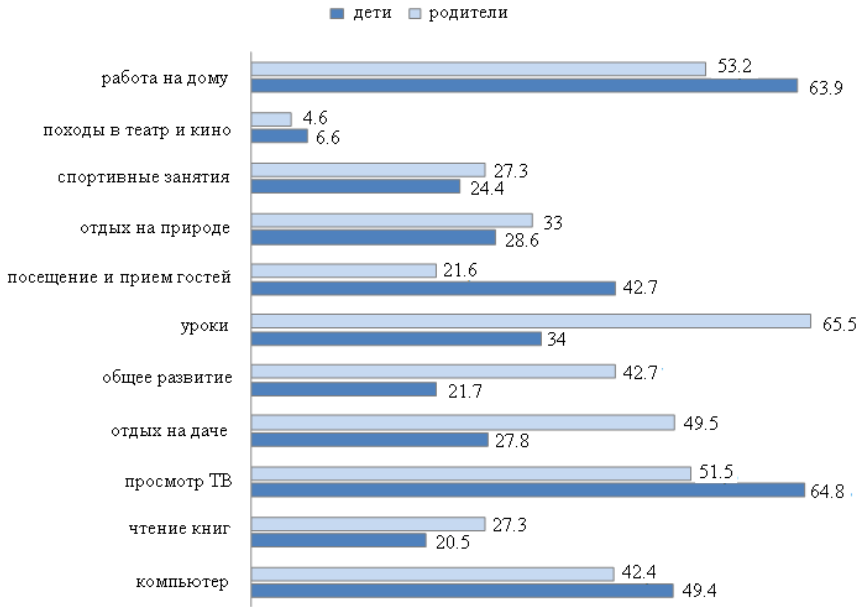

Рис. 3. Формы проведения семейного досуга в оценках родителей и детей, *n*=225, % (вопрос множественный)

По результатам ответов респондентов, родители подавляющую часть своего свободного времени проводят с детьми. Но данные исследования иллюстрируют следующую тенденцию: родители «завышают» количество времени, которое они проводят с детьми (рис. 2). Значительно больше свободного времени проводят с детьми в полных семьях, что объясняется необходимостью родителей неполных семей больше отводить времени на обеспечение материального благополучия семьи.

В ходе исследования были определены наиболее распространенные *формы проведения досуга родителей с детьми* (рис. 3). Самыми распространенными формами, по мнению детей и родителей, являются: работа по дому, подготовка к урокам, просмотр TV, работа на компьютере. Можно ли работу по дому и подготовку к урокам считать досугом? Чтение книг, занятия на общее развитие, посещение театра заняли самые нижние позиции. По результатам опроса, формы проведения свободного времени большинства респондентов ограничены «домашней» направленностью, характеризующейся эмоциональной и социальной обедненностью.

Между тем детство – это особый этап развития ребенка, характеризующийся формированием психологических качеств, открытием мира, о чем родители забывают [16]. Такой тип досуга не дает также возможности полностью восстановиться после трудового дня, недели. Кроме того, по результатам исследования, большинство конфликтов детей и родителей связано с невыполнением домашних обязательств и успеваемостью в школе.

«Домашний» и «традиционный» тип досуга, в целом, характерен для России и, как видно из исследования, продолжает транслироваться родителями своим детям. Такой тип досуга полностью устраивает 61.1% респондентов-детей и частично устраивает 78.2% респондентов-родителей.

Таблица 1

Частота возникновения конфликтов в семье, по мнению родителей и детей, %

Частота возникновения конфликтов в семье	Дети	Родители
постоянно	1.0	–
часто	21.0	12.9
редко	63.0	75.8
никогда	13.0	7.3
затрудняюсь ответить	2.0	4.0
Итого	100.0	100.0

Таким образом, прослеживается тенденция самоустранения многих родителей от решения вопросов личностного развития ребенка. Семейное воспитание подменяется организацией подготовки к школе. В этих условиях родители, не владея в достаточной мере знанием особенностей возрастных этапов детства, забывают об эмоциональной составляющей воспитания и детско-родительских отношений.

Семейные конфликты: гендерное измерение

Изменения, происходящие в современном российском обществе и семье, требуют новых, адекватных подходов к исследованию и урегулированию семейных конфликтов как актуальной социальной проблемы [10]. При этом важной научно-практической задачей является профилактика и урегулирование гендерных и межпоколенных конфликтов в семье.

Под *семейным конфликтом* понимаются определенные отношения между членами семьи, порожденные противоречиями ее развития и функционирования как системы, посредством которых они разрешаются. У взрослых и детей разные ощущения, связанные с ситуацией конфликта. Подростки болезненно воспринимают критику в свой адрес, склонны преувеличивать значение разногласий и определяют их как конфликт. Соответственно, они начинают вести себя враждебно по отношению к родителям. В то же время родители не считают небольшие разногласия серьезным конфликтом.

Надо отметить, что и родители (75.8%), и дети (63%) единодушно ответили, что конфликты в семье бывают редко (табл. 1.). Однако 21% опрошенных детей отметили, что конфликты в семье бывают часто, в то время как родителей, выбравших эту же позицию, почти в два раза меньше – 12.9%. Это говорит о том, что родители замалчивают происходящие конфликты, в то время как дети более откровенны в своих ответах. Каждый второй респондент-ребенок и более половины респондентов-родителей виновниками конфликтов назвали детей.

Среди основных поводов для конфликтов в ответах родителей доминируют такие причины, как невыполнение домашних обязанностей, излишнее время, потраченное на компьютерные игры. Довольно большой процент родителей дали ответ «другое» без пояснений. В ответах детей чаще встречаются причины, связанные с плохой успеваемостью в школе, неуважительное отношение к взрослым членам семьи, плохая компания (рис. 4).

Исследование показало разрыв в ответах детей и родителей по видам наказания. Так, родители среди распространенных мер, используемых ими в качестве наказания, назвали, помимо выговора в резкой форме, лишение материальной помощи. Дети же особенно ощущают на себе не такие виды наказания, как лишение их материальной поддержки, а отказ в общении с ними близких, запрещение общаться с друзьями, т.е. связанные с эмоциональной стороной отношений.

Сравнительный анализ показывает, что чаще наказание в виде отказа от общения встречается в неполных семьях (табл. 2).

Исследование позволило проследить трансляцию гендерных стереотипов при использовании различных видов наказаний сыновей и дочерей отцами и матерями. Так, матери чаще используют такие виды наказаний, как выговор в резкой форме, загрузка работой по дому, ограничение развлечений. Отцы употребляют телесные наказания, лишают материальной поддержки, ограничивают общение с другими людьми.

Полученные данные коррелируют и с ответами детей. Так, девочки прежде всего ощущают на себе наказание в виде выговора в резкой форме, а мальчики – в ограничении развлечений. Кроме того, ответы и родителей, и детей характеризуют еще одну тенденцию: девочек наказывают строже, применяя всевозможные виды наказаний, в том числе и телесные. Однако ответы родителей тенденцию использования телесных наказаний в воспитательном процессе замалчивают. Таким образом, можно наблюдать воспроизводство одинаковых моделей наказаний в различных поколениях мужчин и женщин.

Рис. 4. Основные причины семейных конфликтов в оценках детей и родителей, *n*=225, %

Таблица 2

Виды наказания, используемые родителями в качестве воспитательных мер, в оценках родителей и детей в полных и неполных семьях, *n*=225, %

Виды наказаний	Тип семьи			
	Полная		Неполная	
	Родители	Дети	Родители	Дети
выговор в резкой форме (крик, ругань, оскорбления и пр.)	45.1	49.4	27.8	37.5
отказ в общении с родителями	3.9	7.2	5.6	43.8
тяжелые телесные наказания	2.0	2.4	–	–
легкие телесные наказания	12.7	3.6	11.1	–
ограничение общения с другими людьми	13.7	8.4	38.9	25.0
загрузка работой по дому	5.9	14.5	–	25.0
лишение материальной поддержки	62.7	3.6	16.7	18.8
ограничение развлечений	45.1	50.6	27.8	31.3

Многочисленные социологические исследования фиксируют тенденции воспроизводства воспитательных стереотипов не только в отношении физического, но и психологического насилия в семье. Особо актуальными формами такого насилия становятся все учащающиеся случаи биллинга, моббинга и кибербуллинга в детской среде [17]. Насмешки и издевательства над детьми с физическими изъянами, игнорирование, подножки, угрозы, срыв обучения, высмеивание внешнего вида как лично в глаза ребенку, так и посредством электронных средств связи – все это формы моббинга и кибербуллинга.

В ходе исследования рассматривалась также модель *поведения родителей в том случае, если они неправы или конфликт произошел по их вине.* Чуть больше 50% респондентов-родителей извиняются перед ребенком, если бывают неправы. Каждый третий респондент-ребенок отметил, что родители признают свою неправоту, но каждый пятый считает, что родители не извиняются никогда.

Особое внимание в исследовании было уделено также физическим наказаниям. На прямой вопрос о том, применяют ли родители физические наказания, лишь 3.2% детей ответили утвердительно. В то же время 6.8% родителей отметили, что применяют физическое воздействие по отношению к своим детям. Однако вопрос физических наказаний в семье остается достаточно деликатным, и для его изучения требуются специальные осторожно заданные вопросы.

Вопрос о моделях поведения в семье в условиях конфликта особенно актуален в связи со

Таблица 3

Виды насилия в семье в оценках детей и родителей, *n*=225, %

Виды насилия	Дети	Родители
Экономическое насилие (утаивание доходов, трата денег, контроль расходов)	1.0	2.5
Психологическое насилие (оскорбления, угрозы)	11.0	7.4
Физическое насилие	4.0	2.5
Идеологическое насилие (религиозное, политическое и пр.)	1.0	0.8
Никогда не подвергались	83.0	86.8
Итого	100	100

стрессогенным ритмом жизни, сопровождающимся чрезмерным напряжением на работе, в школе. Это не может не отражаться на характере детско-родительских отношений, на моделях поведения членов семьи, особенно в ситуации конфликта.

Насилие в семье

Домашнее насилие – это комплексная социальная проблема, решение которой во многом зависит от социальной политики государства. Одна из главных особенностей насилия в семье состоит в том, что оно представляет собой повторяющиеся во времени инциденты. Это важнейшее отличие домашнего насилия от просто конфликтной ситуации в семье [18].

Следует отметить, что в случаях домашнего насилия особые переживания испытывают дети, которые могут выступать и в качестве жертвы насилия, и в качестве свидетеля. Реакции детей на насилие различаются в зависимости от их возраста, пола и социальной поддержки, которая им предоставляется или может быть предоставлена потенциально.

Взрослые и дети не всегда оценивают то, что с ними происходит, как насилие. Несмотря на то, что с открытыми формами насилия к психологам обращаются редко, закрытых форм насилия, открывающихся в процессе психологических приемов, достаточно много. Во многих случаях определенные действия не воспринимаются как насилие, так как существуют традиционные взгляды на воспитание: «Отец родной – дитя не забьет», «Когда бьют по попе, идет в голову».

По результатам исследования, 14% респондентов-детей и 11.5% респондентов-родителей подвергались различным видам насилия в семье. Такие данные позволили получить специально заданные вопросы не о самом факте насилия в семье (на прямой вопрос мы получили ответы не более 4% опрошенных), а о видах насилия, с которыми встречались респонденты. Этот вопрос позволил детям и родителям увидеть, что к насилию относятся не только факты физических наказаний, но и психологическое и идеологическое давление, экономические действия и психологические угрозы и оскорбления. Таким образом, традиционное понимание насилия как применения физических действий доминирует среди опрошенных и детей, и родителей.

Исследование показало, что доминирующей формой насилия является психологическое (рис. 5). В большей степени данному виду насилия подвергаются дети в неполных семьях (18.8%). Психологическое насилие может проявляться в открытом неприятии и постоянной критике ребёнка; в угрозах в адрес ребёнка, в словесной форме; в оскорблениях и унижениях достоинства; в преднамеренной физической или социальной изоляции ребёнка; в предъявлении ребёнку требований, не соответствующих возрасту и возможностям, и др. [19].

Исследование показало, что с увеличением возраста опрошенных детей все более распространенным становится психологическое насилие. Так, к первому курсу начального профессионального образования с психологическим насилием сталкивался каждый пятый опрошенный ребенок. Особо отметим, что «пик» применения различных видов насилия по отношению к детям приходится на старшеклассников. Они знакомы со всеми видами насилия в семье.

Молодым семьям в большей степени свойственно экономическое насилие, поскольку материальный фактор в таких семьях, как правило, доминирует. В свою очередь, более «зрелые» семьи сталкивались со всеми видами насилия. Исследование показало, что семья на современном этапе остается закрытой системой, в силу сложившихся культурно-исторических традиций. Установку на закрытость подтверждает устное народное творчество: сор из избы не выноси. Если ребенок, при своей открытости к миру, рассказывает что-то негативное о своей семье кому-то из посторонних взрослых (воспитатель, учитель, соседи), то дома он подвергнется наказанию со стороны родителей или осуждению. Таким образом ребенок усваивает, что данные границы нарушать нельзя. Следовательно, формируется модель закрытой системы. Эту модель повзрослевший ребенок переносит в свою будущую семью [20].

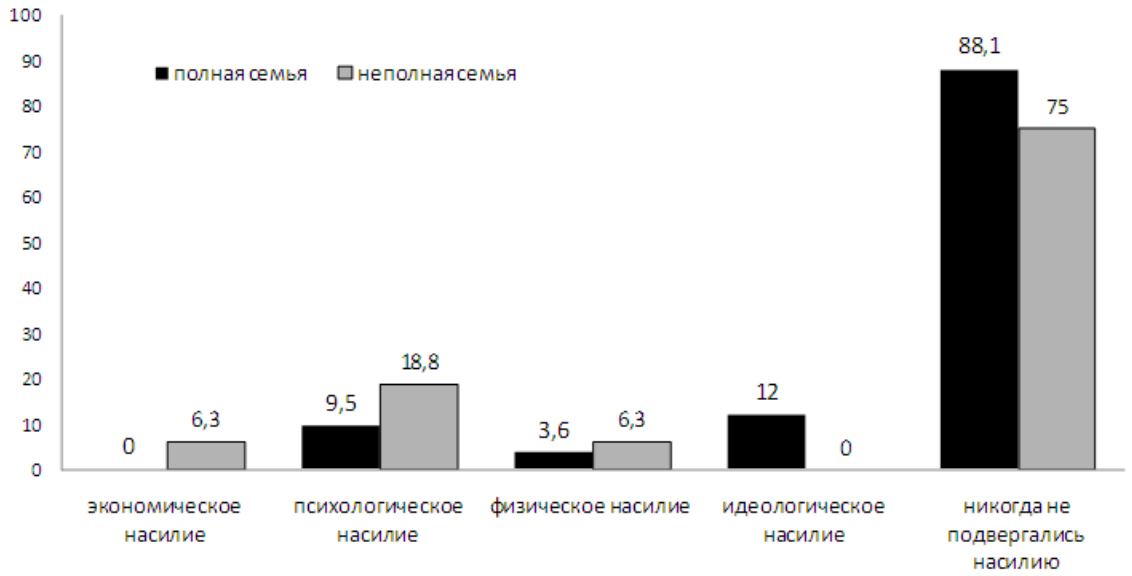

Рис. 5. Ответы детей на вопрос о том, какому виду насилия они подвергались, в зависимости от типа семьи, *n*=225, %

Корреляция по гендерному признаку показала, что мальчики чаще подвергаются разнообразным видам насилия (экономическому, психологическому, идеологическому, физическому). В то же время девочки сильнее ощущают на себе последствия физического и психологического насилия. Чем ниже благосостояние, тем чаще встречается в семье насилие по отношению к взрослым и детям.

По результатам исследования, респонденты, подвергавшиеся насилию, обращались за помощью к близким друзьям и родственникам, респонденты-родители – за анонимной помощью консультанта. Тем не менее подавляющее число опрошенных считают такие обращения бессмысленными и отмечают, что распространяться о таких ситуациях стыдно.

В целом отметим также, что дети в большей степени готовы обращаться в кризисные центры. Это вполне объяснимо: в ситуациях насилия его субъектами выступают самые близкие ребенку люди – родители, вследствие чего снижается уровень доверия к ним детей. А близкие друзья одного с ними возраста не могут изменить ситуацию коренным образом. Мы выяснили, что 49% детей и 40% родителей готовы обратиться за помощью в различные профильные центры защиты. В связи с этой тенденцией необходимо продолжить работу по информированию населения о различных структурах, оказывающих психологическую помощь (например, службах доверия и кризисных центрах).

Выводы и рекомендации

Специфика обозначенных проблем актуализирует разработку программы, предполагающей создание условий для осознания родителями ценности семьи как «эмоционального тыла» для ребенка [14], укрепления детско-родительских отношений, а не дублирования функций образовательного учреждения, развития социально-педагогической рефлексии родителей. Такая программа была предложена уполномоченным по правам ребенка в Ивановской области еще в 2011 г., однако не была реализована [21].

Для разработки программы требуется проведение диагностики затруднений родителей в воспитании детей; изучение динамики отношений родителей к применяемым способам общения с ребенком с точки зрения их этичности, возрастной целесообразности; изучение самочувствия родителей в родительской роли, динамики эмоционального самочувствия детей.

Программа поддержки ответственного родительства должна брать свое начало в воспитании родительских установок и развитии материнских и отцовских качеств в подростковом возрасте. Между тем эта тема во многих семьях остается закрытой, родители из-за своих страхов, установок, незнания не могут найти правильные слова объяснения. Потому необходимо внедрять специальные курсы в среднеспециальных учреждениях, в старших классах школ как для девушек, так и для юношей.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2018 года. URL: http://zakon-ob-obrazovanii.ru/ (дата обращения: 13.03.2018).

2. Гарбузов В.И., Захаров А.И., Исаев Д.Н. Неврозы у детей и их лечение. М.: Медицина, 1977. 272 с.

3. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: Дис. … канд. психол. наук. М., 1986. 206 с.

4. Николаева Л.А. Детско-родительские отношения как фактор развития ребенка // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2012. Том 2. Вып. 2. С. 187–192.

5. Эйдемиллер Э.Г. Семейная психотерапия у подростков при неврозоподобных состояниях. М.: Фолиум, 1996. 103 с.

6. Бессчётнова О.В. Детско-родительские отношения в контексте семейного насилия: социологический аспект // Известия ВПГУ. 2009. № 3. С. 79–83.

7. Васильева Е.Н., Ярыгина Н.Ю. Особенности мотивации семейной жизни, обуславливающие ее благополучие // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 1. С. 184–189.

8. Гурко Т.А. Жизненные стили российских родителей: динамика, региональные, возрастные и профессиональные особенности // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 2. С. 94–109.

9. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–100.

10. Кириленко И.Н. Детско-родительские отношения: гендерный и этнический модусы. М.: Кредо, 2015. 212 с.

11. Санникова А.И., Редькина Н.В. Девиантное поведение подростка как следствие конфликтных ситуаций в детско-родительских отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 251–254.

12. Саралиева З.Х., Кутявина Е.Е. Голос детей и детский взгляд на взрослые проблемы // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 70–76.

13. Иневаткина С.Е., Ботова Э.К. Детско-родительские отношения – основной фактор развития ребенка // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 1 (13). С. 53–56.

14. Сорокоумова Е.А., Маргун И.П. Позитивные детско-родительские отношения: сущность и специфика // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 184–191.

15. Рыбакова А.И. Теоретические аспекты детско-родительских отношений: понятие, типы и виды нарушений // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16. № 1 (140). С. 14–21.

16. Попова Л.А. Влияние детско-родительских отношений на уровень адаптированности подростков в межличностных отношениях // Социальная сфера общества: инновационные тенденции развития: Сб. мат. III Международной научно-практической конференции. Краснодар: Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере, 2012. С. 300–303.

17. Воликова С.В., Калинкина В.А. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4 (88). С. 138–161.

18. Сошникова И.В., Чупина Г.А. Насилие в семье: социальные предпосылки и факторы риска // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология. 2010. Вып. 18. № 20. С. 174–188.

19. Сафонова Т.Я., Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми и его последствия // Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита. М.: Психология и педагогика, 1993. 27 с.

20. Сизаева В.Э., Лисинецкая А.А. Проблема детско-родительских отношений и их влияние на представления о своей семье // Наука и современность. 2012. № 15–3. С. 162–166.

21. Отчет Уполномоченного по правам ребенка Ивановской обл. от 03.05.2011 «Ежегодный отчет о ситуации с соблюдением прав и законных интересов ребенка в Ивановской области за 2010 год». URL: http://www.regionz.ru/index.php?ds=1185305 (дата обращения: 12.06.2018).

SOME PECULIARITIES OF PARENT-CHILD RELATIONSHIP IN A FAMILY (BASED ON THE MATERIALS OF THE IVANOVO REGION)

***M.T. Polyvyannaya*[1], *I.N. Smirnova*[2]**

[1] Institute of Education Development of the Ivanovo region
[2] Ivanovo State University

The article summarizes the results of a sociological analysis of the structure and characteristics of child-parent relations in a modern Russian family. The developed toolkit deals with a three-component approach to the study of child-parent relations. The results of the authors' sociological research are presented. Based on the research data, the parents' and the children's views on the child-parent relations nature, the specific features of the conflicts course as well as the possibilities for overcoming mistrust are revealed. The authors study the types of violence in the modern family and underline the need to provide assistance is such difficult situations. Some features of child-parent relations in families of different material wealth, level of education, composition, and family age are analyzed. The authors substantiate the need to develop a program for strengthening child-parent relations.

Keywords: family, parent-child relationship, parents' attitudes, children.

УДК 316.4.062

МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ МАССОВОГО СПОРТА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2018 г.

А.А. Болозин

Болозин Андрей Александрович, соискатель Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
andrew-bolozin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2018
Статья принята к публикации 18.07.2018

Рассматриваются мероприятия по развитию массового спорта на территории Российской Федерации. Целью работы является рассмотрение механизма повышения доступности массового спорта для молодежи в современной России. Изучены материалы социологических исследований по тематике статьи, проведен анализ сайтов. Научная новизна заключается в том, что государственно-частное партнерство с привлечением некоммерческих спортивных организаций рассматривается как механизм развития массового спорта – создания бесплатной спортивно-массовой инфраструктуры в шаговой доступности (спортивные площадки во дворах, некоммерческие спортивные клубы по месту жительства). Делается вывод о перспективности данного механизма в формировании ресурсного потенциала развития массового спорта и повышении его доступности для молодежи в современной России.

Ключевые слова: массовый спорт, «дворовый спорт», ГТО, молодежь, доступная «спортивная среда», некоммерческие организации, государственно-частное партнерство.

Введение

Молодежь является важным звеном в формировании и воспроизводстве общества, становление и развитие ее происходит в рамках базовых социальных институтов, среди которых особое место принадлежит институту физической культуры и спорта. Спорт в современном обществе развивается по двум направлениям: спорт высших достижений и общедоступный спорт (массовый). Именно массовый спорт, выступая в качестве общедоступной формы спортивной деятельности, играет роль агента социализации, при этом в процессе массовой спортивной деятельности происходит развитие не только физических способностей, но и социальных качеств молодых людей.

В сложившейся ситуации социально-экономических и политических реформ в современной России существенным направлением социальной политики государства является развитие массового спорта, а приоритетными задачами становятся: продвижение в обществе ценностей физического и духовного здоровья нации; формирование здорового образа жизни; вовлечение в занятия массовым спортом большего числа молодых людей.

Однако недостаточное развитие материально-технической базы, предназначенной для нужд именно массового спорта, расширение доли платных услуг в сегменте массового спорта, слабый профессиональный уровень тренерских кадров, осуществляющих физкультурно-спортивную деятельность, не позволяют обеспечить необходимый уровень вовлеченности молодежи в регулярные занятия массовым спортом и отражаются на общем качестве тренировочного процесса [1].

Мероприятия по развитию массового спорта на территории Российской Федерации

В соответствии с государственными программными документами, включающими Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года [2] и государственную программу Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» [3], доля населения России, систематически занимающегося физической культурой и спортом, должна достигнуть к 2020 г. 40%, а среди молодежи – 80%.

В этой связи в качестве основных стратегических ориентиров в развитии ФКиС в РФ определены следующие:

– увеличение доли граждан Российской Федерации, регулярно применяющих средства физической культуры и спорта, в общей численности населения до 40% в 2020 г.;

– повышение количества граждан, которые занимаются в специализированных спортивных организациях, в общей численности данной возрастной категории до 50%;

– доведение объема недельной двигательной активности населения до 6–12 часов при не менее чем 3–4-разовых занятиях в зависимости от возрастных и других особенностей граждан;

– расширение существующей сети спортивной инфраструктуры и повышение уровня ее доступности для населения страны, исходя из единовременной пропускной способности, до 48%.

Особое значение сегодня приобретает массовый спорт, который выступает в качестве основного резерва для спорта высших достижений, но главное – является одним из основных факторов формирования здоровья и жизненных сил молодежи. Поэтому важно на сегодня обеспечить максимальный доступ молодого населения к массовому спорту как к необходимому элементу развития и сохранения жизни.

Повышению доступности массового спорта для молодежи будет способствовать еще большее развитие материально-технической базы, предназначенной для массового спорта.

Результатом исполнения мероприятий ФЦП «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006 – 2015 годы» стало создание новой спортивно-массовой инфраструктуры. Так, например, значительно выросло количество спортивных объектов, в частности физкультурно-оздоровительных комплексов для нужд массового спорта в ряде регионов России (например, на территории Нижегородской области).

При этом существенно важно отметить тот факт, что высокий уровень дифференциации в развитии массового спорта в различных регионах Российской Федерации влияет на общую картину состояния спортивно-массового сектора [4].

По словам президента РФ Владимира Владимировича Путина, «государственное финансирование должно идти на развитие физической культуры и массового спорта, а не на профессиональный спорт» [5]. По его убеждению, финансирование физической культуры и массового спорта необходимо увеличивать за счет снижения затрат регионов и компаний с государственным участием на профессиональный спорт [5].

Тем не менее, чтобы отрасль массового спорта развивалась, становилась еще более доступной для молодых людей, необходимы новые проекты, разработка инновационных концепций. Одной из значимых инициатив в этой сфере является возрождение комплекса ГТО [6].

В целом, как свидетельствуют данные социологических исследований последних лет, население благоприятно воспринимает инициативу возрождения комплекса «Готов к труду и обороне». Следует отметить, что, по данным ФОМ[1], 11% опрошенных россиян уверены, что комплекс ГТО поможет создать доступную среду для занятий физической культурой и спортом [7].

Государственно-частное партнерство как механизм повышения доступности массового спорта для российской молодежи

Запуск программы ГТО актуализирует вопрос о площадках для занятий массовым спортом, создании доступной «спортивной среды». Необходима сеть некоммерческой физкультурно-спортивной инфраструктуры: клубов по местам жительства, работы или службы, то есть в шаговой доступности. Следует создать спортивные сооружения, современные, удобные для занятий массовым спортом, в том числе на открытом воздухе. Формирование инфраструктуры для «дворового» спорта во многом обеспечит максимальный охват молодежи массовым спортивным движением. Дворовый спорт представляет собой социально-спортивное, массовое явление. Для развития массового спорта, увеличения количества молодежи, ведущей здоровый образ жизни и участвующей в спортивно-массовой деятельности, «дворовый» спорт имеет огромное значение. Важность данного проекта была подчеркнута президентом РФ В.В. Путиным, который отметил, что дворовый спорт выполняет не только физкультурно-спортивные задачи, но и, что не менее важно, способствует консолидации молодежи по месту жительства, укреплению национальных традиций [8].

В настоящее время физкультурно-спортивные организации, функционирующие на территории Российской Федерации, могут осуществлять свою деятельность как на коммерческой, так и некоммерческой основе. Коммерческие организации предоставляют физкультурно-спортивные услуги, но осуществляются данные услуги на коммерческой (платной) основе, и поэтому они зачастую становятся недоступными широким слоям населения.

Некоммерческие организации (НКО) совмещают коммерческие методы ведения деятельности с развитием социально значимых направлений физкультурно-спортивной деятельности. Некоммерческие организации в сфере физической культуры и спорта действуют в разных формах: общественные союзы и ассоциации, фонды, клубы или организации специального профессионального образования и т.п. [9].

Согласно Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года, создание сети спортивных клубов по месту жительства, в том числе спортивных клубов выходного дня для самостоятельно занимающихся физической культурой и спортом, является необходимым условием соз-

дания новой национальной системы физкультурно-спортивного воспитания населения [2].

В современных условиях из-за нехватки бюджетных средств бизнес может не только помогать государству и муниципалитетам в создании материальной базы для развития физической культуры и спорта, но и проявлять частную инициативу, расширять перспективы предпринимательской деятельности.

Развитие социально значимых услуг, с одной стороны, является приоритетной задачей государства, направленной на повышение жизненного уровня населения, с другой стороны, может быть экономически выгодно для бизнес-партнеров [9].

Этому способствует использование механизма государственно-частного партнерства (ГЧП). Практика его применения показывает, что инициатива и финансирование, как правило, исходят от частного партнера. Вопросы применения государственно-частного партнерства, как одного из механизмов развития социальной инфраструктуры, в том числе в создании современной материальной базы для привлечения населения к массовому спорту, довольно часто рассматриваются в современной России. Необходимо отметить, что указанное направление характеризуется следующими особенностями:

– с одной стороны, существуют высокие экономические и политические риски для бизнеса, недостаточно проработаны механизмы возвратности инвестиций и привлечения частного сектора к ГЧП, развитие рынка проектов ГЧП ограничено возможностями и компетенциями администраций;

– с другой стороны, государство или муниципалитет берет на себя риски, обусловленные недобросовестностью исполнения обязательств частным партнером. Высокая степень представленного риска обусловлена тем, что на практике частный партнер за счет собственных средств обеспечивает лишь до 30% от общего объема финансирования, остальные 70% представлены заемными средствами, которые требуют государственных гарантий [9].

Привлечения бизнеса в формирование спортивной инфраструктуры можно добиться с помощью некоммерческих организаций, которые зарекомендовали себя как социально ориентированные организации. Законодательной базой в использовании потенциала таких организаций может служить Федеральный закон № 275-ФЗ от 30.12.2006 «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». На практике это позволит получить следующие преимущества:

– активно привлекать внебюджетное финансирование спортивных объектов;

– стимулировать общественную инициативу в развитии физической культуры и спорта;

– снизить риски неэффективного управления финансами и нецелевого использования бюджетных средств;

– повысить ответственность за техническое и экологическое обоснование проектов спортивных сооружений, оптимизировать планируемые затраты;

– повысить качество исполнения работ и услуг;

– снизить стоимость объектов за счет экономии капитальных и текущих затрат в целом по реализации проектов строительства и реконструкции спортивных сооружений;

– использовать налоговые льготы, предусмотренные Федеральным законом № 275-ФЗ от 30.12.2006 «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»;

– не распределять прибыль НКО между участниками, а направлять на решение социальных задач, в том числе на повторное инвестирование в рамках ГЧП [10].

Некоммерческие физкультурно-спортивные организации решают целый комплекс задач:

– предоставляют населению физкультурно-спортивные и оздоровительные услуги;

– осуществляют пропаганду и популяризацию физической культуры и спорта среди населения;

– обеспечивают необходимые условия для физического совершенствования населения;

– участвуют в развитии физической культуры и спорта на территории Российской Федерации;

– реализуют региональные и государственные целевые программы в сфере физической культуры и спорта [10].

Анализ деятельности НКО на территории Российской Федерации показывает, что они на 50% зависят от внебюджетных источников. В условиях кризиса бюджетных ассигнований не всегда бывает достаточно для полноценной работы спортивной организации, поэтому данная проблема решается за счет благотворительных взносов и доходов от предпринимательской деятельности [9].

Некоммерческие организации в сфере физической культуры и спорта обладают некоторыми отличительными особенностями.

Во-первых, несмотря на то, что НКО могут вести предпринимательскую деятельность и, соответственно, получать от нее прибыль, они не могут аккумулировать заработанную при-

быль среди своих участников или управляющих [10]. Поэтому НКО объективно не ориентированы на коммерческую деятельность, а прежде всего руководствуются общественными и идейными соображениями. Финансовые расходы необходимы НКО в первую очередь для осуществления проектов, связанных с пропагандой и популяризацией физической культуры и массового спорта, обеспечением необходимых материально-технических условий для физического совершенствования населения.

Во-вторых, источники доходов НКО отличаются от таковых для государственных учреждений и коммерческих структур [11]. В частности, некоммерческими организациями используются добровольные пожертвования, а привлеченные волонтеры помогают существенно снизить затраты на содержание организации и оказывают содействие в проведении мероприятий.

В-третьих, главной особенностью в комплектовании кадров некоммерческих организаций является привлечение значительного числа добровольцев [11], которых нет в распоряжении коммерческих структур и которые менее интенсивно используются государственными учреждениями.

В-четвертых, условия налогообложения некоммерческих организаций намного благоприятнее, чем для всех видов коммерческих организаций [11]. Следовательно, создание некоммерческой организации является перспективным, так как имеется возможность почти неограниченного использования прибыли, полученной от ее деятельности, на уставные цели.

Некоммерческие организации в сфере физической культуры и спорта могут предоставлять следующие типы услуг:

– проведение занятий по физической культуре и спорту;

– проведение спортивно-зрелищных мероприятий;

– организация и проведение учебно-тренировочного процесса;

– предоставление физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений населению;

– информационно-консультативные и образовательные услуги;

– организация и проведение физкультурных и спортивных мероприятий в рамках Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) (за исключением тестирования, выполнения нормативов комплекса ГТО);

– оказание прочих спортивных услуг [12].

Заключение

На сегодня бизнес может оказывать государству поддержку в создании материальной базы для развития массового молодежного спорта. Этому способствует использование механизма государственно-частного партнерства (ГЧП).

Привлечения бизнеса в формирование спортивной инфраструктуры можно добиться с привлечением некоммерческих организаций (НКО), которые зарекомендовали себя как социально ориентированные организации. Государственно-частное партнерство с привлечением некоммерческих организаций на практике позволит получить ряд преимуществ: активно привлекать внебюджетное финансирование спортивных объектов, стимулировать общественную инициативу в развитии физической культуры и спорта, снизить риски неэффективного управления финансами и нецелевого использования бюджетных средств, повысить ответственность за техническое и экологическое обоснование проектов спортивных сооружений, оптимизировать планируемые затраты, повысить качество исполнения работ и услуг, снизить стоимость объектов за счет экономии капитальных и текущих затрат в целом по реализации проектов строительства и реконструкции спортивных сооружений, использовать налоговые льготы, направлять прибыль НКО на решение социальных задач, в том числе на повторное инвестирование в рамках ГЧП.

Вышеизложенное позволяет рассматривать государственно-частное партнерство с привлечением некоммерческих организаций в формирование ресурсного потенциала развития массового спорта как перспективный механизм повышения доступности массового спорта для молодежи в современной России.

Примечание

1. Опрос граждан РФ от 18 лет и старше 12 января 2014 г.; 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3.6%.

Список литературы

1. Ганин П.А. Проблемы развития массового спорта в России // Омский научный вестник. 2015. № 4. С. 239–240.

2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/

3. Постановление Правительства Российской Федерации о федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016 – 2020 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/420248844.

4. Итоги реализации ФЦП «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006 – 2015 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2009/191

5. «Путин выступил за сокращение финансирования профессионального спорта из бюджета» / Информационное агентство RNS. 11 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rns.online/sports-economy/Putin-vistupil-za-sokraschenie-finansirovaniya-professionalnogo-sporta-iz-byudzheta-2016-10-11/

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 г. № 540 г. «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Российская газета. 2014. Федеральный выпуск № 6405.

7. ГТО: Готов к труду и обороне или Горжусь тобой, Отечество. Как люди относятся к идее вернуть программу ГТО? И хотели бы попробовать сдать нормы ГТО? / ФОМ. 12 января 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11311

8. Дворовый спорт: специальный проект, по материалам сайта http://dvorsport.ru

9. Синько А.С. Проблемы обеспечения деятельности некоммерческих спортивных организаций финансовыми ресурсами // Молодой ученый. 2016. № 13. С. 509.

10. Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А. Государственно-частное партнерство: теория и практика. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 287 с.

11. Долгов А.А., Конгулов А.С., Ткаченко М.В. Рейтинг регионов ГЧП-2014. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2014. 13 с.

12. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2016. С. 100.

MECHANISM FOR INCREASING THE ACCESSIBILITY OF MASS SPORTS FOR YOUNG PEOPLE IN MODERN RUSSIA

A.A. Bolozin

Southern Federal University

The article deals with the development of mass sports in the Russian Federation. The aim of the work is to examine the mechanism for the development of mass youth sports in modern Russia. For this purpose, we have analyzed the materials of sociological research and a number of websites. The scientific novelty lies in the fact that public-private partnership involving non – profit sports organizations is considered as a resource for the development of «domestic sports», – the creation of free sports and mass infrastructure within walking distance (sports grounds in yards, non-profit sports clubs at the place of residence). The author makes the conclusion about the prospects of this mechanism in the formation of the resource potential for the development of mass sports and improving its accessibility for young people in modern Russia.

Keywords: mass sports, «domestic sports», GTO, youth, accessible «sports environment», non-profit organizations, public-private partnership.

УДК 316

МНОЖЕСТВЕННЫЙ НИЖНИЙ НОВГОРОД: В ПОИСКАХ ОБЩИХ ВЕЩЕЙ

© 2018 г.

А.Е. Солдаткин, А.А. Широков

Солдаткин Александр Евгеньевич, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
as@fsn.unn.ru
Широков Александр Александрович, магистрант программы «Фундаментальная социология» Московской высшей школы социальных и экономических наук
needeeds@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.06.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Цель состоит в анализе того, как жители Нижнего Новгорода видят свой город, из чего, по их мнению, он состоит и какие характерные черты имеет. Теоретически работа базируется на положениях акторно-сетевой теории и социальной типологии Д. Ло. Эмпирическую базу составили данные интервью с ментальным картографированием (*N*=16) и данные исследования «Изучение мнения граждан исторических городов в отношении историко-культурного наследия» (в Нижнем Новгороде *N*=200). Основные выводы состоят в том, что социальное пространство города сильно централизованно, большинство любимых жителями мест находятся в верхней части города. Можно выделить несколько позиций в видении сущностных черт Нижнего Новгорода, и только некоторые физические места проходят сквозь все эти позиции и являются общими для всех них. В таких условиях возникает ситуация, когда нет четкой ассоциации с городом, визитной карточки, а образ города для его жителей оказывается размытым.

Ключевые слова: город, пространство, место, акторно-сетевая теория, ментальное картографирование, образ города.

Вопрос о том, что такое город, наверное, не менее сложный, чем вопрос о том, что такое общество или «социальное». Причина этого, возможно, в том, что осмысление городского пространства происходит в общих теоретических рамках, которыми исследователь вооружен. В истории исследований города множество примеров его интерпретации самым различным образом, от постоянно развивающегося организма до поля классовой борьбы. Урбанистическая теория является частью социальной теории, т.к. у них общий язык [1, с. 15]. Однако тут встает вопрос: как именно мы понимаем городские проблемы, городские ли они вообще или это общесоциальные проблемы, особенно остро проявляющиеся в городах? Иначе говоря, что такого специфического в прилагательном «городской», что делает конкретный город именно им, а не чем-то другим? Ответу на подобные вопросы относительно Нижнего Новгорода и посвящен данный текст[1]. Нас в первую очередь интересует, существуют ли на повседневном уровне вещи (в широком понимании этого слова), которые могли бы стать общими, значимыми для всех горожан. Наше исследование – попытка ответить на вопрос: что позволяет называть такой современный город, как Нижний Новгород, единым целым, что создает основу для объединения всех его составляющих?

Город/район/место как эффект от сети отношений

Подходящим языком описания для данных задач нам видится акторно-сетевая теория (АСТ) и социальная топология Джона Ло. Данный подход позволяет не предопределять заранее, что такое город, а дать возможность самим акторам решать, в чем специфика конкретного города, из каких мест/событий/людей/идеологий и т.п. он состоит, это попытка рассмотреть город как технический объект [2]. Для акторно-сетевой теории объект – это «“производные” некоторых устойчивых множеств или сетей отношений» [3, с. 223]. В таком случае город можно представить как порядок отношений, гетерогенную сеть, состоящую из разнообразных акторов – людей (от мэра до дворника), материальных объектов, в том числе акторов-мест (площади, улицы, остановки и т.д.), и нематериальных объектов (особая духовность, присущая большим городам, идентичность горожан и т.д.). Продуктивность подобного взгляда во многом обусловлена той скоростью, с которой живут и меняются сегодня города. Как пишет Стив Маккуайр, «современный город – это медийно-архитектурный комплекс (media-architecture complex), возникающий в результате распространения пространственных медийных платформ и созда-

ния гибридных пространственных ансамблей» [4, с. 10].

Любопытно, что взгляд на город как на некоторый гибрид присутствует в нарративах самих жителей:

Город это вообще совокупность всего, что в нем есть и было когда-то, и людей, и строений, и всего прочего, то есть любой элемент делает его уже другим (женщина, 41 год);

Здесь все пересекается: люди, вещи, события. Здесь многие какие-то вещи начинаются и заканчиваются, и всегда как-то очень, ну, полярно – неполярно, но разнообразно (женщина, 42 года).

Город в целом или какой-то элемент его сети может обладать относительной автономией. Такие акторы функционируют как «черный ящик», который возникает, «когда множество элементов действуют как единое целое…» [5, с. 214], и настолько предсказуемо, что нам необязательно знать принцип их сборки или сцепки. В некотором роде такой характер приобрела продовольственная инфраструктура города, какой её описывает Кэролин Стил в своей работе «Голодный город», где она попыталась «приоткрыть» «черный ящик» еды в городе, проследив путь еды от поля до стола. «Чтобы прокормить города, нужны поистине титанические усилия. Материальные и социальные последствия этой непрерывной работы оказывают на нашу жизнь и нашу планету, пожалуй, большее влияние, чем любой другой вид человеческой деятельности. Тем не менее, большинство жителей Запада даже не замечает этого процесса. Еда появляется на наших тарелках, словно по мановению волшебной палочки, и мы редко хоть на мгновение задумываемся, как она там оказалась» [6, с. 12].

Другим примером может послужить район города, обладающий полноценной инфраструктурой: магазинами, кафе, парикмахерскими и всем прочим, а если еще прибавить к этому возможности Интернета и доставки на дом, то, в конечном счете, такой современный микрорайон может стать почти самостоятельным макрогородом на микроуровне. Тут можно вспомнить «Манхэттенизм» Рема Колхаса, описанный им как урбанизм скальпеля, одно из сечений которого он назвал «решеткой». «Решетка – или любая другая система деления территории метрополиса на максимальное количество различных режимов – описывает архипелаг из многих „городов внутри города“. Чем сильнее каждый „остров“ отстаивает свои особые ценности, тем больше укрепляется архипелаг как система. Поскольку “перемены” затрагивают только “острова” – компоненты, когда-либо пересматривать саму систему нет необходимости» [7, с. 312–313].

Определенные элементы сети играют особо важную роль в конструировании сущности объекта, то есть обладают большей силой, например для станции метро таким элементом будет поезд, именно он определяет сущность этого актора как одной из остановок в системе метрополитена, убери поезд – и остановка станет уже иным объектом. Такие технические объекты обладают чем-то вроде онтологического приоритета в сборке и переборке (reassembling) социального мира [8, с. 176]. Можно предположить, что для города подобными техническими объектами являются места.

Место – это «элементарный смысловой комплекс. Территория, воспринимаемая как неделимое единство» [9, с. 261], появляющаяся в результате наделения смыслом абстрактного, первоначально не дифференцируемого пространства. Исходя из акторно-сетевой теории, место следует рассматривать как акторскую сеть или как то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников [10, с. 303]. То есть при исследовании места необходимо принимать в расчет большую сеть подсоединений, побуждающих место действовать, и учитывать тех нечеловеческих посредников, что позволяют местам путешествовать, будь то фотографии в Интернете, сувениры, картины и т.д.

Исходя из АСТ, нельзя также заранее выделять места или их характеристики, необходимо дать слово самим акторам. «АСТ предпочитает пользоваться тем, что можно было бы назвать “инфраязыком”, единственный смысл которого, собственно, в том, что он позволяет перемещаться из одной системы координат в другую. По своему опыту я знаю, что это лучший способ услышать четко и ясно словарь самих акторов» [10, с. 46]. Концепт места кажется подходящим, так как нейтрален и используется людьми, они сами выделяют места и наделяют их смыслом.

Нашему концептуальному аппарату требуется еще одна составляющая, а именно – регион. Это «место мест. Смысловой комплекс, означающий территорию, которая объемлет элементарные места» [9, с. 261]. В своих отчетах акторы сами выделяют несколько элементов в группу, например – центр города. Термин достаточно формалистский, он позволяет не предполагать заранее, из чего состоят эти регионы, а дать возможность самим акторам наполнить его содержанием и определить масштаб. Например, такой сетью мест может быть как более глобальный центр города, «верхняя» или «нижняя» часть города, так и нечто более локальное – пешеходная улица, включающая несколько мест. Однако «не следует никогда принимать на веру

Таблица

Ассоциации, связанные у горожан с Нижним Новгородом, %*

Кремль	32.2
пл. Минина	10.1
Волга	9.0
Ярмарка	8.0
Стрелка	7.5
Чкаловская лестница	7.5
ул. Б. Покровская	7.0
Ока	4.5
Дом	4.0
Автозавод	3.5
Максим Горький	3.5
Памятники	3.5
Реки	3.5
Парки	3.0
Мосты	2.5
Красивый город	2.0
Козьма Минин	2.0
пл. Максима Горького	1.5
Городские пейзажи	1.0
Затрудняются ответить	10.1
Другое	30.7

* Рассчитано от числа ответивших.
Данные предоставлены НИЦ ЭОН

господствующие, как бы самоочевидные представления о территориях, регионах, зонах, местах и т.п. <…> …мы начинаем изучать то, что иные принимают за самоочевидное. Мы находим, возможно, что реальных членений пространства, сказывающихся на поведении и взаимодействии людей, несколько и что они сложным образом пересекаются, перемешиваются между собой, не давая возможности отобразить картину происходящего в ясных и отчетливых терминах…» [9, с. 252]. Поэтому причины, по которым некоторая ассоциация мест воспринимается как регион, требуют эмпирического выяснения в каждом конкретном случае.

Итак, основной концепт, который мы позаимствуем из акторно-сетевой теории для нашего исследования, это актор-сеть, им опишем явления разного уровня (город/район/место). Так как действие – это свойство сети, а не отдельных её элементов, в каждом конкретном случае нам придется эмпирически выявлять звездообразную (сетевую) форму явления и прослеживать связи с другими местами и событиями.

Сильный, но старый центр и слабая периферия

Прежде чем описывать саму сеть, необходимо дать набросок того фона, на котором она располагается. Городское пространство Нижнего Новгорода весьма неоднородно и разделено на две неравные части рекой. По сути это два разных города, не слишком хорошо связанных между собой тремя автомобильными мостами и одним метромостом. Транспортная ситуация в Нижнем Новгороде оставляет желать лучшего: пространственная структура очень рыхлая, недостаточно дорог, дублирующих основные магистрали, а как показывают проведенные нами интервью, пробки – одна из главных ассоциаций с Нижним Новгородом у его жителей.

Среди мест, без которых Нижний Новгород, по мнению жителей, нельзя представить, выделяется регион, который сами респонденты в большинстве случаев называют центром города. Это три места, физически переходящие одно в другое: Нижегородский кремль, улица Большая Покровская, площадь Минина и Пожарского.

Эти ассоциации являются весьма устойчивыми, что подтверждается данными ряда независимых друг от друга исследований, проводившихся на протяжении разных лет. По данным исследования НИЦ ЭОН (табл.), в тех исторических городах, где есть кремль, он является центральным, доминирующим элементом в образе города. Нижний Новгород, с одной стороны, следует этой тенденции, кремль является символом города почти для трети его жителей. Но вместе с тем кремль с территориально прилегающими к нему объектами сопоставим по степени популярности с целым рядом других объектов, которые в данном исследовании объединились в категории «другое».

Повышенное значение для нижегородцев имеют площадь Минина (10%), а также река Волга (9%). Кроме того, среди ключевых символов, формирующих образ города, фигурируют (примерно с равной частотой упоминания) Ярмарка, Стрелка, Чкаловская лестница и улица Большая Покровская: о них вспоминают, говоря о городе, от 7 до 8% нижегородцев. Нижний Новгород ассоциируется с домом у 4% горожан. Менее 4% упоминаний связаны с автозаводом, М. Горьким, памятниками, реками, парками и прочим.

Данные качественного характера, полученные в ходе нашего собственного исследования, позволяют раскрыть многофункциональность образа кремля, по крайней мере, применительно к Нижегородскому кремлю. Во-первых, кремль имеет мощное символическое значение, определенный сакральный смысл, внутри находится Вечный огонь, а прямо за стенами несколько памятников. «Памятник маркирует некий локус публичного пространства, выключает его из обыденности, придает ему особенную прагматику. Теперь здесь выделенное пространство ритуала» [11, с. 5]. К таким ритуалам относятся возложение цветов к Вечному огню, фотогра-

фирование, особенно свадебное, шествие от памятника Чкалову через кремль к набережной Федоровского – традиционный путь молодоженов. Во-вторых, символическое значение дополняется политическим: внутри кремля располагаются официальные резиденции губернатора Нижегородской области и мэра Нижнего Новгорода, там проходят многие значимые политические события. В-третьих, площадь прямо перед кремлем – основное место проведения массовых мероприятий, вроде празднования Дня города или Нового года. И тут же проходят почти все большие концерты под открытым небом. В-четвертых, в районе этих мест много кафе, ресторанов, магазинов и других мест развлечений, шопинга и досуга. Наконец, в-пятых, здесь «просто красиво», в отличие от окружающего, повседневного пространства, не выделяющегося эстетически.

Здесь строятся красивые места, также играет большую роль коммерция, потому что это магазины и т.д. Плюс открывается вид на Стрелку, наверное, это самое удобное место обозрения на нижнюю часть города и, в общем-то, на верхнюю, если встать на какую-то вышку. Плюс исторические события, которые произошли, то есть кремль, который находится на горе, на склоне, это удобно географически и совпадение с культурными какими-то достопримечательностями (женщина, 19 лет).

Таким образом, центр является одним из главных мест проведения досуга и прогулок. Немаловажно, что эти места вписаны в более широкую сеть истории и являются одними из основных исторических достопримечательностей. Историю как одно из оснований для гордости нижегородцев выделяли, по данным ранее проведенных исследований, до трех четвертей горожан. Строительство кремля и Нижегородское ополчение 1611–1612 гг. считают одними из основных событий, определивших образ Нижнего Новгорода в сознании нижегородцев [12, с. 51]. Однако большинство исторических фактов об истории города, которые известны нижегородцам, в основном связаны с национальной историей, например то же ополчение Минина и Пожарского. Знание исторических событий именно городского значения мало распространено среди нижегородцев [12, с. 52].

Как показывают другие исследования, «нижегородцы чаще высказываются о ценности постройки в том случае, если она имеет известное историческое прошлое» [12, с. 56]. То есть когда место вплетено в широкий историко-культурный ансамбль, осознаваемый горожанами, оно выигрывает от надежных связей с большим числом мест. Поэтому наличие определенного исторического или культурного контекста важно, чтобы место стало значимым для жителей:

Значимое место для города – это там, где происходило что-то важное, какие-то исторические события, потому что если построили просто красивое здание или церковь, никакой значимости, кроме красоты, оно нести не будет. Там должен быть какой-то подтекст, исторический или культурный (женщина, 19 лет).

Границы центра Нижнего Новгорода в восприятии жителей оказываются достаточно расплывчатыми. Хотя в разговоре респонденты дают какую-то характеристику центра как такового, его черт, иногда даже почти определение, но, как правило, все уходит в описание одних и тех же мест: кремля, пл. Минина и Пожарского, ул. Большая Покровская:

Центр города это самая оживленная часть города, самая развитая в культурном плане, в архитектурном плане, самая красивая зачастую. И как бы самая наполненная жизнью, вот я бы так сказал. У нас это пл. Минина, и её окрестности (мужчина, 21 год).

Однако если попросить респондентов провести границу графически на карте города, то туда может попасть большое количество других объектов (рис. 1). С одной стороны, это может быть свидетельством плохого знания географии города, но с другой – говорит о том, что центр – в большей степени конкретные места, а не территория. И эти три места повторяются во всех вариантах предполагаемых границ.

Иногда в ходе исследования нижегородцы выделяли два центра города, причем вторым центром выступала локация под известным всем нижегородцам названием «центр Сормова». Про Сормовский район можно сказать, что это город внутри города, или метагород в урбанизированной среде. Главная характеристика таких образований – «большая по сравнению с соседними территориями активность городской жизни, наложение различных функций, более активные процессы обмена между горожанами» [13]. Во многом Сормовский район является таковым благодаря наличию полноценной инфраструктуры: большого количества кафе и ресторанов, нескольких крупных ТРЦ, кинотеатров и приятных мест для прогулок, вроде Сормовского озера и парка (последний, кстати говоря, одно из самых любимых мест для прогулок среди нижегородцев вообще, его отмечают 40% жителей):

Если бы там (в центре Сормова. – *Авт.*) *не было пробок – это было бы вообще ангельское место. Потому что там красивые крутые дома есть, там хорошие торговые центры, ну, там*

Рис. 1. Предполагаемая жителями граница центра города

вообще все есть на самом деле. Центр Сормова это крутое место. Кстати, Сормово сейчас хорошо развивается, именно в центре, потому что из Сормова можно не выезжать (мужчина, 20 лет);

Я просто сама еще живу в Сормовском районе, с детства, то есть это для меня родной район, он такой зеленый, мне очень там еще нравится, особенно наш Сормовский парк (женщина, 27 лет).

Сормово, как и Канавино, были отдельными населенными пунктами, известными еще с XVI века. В 1928 году они вошли в состав Нижнего Новгорода в качестве районов. Однако в дальнейшем соответствующая инфраструктура была создана только в Сормовском районе, поэтому говорить о Канавинском как о таком же метагороде не приходится. «Сормович» – это еще и специфическая идентичность, присущая некоторым жителям данного района:

Вот центры наверху, вы там спросите: кто тут тусуется? Вам скажут – нижегородцы. А вот в центре Сормова ответят – сормовичи. Даже когда они ведут праздник день города, день вроде Нижнего Новгорода, но там активно употребляется слово «сормовичи», именно «сормовичи», у них там своя газета есть «Сормович», какие-то конкурсы, с этим связанные, короче говоря, такая вот разница с другими районами (женщина, 26 лет).

Именно по этой причине центр Сормова нельзя считать чем-то общим, что скрепляет Нижний Новгород. Это место является таковым для жителей данного и, возможно, некоторых близлежащих районов, но не города в целом. Из-за отсутствия подобных общих мест, распределенных по территории Нижнего Новгорода, социальное пространство города сильно централизованно, большинство любимых жителями мест находятся в верхней части города (рис. 2). Любопытно, что многие мосты были отмечены в качестве любимых мест, как оказалось, мосты – это одна из первых ассоциаций с Нижним Новгородом.

Мосты обеспечивают транспортную связность между районами Нижнего Новгорода, но вместе с тем река Ока, над которой они возведены, делит город на две части – «верхнюю» и «нижнюю». Это разделение широко осознается нижегородцами как не просто географическое, но социокультурное:

Нижний Новгород – это два города, нижняя и верхняя часть. У нас, наверное, 70% офисов, университетов наверху, музеев внизу, по-моему, вообще нет адекватных. Все такие вещи находятся наверху. Вся движуха наверху, а снизу это огромная промышленная и спальная база (мужчина, 20 лет).

Одним из аспектов социокультурного разделения выступает характер описания города. Верхняя его часть описывается жителями более точечно, детализированно, конкретными местами, тогда как нижней, как правило, дается общая характеристика даже теми, кто регулярно

Рис. 2. Любимые места жителей Нижнего Новгорода

там бывает. Большая часть территории города бедна на осознаваемые и транслируемые социальные смыслы. Данное социокультурное разделение воспроизводится в целом ряде нарративов, различных по своему происхождению и целевой аудитории.

К примеру, один из гидов по интересным местам Нижнего Новгорода, который можно найти в различных гостиницах, хостелах, ресторанах, арт-пространствах, музеях и т.п., декларирует, что критерием отбора объектов для включения в гид выступает «особая атмосфера, уникальные преимущества, отличающее то или иное место от других» [14]. Если же проанализировать содержание гида, то выяснится, что большинство таких мест находится в верхней части города.

Эта тенденция сохраняется и в сетевых новых медиа: при поиске изображений в поисковых системах по запросу «Нижний Новгород» в первую очередь будет выдано большое количество фотографий кремля, площади Минина и Пожарского и набережных. Примерно тот же набор изображений можно найти, зайдя на страницу города в Википедии. Более того, даже отметка о местонахождении объекта в сетевых картографических сервисах карт, вроде Google или Yandex, будет стоять на площади прямо перед кремлем, если в поиске задать «Нижний Новгород».

Если брать исходя из того, куда бы я хотел вообще пройтись по городу, что-то посмотреть и рассказать о том, что я знаю о городе, то это, в любом случае, пройтись по Покровке. Нижний – это Покровка, потому что это как такой подход к кремлю. По ходу которого, если идешь с человеком, ты можешь о многом поговорить, поговорить именно о Нижнем, направо, налево, какие-то интересные здания, тот же банк. Тут недалеко и набережная, с которой можно рассказать о самом главном в Нижнем, это слияние двух рек, Волги и Оки (мужчина, 27 лет).

Слияние рек также является важным объектом и захватывает целую сеть из набережных, т.к. их упоминают в связи с красивым видом на реки. Ландшафты, красоту города как основание для гордости отмечают более половины нижегородцев. Однако река, как и природный ландшафт, не обладает уникальностью, она разделяется всеми и характерна для многих поселений, поэтому и не создает основы для формирования сообщества или самоидентификации себя как жителя данного конкретного города:

…Вот то, о чем говорят, что он (Нижний Новгород. – *Авт.*) *такой красивый, что он же на реках… Братцы, Казань на реке, Новосибирск на реке, Пермь на реке, у них, кстати, тоже нижняя часть – заводская. И, да, это красивые ландшафты, да, их не убили, ну, отличное достижение* (женщина, 26 лет).

Таким образом, только центр города (в его узком смысле) является общим актором городской сцены. Об этом регионе можно сказать как об общественном пространстве, где город осознает себя городом, такие места формируют ощущение себя как городского жителя. Однако

Рис. 3. Основания для гордости нижегородцев, % [15, с. 74]

подобная централизация не всегда хороша для эффективной работы сети, ведь тогда образуется то, что Бруно Латур назвал «обязательной точкой прохождения», а как показали наши исследования транспортной инфраструктуры Нижнего Новгорода, передвижения по нему, особенно в направлении центра, весьма затруднены.

В поисках общих вещей города: неопределенность образов

В поисках других общих вещей, объединяющих Нижний Новгород, мы начнем с восприятия самого города. Он описывается жителями как большой, добрый (доброжелательные люди), серый (скучный), спортивный, грязный, исторический. Одна из главных метафор, которая связана с Нижним Новгородом у его жителей, – это «большая деревня»:

Нижний, может, грубо так звучит, но это большая деревня. Потому что город сам по себе большой, но как-то все друг друга знают и у нас, можно, в принципе, из любой точки добраться достаточно быстро. Все где-то пересекаются, либо ты где-то учился с этим человеком, либо ты знаешь его друга либо соседа, в общем, как-то так все пересекается. В большинстве случаев, все равно у тебя есть десяток точно каких-то общих знакомых, которые там еще с кем-то знакомы из твоего окружения. Скорей всего, это университеты, институты, вот это студенчество, наверное (женщина, 27 лет).

Уловить уникальные черты Нижнего Новгорода оказывается достаточно сложно, если о какой-то уникальности и шла речь, то, как правило, она связывалась с исторической ролью города. Нередко жители говорят о нем как о типичном городе-миллионнике или обычном городе средней полосы, в том смысле, что в его чертах нет ничего необычного:

Типичный… ну, это просто город-миллионник, многофункциональный, с разной культурой, с налаженной какой-то миграцией, представляющий собой где-то центр культуры, досуга самое главное, центр потребления, предлагающий инфраструктуру для того, чтобы, в общем-то, профессионально развиваться и хорошо тратить деньги. В самом общем смысле, да, это типичный крупный город (женщина, 26 лет).

Образ самих нижегородцев достаточно противоречив и расплывчат. Кто-то говорит, что нижегородцы – очень добрые и отзывчивые люди, другие же, наоборот, отмечают, что это грубые, зачастую невоспитанные и часто ругающиеся матом люди. Поэтому по поводу сущностных черт нижегородцев также нет согласия, а их специфический характер и нравы не являются предметом гордости (рис. 3). Продол-

жим поиски общих вещей в наиболее распространенных основаниях для гордости, т.к. анализ объектов, вовлеченных в большое количество связей, может указать на «значимые составляющие городской жизни, способные создать основу для объединения города в единое целое и обладающие наибольшим ресурсом мобилизации» [16, с. 297]. На подобную роль претендует история, но, как мы уже показали, интерес именно к истории города, а не национальной истории, довольно низок. Почему такой общей вещью не могут быть ландшафты и природные красоты города, также было написано выше – это не нечто уникальное, присущее только этому городу.

Остановимся чуть подробнее на культуре как основании для гордости нижегородцев. При разговоре о культурном наследии Нижнего Новгорода речь заходит про конкретные имена, А. Пушкина и М. Горького:

При рассказе о Нижнем Новгороде обязательно бы про Горького рассказала, наших известных жителей, меценатов. К нам по большому счету иностранцы ездят много ради Горького. У нас ведь три горьковских музея, еще неплохой художественный музей, очень неплохой (женщина, 42 года).

Хотя эти личности вызывают интерес у большинства жителей города [12, с. 53], как правило, дальше общих стереотипов речь не заходит. «Про Максима Горького нижегородцы могут говорить много и легко, но не все знают, что Максим Горький – псевдоним Алексея Пешкова. Некоторых молодых людей в тупик ставил вопрос: “Какое имя Горького настоящее – Алексей или Максим?”» [12, с. 54]. Промышленность как основание для гордости гораздо менее распространена, но периодически проскальзывает в рассказах:

Тому, кто ни разу не был в Нижнем Новгороде, я бы рассказала, что именно здесь делают машину «Газель», а не где-то, то, что «Волги» и «Чайки» тоже делали у нас. И эти подводные лодки, самолеты, машины являются предметом гордости для нижегородцев (женщина, 41 год).

По мнению нижегородцев, строительство Горьковского автозавода и роль города в качестве «кузницы победы» в 1941–1945 гг. принадлежат к числу главных событий, определивших образ Нижнего Новгорода. Однако сегодня этот актор лишен былой силы, и такой завод, как «Красное Сормово», мало кто отмечает как важное для города место, а многие даже и не знают о нем [12, с. 50]. Хотя существует несколько проектов, которые стремятся популяризировать разные значимые факты истории города [17], в том числе промышленность, стоит признать, что она также пока не является частью общей сети.

Таким образом, если по поводу пространства города, его мест и красот есть некоторое единство мнений, примерно одно и то же называет большинство жителей, то по поводу других значимых элементов этой сети представления расходятся:

Я как-то раз ехала в поезде дальнего следования. Одна из женщин, которая была из города Петрозаводск, спросила нас: Нижний Новгород, а чем в нем занимаются? У нас несколько человек сидело в это время рядом, и мы, вроде, ну, как чем. Вроде автозавод, но это не то, чем можно гордиться, вроде ярмарка, но это тоже, вроде история, ну, и в общем непонятно. Вроде как пытаемся стать IT-центром, многие из нас работали в этой сфере. Вот, а дело в том, что она до этого совершенно с упоением рассказывала о своем Петрозаводске, собственно, им очень легко сформулировать образ города, потому что там есть завод, вот этот самый Петров, более 100 лет назад построенный, и вокруг него крутится вся жизнь (женщина, 26 лет).

Можно выделить несколько позиций в видении сущностных черт Нижнего Новгорода. Главная характеристика первой – отсутствие уникальности города, в нем вроде бы все есть, но он ничем особенным не отличается от других подобных городов. Вторая позиция – апелляция к культурному наследию города. Наконец, третья – Нижний Новгород как промышленная/автомобильная столица. В таких условиях возникает ситуация, когда нет четкой ассоциации с городом, визитной карточки, а образ города для его жителей становится размытым. Только некоторые физические места вовлечены в большое количество связей, обладают большим ресурсом мобилизации и являются общими вещами горожан. Эти места частично связаны с разными представлениями о городе и, так или иначе, проскальзывают в каждом из них. Нижний Новгород в большей степени конституируется своим физическим обликом, находится, скорее, в евклидовом пространстве. В некотором роде, Нижний Новгород – это то, что можно увидеть, передвигаясь по нему.

Примечание

1. Основой для работы послужили материалы следующих исследований:

1) Интервью с ментальным картографированием (N=16, выборка половозрастная и по району проживания), а также 2 фокус-группы с групповым картографированием со студентами 1-го и 2-го курсов факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

2) Проект «Изучение мнения граждан исторических городов в отношении историко-культурного наследия», НИЦ ЭОН, 2011 (при реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 года №300-рп; материалы исследования предоставлены НИЦ ЭОН).

Список литературы

1. Трубина Е.С. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

2. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–39.

3. Ло Д. Объекты и пространства // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 223–243.

4. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство / Пер. с англ. М. Коробочкин. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.

5. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. К. Федоровой; Науч. ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013. 414 с.

6. Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь: Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014. 456 с.

7. Колхас Р. Нью-Йорк вне себя: Ретроактивный манифест Манхэттена: Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2013. 336 с.

8. Вахштайн В.С. Рецензия на книгу: Колхас Р. Нью-Йорк вне себя. М.: Strelka Press, 2013 // Социология власти. 2013. № 3. С. 163–179.

9. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.

10. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

11. Утехин И.В. Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. М.: Strelka Press, 2013. 24 с.

12. Иудин А.А. Эмоциональные и познавательные ресурсы бренда: нижегородцы о Нижнем // Бренд Нижегородской области: предпосылки и концепция формирования. Нижний Новгород: Изд. НИСОЦ, 2012. С. 49–60.

13. Ревзин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. Метагорода в стране Москва // Археология периферии. М.: ООО «Принтмаркет», 2013. С. 306–314.

14. Гид по интересным местам Нижнего Новгорода. Выпуск третий [online]. URL: http://issuu.com/77182/docs/guide_of_interesting_places_in_nizh_3ddc48d2e3202b (дата обращения: 12.02.2015).

15. Чернявская О.С. Нижний Новгород глазами нижегородцев: внутренний образ города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1. С. 69–76.

16. Хархордин О., Алапуро Р., Бычкова О. Инфраструктура свободы: общие вещи и respublica: Коллективная монография. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013. 352 с.

17. Индекс 603 [online]. URL: https://vk.com/indeks603 (дата обращения: 11.02.2015).

MULTI-FACETED NIZHNY NOVGOROD: IN SEARCH OF COMMON THINGS

***A.E. Soldatkin*[1], *A.A. Shirokov*[2]**

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2] Moscow School of Social and Economic Sciences

The paper focuses on the perception of Nizhny Novgorod by its citizens, the citizens' opinion on the spatial structure of the city and its specific features. Theoretically, the paper is based on the actor-network theory and Law's social typology. The empirical base of the research is comprised of interviews with mental mapping (*N*=16), and survey data from the project «Opinions of historical cities' residents concerning the cultural heritage» (for Nizhny Novgorod, *N*=200). The research findings suggest that the social space of Nizhny Novgorod is significantly centralized; the most preferred locations concentrate in one («upper») part of the city. Several key positions can be distinguished among the substantial features of Nizhny Novgorod, but only few physical places are common for all of them. In such conditions, the city lacks a key representation, and its image for the citizens remains blurred.

Keywords: city, city image, urban space, place, actor-network theory, mental mapping.

УДК 316

ПОВТОРНЫЕ БРАКИ В ЭКОСИСТЕМЕ СЕМЬИ

© 2018 г.

Л.С. Курносова

Курносова Лариса Станиславовна, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kur-larisa@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.05.2018
Статья принята к публикации 18.07.2018

Рассматривается, как повторные браки меняют экосистему семьи. Они включают и «осколки» прежних семей и родственных отношений, и новые элементы. Взаимодействие внутри семьи усложняется за счет появления новых статусов. Внешняя среда растет за счет присоединения новых родственников. Семьи супругов в повторном браке можно охарактеризовать по некоторым линиям взаимоотношений как находящиеся в нормативном вакууме из-за отсутствия выработанных обществом соответствующих устойчивых моделей поведения. В ходе работы использовались системный подход и интерпретация данных эмпирического исследования, проведенного под руководством автора.

По результатам анкетирования на тему «Восприятие нижегородцами, состоящими во втором браке, повторных браков» среди мотивов для вступления в новый брак лидировали: страх одиночества, беременность вне брака, желание иметь близкого по духу человека и брак по любви. Были рассмотрены ожидания от повторного брака и требования, которые предъявлялись к партнерам. В целом отношение нижегородцев к повторным бракам было положительным. Самые распространенные трудности, по мнению респондентов: конфликтность собственного характера и разочарование от первого брака. Относительно адаптации детей от первого брака почти каждый четвертый респондент заявил о возникновении острых конфликтов ребенка с новым партнером родителя.

Ключевые слова: повторный брак, экосистема семьи, восприятие повторных браков, ролевые модели.

Среди проблем, связанных с изменением брачных отношений в современном обществе, выделяют: снижение уровня брачности, рост уровня разводов, рост сожительств и повторных браков. Два последних пункта тесно связаны с двумя первыми и часто из них вытекают.

Люди стали жить дольше, а один брак не охватывает теперь всю жизнь человека. После разводов вступление в новый брак связано с рядом проблем, которые переносятся в семью, во взаимоотношения ее представителей. Если рассматривать семью как экосистему, то можно разделить проблемы на внутренние (системные) и внешние, то есть связанные с окружением семьи. Системные – те, которые касаются взаимодействия внутри самой ячейки общества: супругов, родителей и их детей, детей друг с другом. Важнейшее место во внешней среде занимают родственники: родители супругов, их братья и сестры, более отдаленная родня, а также родственники по браку всех вышеназванных.

Можно сказать, что повторные браки существенно меняют экосистему новой семьи. Она включает как «осколки» предыдущих экосистем, так и новые элементы, что усложняет и внутрисемейные отношения, и внешние (прежде всего родственные). На многие вопросы общество не выработало ответов. Как должны общаться отчим и родной отец детей? Необходимо это взаимодействие или они должны избегать друг друга? Что из этого лучше для ребенка в повторном браке? Можно ли данные отношения нормировать с целью гармонизации воспитательной функции семьи? *Гипотеза исследования*: повторные браки можно охарактеризовать по некоторым линиям взаимоотношений как находящиеся в нормативном вакууме. *Цель исследования* – выявить влияние повторных браков на экосистему семьи и аспекты брачно-семейных отношений, которые наиболее подвержены риску со стороны этого нормативного вакуума.

Исследования повторных браков в современной России можно начинать с работ А.Г. Харчева и М.С. Мацковского. В настоящее время исследованием изменения брачных отношений заняты Т.А. Гурко, А.И. Антонов, В.М. Медков, И. Голод, А.Р. Михеева, З.Х. Саралиева, Н.Ю. Егорова и многие другие. Доля повторных браков в общем числе растет и достигает, по оценкам некоторых исследователей, свыше четверти от общего числа заключенных браков [1]. Даже если их доля будет зафиксирована на этом уровне, речь идет о значительном числе семей, образованных на базе повторного брака. По утверждению Т.А. Гурко, Россия относится к странам с высоким уровнем повтор-

ных браков, что связано как с относительно высоким числом вступающих в них, так и высоким уровнем разводящихся [2]. Несмотря на эту динамику, социологи обычно рассматривали эти браки в общей системе брачных отношений, что недостаточно. Сегодня семьи на основе повторного брака начинают изучаться все более активно, и не только в социологической науке, а, например, в психологии, так как можно говорить о росте обращений за психологической помощью родителей и детей в повторном браке. Консультации подобного рода становятся все более востребованными, что говорит о необходимости изучения феномена повторного брака и семейно-родственных отношений на его основе.

Типологизировать повторные браки и семьи на их основе можно по разным основаниям. Наиболее важными показателями можно считать: является ли этот брак повторным для одного или обоих супругов; есть ли у одного или обоих супругов дети от предыдущих браков; есть ли в повторном браке у супругов общие дети; оказывается ли материальная поддержка ребенку, реальное присутствие ушедшего родителя и т.д. Официальная статистика (например, при переписях) не учитывает, в каком по счету браке состоит человек, рождены его дети в одном или нескольких браках и в каком именно. Вследствие этого невозможно оценить долю каждого вида выделенных браков. Автор дает типологию только по наличию/отсутствию детей у вступивших в повторные браки, что дает возможность оценить повышение объема и сложности отношений в семье, основанной на повторном браке.

Если в повторный брак вступают люди, у которых нет детей, то такой брак и семья на его основе имеет последствия в виде особенностей взаимоотношений супругов из-за негативного опыта в распавшемся браке, но в целом такая семья минимально отлична от тех, что созданы на основе первых браков. К этим бракам можно отнести и те, которые являются повторными только для одного из супругов, но детей у обоих нет.

Другой тип – браки, которые являются повторными для одного из супругов, и дети у него есть. Соответственно важно, где находятся эти дети. Они могут входить в новую семью на основе повторного брака или остаться со вторым разведенным родителем или другими родственниками. Этот вид брака похож на самый распространенный вариант – женщина с детьми в повторном браке, но тут для мужа этот брак первый. В таком браке опыта отцовства у мужа нет, что может повлечь проблемы во взаимоотношениях с детьми жены. Он отчим, который никогда не был отцом, и соответствующие модели поведения отца им на личном опыте не опробованы. Но родителем с ребенком, вступающим в повторный брак, может быть и мужчина. Чаще это происходит, если он вдовец. В этом случае опыта материнства нет у жены.

Еще один тип – браки, которые являются повторными для обоих супругов, и у обоих есть дети. При разводе дети в России почти всегда остаются с матерью. При вступлении её в повторный брак новая семья будет включать: жену, детей жены от предыдущего брака и мужа, чьи дети воспитываются его бывшей женой. При вступлении в повторный брак мужчины новая семья будет состоять из мужа (дети которого остались с матерью), жены, её детей. В новых браках могут родиться совместные дети. Можно предположить, что повторные браки с наличием детей у обоих или одного из супругов занимают самый большой сегмент среди семей на основе повторных браков в российском обществе.

Так как дети редко остаются после развода с отцом, то семья на основе повторного брака редко включает детей предыдущего брака и матери, и отца. Чаще всего это дети жены от предыдущего брака, а дети мужа проживают отдельно со своей матерью, но возможен вариант, когда дети от предыдущего брака проживают с отцом. В таком браке к проблемам взаимоотношений отчим – дети, мачеха – дети добавляются проблемы взаимоотношений между детьми от предыдущих браков супругов, а также проблема справедливого отношения к вновь обретенным детям. Последнее актуально и для отношений с детьми от прежнего брака.

Кроме описанных основных вариантов могут быть и другие, которые встречаются совсем редко и еще не изучены. Например, оба супруга, вступивших в повторный брак, имеют детей от предыдущего, но все дети проживают с другим своим родителем или родственниками. Рассмотреть все варианты физически невозможно из-за большого числа переменных, которые можно и нужно учитывать, анализируя эти браки и семьи на их основе. Например, возраст: возраст каждого из вступающих в повторный брак, возраст детей и их реальное место проживания. В случае отдельного проживания важно, оказывается ли детям материальная поддержка, а также реальное присутствие в жизни детей не проживающего с ними родителя. Наличие значительного круга родственников или отсутствие такового, их проживание поблизости или отдаленно (невозможно непосредственное воздействие и участие в жизни семьи, основанной на повторном браке). Супруги разных национальностей и/или вероисповеданий в повторном браке и т.д. Типологизации повторных браков и

семей, на них основанных, по какой-то одной переменной желательно отразить в отдельном исследовании в силу многочисленности этих переменных и соответствующих типов браков.

Итак, возьмем наиболее вероятные (в совокупности) для российских условий повторные браки для одного/обоих супругов, когда дети одного/обоих включаются в новую семью. Такие семьи сложнее по структуре. Кроме традиционных статусов: мать, отец, сын, дочь – они включают новые статусы: отчим, мачеха, пасынок, падчерица, сводный брат, сводная сестра. В выстраиваемых отношениях многое зависит от людей, создающих семью, но очевидным фактом является то, что устойчивых и признаваемых обществом ролевых моделей к этим статусам в современном российском обществе не выработано.

Нет ролевых моделей и для новых отношений родства по браку. Дети жены/мужа от предыдущего брака могут игнорироваться родителями и другими родственниками второго супруга, но могут и включаться в семейно-родственные отношения. Для детей от предыдущих браков число новых родственников существенно возрастает, но устоявшихся образцов поведения, на которые мог бы опереться ребенок, тоже нет. Хорошо, если супруги понимают сложность положения ребенка от предыдущего брака и работают над отношениями в семье и с родственниками, но ожидать этого от всех утопично.

И совсем уж редко задумываются над отношениями детей, рожденных в повторном браке, с родственниками своих сводных братьев и сестер (особенно если те проживают отдельно с другим своим родителем). Чаще всего это дети мужа от предыдущего брака. Если бывшие супруги «расстались плохо», то сводные братья и сестры могут никогда и не увидеть друг друга или находиться в конфликтных отношениях вследствие враждебной позиции бывшей супруги и ее родственников.

Сужение и ослабление родственных контактов семьи в современном обществе, а также сокращение размера самих семей упрощает эту проблему, так как позволяет не контактировать с вышеупомянутыми родственниками или игнорировать сложные взаимоотношения, но на формировании личностей детей в той или иной степени все эти сложности не могут не отразиться. И эта степень выше, если отношения родственников от предыдущего брака и повторного конфликтны, а проживают они поблизости. Можно сделать вывод, что семьи, основанные на повторных браках, находятся в ситуации вакуума моральных норм для некоторых форм внутренних отношений и взаимодействия, а также родственного окружения.

Советская статистика фиксировала более высокий уровень разводов для повторных браков, что естественно в условиях вакуума поведенческих норм. Обществу не может быть безразлична эта ситуация, так как роль повторных браков в воспроизводстве населения и воспитании детей возрастает соразмерно их численности.

В ноябре 2016 – январе 2017 г. под руководством автора было проведено эмпирическое исследование методом анкетирования на тему «Восприятие нижегородцами, состоящими во втором браке, повторных браков» [3]. Выборка: районированная по методу квот (пол, возраст). Объем выборки составлял 192 человека (96 мужчин и 96 женщин в возрасте от 20 до 55 лет). Все опрошенные состояли во втором браке.

Среди мотивов для вступления во второй брак условно выделены три группы причин. Первая группа имела самый низкий индекс согласия и самый высокий – несогласия, а лидером был «страх одиночества» (пятая часть ответивших мужчин и женщин старше 25 лет).

Во второй группе причин женщины выделяли беременность вне брака и желание иметь близкого по духу человека. Мужчины указали, что для них гораздо комфортнее брак с близким по духу человеком.

Брак по любви основным мотивом выбирала самая молодая группа респондентов до 25 лет (третья группа причин). Эта группа имела наибольший индекс согласия.

Оценка ожиданий от повторного брака: создать прочную семью – 36%, получить положительные эмоции – 32%, обеспечить финансовую стабильность – 18%. Последний показатель выглядит низким, с точки зрения здравого смысла, что может быть связано с нежеланием людей выглядеть меркантильными.

При оценке требований, которые предъявляются к партнеру при заключении повторного брака, и мужчины и женщины полагали необходимыми следующие характеристики: понимание, близость по духу, уважение, ответственность и преданность. Перечисленные оценки позволяют говорить о том, что и мужчины и женщины, вступая в повторный брак, стремятся от семьи получить покой, уют и уверенность в будущем.

Если учесть гендерный аспект, картина несколько усложняется. Требования, по которым обнаружены самые существенные расхождения у мужчин и женщин, – отзывчивость, здоровый (активный) образ жизни, сексуальные качества, внешние данные. Самый высокий показатель для мужчин – это понимание. В сочетании с вышеперечисленными требованиями вырисовывается мужской стереотип идеальной жены.

Женщины, прежде всего, ждут уважения со стороны нового супруга, преданности, ответственности и понимания. Этот диссонанс свойственен и первым бракам и, как показывает исследование, не исчезает в случае его неудачи. Таким образом, в новый брак привносится стереотип, который может помешать формированию позитивных отношений.

В целом, отношение к повторным бракам у нижегородцев положительное, но они фиксируют и трудности, которые могут помешать формированию отношений в новом браке. Сами респонденты к сложностям заключения повторного брака относят: конфликтность собственного характера – 73%, разочарование от первого брака – 68%, которое сопровождается неуверенностью в себе – 43%; зависимость от кого-либо – 54%; большие требования со стороны нового супруга – 53%. Последний пункт имел наивысший индекс согласия. Можно только предположить, какие именно требования имелись в виду, но очень вероятно, что они связаны с распределением гендерных ролей в браке. Нет оснований полагать, что данная проблема менее существенна для повторных браков, чем для первых.

В нашем обществе для вступающего в повторный брак (да и в первый тоже) нехарактерно обращение к специалисту, чтобы поработать над какими-то проблемами заранее. Люди пытаются справиться сами. Можно предположить, что такая установка удерживает некоторых от вступления в повторный брак и ухудшает статистику неполных семей и одиноких, не дает сформировать полноценную семью, к которой многие стремятся.

Проведенное исследование касалось и взаимоотношений с детьми от предыдущего брака, оставшихся с прежним супругом. Степень искренности ответов в данном случае оценить сложно. 90% заявили, что осведомлены о личной жизни своих детей, которые остались с другим родителем. Утверждают, что они регулярно проводят время вместе, стараясь сгладить возникший разрыв. Среди нижегородцев была выделена особая группа семей, которые предпочитают «делить» с прежним супругом время с ребенком. Самым распространенным примером такого деления выступает определение, с кем ребенок будет проводить праздники. Большинство родителей (82%) ответили, что контактируют со своими детьми ежедневно – чаще всего это общение по телефону. Причём важно отметить, что это касается не только самых младших, но и самых старших детей. Со слов родителей, взрослые дети (15–18 лет) зачастую сами выступают инициаторами общения и встреч с родителем, ушедшим в другую семью (49%).

Наиболее частыми поводами для общения детей и родителей большинство нижегородцев считают совместные трапезы (дома, в ресторане/кафе) и совместное проведение досуга (настольные и видеоигры, чтение книг и т.д.). То есть вне зависимости от наличия другой семьи у ушедшего родителя поводами для общения выступают не только ранее упомянутое «деление праздников», но и встречи, притом частые встречи (2–3 раза в неделю) для проведения досуга. Интересно, что совместный шопинг занимает меньшее время, предпочтение отдается другим видам досуга и развивающей деятельности. Это данные по восприятию и оценкам самих респондентов, но реальное положение вещей, конечно, требует более глубокого изучения. Некоторые респонденты могли ориентироваться в своих ответах на желаемое, должное, а не действительное.

Большинство матерей- или отцов-одиночек вступают в повторные браки для того, чтобы у их ребёнка были и мать, и отец. К тому же одному родителю достаточно сложно «поставить на ноги» своего ребёнка, и поэтому они ищут партнёра для того, чтобы он им помог. Нижегородцы в абсолютном большинстве также выделяют необходимость создания для ребенка полной семьи.

Семья повторного брака включает статусы, отличные от статусов семьи в первом браке: отчим, пасынки, падчерицы, мачеха. В одном из опросов ВЦИОМ [4] респондентов спрашивали: за что Вы прежде всего благодарны своим родителям? В первую очередь респонденты отметили – за саму жизнь. Пункт, на который как данность и первооснову авторитета не может опереться приемный родитель. Завоевание авторитета у ребенка, права на статус отец/мать – первейшая проблема семей на повторном браке в отношении детей. Если данное доверие будет сформировано, приемный родитель может стать примером, привить образцы поведения, дать душевную поддержку, помочь сформировать черты характера, выбрать профессию и действительно сыграть в его жизни роль отца/матери.

Часть исследования по нижегородцам была посвящена адаптации детей от первого брака в новой семье. Респонденты, исходя из собственных наблюдений, отметили, что самая высокая адаптивность к новому браку у детей раннего и дошкольного возраста, самая низкая – в возрасте с 15 лет. Младшие дети легче формируют привязанность к новому члену семьи, получая явные преимущества от общения с новым взрослым. Понятно, что ребенок раннего и дошкольного возраста может практически не помнить родного родителя или иметь негативные

ассоциации, связанные с конфликтами в семье перед разводом. Психологически он воспринимал их, но понимание происходящего было неглубоким. Подростки переживают эти конфликты осознанно. Они часто разрываются между родителями и пытаются найти виновного. Поэтому подростки, напротив, чрезмерно чувствительны к попыткам неродного родителя выполнять воспитательную функцию, что и отметили в своих ответах нижегородцы.

Заявили о возникновении острых конфликтов ребенка от предыдущего брака с новым партнером родителя 23% опрошенных. И лишь 7% из них обращались за помощью в социальные службы. Это тревожный показатель, который свидетельствует о существенных проблемах, помочь в которых семье на основе повторных браков могли бы специалисты, но люди не готовы к такой помощи или не знают о ней.

Повторные браки стоит рассматривать и с точки зрения демографической ситуации. 47% опрошенных нижегородцев отметили, что желание завести ребёнка является поводом для заключения брака. Данный ответ чаще всего характерен для людей в уже более зрелом возрасте (возрастная категория от 31 года, как у женщин, так и у мужчин) и тех, у кого не было детей в первом браке. По ответам, мужчины были более ориентированы на многодетность – 46% хотели иметь троих и более детей. Среди женщин такое желание высказали 27%. Можно предположить, что на основе опыта собственного развода они лучше осознают сложности и последствия развода для жены при распаде многодетной семьи.

По результатам исследования можно сделать вывод, что семьи на основе повторного брака представляют собой более сложные экосистемы с большим объемом проблем во взаимоотношениях в силу отсутствия сформировавшихся устойчивых ролевых моделей, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Этим семьям труднее выстраивать как внутренние, так и внешние отношения. На примере нижегородцев можно утверждать, что при вступлении в повторный брак они сталкиваются с трудностями, которые предпочитают решать сами, без обращения в специальные службы. Свои отношения с детьми, оставшимися с бывшим супругом, большинство воспринимает как позитивные, что нуждается в перепроверке относительно реального положения дел. Почти четверть вступивших в повторный брак сталкивались с острыми конфликтами детей от предыдущего брака с новым партнером.

В дальнейших исследованиях следует глубже изучить конфликты с детьми в этих браках: с новыми партнерами, со сводными братьями и сестрами, конфликты между детьми. Данное исследование также не затронуло проблемы отношений лиц в повторном браке с новыми родственниками и отношений детей с новыми родственниками за пределами семьи.

Список литературы

1. Захаров С.В. Браки и разводы в современной России // Демоскоп Weekly. 2015. № 625–626 [Электронная версия]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema01.php (дата обращения: 28.11.2017).

2. Гурко Т.А., Петрова О.Ю. Трансформация института брака в России // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтнического общества: теоретико-эмпирический анализ: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань 15 мая 2012 г.). Казань, 2012. С. 248–252.

3. Кузьмина А.Е. Восприятие повторных браков нижегородцами, состоящими во втором браке. Выпускная квалификационная работа студентки 4 курса очного отделения направления социология – 39.03.01. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. 69 с. [на правах рукописи].

4. Чему нас учат родители // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2844, 29.05.2015. Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115265 (дата обращения: 01.11.2017).

REPEATED MARRIAGES IN FAMILY ECOSYSTEM

L.S. Kurnosova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper studies how repeated marriages can change the ecosystem of a family. These include «splinters» from former families and family relations and some new elements. Interaction within a family becomes more complicated as there appear new statuses. The external environment expands as it now includes new relatives. In terms of certain lines of relationships, families of spouses in a repeated marriage can be characterized as being in a regulatory vacuum because they lack appropriate sustainable patterns of behavior developed by society. The paper uses the systems approach and the interpretation of data obtained through the empirical study that was conducted by the author.

According to the results of the survey on «Perception of repeated marriages by Nizhny Novgorod citizens», the motives behind entering a new marriage included: fear of loneliness, pregnancy outside of marriage, the desire to have a close-minded person, and a love marriage. Expectations from repeated marriages and requirements that were presented to partners were also considered. In general, the attitude of Nizhny Novgorod residents to repeated marriages was positive. According

to respondents, the most common difficulties were: their own uneasy characters and the feeling of disappointment from the first marriage. Concerning the adaptation of children from the first marriage, almost every fourth respondent reported acute conflicts between the child and the parent's new partner.

Keywords: repeated marriage, family ecosystem, perception of repeated marriages, role models.

УДК 316.4

ОБРАЗ РОДИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2018 г.

Ю.М. Карушева

Карушева Юлия Михайловна, аспирантка кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета;
младший проектный менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения, Москва
karusheva_j@wciom.com

Статья поступила в редакцию 12.03.2018
Статья принята к публикации 19.07.2018

Целью настоящей статьи является анализ того, как образ Родины формируется в представлениях детей через образовательную политику, на примере дошкольного образования и воспитания. Научной новизной данной работы выступает изучение образа Родины в образовании с точки зрения социологического знания. Эмпирической базой исследования послужили 57 сценариев детских утренников, опубликованных в 2014–2016 гг. на образовательном портале maam.ru и предназначенных для проведения праздников в детских садах и школах России. Для анализа указанных источников был использован качественный контент-анализ. Исследование показало, что образ Родины включается в формирование национальной идентичности. Он выстраивается через компоненты национальной идентичности, а именно через когнитивный (маркеры территории; образ семьи (в первую очередь матери), официальные и неофициальные символы России), аффективный (положительные оценки и чувства к Родине) и поведенческий (осуществление действий, выражающихся в защите и заботе о Родине).

Ключевые слова: образ Родины, образовательная политика, национальная идентичность, патриотизм.

Введение

Образ Родины является одним из наиболее значимых символов России. Его включают в литературные произведения, монументальную и визуальную культуру [1–4]. Как свидетельствуют результаты социологических опросов, он и сегодня сохраняет свою значимость для россиян (РОМИР, сентябрь 2015 г. [5][1]).

Важной теоретической предпосылкой к пониманию образа Родины в России исследователи считают различение Родины и Отечества, которое имеет в отечественной мысли длительную историческую традицию и является значимым в представлениях современных россиян [6][2]. Родина характеризуется через этническое, материнское, через приватную сферу жизни человека (семья, родной язык, территория); Отечество же описывается через политическое, отцовское, ассоциируется с публичной сферой (государство, власть, война). Отечество определяют посредством стереотипно мужских качеств (сила, логика, рациональность, отвага), в то время как Родине приписывают черты женщины-матери (эмоциональность, заботливость, милосердие) [6].

Социологические исследования проблемы показывают, что у граждан России есть четкое представление, что для них значит Родина: это неполитический феномен, который отождествляется с «корнями» – землей и домом, матерью и близкими, родным языком и народом. Между Родиной и человеком существует тесная связь. Родина – это земля, на которой человек вырос и которая дала ему жизнь; она растит, воспитывает, учит и оберегает своих детей. Дети относятся к Родине как к матери, которую нельзя бросать, а нужно поддерживать и защищать [7– 9].

В настоящей статье ставится цель проанализировать, как образ Родины формируется в представлениях детей через образовательную политику, на примере дошкольного образования и воспитания.

Государственную политику в сфере образования в самом общем виде определяют как «одно из ключевых направлений внутренней политики государства, имеющее целью создание экономических, институциональных и духовно-идеологических условий для осуществления основных функций образования, включая формирование определенного типа (или типов) личности, воспроизводство кадрового потенциала общества и воспитание граждан государства в соответствии с принятой системой ценностей» [10, с. 17]. Она реализуется на уровне общего и профессионального образования.

Как образ Родины включается в образовательную политику, мы рассмотрим на примере дошкольного образования, поскольку в соответствии с принципами образовательной политики

именно в дошкольном возрасте закладываются основы нравственности, выстраивается иерархия ценностей [11]. Дошкольное образование как первая ступень общего образования имеет свою специфику. В возрасте 3–7 лет у ребенка складывается наглядно-образная форма мышления, дети познают различные связи и свойства вещей посредством оперирования образами этих вещей [12]. Представление о всем многообразии большого мира в таком возрасте начинается с малого: со знакомых ребенку образов семьи, друзей, дома, детского сада – путем проведения аналогий с остальным миром [13].

Среди методов, способов и форм организации образовательной деятельности в детском саду выделяются всевозможные виды игр, проекты различной направленности, праздники, социальные акции, которые могут использоваться как по отдельности, так и в комплексе [14, с. 21].

Материалами для нашего исследования послужили 57 сценариев детских утренников, опубликованных в 2014 – 2016 гг. на образовательном портале maam.ru и предназначенных для проведения праздников в детских садах и школах в различных регионах России. Данный образовательный портал является площадкой для обмена опытом между педагогами.

Сценарии праздников (или, как их по привычке называют, утренников) были выбраны в качестве основного источника, поскольку подготовка к ним предполагает включение разных форм деятельности детей: изготовление «тематических поделок», реквизита, разучивание песен, стихов и танцев. Такое разнообразие методик учитывает возрастные особенности дошкольников. Оно позволяет удерживать их внимание путем переключения с одной активности на другую, что способствует успешному восприятию новой информации [15].

Проведение утренников предполагает серьезную подготовку: дети разучивают песни, стихи, постановки. Задача воспитателей, как считают практики в области педагогики, заключается в объяснении детям, к какому празднику они готовятся, чему он посвящен, чтобы воспитать в них уважительное отношение к различным сферам жизни общества [16]. При этом излагать детям материал рекомендуется таким образом, чтобы оставить у них положительные впечатления как от подготовки, так и от самого утренника. Для реализации этой задачи педагоги учитывают возрастные особенности детей и прибегают к использованию красочных, близких и понятных детям образов. Кроме того, составителям сценариев советуют руководствоваться Примерной основной образовательной программой дошкольного образования, внося дополнения с учетом региональных и социокультурных особенностей [14, с. 8].

Одним из принципов современной образовательной политики России является важность воспитания гражданственности и патриотизма в подрастающих поколениях [17]. Он реализуется на всех уровнях образования, в том числе и в дошкольном образовании, где в познавательное развитие Министерство образования и науки РФ включает «формирование первичных представлений <…> о малой родине и Отечестве, представлений о социокультурных ценностях нашего народа, об отечественных традициях и праздниках» [18]. Патриотизм у детей дошкольного возраста формируется, в том числе, и с помощью такой формы обучения, как утренники.

Образ Родины является важным элементом формирования национальной идентичности, которая формируется во взаимодействии трех компонентов – когнитивного (представления о национальном сообществе, о его территории, символах, истории, ценностях), аффективного (гордость, энтузиазм, переживание за успехи и поражения) и поведенческого (готовность действовать во имя этих представлений и переживаний) [19, с. 241]. Эти компоненты национальной идентичности включаются и в образовательные программы [20], в том числе в сценарии детских утренников.

Рассмотрим теперь, как образ Родины включается в формирование национальной идентичности детей.

Результаты исследования

Анализ сценариев детских утренников показывает, что с помощью образа Родины у детей формируется когнитивный компонент национальной идентичности (знания о своей нации, стране). Образ Родины, на наш взгляд, составляют следующие элементы: во-первых, родная для человека территория; во-вторых, люди, ее населяющие, главным образом семья (в первую очередь мама), друзья, а также многонациональный народ; в-третьих, официальные и неофициальные символы России.

Во всех сценариях значительное место в характеристике образа Родины занимают маркеры территории. Э. Смит подчеркивал важность территории в национальной идентичности. Ту местность, которую люди считают своей и на которой живут несколько поколений, он называл «исторической землей». Ее реки, берега, озера, горы и города становятся священными, они имеют особенное значение для членов нации [21, p. 9].

Территория Родины описывается для детей прежде всего с помощью элементов ландшафта –

«бескрайность и широта лугов и полей», «быстрая речка», «высокие хлеба» и так далее:

«Как пойду я на быструю речку, / Сяду я да на крут бережок.

Посмотрю на родную сторонку, / На зеленый приветный лужок.

Ты сторонка, сторонка родная, / Нет на свете привольней тебя,

Уж ты, нива моя золотая / Да высокие наши хлеба.

Эх, ты, русское наше приволье, / Краю нет на луга и поля.

Ты – широкое наше раздолье, / Ты – родимая матушка-земля!» [22].

В данной песне используются слова, которые показывают, что все это дорого человеку, который испытывает к своей Родине теплые чувства. Важным дополнением здесь является то, что Родина представляется как родимая матушка-земля. Это соотносится с уже упоминаемой традицией соотнесения Родины с этнической, неполитической и потому приватной составляющей национальной идентичности. Не случайно Родина характеризуется преимущественно с помощью этнических маркеров: «русское приволье», «русская природа», «русская песня» и другие. Приватность образа Родины выражается и в том, что Родина описывается как место, где человек родился и живет. Родина – это дом, где человека любят, понимают и ждут, куда хочется возвращаться. В общем смысле образ Родины как дома можно назвать продолжением образа территории, о котором речь шла выше. Родная земля и дом отождествляются с «корнями» человека – это его малая родина.

Исследователи считают, что следует различать малую и большую родину[3]. Такое разделение особенно актуально для детей, поскольку позволяет организовать патриотическое воспитание более эффективно. Педагоги-практики указывают, что воспитание любви к большой родине происходит через обращение к тому, что важно для ребенка – мама, семья, дом, со знакомства с малой родиной [23]. Именно поэтому все эти элементы часто включаются в сценарии детских утренников.

Как указывают специалисты в области педагогики, формирование представлений о Родине должно начинаться с малого. Сначала происходит знакомство с ближайшим окружением и родным городом или поселком, т.е. с малой родиной. Постепенно расширяя кругозор ребенка, воспитателям следует переходить к знакомству со страной в целом, государственными символами, событиями в истории России, выдающимися гражданами и культурным наследием государства [20].

Анализируемые источники показывают, что в зависимости от региона, в котором был составлен сценарий утренника, содержание образа территории варьируется, в нем нередко делается акцент на малую родину. Это подтверждает следующая фраза из сценария: «Родина – место, где мы родились, страна, в которой мы живем, гражданами которой являемся. Любовь к России у каждого из нас начинается с любви к местам, где ты родился и живешь» [24]. Приведем примеры из сценариев, написанных в г. Челябинске и г. Махачкале:

«Урал – это значит земля золотая / Урал – это рек полноводных простор,

Это леса, что, как волчьи стаи, / Кольцом окружили подножия гор» [25];

«Махачкала – столица дружбы, спорта! / Живут здесь дружно, как одна семья,

Морская гавань – корабли у порта, Махачкала! / Любовь и жизнь моя!» [26].

Еще одной важной составляющей образа Родины является образ людей, ее населяющих. Как отмечал М.О. Мнацаканян, люди являются «субстанцией национальной жизни» [27, с. 54].

В большинстве случаев развертывание образа Родины через образ людей начинается с самого близкого и понятного для ребенка – с семьи, и особенно мамы. Проведение аналогии с семьей является значимым элементом национального дискурса, который определяет ценностную систему национальной идеологии [6, с. 44].

«Что такое Родина? – Спросят вдруг меня.

Место, где родился, – Так отвечу я.

Папа, мама, бабушка / И мой брат Антон –

Это тоже Родина, / И ещё мой дом» [28][4].

Родина в сценариях детских утренников зачастую ассоциируется с матерью. По причине возрастных особенностей детей формировать любовь к Родине более эффективно возможно через сравнение ее с самым близким человеком для ребенка – его мамой. Опросы показывают, что и во взрослом возрасте ассоциация Родины с матерью остается достаточно сильной: ей приписываются материнские характеристики и качества [9].

При сравнении Родины с матерью часто в сценариях говорится о ее красоте:

«Мама и Родина очень похожи. / Мама красивая, Родина тоже.

Вы присмотритесь, у мамы глаза / Цвета такого же, как небеса.

Мамины волосы, словно пшеница, /Та, что на наших полях колосится.

Много у Родины общего с мамой, / Самой красивой, ласковой самой!» [29].

Материнство Родины дошкольникам описывается также и через характеристики ее отно-

шения к ребенку. Родина заботится о людях, как мать заботится о своих детях. Она, как и мать, любящая и понимающая, она защищает и бережет своих детей:

«Родину называют матерью потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку, как мать, защищает нас от всяких врагов» [30].

В характеристике большой Родины составители отмечают, что поскольку Родина-Россия – страна огромная, ее населяют люди разных национальностей:

«Каких народов только нет / В стране великой нашей:

Как пёстрый солнечный букет, / Калмыки и чуваши,

Татары, коми и мордва, / башкиры и буряты –

Всем скажем добрые слова. / Любому будем рады» [31].

Наконец, элементом образа Родины являются известные личности, которые сделали весомый вклад в жизнь народа. Они ассоциируются, по терминологии Смита, с «золотым веком нации», временем, которым гордятся [21, p. 66]. Часто в сценариях о выдающихся личностях говорят в привязке к малой родине. Так, таганрогским детям сообщают, что Петр I является основателем г. Таганрога и именно с петровских времен в город стали прибывать корабли из разных стран, происходил обмен культурными ценностями и традициями [32]. Детям Саранска рассказывают о Герое Советского Союза, земляке, летчике М.П. Девятаеве, совершившем побег из концлагеря [33].

Следующей составляющей образа Родины являются символы [34]. Как указывает Л.А. Степнова, символы являются материализованными носителями идеи, имеющими смысл для определенной социальной общности [35].

Среди символов России часто в анализируемых сценариях утренников встречается березка. Она описывается как «русская красавица», «душа русского народа»:

«Берёзка наша, русская красавица, / Не зря роднится с женскою душой,

Сестрой, невестой, милой называется, / То символ нашей Родины большой» [23].

Кроме того, нередко упоминаются и официальные символы государства: флаг, герб, гимн, а также Москва, Красная площадь и Кремль. Они относятся к политической составляющей национальной идентичности, однако чтобы сделать их понятными для детей, составители сценариев раскрывают официальные символы через этническую составляющую: объяснение герба и цветов флага через природу, использование таких фраз, как «сердце России, которое любит тебя»:

«Москва – это Красная площадь. / Москва – это башни Кремля.

Москва – это сердце России, Которое любит тебя» [36];

«Белый цвет – березка / Синий – неба цвет,

Красная полоска – солнечный рассвет» [37];

«У России величавый / На гербе орел двуглавый,

Чтоб на запад, на восток / Он смотреть бы сразу смог» [38].

Следует заметить, что авторы сценариев детских утренников разделяют Родину и Отечество, они объясняют образ Родины с помощью этнических, а Отечество – с помощью политических маркеров[5]. Это можно проследить в сценариях, посвященных празднованию Дня защитников Отечества, Дню Победы, Дню героев Отечества, т.е. военных праздников. В них чаще речь идет об Отечестве, которое нужно защищать. Для этого нужна храбрость, смелость, отвага, сила, любовь к Родине [39]. В сценариях же, которые предназначены для празднования первых дней осени или весны, говорится о Родине без упоминания Отечества. Так происходит, вероятно, потому, что образ Родины описывается в мирное, спокойное, радостное время, когда Родина находится вне опасности.

Формирование аффективного компонента национальной идентичности на детских утренниках связано с развитием положительного отношения к Родине на основе усвоенных ранее представлений о ней. Воспитание в дошкольниках чувства любви к Родине является основной целью, которой следуют авторы сценариев. Помимо любви к Родине, составители считают необходимым развивать в детях чувства долга перед Родиной, гордости и уважения, чувства причастности к судьбе Родины. В целом же указанные чувства образуют одно комплексное – чувство патриотизма. В опросах общественного мнения патриотизм определяется через любовь и уважение к Родине (см., например, [40]).

Наконец, сценарии детских утренников демонстрируют, как формируется поведенческий компонент национальной идентичности, предполагающий выражение чувства любви к Родине и долга перед ней на основе усвоенных знаний и оценок. Проявления указанных чувств задаются в сценариях как различающиеся. Любовь к Родине проявляется в поступках, совершаемых в мирное время; любить Родину – это бережно относиться к природе, заботиться о ней и охранять; интересоваться историей и культурой Родины, а также трепетно, нежно и почтительно относиться к символам Родины; трудиться на благо Родины; воспевать Родину.

«Любить свою Родину – это не значит только восхищаться, любоваться тем, что есть в твоей стране. Любить Родину – это не значит жить

только настоящим. Ведь без прошлого нет будущего. Нужно помнить о прошлом страны, в котором были и героические, и трагические моменты. Любить Родину – это значит делать все, чтобы она становилась богаче, чтобы людям жилось лучше» [41].

Долг же перед Родиной выражается в поступках, совершаемых в военное время. Внимание акцентируется на том, что мальчики должны пойти служить в армию и защищать свою Родину от возможных угроз. Чтобы облегчить понимание и принятие детьми этой обязанности перед Родиной, воспитателям рекомендуют использовать в сценариях такие пословицы, как «жить – Родине служить» и «Родина – мать, умей за нее постоять». В этом аспекте проявляется мобилизационная функция национальной идентичности [42] для защиты страны от внешних и внутренних угроз.

«Сыны России подрастают вновь / И Родине служить они готовы,

Чтоб солнце не ушло навеки в ночь, / А утром озаряло землю снова» [43].

Выводы

Подведем итоги проведенному исследованию. Формирование национальной идентичности в дошкольном возрасте через образовательную политику проводится с учетом возрастных особенностей маленьких детей. Образ Родины в данном случае выступает как действенный инструмент образовательной политики, заключающий в себе и транслирующий компоненты национальной идентичности. Для детей дошкольного возраста характерно образное мышление, поэтому они познают образ Родины через наглядные образы близкого окружающего мира. Воспитание в детях любви к Родине – это важная часть становления национальной идентичности. Этот процесс идет с помощью усвоения знаний о родной земле, близких людях, символах (когнитивный аспект), положительных оценок и чувств (аффективный аспект) и особых поведенческих норм (заботиться о Родине и защищать ее, трудиться на благо Родины).

Проведенный анализ сценариев детских утренников показывает, что образ Родины представлен в нем преимущественно как неполитический, поскольку в описании содержания образа Родины значительное место занимают этнические характеристики. Важное место в описании Родины отводится сравнению ее с матерью. Такая аналогия является доступной и понятной для дошкольника. Отождествление отношения матери и ребенка с отношением Родины и человека позволяет формировать близость маленького гражданина с Родиной.

Таким образом, можно утверждать, что такое направление образовательной политики, как формирование национальной идентичности, позволяет достичь наибольшей эффективности в воспитании маленьких граждан страны, поскольку апеллирует к образу Родины и разъясняет его детям посредством понятных и близких им образов.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

Примечания

1. Об опросах общественного мнения см. также: Гузенина С.В. Тамбовчане об образе Родины: итоги эмпирического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 268–276; Рябова Т.Б., Мутаев У.К., Карушева Ю.М. «Родина-мать» в символической политике современной России глазами россиян (на материале интервью) // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 31–42.

2. О представлениях современных россиян см. также: Воронцова Е.О., Рябов О.В. Представления ивановцев о Родине и Отечестве (к вопросу о гендерных аспектах патриотизма) // Женщина в российском обществе. 2007. № 1. С. 58–65.

3. М.П. Крылов в своей работе отмечает, что малая родина представляет собой «восприятие множественностью взаимодействующих индивидов своей среды обитания, как особой, некой условной целостности, обладающей внутренней культурной и пространственной логикой и представляющей совокупность пространственных идентичностей в пределах региона, включая идентичности населённых пунктов и местные проявления идентичности» (Крылов М.П. Российское культурно-историческое пространство. Проблема региональной идентичности // Мир психологии: научно-методический журнал. 2005. № 3. С. 187–200).

4. Семейная метафора в характеристике отношения к Родине берется на вооружение и в массовой культуре. Примером может служить один из самых популярных фрагментов известного фильма А. Балабанова «Брат-2», в котором ученик начальной школы читает на школьном утреннике стихотворение В. Орлова «Я узнал, что у меня есть огромная семья». URL: https://www.youtube.com/watch?v=UvaqR3pjDHM/

5. Идея разграничения Родины и Отечества прослеживается в истории западной и российской философии, анализ которой по данной теме провел О.В. Рябов (Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России и западной историософии. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 202 с.).

Список литературы

1. Докучаев Д.С. «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской мону-

ментальной риторике // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 82–95.

2. Рябов О.В. «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: легитимация и делегитимация власти // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 64–81.

3. Смирнов Д.Г. К вопросу о ресемиотизации как форме символической политики («Родина-мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 96–112.

4. Тимофеев М.Ю. Помни о матери-Родине! Конкурирующие места памяти // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 43–63.

5. Образ Родины – в натуре / РОМИР. URL: http://romir.ru/studies/709_1442955600/.

6. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России и западной историософии. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 202 с.

7. Карушева Ю.М. Понимание ивановцами символа «Родина-мать» // Молодая наука в классическом университете: Тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. Ч. 5. С. 20.

8. Мутаев У.К. Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана (на материале интервью) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 126–135.

9. Рябова Т.Б., Мутаев У.К., Карушева Ю.М. «Родина-мать» в символической политике современной России глазами россиян (на материале интервью) // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 31–42.

10. Смолин О.Н. Образование – для всех. Философия. Экономика. Политика. Законодательство. URL: http://smolin.ru/sites/default/files/content/read/education/pdf/section01.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

11. Крылов А.А. Психология: Учеб. М.: Проспект, 2005. 496 с.

12. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. М., 2006. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/muhina/04.php (дата обращения: 25.01.2017).

13. Рагимова Л.И. Патриотическое и гражданское воспитание дошкольников в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта // Известия ДГПУ. 2015. № 1. С. 90–96.

14. Примерная основная образовательная программа дошкольного образования. URL: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2014/02/POOP_DO.pdf (дата обращения: 25.01.2017).

15. Малашенкова Е.А. Как организовать утренник. URL: http://psmetodiki.ru/index.php/polez/stati-dlya-pedagoga/122-kak-organizovat-utrennik (дата обращения: 26.01.2017).

16. Курочкина М. Утренники в детском саду // RB7-baby. URL: http://rb7.ru/lady/baby/3492 (дата обращения: 15.01.2017).

17. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 19 дек. 2016 г.). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2017).

18. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: Приказ Министерства образования и науки России от 17 окт. 2013 г. № 1155. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2017).

19. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.

20. Попова Е.И. Формирование представлений о родном государстве у детей старшего дошкольного возраста // Концепт. 2014. № 3. С. 1–6.

21. Smith A. National Identity. Penguin Books, 1991. 227 p.

22. Русская народная песня // Сычева С. Сценарий «Россия – Родина моя!». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/nod-rosija-rodina-moja-v-sotvetstvi-s-fgos.html (дата обращения: 26.01.2017).

23. Родичева Т. Сценарий фольклорного развлечения «Человек без Родины, что соловей без песни». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/scenarii-folklornogo-razvlechenija-chelovek-bez-rodiny-chto-solovei-bez-pesni-starshii-doshkolnyi-vozrast.html (дата обращения: 26.01.2017).

24. Фролова Е. Сценарий развлечения «Всё, что Родиной зовется!». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/razvlechenie-vs-chto-rodinoi-zovetsja.html (дата обращения: 26.01.2017).

25. Загороднюк М. Праздник для детей старшей и подготовительной групп «В край родной приходит осень». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/prazdnik-dlja-detei-starshei-i-podgotovitelnoi-grupy-v-krai-rodnoi-prihodit-osen.html (дата обращения: 26.01.2017).

26. Чикуленко М. Сценарий «Мой город у синего моря». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/konspekt-razvlechenija-moi-gorod-u-sinego-morja.html (дата обращения: 25.01.2017).

27. Мнацаканян М.О. Интегрализм и национальная общность. М.: Анкил, 2001. 303 с.

28. Абдуллаева М. Сценарий развлечения «В стихах и песнях славим мы Россию». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/scenarii-razvlechenija-v-stihah-i-pesnjah-slavim-my-rosiyu-dlja-detei-mladshego-i-starshego-doshkolnogo-vozrasta.html (дата обращения: 26.01.2017).

29. Стариков А. «Стихотворение «Мама и Родина» // Рангаева Л. Сценарий общего праздника «Наша малая родина – с. Еделево». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/scenarii-obschego-prazdnika-nasha-malaja-rodina-s-edelevo-s-uchastiem-roditelei.html (дата обращения: 26.01.2017).

30. Дорофеева О. Сценарий развлечения «Я о Родине вам расскажу». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/scenarii-vechera-razvlechenija-ja-o-rodine-vam-raskazhu-posvjaschenogo-dnyu-narodnogo-edinstva.html (дата обращения: 26.01.2017).

31. Придолина М. Сценарий музыкально-тематического развлечения «Наша Родина – Россия». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/konspekt-muzykalno-tematicheskogo-razvlechenija-na-temu-nasha-rodina-rosija-g-tynda-mbdou-ds-2-rosinka.html (дата обращения: 26.01.2017).

32. Безус Г. Сценарий «Моя малая Родина». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/scenarii-zanjatija-na-te

mu-moja-malaja-rodina-starshii-doshkolnyi-vozrast.html (дата обращения: 26.01.2017).

33. Агишева Н. Сценарий развлечения «О, край ты мой! О, Родина моя!». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/razvlechenie-na-temu-o-krai-ty-moi-o-rodina-moja.html (дата обращения: 26.01.2017).

34. Тимофеев М.Ю. Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 279 с.

35. Степнова Л.А. Социальная символика России // Социс. 1998. № 7. С. 90–100.

36. Дмитриева Л. Сценарий праздника «Наша Родина – Россия». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/nasha-rodina-rosija-403910.html (дата обращения: 26.01.2017).

37. Степанов В. Стихотворение «Флаг России» // Зудова Е. Сценарий праздника «Моя малая Родина». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/-moja-malaja-rodina-104692.html (дата обращения: 26.01.2017).

38. Степанов В. Стихотворение «Герб России» // Зудова Е. Сценарий праздника «Моя малая Родина». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/-moja-malaja-rodina-104692.html (дата обращения: 26.01.2017).

39. Котова Е. Сценарий «День героев Отечества». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/scenarii-prazdnika-den-geroev-otechestva-532825.html (дата обращения: 26.01.2017).

40. Фонд Общественное Мнение: О патриотизме. URL: http://fom.ru/TSennosti/11471 (дата обращения: 26.01.2017).

41. Ляленкова В. Сценарий «Все здесь русское, родное». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/kraevedcheskii-prazdnik-vse-zdes-ruskoe-rodnoe-439525.html (дата обращения: 26.01.2017).

42. Гудков Л.Б. Человек в реформирующемся обществе. Феномен негативной мобилизации. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/16/1214863269/Gudkov.pdf (дата обращения: 26.01.2017).

43. Сазонова В. Сценарий «Родина – Мать. Умей за нее постоять». URL: http://www.maam.ru/detskijsad/scenarii-prazdnika-23-fevralja-rodina-mat-umei-za-ne-postojat.html (дата обращения: 26.01.2017).

THE IMAGE OF MOTHERLAND IN PRE-SCHOOL EDUCATION POLICY

Yu.M. Karusheva

Ivanovo State University

The aim of the article is to analyze how the image of the Motherland is formed in children's minds by means of educational policy, using the example of pre-school education and upbringing. The scientific novelty of this work is that the image of the Motherland in education is studied from the sociological point of view. The empirical basis for the study includes 57 scenarios of matinee scripts, published in 2014–2016 on the educational portal «maam.ru» and intended for celebrations in Russian kindergartens and schools. To analyze these sources, qualitative content analysis was used. The study shows that the image of the Motherland is incorporated in the development of national identity. It is built through the components of national identity, namely through cognitive components (markers of the territory, the image of the family (primarily mothers), official and unofficial symbols of Russia), affective components (positive assessments and feelings for the Motherland) and behavioral ones (actions through which one's desire to protect and care for the Motherland is manifested).

Keywords: image of Motherland, educational policy, national identity, patriotism.

УДК 316.4

ПРОФЕССИЯ, СООБЩЕСТВО И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В НАРРАТИВАХ МОЛОДЫХ СЕЛЬСКИХ ВРАЧЕЙ

© 2018 г.

К.А. Галкин

Галкин Константин Александрович, аспирант Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Высшей школы экономики
kagalkin@hse.ru

Статья поступила в редакцию 22.03.2018
Статья принята к публикации 17.07.2018

Современные исследования профессиональной идентичности в отношении медицинских профессий все чаще рассматривают данный феномен в контексте индивидуальных особенностей профессионального выбора и профессиональных практик. Однако существуют явные отличия в профессиональной сфере, условиях труда и профессиональных практиках, определяемые городским и сельским контекстами. Молодые врачи сталкиваются с различными проблемами в контексте интеграции в профессиональное сообщество. В исследовании на основании тематического анализа нарративов интервью с молодыми врачами Ленинградской области (n=20) предпринята попытка ответить на вопросы: как сохранить свою профессиональную идентичность, сформированную в контексте учебы/работы в крупном городе? как сформировать свою особенную идентичность, исходя из перспективы интеграции в сельское сообщество? Результаты исследования уточняют и расширяют вопросы формирования профессиональной идентичности врачей в контексте локального сообщества и могут служить основой для дальнейших исследований, например, взаимовлияния локальной и профессиональной идентичности.

Ключевые слова: профессиональные практики в сельской местности, молодые врачи, сельские сообщества, профессиональная идентичность.

Введение

Современные исследования социологии села проблематизируют сельские пространства как неоднородные, с расплывчатыми границами. Особенно это характерно для сел, приближенных к большим городам. Однако так или иначе важной составляющей любого села, поселка как сообщества по-прежнему выступает сельская община [1]. Основной отличительной чертой сельских сообществ выступают сильные связи и реципрокность [1].

В современных исследованиях профессий отмечается переход от индивидуализации профессиональной деятельности к социализации. Профессии становятся частью социального мира, важными аспектами труда выступает ориентир не только на профессиональные знания, но и на оказание помощи (профессиональной, социальной, психологической) людям [2]. Работа врача, безусловно, связана с социальным миром и социальной реальностью, однако с точки зрения классического функционалистского взгляда, обозначенного в работах Э. Фрейдсона, Т. Парсонса, А. Каррс-Сондерса, П. Старра, профессии представлены как институциональные сущности, основной целью профессиональной деятельности с точки зрения функционализма выступает работа на благо общества и профессиональная деятельность представлена с позиции альтруизма, коллективной ответственности, экспертности и особых профессиональных сообществ [3–6]. В медицине профессия врача определена, прежде всего, профессиональными ценностями, нормами и профессиональной этикой. Деятельность специалиста рассматривается как коллективное действие, лишенное каких-либо эмоциональных переживаний, ориентированное на результат – помощь и лечение пациента [7, 8]. Однако при таком рассмотрении сам профессионал, как человек со своим жизненным миром, выносится за скобки. При этом, как отмечает Ч. Хьюз, особый символизм профессии, как и особая профессиональная культура, характерная для врачебной деятельности, играют весомую роль в контексте перехода от обывательской трактовки медицины и медицинских практик к трактовке профессиональной [9, 10]. Следовательно, повседневность профессионала становится важным связующим звеном между специалистом, его/ее профессиональной мотивацией и трудностями, которые возникают во время работы [11, 12]. Феноменологический подход позволяет рассмотреть повседневные практики и проанализировать возможные конфликты, возникающие в рамках профессиональной деятельности, с точки зрения самого индивида-профессионала.

Г. Беккер, исследуя профессионализм врачей, определяет профессиональную деятельность как особую культуру, для которой характерны свои символы, ценности и нормы. Обучение врача есть последовательная интеграция в профессиональную культуру [13]. В работах Т. Маршалла, посвященных новым концепциям профессионализма, говорится о социализации профессий и о том, что сегодня большинство профессий переходят от традиционного индивидуализма к социальной ориентированности [14]. Медицинские профессии, по мнению ученого, также становятся более социально ориентированными, более гуманистическими [15].

В исследованиях М. Меллоу отмечается, что сельская жизнь проблематизирует понятие профессионализма, обозначая тем самым конфликт профессиональных ценностей и локальных ценностей сообщества [16]. К примеру, врач, работая в сельской местности, вынужден абстрагироваться от взаимодействия с местным населением, чтобы сохранить этическую непредвзятость и следовать нормам профессиональной этики, но при этом сельское сообщество активно пытается вовлечь врача в аспекты местной жизни [17]. М. Меллоу размышляет, что часто представителю социономической профессии в сельском контексте приходится сталкиваться с дилеммой выбора. Она состоит в том, что, с одной стороны, специалисту данной профессии необходимо маркировать свой профессионализм и особенный социальный статус профессии врача. А с другой стороны, врач постепенно интегрируется в местное сообщество и его ценности, на основании которых, например, определяются «хорошие» или «плохие» пациенты. Сам контекст работы в сельской местности предполагает взаимодействие и достаточно близкие контакты с представителями сельской общины [18].

Изначально в России профессия врача играла особую роль. В дореволюционные времена сельский врач, земский доктор представлял собой специалиста, который способен спасти и прийти на помощь [19]. В советское время роль сельского врача была четко вписана в жизнь локального сообщества. Особой характеристикой врача в данном случае выступала деятельность по оказанию помощи людям.

Молодые врачи, которые еще не до конца интегрированы в профессиональную деятельность, сталкиваются с различными дилеммами и конфликтами, работая внутри сельской общины. Исходя из этого, формирование профессиональной идентичности молодого врача в сельской местности зависит от коммуникации и взаимодействий с местным сообществом.

В данной статье под профессиональной идентичностью понимается система символов профессии, ценностей и практик, на основании которых индивиды – молодые врачи определяют свой профессионализм. Теоретическое основание исследований – феноменологический подход, где профессиональная идентичность представлена как продукт жизненного мира индивида и повседневных практик. Основной исследовательский интерес сосредоточен вокруг изучения рефлексии индивида, молодого врача на селе, относительно повседневности и проблем, с которыми приходится сталкиваться врачам, работая в сельской местности. В исследовании применялся нарративный подход, который позволил изучить рефлексию молодого специалиста [20, 21].

К ключевым профессиональным ценностям медицинской профессии мы относим: готовность всегда прийти на помощь, профессиональные отношения с пациентами, этическую непредвзятость. К символам (маркерам) профессии относятся: практики чистоты и гигиены, патернализм, особые стили профессиональной коммуникации. При этом как символы, так и ценности профессии в статье рассматриваются не как четкие устоявшиеся конструкты, а как трансформирующиеся. Так, к примеру, ценности, которые были сформированы у врача во время обучения, могут изменяться в контексте работы в различных социальных пространствах.

Методология

Исследование проводилось в двух агломерациях Ленинградской области, удаленность которых от крупного города составила более 100 км. Такой выбор обусловлен тем, что близкие к городу локации, как правило, имеют слабо сформированные сообщества, напоминающие по своей структуре и связям городские. На основе этих критериев выбор локаций исследования был сделан в пользу Лужского и Подпорожского районов Ленинградской области. Выборка исследования составила 20 молодых врачей (n=20), живущих и работающих в селах и ПГТ Ленинградской области в течение 3 и более лет. Исходя из целей исследования, интервью брались как у врачей, которые родились и выросли в селе, так и у тех врачей, которые приехали в сельскую местность работать в поликлиниках и ФАП по программе «Земский доктор». «Земский доктор» – федеральная программа, по которой молодые врачи могут поехать работать в село и, проработав определенный срок, получить там жилье и прочее льготы. Программу регламентирует статья 12 ФЗ-326

«Об обязательном медицинском страховании в РФ». В исследовании мы разделяем молодых врачей на группы: с сельским или с городским бэкграундом, в зависимости от того, где родились и проживали информанты до поступления в медицинский вуз. Основные характеристики каждого респондента приведены вместе с избранной цитатой. Анализ нарративов интервью в исследовании был осуществлен с помощью нарративного подхода.

Описание исследуемых локаций

Исследовательскими локациями выступают поселки городского типа (ПГТ) с достаточно развитой инфраструктурой. Лужский район Ленинградской области – это активно развивающийся сельскохозяйственный район. В Подпорожском районе присутствуют как развитые, так и достаточно депрессивные поселки. Основная деятельность людей, проживающих в исследуемых локациях, – сельское хозяйство, животноводство, фермерство. В каждом из поселков находятся: основное предприятие/предприятия (промышленное или предприятие сельского хозяйства), школа и библиотека, поликлиника или ФАП (фельдшерско-акушерский пункт), в зависимости от населения поселка. Как правило, пункт фельдшерской помощи в исследуемых локациях представлял собой отдельно стоящее здание, в котором велся прием пациентов в установленные часы. В большинстве исследуемых локаций штат ФАП состоял из врача общей практики, фельдшера, медицинской сестры и акушерки.

Результаты

Представление молодых врачей о статусе врача

В нарративах социальный статус врача был определен молодыми врачами как низкий. Причиной тому социальная позиция, которую занимает врач в современном российском обществе. Молодой врач оценивает ситуацию следующим образом: *«… ну вот даже если сравнивать с США, там, я не знаю, Канадой и другими странами западными, там какие самые важные профессии? Это полицейский, судья и врач. Но в России все наоборот. Врач абсолютно не защищен, и также там ятрогения, все это сваливается на врача, потому что у нас в стране врач почему-то только все обязан и больше ничего, ну и плюс еще бюрократия»* (м., 28, врач общей практики). Социальный статус молодого врача оценивался информантами как еще более низкий. В частности, отмечалось, что ввиду отсутствия опыта, знаний и навыков шансы на трудоустройство по специальности у молодого врача в России крайне малы. Один из информантов так описывает ситуацию: *«Если ты молодой врач, то тебе практически невозможно устроиться, тебя не берут работать никуда, потому что нет опыта, нет хороших практических знаний, и так всегда»* (ж., 27, врач общей практики). При этом статус сельского врача позиционируется молодыми врачами как более высокий, чем у начинающего специалиста в городе. Причина тому – сельское сообщество, которое, как правило, придает врачу особое социальное значение ввиду экспертности знаний и важности врачебной профессии в сельской местности: *«В городе если работать, то … поликлиника, там, пациенты, начальство и мало благодарности. Здесь же все наоборот. То есть здесь, когда ты работаешь, в селе, то понимаешь, как тебе благодарны свои люди, те, кому ты помог, и те, кого ты смог в какой-то степени спасти»* (м., 30, врач общей практики).

Следует отметить что, несмотря на позиционирование социального статуса врача как низкого, информанты отмечали в нарративах важность медицинской профессии как общественно полезной и говорили о необходимости повышения ее статуса в России. Таким образом, низкому статусу врача, который отмечался в нарративах интервью у большинства молодых врачей, противостоит «особенная роль» медицинской профессии (социономический аспект) и желание работать по профессии. Итак, существует рассогласование составляющих статуса профессии – при высокой социальной значимости и востребованности профессии она недостаточно оплачивается, и отмечаются сложности с трудоустройством молодых специалистов.

Профессионализм

В нарративах интервью тема профессионализма рассматривалась молодыми врачами, прежде всего, на основании «особенных», экспертных знаний и практик, которыми обладает врач, работающий в сельской местности. В социальном пространстве села особенность профессиональных практик врача усиливается за счет отсутствия, как правило, других врачей и больниц поблизости. Под профессиональными практиками в статье понимаются профессиональные знания и умение их применить.

Следует отметить, что экспертность знаний – центральная тема определения медицинской профессии у большинства ученых [22–24]. Для сельских врачей обладание особыми знаниями, экспертностью обозначает особый статус медицинской профессии в данном социальном пространстве. К примеру, в городе у пациента есть

возможность выбирать врача и клинику, где проходить лечение, ввиду множества предложений на рынке медицинских услуг. В сельской местности, где концентрация медицинских учреждений радикально менее значительна, значение экспертности медицинских знаний усиливается. Профессионализм врача определён в нарративах интервью как спасительный и необходимый для сельского сообщества: *«Вы знаете, скажу честно, я здесь, наверное, сейчас стал чем-то вроде спасителя, не иначе. Стараюсь всем помочь и всегда прийти на помощь, если что-то нужно. Потому что, как здесь у нас говорят, если заболел в городе, то можно обратиться туда, туда и туда, но если заболел в селе, то вот она одна фельдшерская станция и ты должен как врач быстро и ответственно принимать решения»* (м., 27, врач общей практики).

Одним из важных аспектов работы врача в сельской местности является удаленность от профессионального сообщества. Так, к примеру, в привычных условиях крупного города врач, работая в больнице или поликлинике, может посоветоваться с другими коллегами (особенно это важно для молодого врача ввиду нехватки практических навыков после окончания медицинского вуза). Однако работая в сельской местности врач вынужден не только часто принимать судьбоносные решения при лечении и оказании помощи пациентам, но он ограничен в возможностях консультаций и коллегиального решения, что, безусловно, часто выступает проблемой для молодого врача. Один из информантов приводит такое описание собственного опыта: *«Я когда только закончила медицинский, приехала сюда и поняла, что я в принципе одна и только я здесь отвечаю за все, какие назначаю лекарства и терапию и так далее. Все это в моих руках. Да, конечно, очень помогает интернет-общение с моими друзьями в чате. Но здесь все по-другому. Ты можешь просидеть полнедели вообще без пациентов, а может случиться так, что тебе за считаные секунды нужно одеться и спасти жизнь»* (ж., 28, терапевт).

Таким образом, привычная для врачей коллегиальность, наиболее необходимая молодым специалистам как возможность получить совет, обсудить проблему, перетекает в виртуальные пространства коммуникации с однокурсниками и наставниками. *«Без совета, как я говорила, в нашей профессии тяжело, потому очень хорошо, что Анна Николаевна, мой давнишний друг и моя давняя знакомая, может помочь советом и обсудить со мной ту или иную проблему»* (м., 29, врач фельдшерской станции). При отсутствии такой возможности, в силу различных причин (необходимости оперативного решения, проблем с доступностью узкопрофильных специалистов, отсутствия формализованной системы консультаций и необходимости полагаться на личные связи), молодому врачу приходится опираться исключительно на свой опыт, знания и навыки.

Помощь и взаимопомощь

В работе автор различает две категории: помощь как профессиональный долг и взаимопомощь как акт реципрокности и одна из повседневных практик сельской жизни. Но прежде следует обратиться к конфликту профессиональной и территориальной идентичности, который присутствует в повседневности молодых врачей. Данный конфликт обусловлен сочетанием ролей – профессионала или сельчанина [25].

Так как в исследовании присутствует разделение на врачей, имеющих сельский бэкграунд, и на врачей, которые родились и выросли в городе, то следует отметить, что у двух обозначенных групп присутствует разное позиционирование своей территориальной идентичности. Конструирование профессиональной идентичности молодых врачей с сельским бэкграундом обусловлено проблематикой разграничения роли врача-профессионала и сельского резидента. *«Это всегда сложно, когда ты здесь свой и возникает множество проблем, например, когда ты постоянно должен давать советы или же, например, когда ты знаешь с рождения дядю Ваню, а теперь он твой пациент и ты вроде так по-свойски должен ему объяснить, что нужных лекарств нет и неизвестно когда они будут»* (м., 26, терапевт). Взаимодействия с пациентом у врачей с сельским бэкграундом строились по принципу гуманистической модели: ориентир на долгую, продолжительную работу с пациентами, когда врач позиционирует свой профессионализм не только как экспертный, но и как помогающий. Для врачей с городским бэкграундом модель взаимодействия с пациентами – биомедицинская: ориентир на быструю постановку диагноза и лечение больного, минимум взаимодействий и коммуникации между врачом и пациентом [26–29]. Тем врачам, которые родились и выросли в городе, было сложнее интегрироваться в специфику работы на селе и понять, что в селе ввиду особых сильных связей присутствует реципрокность в общении и взаимодействии. Ценность взаимопомощи, которая в некотором роде предполагает взаимную помощь и готовность помочь «свояку» не только в медицинском кабинете ФАП, но и, например, на почте, в магазине и в других местах случайных встреч, различно

воспринималась информантами с городским и сельским бэкграундом. Основной отличительной чертой взаимопомощи для врачей как с городским, так и с сельским бэкграундом выступает необходимость исполнения тьюторских, патерналистских функций – дать нужный совет или попытаться достать необходимые лекарства, в некоторых случаях, используя свои связи, договориться о плановой госпитализации сельского резидента. *«Поначалу, когда приехала сюда, было очень сложно понять, что ты как бы здесь должна, если что, всегда там что-то посоветовать пациенту, направить его или помочь ему; другой раз просто стоишь в магазине, да к примеру, и к тебе подходят и спрашивают – вот, например, у меня нога болит, подскажите, как мне быть, и так далее; и таких примеров крайне много, когда ты работаешь в селе»* (ж., 28, терапевт). Проблема патернализма сельских врачей хорошо определена и в работе О. Чеботаревой, посвященной патернализму в отечественной медицине [30].

Повседневные практики работы врачей обусловлены, в том числе, и тем, что необходимо хорошо знать проблемы пациента и его болезни, однако частота контактов с пациентами и ситуация постоянного общения в некотором роде «размывает» границу между врачом-профессионалом и соседом. В основном это оказывается неприемлемым для молодых специалистов, которые выросли в крупном городе, так как часто подобные контакты проходят в неформальной обстановке. Необходимость давать советы и выслушивать своих пациентов вне приема у многих молодых врачей является одной из причин неудовлетворенности работой в социальном пространстве села. В данном контексте показательны результаты исследования Л. Петровой [31], наглядно продемонстрировавшие оценку врачами таких отношений, как «навязанных». Врачи так описывают сложившуюся ситуацию: *«Это сложно, потому что в городе нет такой частотности контактов с одними и теми же людьми, а здесь – все-таки в селе возникает вопрос о том, что ты все время видишь своих пациентов и без конца должен давать советы, даже по тем вопросам, где ты не специалист вообще ни разу»* (ж., 25, врач общей практики); *«Сложно привыкнуть, что здесь все друг друга знают»* (м., 30, врач общей практики).

Тема помощи рассматривалась в нарративах молодых врачей, исходя из контекста профессионализма и восприятия медицинской профессии как профессии помогающей, и имеет четкую дифференциацию, исходя из наличия в биографии врача сельского или городского бэкграунда. Так, например, для врачей с сельским бэкграундом тема помощи, как долга профессионала, была вписана в контексты территориальной идентичности, укорененности в конкретном сельском сообществе. *«Потому что просто я здесь свой, я здесь всех прекрасно знаю и как бы, вы знаете, для меня это уже не просто пациенты, для меня, скорее, это одна большая семья»* (м., 27,терапевт); «*Если не я, то никто вот так не сможет просто прийти и помочь*» (м., 25, врач общей практики). Для врачей, которые приехали в село из крупного города, тема помощи позиционировалась в нарративах в большей степени как профессиональный долг. Следует отметить разграничение у таких врачей в нарративах категорий профессиональной помощи (долг врача) и реципрокной взаимопомощи (обязанность сельчанина). *«Да, в какой-то мере здесь, в селах, принято, наверное, даже оказывать помощь всегда и везде, но я лично привыкла действовать как врач, а именно оказывать помощь исключительно тогда, когда ты находишься у себя на рабочем месте, и никакой помощи за ее пределами; если нужна помощь, то пациент должен прийти и обратиться к врачу, вот моя принципиальная позиция»* (ж., 27, терапевт). Как правило, взаимопомощь и реципрокность позитивно оценивалась молодыми врачами с сельским бэкграундом, но была негативно оценена молодыми врачами, которые приехали работать в село из города. Врачи с городским бэкграундом понимали акт взаимопомощи как попытку получить «дополнительное» время консультаций у врача местными сельскими резидентами. Однако для врачей с сельским бэкграундом взаимопомощь оценивалась, как правило, как акт реципрокности и уважения в сельской местности, понимания значимости профессиональной роли сельского врача местными резидентами. При этом практики взаимопомощи в отличие от практик помощи экстраполировались на более широкие контексты повседневности, становясь неотъемлемой частью жизни в сельской местности. Итак, следует сказать о том, что для молодых врачей, имеющих сельский бэкграунд, характерны «смешение» ролей профессионала и сельского резидента и, как следствие, конфликт профессиональной и территориальной идентичности. Данный конфликт для врачей с сельским бэкграундом обозначен тем, что молодой врач позиционирует себя прежде всего как сельский резидент и потом уже специалист-профессионал. Для врачей, имеющих городской бэкграунд, конфликт профессиональной и территориальной идентичности выражен в том, что врач пытается транслировать городскую, пре-

имущественно биомедицинскую модель работы на повседневные практики профессиональной деятельности в селе и, как следствие, часто условия труда, обозначенные работой в достаточно закрытом локальном сообществе, и практики реципрокной помощи, существующие в селах, вызывают когнитивный диссонанс у врача, который родился и вырос в городе.

Повседневные практики и «особая роль»

Работа в сельской местности, медицинская практика молодых врачей, скорее, определена не как узкая деятельность по конкретной проблематике, как это часто бывает в отношении городских больниц и клиник, а как необходимость исполнения различных функций. Если для городских больниц и поликлиник характерно четкое разделение на врачей, специализирующихся на конкретных проблемах или группах проблем, то для сельских врачей, наоборот, характерна многозадачность, что в первую очередь обусловлено спецификой условий труда сельского врача. Безусловно, работа врача общей практики или терапевта предполагает многофункциональность специалиста, но в сельской местности работа такого специалиста обусловлена еще и тем фактом, что врачу нередко приходится совмещать несколько функций или, например, выполнять работу, несвойственную для врачебной специальности. *«Да, безусловно, все по-разному, конечно, бывает; то есть, например, иногда ты здесь можешь выступать и в качестве ветеринарного врача, у кого, например, когда животные болеют, а иногда даже что-то вроде психолога, то есть иногда ты должен помогать другим людям, все это здесь* (в селе. – *К.Г.*) *взаимосвязано, поэтому достаточно трудно работать в таких условиях»* (м., 23, врач общей практики). Особенно отчетливо проблема многозадачности проговаривалась в нарративах молодых врачей, исходя из необходимости лечения самых различных заболеваний, что для врачей, имеющих сельский бэкграунд, описывалось как «дело привычки», то есть сам контекст работы на селе и понимание работы на селе у сельских врачей ассоциировались с многозадачностью: *«Ну да, это сложно понять, но здесь, в селе, работа врача – она специфическая, если, например, я раньше, даже в детстве, наблюдала, как к фельдшеру несколько раз в день приходили разные пациенты, у кого-то болит живот, у кого-то рука, а … кто порезался сильно, и ты должен работать со всеми этими пациентами, то есть разбираться во всем; это, конечно, дело привычки и навыка, но в начале … здесь, в селе, мне было действительно тяжело»* (ж., 28, врач общей практики). Для врачей, которые выросли в городе, проблема многозадачности представлена как одна из серьезных трудностей работы на сельской территории. *«Я не могу уже терпеть, потому что это трудно и очень трудно работать здесь, в селе, и разбираться во всем; все-таки я считаю, что у врача должна быть специализация»* (ж., 26, врач общей практики). Молодые врачи, которые приехали в село из города, рассказывали в нарративах интервью, что многозадачность сельского специалиста – это хороший шанс применить полученные знания на практике, совершенствовать свою квалификацию и использовать новые компетенции в дальнейшем, к примеру при работе в мегаполисе в будущем. Здесь важным является именно навык работы с пациентами, которые страдают от различных недугов, а также достаточно быстрое оказание им медицинской помощи.

Итак, подводя итог, следует отметить, что особая роль врача в селе обусловлена в первую очередь проблемой многозадачности повседневных практик, которые во многом характеризуют работу врача на селе. Данная проблема часто выступает одним из факторов неудовлетворенности трудом, диктуя специалисту в сельской местности необходимость «быть экспертом во всем» и разбираться практически в любом заболевании и любой проблеме пациента.

Сценарии выхода из конфликта профессиональной и территориальной идентичности

В ходе беседы с информантом интервьюер задавал вопросы относительно возможных и действенных сценариев выхода из ролевого конфликта профессиональной и территориальной идентичности. В работе автор выделяет три сценария, для каждого из которых характерны особенные практики включения/невключения в социальное пространство села и практики работы с пациентами.

Сценарий полной интеграции. Выход из конфликта осуществляется за счет полной интеграции или частичной интеграции в сельское сообщество. Роль врача как профессионала, как правило, при таком сценарии определена максимальным включением в жизнь, повседневность конкретного ПГТ или деревни. Врач максимально включается в сельское сообщество и уже не видит свой профессионализм в отрыве от его жизни. Ключевыми драйверами подобного сценария выступают: наличие сельского бэкграунда у врача, а также мотивация работать и быть полезным в конкретном селе.

Сценарий частичной интеграции. Данный сценарий обусловлен, как правило, тем, что врач разделяет контексты профессиональной

деятельности и соседского общения в селе. Однако врачи – представители данного сценария старались при этом дистанцировать свой профессионализм и отделять коммуникацию во время работы с пациентом (прием пациентов) и соседскую коммуникацию и общение, вне пространства амбулатории или ФАП. Драйверами подобного сценария выступают желание самого врача интегрироваться в процесс работы на селе, но при этом сохранить свой профессионализм как экспертный, разграничивая рабочее и нерабочее пространства. Подобный сценарий выбрали, как правило, врачи с городским бэкграундом, а также молодые врачи с сельским бэкграундом, которые старались сохранить свой профессионализм и понимали важность этической непредвзятости при работе с пациентами.

Сценарий ухода. Для данного сценария характерен эскапизм от сельского сообщества и работы на селе, здесь сама работа в сельской местности понимается молодым врачом как бесперспективная, и в данном случае врач старается уехать из сельской местности в город. Драйверами подобного сценария выступают условия труда в сельской местности, которые носят деструктивный характер и снижают мотивацию молодого врача к работе в селе. При этом для подобного сценария характерны как неудовлетворенность условиями труда врача в селе, так и проблема «потери» профессионализма при постоянных контактах с пациентами/сельскими резидентами и работе в сельской местности.

Заключение и дискуссия

Основной целью данного исследования является анализ того, как происходит формирование профессиональной идентичности молодых врачей в контексте работы в сельском сообществе. Молодые врачи, представляющие собой особую группу, которая находится на стадии формирования своей профессиональной идентичности, сталкиваются с различными проблемами в контексте интеграции в профессиональное сообщество и построения своей профессиональной идентичности внутри подобных сообществ.

Так, одной из особенностей работы на селе выступает включение врача в практики сельского сообщества и понимание молодого врача в качестве специалиста, обладающего «особенными» знаниями, способностью и навыками оказать помощь и правильно лечить больных. Однако для молодого врача, интегрирующегося в сельское сообщество, имеет место конфликт ролей между жителем села и врачом-профессионалом, который определен процессами интеграции в сельское сообщество. Также врачи, которые приехали из крупного города, сталкиваются с проблемой трансформации своей профессиональной идентичности в сельской местности, что вызвано процессами интеграции в сельское сообщество, принятия или непринятия ценностей локального сообщества. Анализ нарративов интервью показал наличие конфликта территориальной и профессиональной идентичности у молодых врачей. Конфликт поразному выражен у врачей, которые приехали в село, и тех врачей, которые выросли в сельской местности и после окончания медицинского вуза вернулись работать в сельскую местность. Среди основных проблем работы в сельской местности для врачей, имеющих сельский бэкграунд, выступает проблема совмещения ролей сельского резидента и профессионала. Для большинства врачей, которые приехали в село из города, конфликт профессиональной и территориальной идентичности вызван проблемой привыкания к сельской повседневности, и прежде всего проблемой переноса территориальной идентичности городского врача на контексты повседневных практик села. Подводя итог, следует отметить, что молодые врачи как с сельским, так и с городским бэкграундом сталкиваются с проблемами интеграции в повседневность села; при этом очевидно, что основными проблемами является вопрос о том, как позиционировать свой профессионализм как включенный в сельскую повседневность, становиться «семейным» специалистом в конкретном селе, как профессионализм специалиста связан с жизнью конкретного села, – такая стратегия свойственна в основном для врачей, имеющих сельский бэкграунд. Профессионализм врача дистанцируется от сельского сообщества, и врач позиционирует себя прежде всего как эксперта, специалиста, который обладает особенными знаниями; для сохранения этической непредвзятости необходима биомедицинская модель работы с пациентом и попытка дистанцировать себя от традиционных практик взаимопомощи, присутствующих в сельской местности, – такая стратегия свойственна в основном для врачей, имеющих городской бэкграунд. Выделенные сценарии выхода из конфликта свидетельствуют о том, что существует как полная интеграция в сельское сообщество, так и частичная интеграция в него или выход из конфликта путем «бегства» из сельской местности. Эскапизм обусловлен в первую очередь тем, что молодые врачи считают работу на селе бесперспективной и сложной для интеграции в контексты повседневных практик сельской жизни.

Список литературы

1. Кодин И.Н. Не хлебом единым…: практики трудового поведения сельских жителей (случай села Парфеньево) // Лабиринт (Журнал социально-гуманитарных исследований). 2014. № 3. С. 40–48.

2. McKeown T. The role of medicine: dream, mirage, or nemesis? Princeton University Press, 2014. 226 p.

3. Parsons T. The social system. Free press, 1964. 575 p.

4. Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The professions. F. Cass, 1933. 536 p.

5. Freidson E. Professionalism reborn: Theory, prophecy, and policy. University of Chicago Press, 1994. 238 p.

6. Starr P. The social transformation of American medicine. Basic Books, 1982. 356 p.

7. Thirioux B., Birault F., Jaafari N. Empathy is a protective factor of burnout in physicians: new neuro-phenomenological hypotheses regarding empathy and sympathy in care relationship // Frontiers in Psychology. 2016. V. 7. P. 763.

8. Drinka T.J.K., Clark P.G. Health care teamwork: Interdisciplinary practice and teaching. Greenwood Publishing Group, 2000. 224 p.

9. Хьюз Э.Ч. Изготовление врача: общая формулировка идей и проблем // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 313–319.

10. Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды: Россия, конец XX – начало XXI в. Nauka, 2010. С. 183.

11. Хэмфри М.Т. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 105–124.

12. Evetts J. A new professionalism? Challenges and opportunities // Current Sociology. 2011. V. 59. № 4. P. 406–422.

13. Becker H.F. et al. Boys in white // Academic Medicine. 1962. V. 37. № 4. P. 406.

14. Marshall T.H. The recent history of professionalism in relation to social structure and social policy // Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue Canadienne de Economiques et Science Politique. 1939. V. 5. № 3. P. 325–340.

15. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

16. Mellow M. The work of rural professionals: doing the gemeinschaft gesellschaft gavotte // Rural Sociology. 2005. V. 70. № 1. P. 50–69.

17. Sureshkumar P. et al. Factors related to doctors' choice of rural pathway in general practice specialty training // Australian Journal of Rural Health. 2017. V. 25. № 3. P. 148–154.

18. Campbell C.D., Gordon M.C. Acknowledging the inevitable: Understanding multiple relationships in rural practice // Professional Psychology: Research and Practice. 2003. V. 34. № 4. P. 430.

19. Вяткина Н.Ю., Вахромеева А.Ю. Возрождение земской медицины: реалии и перспективы // Социология медицины. 2012. № 2. С. 38–40.

20. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2012. 386 с.

21. Riessman C.K. Narrative methods for the human sciences. Sage, 2008. 251 p.

22. Фуко М. Рождение клиники. Академический проект, 2010. 275 с.

23. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.

24. Рубцова М.В., Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Профессиональные и экспертные сообщества как субъекты управления в контексте общества знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология. 2013. № 1. С. 69–73.

25. Miller R.S. Successful urban-to-rural professional role transition // Community Mental Health Journal. 1981. V. 17. №. 2. P. 143–152.

26. Jordan B. Birth in fourth cultures: A crosscultural investigation of childbirth in Yucatan, Holland, Sweden, and the United States. 4 ed. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, 1992. 199 p.

27. Martin E. The woman in the body: A cultural analysis of reproduction: with a new introduction. Boston: Beacon Press, 2001. 276 p.

28. Davis-Floyd R. Birth as an American Rite of Passage. 2 ed. With a New Preface. Berkeley: University of California Press, 2004. 382 p.

29. Михель Д.В. Изучая культуру, здоровье и болезнь: медицинская антропология как область знания // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 1 (70). С. 205–217.

30. Чеботарева О.А. Патернализм в отечественной медицине: Автореф. дис. ... канд. социол. н. Волгоград: Волгоградский гос. мед. ун-т, 2006. 22 с.

31. Петрова Л.Е. Больной врач как коллизия профессионализма: социологический анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 148–153.

PROFESSION, COMMUNITY AND EVERYDAY LIFE IN THE NARRATIVES OF YOUNG RURAL DOCTORS

K.A. Galkin

National Research University Higher School of Economics

In today's research of professional identity in relation to medical professions, this phenomenon is often considered in the context of individual features of professional choice and professional practices. However, there are obvious differences in the professional field, working conditions and professional practices that are determined by the urban and rural contexts. Young doctors have to face different problems in the context of integration into their professional community. In this study, based on the thematic analysis of interview narratives with young doctors from the Leningrad Region (*n*=20), we attempted to answer the questions: «How can a young doctor preserve one's professional identity formed in the context of study-

ing/working in a large city? How to form one's own unique identity, based on the prospect of integration into the rural community?» The results of the research clarify and expand the issues of forming doctors' professional identity in the context of the local community, and can serve as a basis for further research, for example, focusing on the interaction of local and professional identities.

Keywords: professional practices in rural areas, young doctors, rural communities, professional identity.

УДК 316.356.2

АДАПТАЦИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2018 г.

Ю.А. Кострова

Кострова Юлия Андреевна, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета
kostrovaju@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.06.2018
Статья принята к публикации 18.07.2018

Показано, что, определяя молодую семью как самостоятельный феномен в процессе типологизации семей по критериям возраста супругов, очередности брака и стажа супружеской жизни, государство конструирует определенную модель семейных отношений, в рамках которой возможно наиболее полное удовлетворение такой потребности общества, как воспроизводство населения. Механизмом данного процесса является официальный дискурс социальной политики, формирующий определенные нормативные представления о характере, способах и результатах процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу. Условия институциализации социальной политики как пространства адаптационных ресурсов молодой семьи определили формирование двух теоретико-методологических подходов к изучению данного феномена в социологии: объективистского и субъективистского. Их противоречивое влияние на официальный дискурс социальной политики в отношении молодой семьи обусловливает противоречия в трактовке ее статуса и роли в современном российском обществе. С одной стороны, молодая семья репрезентируется как ресурс общества, активная, движущая его сила, с другой – ей отводится лишь роль поддержания непрерывного воспроизводства населения. Одним из основных критериев нормативного развития молодой семьи служат интересы общества, а не самих индивидов, вступающих в семейные отношения и формирующих их.

Ключевые слова: молодая семья, социальная политика, социальная адаптация, официальный дискурс.

Социальная политика представляет собой неотъемлемую часть политической жизни в целом, а следовательно, задает область специфической деятельности, посредством которой государство реализует свои властные полномочия по определению норм и правил в социальной сфере. При этом, в отличие от других видов политической деятельности, социальная политика оказывает наиболее сильное влияние на частную жизнь человека, регулируя такие ее аспекты, как супружеские и родительско-детские отношения.

Регулирование процессов социального мира государство осуществляет с помощью различных техник или практик. Так, например, М. Фуко в качестве таких техник выделяет надзор (контроль), нормализацию, исключение, классификацию и регуляцию [1, с. 192]. Все они могут использоваться как непосредственно через соответствующие социальные действия институтов государственной власти, так и опосредованно через создание системы идей, воплощающих в себе социальные ожидания относительно нормативных характеристик, образов, действий. Такие системы идей в литературе обозначают, используя термины «режим доверия», «доминирующие официальные дискурсы», «доминантные дискурсивные режимы». Согласно М. Фуко, нормы – социальная конструкция, действующая в сфере власти и производимая отношениями власти [1]. Закрепляя определенные нормы, правила, статусы и роли, посредством формирования определенного дискурса, государственная социальная политика формирует предсказуемое поведение, которое моделируется и регулируется в соответствии с общественными потребностями.

Концептуализируя молодую семью как самостоятельный феномен в процессе типологизации семей по критериям возраста супругов, очередности брака и стажа супружеской жизни, государство конструирует определенную модель семейных отношений, в рамках которой возможно наиболее полное удовлетворение такой потребности общества, как воспроизводство населения. Далее посредством различного рода поощрений, контроля и санкций формируется система социально одобряемых ролей и семейных практик, которые зачастую не осознаются молодыми семьями, но при этом организуют их повседневный опыт, влияя на идеи, мысли и действия. Поэтому выбор молодой семьей стратегии адаптации к трансформирующемуся российскому обществу нередко ограничивается сложившимися дискурсивными практиками государственной социальной поли-

тики, отражающими спектр возможностей и барьеров для осуществления жизненных планов.

Для исследования адаптации молодой семьи в контексте властных отношений была проанализирована современная риторика официальных текстов социальной политики, касающаяся молодой семьи, посредством которой регламентируется и контролируется нормативное развитие семейных отношений. В качестве метода исследования был выбран дискурсивный анализ официальных текстов социальной политики. Использование данного метода было обусловлено следующими причинами. Тема молодой семьи в последнее время является широко освещаемой и достаточно популярной. Практически во всех базовых нормативных документах социальной политики в отношении молодежи, семьи, демографического развития, улучшения жилищных условий, развития систем образования, здравоохранения и социальной защиты населения проблемы становления семьи, так или иначе, представлены. Однако, несмотря на широкую представленность темы молодой семьи в документах социальной политики, отражающих различные направления и уровни ее реализации, данная тема не является приоритетной ни для одного из перечисленных документов. Поэтому контент-анализ не обеспечил бы достаточного по объему материала для анализа механизмов влияния социальной политики на процесс адаптации молодой семьи.

Существенное значение имеет и тот факт, что дискурсивный анализ позволяет увидеть не только содержание текста, но и его контекст, особенности его организации, множественность значений и противоречия между ними. При этом мы опираемся на идеи Т.А. Ван Дейка, подчеркивающего важную роль дискурса в конструировании нормативных представлений о различных явлениях общественной жизнедеятельности, влияющих на характер их дальнейшего существования и развития [2]. Обратим внимание и на тот факт, что на протяжении 90-х гг. XX в. существенную роль в определении содержания процесса становления брачно-семейных отношений играло государство. Кризисный характер адаптации семей в начальный период трансформации российского общества обусловил необходимость их активной социальной поддержки, ведущим субъектом которой на тот момент могло быть только государство, учитывая глубину и масштабность негативных последствий всестороннего реформирования. Основные адаптационные ресурсы оказались доступны лишь в пространстве государственной социальной политики, направленной на уменьшение масштаба кризисных явлений, посредством постоянного наращивания удельного веса социальных затрат в совокупных расходах государства. Все перечисленное позволило государству оказывать значительное влияние на реальные практики молодой семьи, опосредуя деятельность по воспроизводству определенных линий адаптационного поведения на уровне повседневных взаимодействий. Поэтому для нас важно было проанализировать, каким образом сконструированный официальным дискурсом образ молодой семьи, модель ее развития, приписанные роли взаимодействуют с повседневными практиками молодой семьи в процессе ее адаптации к трансформирующемуся российскому обществу, какие противоречия и конфликты встречаются в ходе подобного взаимодействия.

Методологической основой исследования официальных текстов социальной политики стали основные принципы и методы дискурсивного анализа [3, 4]. В основе подхода, сформулированного указанными авторами, разбиение текстов на составные части по особым приемам и последующее сравнение текстов по их составным частям в контексте целей и задач исследования [4].

За единицу анализа в нашем исследовании принята нормативная дискурсивная конфигурация процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу. Под нормативной дискурсивной конфигурацией мы понимаем распределение одобряемых ролей участников процесса адаптации (молодая семья и государство) и взаимодействие их в контексте анализируемого текста. Дискурсивный анализ также предполагает выделение устойчивых связей между позицией, занимаемой молодой семьей, атрибутами молодой семьи и выполняемыми ею действиями в процессе адаптации к трансформирующемуся российскому обществу.

В качестве структурных компонентов нормативного развития молодой семьи, которые мы затем искали в тексте, нами были определены следующие элементы: характеристики, приписанные членам молодой семьи; особенности процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу; роли, обусловливающие определенные права и обязанности молодой семьи и государства.

Кроме выделенных структурных элементов, согласно избранной методике, анализу подлежат так называемые «переменные элементы», к которым относятся связующие элементы, мотивировки, формы появления, атрибуты или аксессуары [4]. Мотивировки представляют собой причины и цели, которые должны стимулировать молодую семью на те или иные действия, приписываемые как типичные. Форма появле-

ния – способы реализации молодой семьей определенных для нее официальным дискурсом ролей. Атрибуты включают совокупность всех внешних качеств молодой семьи, включая характеристики молодых супругов, степень активной включенности в процесс адаптации к трансформирующемуся российскому обществу, уровень материального благосостояния, обеспеченности жильем, наличие детей и т. д.

Рассмотрим особенности той социальной реальности, под влиянием которой складывался нормативный образ молодой семьи.

Формирование официального дискурса социальной политики в отношении молодой семьи происходит на стыке двух основных подходов, оформившихся в теории социальной политики к началу XXI в. Объективистский/холистский подход складывался под влиянием процесса нарастания и углубления кризисных явлений во всех сферах российского общества, сопровождавших всестороннее реформирование российского государства. Главной задачей социальной политики в этот период стала разработка и внедрение социальных механизмов, способных компенсировать негативные последствия трансформационного процесса. Отсюда повышенное внимание как в теории, так и практике социальной политики к семьям, классифицируемым по критерию социального риска. При этом молодая семья автоматически причислялась к тому или иному виду в рамках данной типологии. Указанное обстоятельство определяло концептуализацию молодой семьи в контексте социальной политики трансформирующегося социума в категориях пассивности, дезадаптации, социального риска.

К другим важнейшим особенностям объективистского/холистского подхода к пониманию роли и положения молодой семьи в трансформирующемся российском обществе отнесем следующие. Социальная политика отождествлялась с социальной защитой, понимаемой как система мер помощи слабым группам населения. Исследования социальной политики, в рамках которых делались попытки преодолеть такой ограниченный взгляд на нее, составляли исключение на фоне доминирующих публикаций, сводящих социальную политику к социальной поддержке наиболее незащищенных категорий населения. Соответственно, из всей совокупности молодых семей в проблемное поле социальных исследований попадали лишь те молодые семьи, которые по тем или иным причинам становились клиентами социальных служб. Подобный подход в социальной политике, ведущий к типологизации семей по критерию нуждаемости в заботе и лечении, способствовал укреплению идеи «патернализма», что приводило к нарастанию тенденций пассивности и иждивенчества среди молодых семей.

Признавалась односторонняя способность социальной политики детерминировать действия отдельных индивидов и групп, в силу чего развитие молодой семьи в контексте социальной политики объяснялось с точки зрения позиций, занимаемых молодой семьей в обществе, и функций, выполняемых ею для поддержания общей стабильности. Таким образом, молодая семья в рамках данного подхода рассматривается в качестве пассивного реципиента правил и норм, формируемых социальной политикой, определяющей границы действия молодой семьи. В силу сказанного главным экспертом в развитии молодой семьи выступало государство.

Процесс адаптации молодой семьи в контексте социальной политики трансформирующегося российского социума анализировался с позиций традиционных статусных характеристик: образование, уровень дохода, социально-профессиональные характеристики, условия жизни, ценностные ориентации, правила и нормы поведения. Жизненные шансы и перспективы молодой семьи, соответственно, определялись уровнем развития перечисленных характеристик. При этом акцент делался на экономической составляющей адаптационных возможностей молодой семьи, таких как жилищные условия, уровень доходов, обладание собственностью.

Отличительной особенностью субъективистского/индивидуалистского подхода к формированию официального дискурса социальной политики стало изменение методологических ориентаций социологии социальной политики, произошедшее вслед за сменой доминирующей парадигмы в социологии в целом. Основой нового методологического подхода выступили интерпретационные концепции и качественные методы исследования. В центре внимания оказались не макроструктуры социальной политики, выступающие как нечто «внешнее» по отношению к человеческой деятельности, являющиеся источником, порождающим ограничения свободной инициативы независимого субъекта, но отдельные индивиды, которые воспринимают, мыслят и создают эти структуры, действуя затем на этой основе.

Подобная «мультипарадигмальность» в социологии семьи привела к отказу от описания процесса адаптации молодой семьи исключительно в терминах функционализма. Эффективное выполнение молодой семьей определенного набора функций перестает быть единственным критерием успешной ее адаптации. Сам адаптационный процесс молодой семьи начинает рас-

сматриваться не в контексте интересов общества, а с позиций самой молодой семьи.

Формирование нового подхода в теории социальной политики, когда в центре внимания находится индивид, а не общество, привело к корректировке самого определения социальной политики, которая трактуется как процесс согласования условий жизни с потребностями и интересами молодой семьи, свободно выбирающей свой жизненный путь.

Столкновение двух противоположных подходов к пониманию места и роли молодой семьи в социальной политике трансформирующегося российского общества привело к противоречивости официального дискурса социальной политики в отношении молодой семьи. С одной стороны, молодая семья в официальных текстах предстает перед нами как активный участник, субъект процесса развития российского общества, с другой – остается неопытной, неспособной самостоятельно адаптироваться к условиям быстро меняющейся окружающей среды и, вследствие этого, нуждающейся в защите и опеке со стороны государства.

Другая важная особенность формирования официального дискурса социальной политики в отношении молодой семьи была связана с углублением процесса дифференциации самой социальной политики. Молодая семья в настоящее время выступает в качестве объекта молодежной политики, семейной политики, жилищной политики, демографической политики, политики занятости населения и так далее. В результате подобного структурирования жизнедеятельности молодой семьи с отнесением отдельных структурных элементов к разным отраслям социальной политики молодая семья утрачивает свою целостность в социально-политическом пространстве. В качестве предмета внимания семейной политики молодая семья становится только в результате присвоения ей статуса одной из групп семей, классифицируемых по критериям социального риска. В рамках молодежной политики молодая семья как целостное образование заменяется молодыми супругами как представителями социальной группы молодежи, что стимулирует тенденции индивидуализации, замены категории «семья» на категорию «индивид». Ряд авторов даже отмечают, что целостный подход к семье невозможно реализовать на уровне социальной политики.

Отметим, что данная тенденция структурирования молодой семьи на отдельные элементы как в теории, так и в практике социальной политики продолжает развиваться до сих пор. Так, например, ряд авторов предлагает выделить в отдельную отрасль социальной политики политику в отношении женщин. Сказанное формирует пространство факторов, препятствующих процессу институциализации молодой семьи как целостного феномена, который способен функционировать и развиваться с сохранением целостности [5]. Таким образом, официальный дискурс социальной политики оставляет без внимания внутреннюю адаптацию молодой семьи, игнорируя ее влияние на успешность процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся обществу, в целом. Лишь в одном документе упоминается такая мера социальной поддержки молодой семьи, как «содействие сплочению семьи, … формированию общесемейных целевых ориентиров и интересов». Таким образом, в официальном дискурсе социальной политики современного российского государства молодая семья не легитимируется как целостный феномен.

Анализ особенностей ситуации, обусловливающей формирование официального дискурса социальной политики в отношении молодой семьи, позволяет составить две классификации контекстов репрезентации молодой семьи. При этом под контекстом репрезентации молодой семьи мы понимаем совокупность условий, определяющих смыслообразующие характеристики концептуализации молодой семьи. Во-первых, это разделение контекста на типы по отраслям или видам социальной политики. И тогда можно выделить такие контексты, как молодежный, семейный, демографический, жилищный. Особенностью взаимодействия данных типов контекста является доминирование молодежного контекста, определяющего молодую семью как представителя общности «молодежь». Подтверждением может служить объем документов разных отраслей социальной политики, которые отражают процесс развития молодой семьи. В молодежной политике количество подобных документов на порядок больше. Кроме того, именно концептуализация молодой семьи по возрасту супругов получила свою легитимизацию во всех рассматриваемых нами контекстах репрезентации молодой семьи в официальном дискурсе социальной политики.

Указанная особенность взаимодействия разных контекстов репрезентации молодой семьи подкрепляет описанную нами выше тенденцию «индивидуализации» современного общества. Молодая семья в контексте социальной политики утрачивает свою целостность. Объектом внимания социальной политики выступают либо молодые супруги, либо дети, либо даже отдельно женщины, выполняющие роль материнства. Несформированность представлений о целостности молодой семьи на уровне легитим-

ного дискурса, безусловно, затрудняет процесс адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу, требующий непременного сохранения единства в противовес распаду семейной структуры. Взаимодействие молодой семьи и государственной социальной политики оказывается возможным только на уровне отдельных ее членов, что приводит к конфликту повседневных практик адаптации молодой семьи и нормативных представлений о процессе становления семейных отношений.

Другой особенностью взаимодействия семейного, молодежного, жилищного и демографического контекстов репрезентации молодой семьи является специфика определения роли молодой семье. Так, важнейшая в демографическом контексте роль обеспечения воспроизводства населения определяет иерархию ролей молодой семьи и в других контекстах. Поэтому, несмотря на многообразие ролей, приписываемых официальным дискурсом семье и молодежи, в отношении молодой семьи все они сводятся к одной – репродуктивной. Соответственно, система мер поддержки молодой семьи выстраивается исходя из значимости для успешного выполнения молодой семьей роли воспроизводства населения. В отдельных документах данная роль дополняется ролью первичной социализации ребенка, что должно вносить вклад в процесс воспроизводства трудовых ресурсов. Отсюда роли общества по отношению к молодой семье ограничиваются такими, как материальное стимулирование рождаемости, поддержание репродуктивного здоровья, поддержка молодой семьи в социализации ребенка. За пределами внимания остаются такие общественные роли, как моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, регламентация ответственности и обязательств в отношениях между супругами, родителями и детьми; развитие личности членов семьи; предоставление определенного социального статуса членам семьи, воспроизводство социальной структуры; организация рационального досуга; эмоциональная стабилизация, сексуальный контроль. Что касается индивидуальных ролей, то вне социальной политики остались: формирование и поддержание правовых и моральных санкций за недолжное поведение и нарушение моральных норм взаимоотношений между членами семьи; удовлетворение потребности в социальном продвижении; удовлетворение потребности в совместном проведении досуга, взаимообогащение досуговых интересов; получение эмоциональной поддержки в семье, удовлетворение потребности в личном счастье, любви, получение хозяйственно-бытовых услуг одними членами семьи от других (классификация ролей по М.С. Мацковскому [6]). Отметим, что рождение ребенка в семье – кризисный момент в становлении семейных отношений. Поэтому государственная социальная политика, стимулирующая рождаемость в молодых семьях, не обеспечивая при этом формирования механизмов воспроизводства устойчивой семейной структуры, способной сохранять целостность под влиянием различных факторов окружающей среды, снижает эффективность адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу в целом.

Контексты репрезентации молодой семьи в официальном дискурсе социальной политики можно классифицировать и по такому основанию, как уровень реализации социальной политики: соответственно данному критерию можно выделить федеральный и региональный контексты адаптации молодой семьи.

Классификация контекстов официального дискурса социальной политики в отношении молодой семьи позволяет определить условия, препятствующие социальной адаптации молодой семьи. Так, например, возраст молодых супругов по-прежнему остается одним из определяющих критериев, концептуализирующих молодую семью как самостоятельный социальный феномен, тогда как в литературе отмечается проблематичность использования жестких возрастных границ при определении молодой семьи [7]. Возраст во все времена был одним из основных факторов, детерминирующих определенные социальные ожидания. Борьба классификаций может привести к изменениям видения и деления социального мира, особенно если к категориям, определение которых стоит под вопросом, присоединены права, как, например, льготное кредитование на улучшение жилищных условий. Это способствует, с одной стороны, приданию некой «социальной устойчивости» той категории, которую стремятся образовать молодые семьи, так как защита прав может стать фактором мобилизации (когда эти права оказываются под угрозой). С другой стороны, данное обстоятельство может стать причиной эксклюзии и дискриминации тех молодых семей, которые не подпадают под установленные критерии.

Раскрыв особенности ситуации, определяющей формирование официального дискурса социальной политики в отношении молодой семьи, вернемся к анализу структурных элементов анализируемых текстов, важное место среди которых занимают роли молодой семьи.

Молодая семья рассматривается в официальных текстах социальной политики преимущественно как представитель молодого поколения или молодежи. Трактовка молодой семьи, предпола-

гающая четкое ограничение возраста супругов, тиражируется во всех нормативных документах, так или иначе затрагивающих интересы молодой семьи. Кроме того, государственная поддержка молодежи в создании семьи провозглашается приоритетной задачей молодежной политики.

Концептуализация молодой семьи как представителя молодежи обусловливает наделение ее ролями «стратегического ресурса развивающегося общества», «созидателя, активного участника общественной жизнедеятельности», «хранителя исторического и культурного наследия», «равноправного партнера в реализации государственной социальной политики», ролью «обеспечения общественной стабильности и прогресса». Однако, наряду с перечисленными ролями, мы встречаем и такое описание положения молодой семьи, как «источник снижения качества жизни и здоровья всего населения», «увеличение числа наркозависимых», «рост правонарушений и преступности в молодежной среде», «нуждающаяся» в улучшении жилищных условий, повышении уровня образования, стабилизации материального положения. Такое состояние перехода от детства к взрослости обусловливает возможность развития ряда негативных тенденций, что дает основание закреплению в официальном дискурсе социальной политики ролевой неопределенности молодой семьи. Не избавляют от противоречивости в толковании ролевой принадлежности молодой семьи и два других критерия концептуализации данного понятия. Критерий очередности брака предполагает отсутствие в прошлом опыта создания семьи у обоих молодых супругов, что рассматривается как фактор дестабилизации семейных отношений и обусловливает формулирование дополнительных мер поддержки, а нередко и защиты молодой семьи: «развитие системы пособий молодым семьям», «расширение натуральных выдач, льгот и дополнительных целевых выплат молодой семье», «распространение специальной литературы для семьи среди молодежи, молодых родителей», «обеспечение жильем молодых семей».

Дискурс-анализ государственной социальной политики в отношении молодой семьи позволил выявить и еще одну важную особенность концептуализации легитимных характеристик молодой семьи. Иерархическая структура приписываемых молодой семье ролей выстраивается во всех базовых документах социальной политики в однозначно заданной последовательности. Приоритетной ролью молодой семьи признается воспроизводство трудовых ресурсов российского общества. Именно данная роль выступает системообразующей, связывающей разные контексты представления молодой семьи, формирующей единый образ «нормативного» развития данного института.

Что касается особенностей процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому социуму, то на данный процесс влияет ряд факторов, согласно анализируемым текстам: обеспеченность жильем, уровень дохода молодой семьи, репродуктивное здоровье, количество детей, социальная защита. При этом констатируется, что данные факторы в их сегодняшнем воплощении негативно влияют на процесс адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу. В связи с этим ресурсную базу процесса адаптации молодой семьи призваны формировать материальные выплаты и улучшение жилищных условий.

Успешность адаптационного процесса в молодой семье измеряется фактически количеством рожденных детей. Поддержание роли материнства осуществляется так же, как и поддержание процесса адаптации в целом, – посредством материальных выплат, льгот, системы родовых сертификатов. При этом по-прежнему остаются без внимания вопросы совмещения роли материнства с получением образования, трудовой деятельностью. Более того, имеет место, на наш взгляд, приравнивание труда к занятости, что способствует игнорированию таких важных аспектов социального статуса молодой семьи, как организация быта и уход за детьми.

Таким образом, одним из основных критериев нормативного развития молодой семьи служат интересы общества, а не самих индивидов, вступающих в семейные отношения и формирующих их. При этом предполагается, что интересы общества и молодой семьи совпадают, поэтому государственные интересы задают необходимое направление, с которым следует сверяться в процессе адаптации к быстро меняющимся условиям трансформирующегося российского общества.

В целом, если оценить содержание проанализированных текстов, то ведущей тематикой является не адаптационный процесс в современной молодой семье, а ее репродуктивное поведение. Таким образом, процесс адаптации не является приоритетной задачей социальной политики в отношении молодой семьи. Внимание данному аспекту развития молодой семьи уделяется постольку, поскольку процесс адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу способствует повышению рождаемости в данной группе населения.

Таким образом, официальный дискурс социальной политики как пространство адаптационных ресурсов молодой семьи формируется на стыке двух теоретико-методологических подхо-

дов: объективистского и субъективистского, что порождает противоречия в трактовке статуса молодой семьи, ее роли в современном российском обществе. С одной стороны, молодая семья репрезентируется как ресурс общества, активная, движущая его сила, с другой – ей отводится лишь роль поддержания непрерывного воспроизводства населения. Успешность адаптационного процесса в молодой семье измеряется при этом фактически количеством рожденных детей. Ресурсную базу процесса адаптации молодой семьи призваны формировать материальные выплаты и улучшение жилищных условий. Важной особенностью формирования официального дискурса социальной политики является также углубление процесса дифференциации самой социальной политики. Молодая семья оказываемся объектом различных видов политической деятельности государства: семейной, молодежной, демографической политики. Однако такое пристальное внимание к молодой семье на практике приводит, с одной стороны, к простому дублированию адаптационных ресурсов, стимулирует процессы «индивидуализации» молодой семьи, тенденции подмены семьи индивидом. С другой стороны, ограничивает пространство адаптационных ресурсов лишь отдельными их видами, важнейшими с точки зрения государства.

Список литературы

1. Фуко М.П. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 215 с.

2. Dijk T.A. van. Introduction: The role of discourse analysis in society // Handbook of Discourse Analysis. L. etc., 1985. Vol. 4. P. 1–8.

3. Здравомыслов Е.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171–182.

4. Тартаковская И.Н. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 246–265.

5. Ростовская Т.К. Роль молодой семьи в формировании человеческого капитала // В сб.: Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия. В 2 томах / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр». Том. 2. С. 297–302.

6. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 116 с.

7. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е. Молодая семья в контексте социологии семьи // Личность. Культура. Общество. 2015. № 3–4 (87–88). С. 195–206.

ADAPTATION OF A YOUNG FAMILY IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY'S SOCIAL POLICY

Yu.A. Kostrova

Samara National Research University

The article shows that by defining the young family as an independent phenomenon in the typology of families according to the age criteria of spouses, the order of marriage and the length of married life, the state constructs a certain model of family relations, within which the most complete satisfaction of society's need for population reproduction is possible. The mechanism of this process is the official discourse of social policy, which forms certain normative concepts with regard to the nature, methods and results of a young family's adaptation to Russia's transforming society. The conditions for social policy institutionalization as a space for a young family's adaptive resources have determined the development of two theoretical and methodological approaches to the study of this phenomenon in sociology: objectivist and subjectivist. Their contradictory influence on the official social policy discourse with regard to the young family results in some contradictions in the interpretation of its status and role in contemporary Russian society. On the one hand, the young family is represented as a resource of society, its active driving force. On the other hand, it is only delegated the role of supporting continuous reproduction of the population. Thus, one of the main criteria for the normative development of a young family are the interests of society rather than of individuals forming family relations.

Keywords: young family, social policy, social adaptation, official discourse.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 372.4: 371.314.6

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ПРОЕКТНЫЕ ЗАДАЧИ В ОБУЧЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2018 г.

А.В. Машина, М.В. Шептуховский

Машина Алия Вакильевна, аспирант кафедры экологии и географии
Ивановского государственного университета
aliyalotos.ru@mail.ru
Шептуховский Михаил Васильевич, д.пед.н.; профессор кафедры экологии и географии
Ивановского государственного университета
iogs4p17@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.05.2018
Статья принята к публикации 16.07.2018

Раскрывается сущность понятия «естественнонаучные проектные задачи» в начальном образовании школьников в контексте учебной деятельности. Определяются подходы к рассмотрению данного понятия через категории «учебная задача» и «проект». Выявляется общность понятий «учебная задача» и «проектная задача». Понятие о проектной задаче в школьном курсе «Окружающий мир» анализируется на основе особенностей естественнонаучного познания окружающего мира. Понятие о естественнонаучной проектной задаче раскрывается через ряд следующих характеристик: одновременная принадлежность к категориям учебных и проектных задач; привязанность к уроку или экскурсии (что обеспечивает осуществление контролирующей функции учителем); направленность в первую очередь на овладение методами естественнонаучных исследований, а также на познание школьниками неизвестной реальности, которая служит для них источником информации.

Ключевые слова: учебная деятельность, естественнонаучные проектные задачи, специфика естественнонаучного познания, младшие школьники.

Начальное образование в соответствии с ФГОС начального общего образования (далее – ФГОС НОО) ориентирует современного учителя на организацию учебной деятельности школьников, структура которой была в целом определена и разработана в исследованиях отечественных психологов. Наши наблюдения за деятельностью ряда коллективов начальных школ Ивановской области, за педагогической деятельностью отдельных учителей начальных классов, в том числе – за особенностями проведения ими уроков по курсу «Окружающий мир», наше участие в работе экспертных комиссий по оценке результатов проектной деятельности школьников позволяют сделать тревожное заключение о существовании ряда методических *проблем*, среди которых обозначим следующие. Во-первых, характеризующий учебную деятельность «задачный» тип обучения в начальном естественнонаучном образовании практически не используется, что не позволяет уверенно констатировать наличие учебной деятельности в ее понимании Д.Б. Элькониным, С.Л. Рубинштейном и В.В. Давыдовым. При этом изредка можно выявить лишь ее отдельные элементы, возникающие стихийно-эмпирическим путем. Во-вторых, в курсе «Окружающий мир» (раздел «Естествознание») на этапе обучения не реализуется специфическая методология естественнонаучного познания, что не соответствует требованиям ФГОС НОО.

Мы *предполагаем*, что возникновение очерченных проблем в значительной степени связано с тем, что достаточно распространенное в педагогической науке понятие «проектные задачи» не связывалось с особенностями его применения в естественнонаучном образовании младших школьников, не раскрыта и методика их использования в курсе «Окружающий мир». Соответственно, *целью* нашего исследования является раскрытие сущности понятия «естественнонаучные проектные задачи» с выявлением таких их характеристик, которые обеспечивают естественнонаучное образование младших школьников в контексте учебной деятельности.

Предварительно предпринятые нами *эмпирические методы исследования* – наблюдение (в том числе и включенное), а также беседа – позволили выявить отмеченные выше методические проблемы в естественнонаучном образовании младших школьников. *Конструктивным методом* исследования был контент-анализ (В.В. Краевский), в результате которого на основе анализа смысловых единиц понятий об учебной и проектной деятельностей младших школьников, а также специфики методологии естественнонаучного познания была получена объективная информация, позволяющая ценностно ориентировать соответствующую методику на организацию учебного процесса в контексте ФГОС НОО. Сравнительный анализ текстов учебников для начальной школы позволил более убедительно аргументировать необходимость использования естественнонаучных проектных задач на фоне традиционно используемых практических работ. Вместе с тем анализ отдельных компонентов учебников показал уровень соответствия их целевым документам.

Термин «задача» имеет несколько толкований, и все они находятся в контексте обсуждаемого вопроса. Задача характеризуется тем, что она «требует исполнения, разрешения»; выполняется «посредством умозаключения, вычисления»; кроме того, она трактуется как «сложный вопрос, проблема, требующие исследования и разрешения»; о ней говорят как о чем-то «трудновыполнимом, сложном» [1, с. 207]. Такое широкое толкование задачи затрудняет использование соответствующего термина применительно к задачам учебного типа, применяемым в образовании.

Согласно взглядам Д.Б. Эльконина, понятие задачи суживается, приобретая статус учебной задачи – важнейшего структурного компонента учебной деятельности, которая является не просто заданием, а целой системой заданий, в результате решения которой «открываются и осваиваются наиболее общие способы решения относительно широкого круга вопросов в данной научной области» [2].

Такая трактовка Д.Б. Элькониным учебной задачи не согласуется с существующей и широко распространенной ныне методикой преподавания естествознания в начальной школе в рамках предметной области «Окружающий мир». В практике преподавания указанной учебной дисциплины еще широко распространен традиционный подход, основанный на пассивных методах преподавания, ориентирующих учение школьников на запоминание и пересказ текстов учебников. Слово учителя и тексты учебника, значительно реже – практические (точнее – манипулятивные) действия школьников и рассматривание вместо наблюдения вытеснили наиболее продуктивные формы и методы естественнонаучного познания. В итоге учебный процесс направлен на овладение информацией о том, *какой* мир их окружает и какие процессы в нем происходят.

В противовес этому понятие об учебной деятельности основано на альтернативе, означающей необходимость овладения школьником умением познавать мир, давать ответы на вопросы о том, *как узнать*, какой мир их окружает, и *как узнать*, что в нем происходит, что мы и относим к «одному из наиболее общих способов решения относительно широкого круга вопросов в данной научной области» [2]. Эта позиция может быть продуктивно реализована лишь в учебной деятельности, одним из ведущих структурных компонентов которой является учебная задача. Соответствующий тип обучения может именоваться «задачным». Задачный тип обучения не ограничивается только решением частных задач, относящихся к тому или иному классу. Напротив, «при решении учебной задачи школьники первоначально овладевают общим способом решения частных задач» [3, с. 152] на примере одной из них и на основе выявленного некоего общего пути решают все задачи данного класса. Мы полагаем, что одним из многочисленных классов учебных задач может быть естественнонаучное исследование окружающего мира, развивающееся по своеобразному поисковому алгоритму и дающее возможность учителю использовать множество задач частного характера.

В силу того что в современном образовании, в том числе и начальном естественнонаучном, все большую актуальность приобретает проектное обучение, необходимо также определиться с его отношением к обучению задачного типа.

Мы исходим из того, что проектное обучение детерминировано понятием «проект», но не сводится целиком к нему. Оставим без обзора исторический аспект вхождения проектов в образование, – отметим лишь сущность соответствующей категории. «Проект» обычно считается аналогом категорий «план», «замысел», «программа», «схема», «намерение» и т.п. [4, с. 289], [5, с. 456]. С этой точки зрения понятие проекта включает любую человеческую деятельность вообще, ибо она всегда целеполагаема. Примечательно, что по этому поводу Ж.-П. Сартр писал: «даже самое примитивное поведение должно определяться не только обусловливающим его отношением к реальным, имеющимся налицо факторам, но и отношением к тому будущему объекту, который оно стремится вызвать к жизни. Это мы и называем проектом» [6, с. 87].

Отношение к будущему есть не что иное, как замысел («ориентировочная основа» действий [7]), исходящий от субъекта и выражающий собой мотивированные действия, которые, согласно Д.Б. Эльконину, свидетельствуют о «запуске» учебной деятельности. В.В. Давыдов, ссылаясь на идеи мыслителей прошлого, также отмечал, что «образ будущего имеет существенное значение в построении человеческого действия» [3, с. 27].

Таким образом, в контексте учебной деятельности понятие «учебная задача» может приобрести общее смысловое поле с понятием «проект»; в этом случае ее обоснованно можно называть задачей проектного типа, или «проектной задачей». Их общность проявляется в следующих позициях: а) в процессе решения задачи у школьников мотивированно возникает проектный *замысел* о том, как ее решить; в процессе рождения замысла школьник выступает субъектом учебной деятельности; б) замысел (мотив совершения познавательных действий) может возникнуть лишь в «зоне ближайшего развития» (Л.С. Выготский), тем самым задачи характеризуются как *поисковые, исследовательские*; в) в процессе работы над задачей школьники *овладевают общим способом решения* целой серии (типа) задач подобного уровня, осваивая некие учебные действия как универсальные. Таким образом, проектные задачи в начальном естествознании могут иметь исследовательский характер, то есть быть нацеленными на освоение широкого круга исследовательских действий, и относиться к одной из разновидностей учебных задач, решаемых в курсе «Окружающий мир», с целью овладения способами научного познания окружающего мира.

Заметим: мы не считаем, что на уроках естествознания в образовательной области «Окружающий мир» все иное (не относящееся к задачному типу обучения) будет противоречить контексту ФГОС НОО как нечто типичное только для традиционной образовательной парадигмы. В школе широко распространены такие учебные действия, которые основаны на запоминании (заучивании), на тренинге, подражании и т.п. Они выходят из смыслового поля понятия о проектной задаче. Здесь оставим без обсуждения их образовательную ценность. Проблема, актуальная для естествознания, кроется в разумном их соотношении с деятельностным обучением, в возрастании удельного веса последнего.

Вернемся к проектным задачам, которые значительно отличаются от проектов. Мы солидарны с мнением о том, что в начальной школе полноценную проектную деятельность использовать нецелесообразно в связи с тем, что она не соответствует возрастным возможностям младших школьников [8, с. 5].

Согласно идеям А.Б. Воронцова, В.М. Заславского, С.В. Егоркиной и др., к проектным относятся такие задачи, в которых «через систему или набор заданий целенаправленно стимулируется система детских действий, направленных на получение еще никогда не существовавшего в практике ребенка результата («продукта»), и в ходе решения которой происходит качественное самоизменение группы детей» [8, с. 47]. Такой подход является значимым моментом для нашего исследования.

Дело в том, что под категорию «результаты» (или «продукты») в силу особенностей человеческой деятельности (в том числе осуществляемой в начальной школе) можно подвести как материальные явления (реальные предметы, изображения, инсталляции и т.п., типичные для художественного, конструкторского, театрального и т.п. творчества), так и идеальные, к которым относится знание, то есть новая информация, репрезентированная в сознании школьника. По результатам/продуктам проектной деятельности можно судить о личностных изменениях, произошедших у школьников. Свое исследование мы ориентируем на овладение школьниками новой естественнонаучной информацией, новым для них знанием об окружающем их мире. Соответственно, и цель решения естественнонаучных проектных задач – поиск путей овладения школьниками неизвестной для них информацией об окружающем мире, которая не изложена в учебнике, хотя и не выходит за пределы программы учебного предмета.

Известно, что научное естествознание оперирует фактами, которые ученые-естествоиспытатели получают непосредственно из окружающего их мира путем наблюдений и экспериментов. Современный исследователь при опосредованном получении эмпирической информации использует различные приборы (измерительные, увеличительные; спутники при дистанционном зондировании территории; цифровую фото- и видеотехнику и т.п.). Далее полученную и надлежащим образом зафиксированную на различных носителях информацию ученые обрабатывают (систематизируют, анализируют, сравнивают, картографируют, обобщают, интерпретируют, объясняют, находят область ее применения). Подчеркнем, что источником естественнонаучной информации в науке является непосредственно природа – ее реальные объекты и процессы.

Такой тип познания выработан естественными науками со времени их зарождения. В естественнонаучном образовании А.Я. Герд од-

ним из первых мечтал поставить школьников в позицию маленьких самостоятельных естествоиспытателей. Позднее его мечты были реализованы в форме «исследовательского метода» благодаря трудам отечественных методистов-естественников (Б.Е. Райков, В.В. Половцов, И.И. Полянский и др.). Далее, в трудах Л.В. Занкова, было показано, что «наглядность» (в нашем случае – изучаемая в школе реальность) может быть эффективно использована в образовательном процессе лишь в одном случае – если она будет не подтверждать истины, сказанные учителем или изложенные в учебнике, а выступать источником информации для школьников. Современные образовательные возможности школы в значительной степени изменились в сравнении с тем временем, когда возник исследовательский метод. Стали говорить о феномене информационно-образовательного пространства, под которым понимается «неразрывное единство информации, средств ее хранения и производства, методов и технологий работы, обеспечивающих получение информации субъектами в целях образования» [9, с. 29]. При этом не произошло изменений в возможностях использования информационно-образовательной среды в изучении школьниками природы. Просто новое звучание приняло понятие об информации, которую логично подразделили на первичную (перцептивную) и вторичную (абстрактную). Работа с перцептивной информацией (как процесс ее получения и исследования) осталась не просто специфическим для начального школьного естествознания явлением, но выверенным временем развивающим способом естественнонаучного познания, о чем мы ранее писали в [10].

Понятие о естественнонаучных проектных задачах мы ограничили их рассмотрением применительно к урокам и экскурсиям, считая, что их нетрудно по аналогии привязать и к другим менее распространенным формам организации учебного процесса (например, к домашним работам и т.п.). Однако выполнение естественнонаучных проектных задач дома может иметь нежелательные аспекты. Например, заботливые родители и другие члены семьи, как правило, ориентируют домашнее исследование школьников на получение «правильного» результата, тогда как деятельностный подход ориентирован на получение такого результата, к которому ребенок способен прийти сам, в силу своих индивидуальных возможностей при поддержке в первую очередь учителя.

Очевидно также, что ограниченные рамки урока и возрастные особенности школьников не позволяют предлагать школьникам трудоемкие задачи, для решения которых требуется много времени.

Таким образом, мы можем очертить сущность понятия «естественнонаучные проектные задачи» в начальном образовании через следующие их методические характеристики:

– они являются разновидностью учебных задач и, соответственно, структурным компонентом учебной деятельности, зависящим от процесса формирования у школьников учебно-познавательных мотивов, или «мотивов собственного роста» [2];

– они являются разновидностью проектных задач, будучи наполненными исследовательским содержанием;

– формально они привязаны в основном к уроку или экскурсии и проходят под контролем учителя, и для их решения требуются сравнительно незначительные временные затраты (что отличает их от полноценных проектов);

– в процессе их решения школьники подбирают доступные естественнонаучные методы исследования; в случае затруднений учителем осуществляется необходимая поддержка;

– исследования ориентированы на такие объекты или процессы реального мира, которые в контексте условия задачи никогда не встречались в прошлом опыте школьников, и ответ на задачи школьники заранее не могут получить из иных источников;

– их специфика заключается в том, что школьники, познавая окружающий мир, получают информацию о нем непосредственно от природных объектов и процессов, осваивая принятые в естествознании методы получения информации (наблюдение и эксперимент с применением разнообразных инструментов);

– учитель ориентирует исследование объектов и процессов в первую очередь на овладение методами познания мира, тогда как ответ в задаче играет опосредованную роль;

– допускается ситуация, когда при решении одной задачи школьники дают несколько правильных ответов.

При включении естественнонаучных проектных задач в образовательный процесс подразумевается сотрудничество учителя и школьников. Роль учителя заключается в формировании у школьников учебно-познавательных мотивов (при этом формулируется тема частной задачи и цель ее решения); в предоставлении школьникам необходимых материалов и оборудования (в частности, предмета исследования, измерительных инструментов и т.п.); в инструктаже, корректировке и оценке. Роль школьников заключается в овладении общим (универсальным) способом исследования окружающего мира через поиск и выбор адекватных способов решения частной задачи (в подборе методов получе-

ния информации, способов ее обработки, хранения и презентации).

Естественнонаучные проектные задачи внешне по ряду признаков могут напоминать изучение окружающего мира в процессе практических работ. В нашем понимании задачи несут в себе отдельные их черты, но к ним не сводятся, поэтому их следует различать.

Для выявления различий мы обратились к анализу текстов одного из массовых учебников [11], дающих достаточный эмпирический материал для обобщения. Здесь рассмотрим лишь один типичный пример. Так, в теме урока «Свойства воздуха» (3-й класс) «опытное изучение» свойств воздуха начинается с тезиса о том, что «при нагревании воздух расширяется», а затем излагается содержание опыта: «Возьмем колбу с трубкой. Опустим трубку в воду. Заметим, что вода не входит в трубку – ее «не пускает» воздух. Будем нагревать колбу. Из трубки стали выходить пузырьки воздуха. Значит, при нагревании воздух расширяется» [11, с. 60]. Для наглядности в учебнике приведена иллюстрация опыта.

Такое тщательное описание опытов в современном учебнике нам напомнило учебник столетней давности, написанный И.И. Полянским в 1911 году [12], где автор приводит аналогичное описание многих опытов с воздухом и также подкрепляет их иллюстрациями. Цитируем: «Стремление воздуха расшириться, т.е. его упругость увеличивается <…> от нагревания. Будем нагревать над пламенем спиртовой лампы колбу, от которой проведена через плотно вставленную пробку трубка в сосуд с водой; из конца трубки, вследствие нагревания, будут выходить пузырьки воздуха» [12, с. 28]. При этом очевидно, что учебник И.И. Полянского в начале прошлого века не мог быть написан в концепции системно-деятельностного подхода. Парадокс заключается в том, что использованный при написании учебников методический подход разных авторов – как разделенный столетием во времени, так и разделенный противоположными в своей сущности образовательными парадигмами – полностью совпадает! Сущность аналогии приведенных текстов заключается в том, что оба учебника, как методические издания, неспособны направить практическую работу школьников в исследовательское русло.

Следует отметить, что подробное изложение в учебнике результатов опытов по «изучению» окружающего мира совершенно не вписывается в контекст понятия об учебной деятельности. Согласно взглядам классиков педагогической психологии, единство обучения и развития осуществляется лишь в том случае, если «педагог руководит деятельностью ребенка, а не подменяет ее» [13, с. 192]. На это ссылался и В.В. Давыдов. В приведенных примерах педагоги (в частности, методисты – авторы учебников, а соответственно, и учителя, работающие по данным учебникам), неверно трактуя принцип доступности, подменяют процесс «открытия» ребенком истины подробным изложением ее, и педагогический процесс, таким образом, превращается в «средство насыщения личности учебной информацией, знаниями» [3, с. 71].

Приведенный пример из учебника расходится с теорией традиционной методики преподавания естествознания, где указано, что «практические методы преподавания <…> в наибольшей степени позволяют реализовать важные принципы дидактики – деятельностный подход» [14, с. 128]. При этом деятельностный подход (обоснованный еще в исследованиях Д.Б. Эльконина, С.Л. Рубинштейна и др.) понимается в духе традиционного образования, то есть понятие «учебная деятельность» рассматривается как аналог практических (предметно-манипулятивных) действий учеников.

По нашему мнению, описанные в учебнике опыты способствуют решению современных образовательных задач лишь незначительно и случайно. Процитированный выше учебник [11] и ему подобные предлагают самый непродуктивный путь обучения. Так, опыт, будучи проведенным в соответствии с учебником, лишь подтвердит заранее изложенные в нем результаты.

В противоположность опытам, изложенным в учебниках, естественнонаучные проектные задачи характеризуются тем, что не только ответ школьникам заранее неизвестен, но у них появляются стимулы и возможности сотворить путь к его достижению. В.В. Давыдов указывал, что «при деятельностном подходе субъект активно взаимодействует с объектом, ищет и опробовает его, «встречает» его «пристрастно» и избирательно. Другими словами, при таком подходе принципу реактивности противопоставляется принцип активности субъекта» [3, с. 23].

На следующем примере покажем, как можно организовать естественнонаучную проектную задачу, которая соответствовала бы требованиям ФГОС НОО. Используем процитированный выше современный учебник и задачу сформулируем на основе текста параграфа, в котором указано, что «вода превращается в лед при температуре 0°» [11, с. 62]. Акцентируем внимание детей на этой фразе и ставим проблему: «можно ли узнать, при какой температуре, наоборот, лед превращается в воду?». Ответа на этот вопрос в учебнике нет, что стимулирует возникновение учебно-познавательных мотивов (мотивов соб-

ственного роста: «Так это же легко узнать, я могу это сделать!»). Таким образом, текст частной задачи формулируется следующим образом: «Определить, при какой температуре лед превращается в воду». Школьники при этом встают не только перед проблемой определения необходимого показателя, – им прежде необходимо придумать экспериментальный способ, как это сделать, а также подобрать соответствующее оборудование. При этом на столе учителя имеются разнообразная лабораторная посуда, чашка со льдом, термометр с соответствующей градуировкой, что обеспечивает выполнение операции выбора, но является лишь частью операционной составляющей учебной задачи. Другую часть исследовательских операций – методику получения информации – придумывают и в практической деятельности апробируют дети с поощрением со стороны учителя их «проб и ошибок» (Э. Торндайк). Третья составляющая операционной системы заключается в том, что учитель предлагает не только получить искомый результат, но и зафиксировать его любым из имеющихся в распоряжении школьников способом (с помощью схемы/рисунка, таблицы, текста, фотоснимка и др.). В этом заключается корректировка и оценка деятельности: учитель видит механизм мышления и выступает при необходимости оппонентом. Решение такой задачи может происходить как одновременно со всем классом, так и в группах (при наличии оборудования). Дополняет задачу задание по способу объяснения и презентации результатов всему классу. В нашем случае учитель может инициировать операцию сравнения полученного результата с данными учебника, где указана температура замерзания воды.

Проведенное исследование привело нас к *выводам* о том, что в методике современного естественнонаучного начального образования образовался пробел, который может быть заполнен высокопродуктивным способом познания окружающего мира, выраженным в форме решения естественнонаучных проектных задач. Приведенные здесь материалы позволяют нам определить естественнонаучную проектную задачу в начальной школе как одну из разновидностей учебных задач, характеризующуюся обобщенным (в частности – исследовательским) способом решения, включающую серию кратковременных и нетрудоемких заданий (частных задач), в которых отражается специфика естественнонаучного познания окружающего мира при работе школьников с перцептивной информацией (ее получением, обработкой, хранением и презентацией), ответы на которые, как и методы решения, школьнику заранее неизвестны, тему которых определяет учитель, он же мотивирует процесс возникновения замысла у школьников по поиску путей решения задачи.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.

2. Эльконин Д.Б. Учебная деятельность – ее структура и формирование // Избранные психологические труды. URL: http://userdocs.ru/psihologiya/875/index.html?page=26 (дата обращения: 06.12.2009).

3. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986. 240 с.

4. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ок. 11000 синоним. рядов. 7-е изд. М.: Рус. Яз., 1993. 495 с.

5. Большой словарь иностранных слов. 7-е изд., испр. и доп. / Сост. А.Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2008. 685 с.

6. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Академический Проект, 2008. 222 с.

7. Гальперин П.Я. К вопросу о внутренней речи. // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 4. URL: http://flogiston.ru/library/galperin_talk (дата обращения: 04.12.2016).

8. Воронцов А.Б., Заславский В.М., Егоркина С.В. и др. Проектные задачи в начальной школе: Пособие для учителя / Под ред. А.Б. Воронцова. 3-е изд. М.: Просвещение, 2011. 176 с.

9. Иванова Е.О., Осмоловская И.М. Теория обучения в информационном обществе. М.: Просвещение, 2011. 190 с.

10. Шептуховский М.В. Феноменологический подход в естественнонаучном образовании младших школьников // Методика и практика преподавания в XXI веке: Труды Междунар. научно-практ. конф. (Варна, Болгария, 27.12.2015). Варна, 2016. С. 111–117.

11. Плешаков А.А., Новицкая М.Ю. Окружающий мир. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 1. 3-е изд. М.: Просвещение, 2013.

12. Полянский И.И. О трех царствах природы. 8-е изд. СПб., 1911. 367 с.

13. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.

14. Аквилева Г.Н., Клепинина З.А. Методика преподавания естествознания в начальной школе: Учеб. пособие для студентов учрежд. средн. проф. образования пед. профиля. М.: ВЛАДОС, 2001. 240 с.

NATURAL SCIENCE PROJECT TASKS IN THE EDUCATION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN

A.V. Mashina, M.V. Sheptukhovsky

Ivanovo State University

The article reveals the nature of the concept «natural science project tasks» relating to the primary education of schoolchildren in the context of learning activity. The approaches to the consideration of this concept are determined through the notions of «learning task» and «project». The similarity of the concepts «learning task» and «project task» is pointed out. The concept of a project task in the school course «The Surrounding World» is analyzed with the account of the peculiarities of the surrounding world cognition in natural science. The concept of the natural science project task is revealed through a number of characteristics: such tasks should belong at the same time to the categories of learning and project tasks; they should be linked with the lesson (or the excursion), thus enabling the teacher to perform the control function; by solving such tasks the schoolchildren should primarily acquire natural science research methods; they are intended to help schoolchildren learn the unknown reality, which serves as a source of information for them.

Keywords: learning activity, natural science project tasks, peculiarities of natural science cognition, junior schoolchildren.

УДК 378.1:811.111

ИНОЯЗЫЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОФИЛЕЙ – ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

© 2018 г.

Т.А. Саркисян, И.М. Швец

Саркисян Тамара Альбертовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета
tsarkisyan@yandex.ru
Швец Ирина Михайловна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры биофизики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Irina.shvets@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 28.05.2018
Статья принята к публикации 16.07.2018

На основе анализа истории становления и разработки компетентностного подхода высказано и обосновано предположение о системообразующем положении иноязычной профессиональной речевой компетенции (ИПРК) в иноязычном обучении. Показан её потенциал в интеграции общекультурных и профессиональных компетенций студентов архитектурно-строительных профилей. Дано определение ИПРК для данных профилей, учитывающее специфику архитектурно-строительных профессий и отражающее необходимость освоения всех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), а также полный компонентный состав данной компетенции. На основе организационной структуры деятельности описаны этапы формирования ИПРК бакалавров архитектурно-строительных профилей, которые позволяют упорядочить использование современных педагогических технологий. Представлены результаты педагогического эксперимента, свидетельствующие об успешности формирования исследуемой ИПРК.

Ключевые слова: компетентностный подход, иноязычное обучение, иноязычная профессиональная речевая компетенция, архитектурно-строительные профили, формирование ИПРК, педагогические технологии.

Введение

Среди множества компетенций, которые считаются обязательными при подготовке профессионалов любого направления, компетенция, связанная с владением иностранным языком, считается одной из главных. Она представлена в разных формулировках, но при этом, как правило, отражает требование демонстрировать способность или проявлять готовность к коммуникации в устной и письменной форме на родном и иностранном языках, навыки культуры социального и профессионального общения. В реальном учебном процессе обычно разделяются требования владения родным и иностранным языком. Владение иностранным языком в том виде, который общепринят в вузах, предполагает ещё большую дифференциацию. В первый год изучается курс «Английский для общих целей», во второй – курс «Английский для профессиональных целей».

Этапы становления компетентностного подхода

Оказалось, что такое сочетание готовности к коммуникации в общекультурном и профессиональном значениях прослеживается также и в истории разработки самого компетентностного подхода. Исследователи выделяют три этапа его становления в образовании. На первом этапе (1960–1970 гг.) произошло введение в научный аппарат категории «компетенция», пока ещё слабо разграниченной с категорией «компетентность». Требование их внедрения возникло в связи с введением понятия «коммуникативная компетентность»; т.е. категории «компетенция/компетентность» стали складываться для обоснования результативности процесса коммуникации [1; 2].

На втором этапе (1970–1990 гг.) произошло разграничение категорий «компетенция» и «компетентность» и был сделан акцент на их востребованности в теории и практике обучения именно иностранному языку. В данный период при Совете Европы были разработаны уровни владения иностранным языком внутри языковой компетентности. Можно сказать, что на данном этапе осуществили разграничение и конкретизацию категорий «компетенция» и «компетентность» через дальнейшую разработку результативности коммуникации, так как именно в курсе иностранного языка напрямую происходит освоение коммуникаций, в то время

как в других курсах коммуникации осваиваются опосредованно.

В данный период в структуре иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) исследователями [3–8] были выделены от двух до шести составляющих, среди которых – языковая (лингвистическая), речевая, социолингвистическая; дискурсная; стратегическая; тематическая, социокультурная, социальная; компенсаторная, учебная компетенции. В примерной программе дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых вузов [9] в составе иноязычной коммуникативной компетенции также выделены языковая, речевая, социокультурная и другие виды компетенций. Из приведённых перечислений видно, что иноязычной речевой компетенции уделялось особое внимание. Это не удивляет, поскольку без речевой компетенции никакая коммуникация не возможна и все остальные составляющие иноязычной коммуникативной компетенции могут проявиться исключительно через речь.

М.П. Манаенкова рассматривает иноязычную речевую компетенцию как свободное владение диалогической и монологической речью на иностранном языке и умение производить и понимать речь в любом функциональном стиле [10].

Другие исследователи подчёркивают, что иноязычная речевая компетенция (ИРК) предполагает широкую речевую практику общения, чтение литературы разных жанров и обусловливает коммуникативную компетенцию [11]. Завершая характеристику второго этапа становления компетентностного подхода можно заключить, что в области иноязычной подготовки сформировалось отношение к ИРК, как к обязательной для целей формирования общекультурной коммуникативной компетенции.

Третий этап (с 1991 г. по настоящее время) характеризуется исследованием профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность становится предметом специального всестороннего рассмотрения как итоговый результат образования. Исследования Н.В. Кузьминой, Л.А. Петровской, А.К. Марковой, Л.М. Митиной и др. способствовали осознанию освоения любой профессии через коммуникации с представителями профессионального сообщества. Готовность к профессиональной коммуникации (ПК) стала особенно востребованной при становлении проектно-технологического типа организационной культуры [12]. Речевая же компетенция, обеспечивающая разнообразные коммуникации, в том числе и профессиональные, рассматривается многими исследователями на данном этапе как ключевая [13; 14].

Одновременно продолжает конкретизироваться речевая компетенция для целей коммуникации. Давая определение речевой компетенции будущего специалиста, М.В. Мельников делает акцент на способах мышления и деятельности, задаваемых по отношению к речевой деятельности, включающей чтение, письмо, говорение и аудирование [15].

Н.Ю. Нежурина рассматривает коммуникативно-речевую компетенцию как совокупность ценностей, личностных качеств, знаний, умений, навыков и способностей, обеспечивающую готовность к определению цели коммуникации, типов коммуникативных задач, оцениванию успешности ситуации общения, выбору стратегии коммуникации [16]. Отталкиваясь от подобных обоснований значения коммуникативно-речевой компетенции, ряд исследователей расширяет толкование области профессиональной деятельности и считает, что включение в данную область иноязычной речевой компетенции позволит её обладателю быть более востребованным на рынке труда [13; 14].

Вводится понятие «готовность студента к профессионально-ориентированному иноязычному общению». Педагогический смысл данного понятия определяется как интегративная профессионально-личностная характеристика, включающая ценностное отношение личности к профессионально ориентированному общению; когнитивные, коммуникативные интерактивные и перцептивные способности, способности успешно действовать в ситуациях профессионального иноязычного общения, необходимые для выполнения профессиональной деятельности на уровне международного профессионального сообщества [17]. В данном определении исследователь акцентирует внимание на иноязычной профессионально-речевой компетенции общего характера, не относя её к конкретной профессии.

Иноязычная профессионально-речевая компетенция архитектурно-строительных профилей

Мы в своём исследовании решили подчеркнуть специфику обучения иностранному языку бакалавров архитектурно-строительных профилей, что позволило бы нам организовать иноязычное обучение более целенаправленно. Мы видим специфику профессионалов архитектурно-строительных профилей в том, что им при обсуждении вопросов строительства, архитектуры, ландшафтного дизайна приходится общаться не только с представителями профессионального сообщества, но и с представителями заказчиков. Заказчиками могут быть лица, имеющие самые разные профессии и относящиеся к самым разным социальным слоям.

Специфика субъектов общения позволила нам предположить, что для целей формирования иноязычной профессиональной речевой компетенции (ИПРК) возможно внести изменения не только в курс «Английский для профессиональных целей», но и в курс «Английский для общих целей». В последнем курсе практически во всех темах можно вести речь о вопросах архитектуры, дизайна, строительства. Кроме специфики субъектов общения в определении ИПРК бакалавров архитектурно-строительных профилей мы решили отразить ряд позиций, которые в последнее время приобрели устойчивость в ходе внедрения компетентностного подхода в реальный учебный процесс. Среди таких позиций мы выделяем следующие:

– возможность одновременного формирования как профессиональных, так и общекультурных компетенций;

– отражение всех видов ИПРК (аудирование, говорение, чтение, письмо при осуществлении письменной и устной коммуникации);

– полный компонентный состав ИПРК (мотивация и интерес как со стороны овладения профессией, так и со стороны овладения иноязычной коммуникацией; знания иноязычные и профессиональные; умения и навыки в профессии и общении; рефлексия).

Предложенное нами определение, сформулированное как «комплексный личностный ресурс, обеспечивающий возможность развития как коммуникативной, так и профессиональной иноязычной компетентности через участие во всех видах иноязычной профессионально-речевой деятельности при осуществлении как устной, так и письменной коммуникации профессионального характера в сфере архитектурной деятельности на основе интереса, иноязычных и профессиональных знаний, речевых навыков и умений и приобретённого опыта иноязычной профессионально-речевой деятельности, а также профессиональной и иноязычной рефлексии, проявляющихся в коммуникации, как с профессионалами, так и клиентами», позволило разработать модель и методическую систему формирования ИПРК для студентов-бакалавров архитектурно-строительных профилей [18].

Этапы формирования ИПРК

В разработанной нами модели были выделены основные этапы формирования ИПРК, исходя из организационной структуры деятельности [12]. Одним из условий реализации разработанной модели мы считаем использование организационной структуры деятельности в трёх масштабах: всего учебного курса, каждой темы и каждого занятия.

В масштабе всего курса были выделены следующие этапы: мотивационно-ориентировочный, этап освоения иноязычных профессионально-речевых операций и действий; этап освоения действий в условиях неопределённости; этап освоения иноязычной профессионально-речевой деятельности, предполагающий иноязычное общение общего и профессионального характера, и этап рефлексии освоения иноязычной профессионально-речевой компетенции студентов [19]. Первые два этапа реализовывались в первый год иноязычного обучения по учебному курсу «Иностранный язык для общих целей». Остальные три этапа – во время второго года обучения по курсу «Иностранный язык для профессиональных целей».

Мотивационно-ориентировочный этап является одним из важнейших этапов в процессе формирования иноязычной профессионально-речевой компетенции студентов, т.к. направлен на формирование у обучаемых мотивации не только к изучению иностранного языка, но и к освоению своей будущей профессии. На первом занятии, проводимом в виде ролевой игры под названием «Значимость английского языка для профессии архитектора» (ландшафтного архитектора), учащиеся пробовали выражать свои мысли на иностранном языке, рассказывая о преимуществах владения языком при становлении профессионала, а также отвечать на вопросы, поддерживая разговор на иностранном языке. Для большинства это было трудно сделать, но поощрялись всякие попытки: использование словарей, текстов и пр. Проводилось также анкетирование студентов для выявления начального уровня сформированности ИПРК.

На данном этапе студенты знакомились также с планом организации занятий во время изучения всего курса, с необходимыми результатами освоения в виде определённых продуктов во всех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме. Студенты нацеливались на итоговый результат выполнения профессионального проекта на английском языке по окончании курса и последующую его защиту в виде доклада и англоязычной презентации во время специально организованной научно-практической студенческой конференции.

Этап освоения иноязычных профессионально-речевых операций и действий весьма длителен и предусматривает необходимость в рамках каждой темы осваивать не только термины, необходимые для данной темы, но и ряд профессиональных терминов и словосочетаний. Для этого были разработаны специальные микротексты. Они использовались в рамках каждой темы в активном режиме, т.е. студентам к данным микротекстам

предлагались специальные задания сначала репродуктивного, а затем алгоритмического и в конце года – продуктивного характера. К концу данного этапа студенты могли задавать вопросы и отвечать на них, вести микродиалоги по профессии, читать и составлять конспекты по прочитанному профессиональному микротексту. Выполнялось много упражнений для выработки иноязычных профессионально-речевых навыков.

Этап освоения речевых операций и действий имел своей целью формирование лексических, грамматических и фонетических навыков и включал две стадии: формирование речевых навыков и совершенствование речевых навыков.

Первая стадия (формирование речевых навыков) характеризовалась выполнением иноязычных речевых действий по речевому образцу на основе имитативных, подстановочных, трансформационных и репродуктивных упражнений. В аудировании осваивались в основном операции восприятия информации на слух и выявления в ней основного содержания. При чтении основное внимание уделялось пониманию основного содержания несложных аутентичных текстов учебного характера из рекламных буклетов, туристических брошюр.

Среди операций и действий говорения доминировало освоение операций начала и поддержания диалога об увиденном или прочитанном. Студенты составляли микротексты на основе логико-синтаксических схем, которые направляли работу студентов, помогая выстроить логику при составлении микротекста. Среди письменных операций преобладали операции заполнения формуляров и бланков прагматического характера. Организовывалось занятие по самопрезентации, на котором студентам необходимо было рассказать о профессии архитектора (ландшафтного архитектора) и выразить это не только в монологе, но и в краткой презентации и в ответах на вопросы.

Профессиональная лексика пополнялась новыми словами: *проектирование, делать модель, макет, постройка, сооружение, архитектурное проектирование*. Профессиональная лексика использовалась не только в соответствующих микротекстах, но и при изучении грамматических структур.

Целью второй стадии (совершенствование речевых навыков) является совершенствование речевых навыков, предполагающее составление речевого высказывания по аналогии, выдаваемого студентами членораздельно, но в ускоренном темпе. На второй стадии добавляются более сложные методические приёмы, в то время как приёмы первой стадии усложняются. Студенты составляют более сложные микродиалоги, задают партнёру вопросы по воспроизведённому им высказыванию, интерпретируют пословицы, составляют и инсценируют свой диалог по теме «Моя учёба», пересказывают микротексты и тексты; выражают свои мысли и чувства, связанные с восприятием картинки.

С точки зрения грамматики, добавляются более сложные структуры с глаголом «to be» и другими глаголами, спрягающимися по схеме, отличной от схемы спряжения глагола «to be».

На данной стадии хорошо себя зарекомендовала работа с пословицами. Студентам предлагалось прокомментировать и объяснить смысл той или иной пословицы (как в русском, так и в английском варианте) и поискать её аналог на другом языке. Во время комментирования пословицы постепенно возникала беседа, во время которой в разговор включалось всё большее количество участников. Таким образом, работа с микротекстами и с пословицами выстраивала совершенствование речевых навыков через освоение монологов, затем диалогов и, наконец, бесед.

На данном этапе широко использовалась технология, основанная на теории схем. Так, приём «кластер» представляющий собой когнитивную схему, показывающую смысловые поля обсуждаемого понятия (темы) помогал студентам сконструировать своё представление, своё знание по изучаемой теме на основе разработанной схемы в форме презентации. Презентация обычно сопровождалась её активным обсуждением на основе задаваемых вопросов. Приём «Кластер» активизировал студентов и разнообразил учебную деятельность, что способствовало повышению мотивации к изучению иностранных языков в техническом вузе.

Таким образом, в течение первого года иноязычного обучения происходило освоение и совершенствование речевых навыков в формировании ИПРК через использование текстов общекультурного характера с привлечением профессиональной лексики и профессиональных микротекстов. К концу первого года студенты могли начать и поддержать разговор о своей будущей профессиональной работе, о своей учёбе и видении себя в будущей профессии, о своих способностях в организации иноязычного обсуждения. Иноязычная речь студентов в основном характеризовалась медленным темпом и раздельным произнесением.

Очень важным мы считаем следующий этап в реализации разработанной нами модели – этап в освоении действий в условиях неопределённости. Целью данного этапа является порождение высказывания собственной конструкции. На данном этапе студенты учатся составлять развёрнутые речевые высказывания в процессе ак-

тивного взаимодействия между собой в ускоренном темпе и при слитном произнесении речи.

На данном этапе предусматриваются задания по преодолению противоречий, незнания – как в области иностранного языка, так и в профессиональной области. На данном этапе изучается курс «Английский для профессиональных целей». Для него были подготовлены специальные тексты профессионального характера, обсуждались высказывания выдающихся архитекторов или дизайнеров, позволяющие глубже проникнуть в суть соответствующих профессий. Широко использовались инновационные педагогические технологии проблемного обучения, анализа и разбора ситуационных задач, технология деловых игр, технология, основанная на теории схем, технология развития критического мышления (ТРКМ).

Во время данного этапа постепенно завершался переход от внешней мотивации на изучение иностранного языка для профессиональных целей ко внутренней мотивации, у каждого обучающегося индивидуально выделялась та потребность, которая делала значимым изучение иностранного языка.

На данном этапе предусматриваются разбор и анализ какой-либо проблемы, обусловленной недопониманием в процессе общения, или разбор смоделированных условий будущей профессиональной деятельности. Причём разбирались как профессиональные проблемы, так и проблемы в области использования иностранного языка, неправильного учёта условий его использования или неточного использования терминов и др. Выполнение таких заданий требовало от студентов преодоления затруднений, вызванных недостатком информации или несформированностью какого-либо речевого умения через самостоятельное овладение новой информацией или умением.

Обсуждая высказывание «Быть архитектором значит обладать индивидуальным мнением, выражающим общепринятый язык формы», студенты использовали знания, полученные при изучении материала по теме «Работа архитектора», и в то же время размышляли о своей профессии, используя свой словарный запас и профессиональные знания.

На данном этапе также реализовывались все виды иноязычной речевой деятельности: говорение, аудирование, чтение и письмо. В говорении студенты осваивали диалог-интервью или диалог-собеседование при приёме на работу, в котором не только отражались достоинства работы или претендента на работу, но и выражались сомнения или трудности в освоении необходимых видов работ данным претендентом. При аудировании студенты начинали выделять не только значимую для них информацию, но и контекст, понимать важную для них информацию в зависимости от контекста. Во время чтения на данном этапе осваивались не только медийные тексты, но и справочно-информационные и научные (в виде тезисов докладов или статей). Студенты на данном этапе не только успешно заполняли бланки и формуляры прагматичного характера, но и могли записать свои мысли по поводу некоторых профессиональных фактов, кратко записать тезисы прослушанного доклада по изучаемой проблематике, представить тезисы своего научного доклада. Иноязычная речь студентов на данном этапе характеризовалась средним темпом и пока ещё раздельным произнесением слов.

За этапом освоения действий в условиях неопределённости следует этап освоения иноязычной профессиональной деятельности.

На этом этапе студенты на занятиях и во время самостоятельной работы выполняли следующие проекты: «Разработка проекта одноквартирного жилого дома», «Разработка проекта цветника», «Разработка проекта сада».

При работе над проектами происходил их тщательный анализ и обсуждение с целью решения проблем профессионального характера. При разработке проектов не только обсуждались непосредственно сам проект, его особенности, возможные проблемы и трудности в исполнении, но проектировалось взаимодействие с клиентами: обсуждение предложений, решение возникающих проектных проблем, возможные модификации и пр.

Все проекты завершались их защитой: студенты готовили презентации и доклады, которые приближались по форме к защите будущих выпускных квалификационных работ, предусматривающих и исследовательскую, и прагматическую составляющие.

Выполнение любого проекта завершалось оценкой как качества самого продукта деятельности, так и роли и достижений каждого участника проекта. При этом обязательно учитывался самоанализ каждого участника. У студентов постепенно накапливались иноязычные термины, словосочетания и обороты для заключительного рефлексивного этапа формирования ИПРК.

Последний этап – этап рефлексии – предусматривает возможность студентов осуществить сознательную оценку совершаемой иноязычной деятельности. На этом этапе обеспечиваются такие процессы, как оценка и корректировка достигнутых результатов, саморегуляция, самооценка, самоконтроль, решение задач и проблем через анализ и обобщение результатов.

Студенты комментировали подготовленные презентации на основе метода «Шесть шляп мышления», решали проблемы в области архитектуры (ландшафтной архитектуры), работали над «синквейнами», писали эссе, размышления по профессиональному тексту, реферировали статью или книгу профессионального характера.

Данный этап осуществляется во втором семестре второго года обучения иностранному языку. На нем происходит закрепление всех освоенных видов речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения и письма).

На этом этапе осуществляется достижение двух целей. Первая цель состоит в выяснении уровня сформированности ИПРК (выясняется, какие операции и действия ИПРК недостаточно освоены, чтобы полноценно осуществлять иноязычную профессионально-речевую деятельность). Вторая цель заключается в проектировании траектории саморазвития в области иноязычной самоподготовки на последующий период обучения в вузе в рамках участия студентов во «Всероссийском фестивале науки», в ежегодных международных студенческих конференциях («Студенческий научный форум») и в рамках нашего вуза, предполагающих выступление студентов со своими научными докладами на иностранном языке и ответы на вопросы аудитории по теме подготовленного доклада. Участие в конференции «Всероссийский фестиваль науки» выведено за рамки иноязычного обучения в вузе.

Таким образом организуется весь учебный курс английского языка. Каждая тема в курсе имеет деятельностную структуру и включает 3 стадии: мотивационную, исполнительную и рефлексивную. На мотивационной стадии вводится определённый посыл на усвоение новых знаний, освоение новых умений – как в области иноязычного обучения, так и в профессиональной области. Исполнительная стадия получает образовательные цели в зависимости от этапа учебного курса (на этапе освоения операций и действий отрабатывались новые умения составлять необходимые предложения с использованием орфографических, стилистических или других правил, сочетая новые термины и понятия; на этапе действий в условиях неопределённости на исполнительной стадии темы обсуждались профессиональные проблемы; на рефлексивной стадии в основном определяли успешность освоения всей темы).

Каждое занятие также реализует деятельностную структуру. Этому способствует использование педагогической технологии развития критического мышления (ТРКМ), в которой предусмотрены необходимые стадии: вызов, осмысление и размышление или рефлексия.

Эффективность разработанных нами модели и дидактической системы формирования иноязычной профессионально-речевой компетенции у студентов архитектурно-строительных профилей была проверена в ходе педагогического эксперимента.

Результаты педагогического эксперимента

Эмпирическую базу педагогического эксперимента составили студенты (114 человек), обучающиеся по направлениям подготовки 35.03.10 «Ландшафтная архитектура» и 07.03.01 «Архитектура». В контрольной и экспериментальной группах было по 57 человек.

Студенты экспериментальной группы принимали участие в апробации разработанных модели и методической системы по формированию ИПРК. Организация обучения в контрольных группах была построена традиционно на основе коммуникативного подхода при использовании только упражнений из учебника и рабочей тетради. Обучение проходило по традиционной методике, когда в центре учебного процесса находится преподаватель, руководящий учебными действиями студентов. Студенты читали и пересказывали тексты общего характера, составляли высказывания по изучаемой теме, отвечали на вопросы преподавателя, учили готовые и составляли собственные диалоги. Они гораздо меньше участвовали в самостоятельной работе и очень редко в групповой. Студенты не обсуждали высказывания своих согруппников, что было приоритетным при организации работы в экспериментальной группе.

В качестве инструментов отслеживания сформированности ИПРК у студентов использовали компьютерный тест Placement Test, специально разработанный опросник и экспертные оценки при защите учебных проектов. Компьютерный тест используется при определении успешности изучения английского языка студентами разных стран и позволяет сравнивать эффективность разных методических систем. Для организованного нами педагогического эксперимента одного компьютерного теста было недостаточно, т.к. в нём не все виды речевой деятельности представлены достаточно полно. В связи с этим нами был разработан специальный опросник, с помощью которого можно было определить сформированность всех видов: аудирования, говорения, чтения и письма. Третьим инструментом отслеживания сформированности ИПРК студентов были данные эксперта-

Таблица 1

Распределение студентов архитектурно-строительных профилей по уровням сформированности иноязычной речевой компетенции на констатирующем и контрольном этапе № 1 эксперимента на основе компьютерного тестирования (% от общего количества студентов в группе)

Средства оценки / Уровни владения языком	Констатирующий этап эксперимента		Контрольный этап №1 эксперимента	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Начальный уровень	63.2	64.9	0.0	0.0
Базовый уровень	36.8	35.1	28.1	93.0
Средний уровень	0.0	0.0	71.9	7.0
Продвинутый уровень	0.0	0.0	0.0	0.0
Достоверность различий между уровнями (КГ – ЭГ)	–	–	+	+

Примечание: здесь и далее «+» – различия достоверны, «–» – различия недостоверны ($p \leq 0.01$)

Таблица 2

Распределение студентов архитектурно-строительных профилей по уровням сформированности ИПРК на констатирующем и контрольном этапах № 1 и № 2 эксперимента на основе анкетирования (% от общего количества студентов)

Средства оценки / Уровни владения языком	Анкетирование (констатирующий эксперимент)		Анкетирование (контрольный этап № 1 эксперимента)		Анкетирование (контрольный этап № 2 эксперимента)	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Начальный уровень	75.4	73.7	0.0	5.3	0	0
Базовый уровень	21.1	24.5	12.3	61.4	0	49.1
Средний уровень	3.5	1.8	87.7	33.3	40.4	26.3
Продвинутый уровень	0	0	0	0	59.6	24.6
Достоверность Различий между уровнями (КГ – ЭГ)	–	–	+	+	+	+

Таблица 3

Распределение студентов архитектурно-строительных профилей по уровням сформированности ИПРК на основе экспертной оценки на контрольном этапе №2 эксперимента (% от общего количества студентов в группе)

Вид экспертной оценки / Уровни сформированности ИПРК	Защита проектов в устной форме (контрольный этап № 2 эксперимента)	
	ЭГ	КГ
Базовый уровень	0	49.1
Средний уровень	40.4	26.3
Продвинутый уровень	59.6	24.6
Достоверность результатов	+	+

ми (преподавателями английского языка) оценки докладов, презентаций и ответов на вопросы при защите профессиональных проектов на студенческих научно-практических конференциях. Полученные результаты педагогического эксперимента представлены в таблицах 1, 2, 3.

Статистическая достоверность различий в распределении по уровням сформированности ИПРК определялась на основе подсчёта критерия Пирсона. Недостоверными оказались только различия в распределении по уровням в экспериментальной и контрольной группе студентов на констатирующем этапе педагогического эксперимента. На всех контрольных этапах эксперимента различия в распределении по уровням сформированности ИПРК студентов экспериментальной и контрольной групп были достоверны на уровне статистической значимости 0.95.

Выводы

Таким образом, результаты эксперимента, включающие в себя компьютерное тестирование, анкетирование по самооценке речи студентов и интервьюирование членами экспертной комиссии, подтверждают эффективность разработанной модели и методической системы по формированию иноязычной профессионально-речевой компетенции у студентов архитектурно-строительных профилей.

Интегративный потенциал ИПРК проявился в том, что с помощью данной компетенции можно отслеживать сформированность целого комплекса как общекультурных, так и профессиональных компетенций студентов. Для студентов архитектурно-строительного профиля в данный комплекс входят ОК-5 (способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия); ПК-11 (способность использовать накопленные знания и умения в профессиональной деятельности). Для студентов по профилю подготовки «Ландшафтная архитектура» комплекс состоит из следующих компетенций: ОК-5 (обладать способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия); ОК-7 (способность к самоорганизации и самообразованию); ПК-11 (готовность изучать научно-техническую информацию, отечественный и зарубежный опыт по тематике исследования в области ландшафтной архитектуры).

Полученные результаты свидетельствуют, что сформированная ИПРК студентов явилась фактором интеграции не только за счёт интеграции через содержательный компонент методической системы с помощью использования иноязычных профессиональных терминов, но и за счёт функциональных форм интеграции, которые осуществляются при решении проблем или освоении определённых сложных видов деятельности (проектная, исследовательская, учебная). Разработанная модель последовательного усложнения не только знаний, но и умений (операций, действий, опыта, учебной деятельности) в области освоения как иностранного языка, так и профессии свидетельствует о необходимости упорядоченного использования современных активных методов и педагогических технологий. На наш взгляд, упорядоченность будет более эффективной, если будет выстраиваться не в зависимости от содержания учебных курсов, а в зависимости от усвоения этапов учебной деятельности.

Список литературы

1. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge (Massachusetts): M. I. T. Press, 1965. 401 p.

2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 22–27.

3. Бим И.Л., Хуторской А.В. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетенции в образовании: опыт проектирования: Сб. науч. тр. / Рос. акад. образования, Ин-т содержания и методов обучения [и др.]; под ред. А.В. Хуторского. М.: ИНЭК, 2007. С. 156–163.

4. Оценка качества подготовки выпускников основной школы по иностранному языку: Сб. прогр.-нормат. док. / М-во образования Рос. Федерации; сост. В.Н. Симкин. М.: Дрофа, 2000. 156 с.

5. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного: (Метод. основы). М.: Рус. яз., 1984. 144 с.

6. Зимняя И.А. Особенности создания проблемных ситуаций при обучении иностранному языку // Проблемное обучение в специальном вузе: Тез. 12-й науч.-метод. конф. / Воен. ин-т иностр. яз. М.: Изд-во Военного ин-та иностранных языков, 1977. С. 102–104.

7. Леонтьев А.А. Обучение умениям педагогического общения и проблемы подготовки преподавателей РКИ // Теория и практика преподавания русского языка и литературы. М.: Русский язык, 1979. С. 55–64.

8. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: ИСТОКИ, 1996. 239 с.

9. Тер-Минасова С.Г., Соловова Е.Н. Примерная программа дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов. М.: [б. и.], 2009. 24 с.

10. Манаенкова М.П. Речевая компетенция в контексте личностно-профессиональных компетенций студента // Гаудеамус. 2014. № 1 (23). С. 28–32.

11. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://2013lib.ru/dictionary/890/page/58 (дата обращения: 10.06.2017).

12. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с.

13. Дмитриевых И.Л., Куклина С.С. Структура и содержание речевой компетенции студента неязыкового вуза // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 160–164.

14. Покушалова Л.В. Формирование иноязычной профессионально-ориентированной компетенции у студентов технического вуза // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 2. С. 151–154. Режим доступа: https://moluch.ru/archive/26/2761/ (дата обращения: 07.06.2018).

15. Мельников М.В. Формирование речевой компетентности будущих инженеров в процессе обучения английскому языку с использованием психолингвистических формул: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Ульяновск, 2011. 30 с.

16. Нежурина Н.Ю. Формирование коммуникативно-речевой компетенции школьников посредст-

вом дебатной технологии: Дис. … канд. пед. наук. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2016. 197 с.

17. Петрова Е.О. Формирование готовности студентов к профессионально-ориентированному иноязычному обучению в образовательной среде вуза: Дис. … канд. пед. наук.. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2017. 174 с.

18. Саркисян Т.А. Формирование иноязычной речевой компетенции студентов нелингвистических вузов // Приволжский научный журнал. 2013. № 2 (26). С. 134–138.

19. Марико В., Швец И. Развитие профессиональных компетенций педагога. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 207 p.

FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL SPEECH COMPETENCE AS A FACTOR OF INTEGRATION OF COMMON CULTURAL AND PROFESSIONAL COMPETENCIES

***T.A. Sarkisian,*[1] *I.M. Shvets*[2]**

[1]Nizhny Novgorod Architecture and Civil Engineering University
[2]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Based on the analysis of the history of formation and development of the competency-based approach, we propose and justify the hypothesis about the system-forming position of the foreign language professional speech competence (FLPSC) in the foreign language training. Its potential in integrating general cultural and professional competencies of architecture and civil engineering students is shown. A definition is given of the FLPSC with the account of a specific nature of the architecture and construction professions and reflecting the necessity of mastering all types of language activities (listening, speaking, reading and writing) as well as this competence's complete component structure. With reference to the organizational structure of learning activities, the stages of FLPSC development in bachelors program students of architecture and civil engineering are described. These stages allow us to streamline the use of modern pedagogical technologies. The results of the pedagogical experiment are presented, which testify to the successful development of the FLPSC under study.

Keywords: competency-based approach, foreign language training, foreign language professional speech competence, architectural and construction profiles, FLPSC development, pedagogical technologies.

УДК 37.013.42

ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕН ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И STEM-ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ШКОЛ?

© 2018 г.

Л.В. Штылева

Штылева Любовь Васильевна, к.пед.н., доц.; ведущий научный сотрудник
Института изучения детства, семьи и воспитания РАО, Москва
lyubov-shtyleva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2018
Статья принята к публикации 16.07.2018

Рассматривается проблема гендерного разрыва в школьном математическом образовании и последующей STEM-занятости современных выпускников. Основное внимание акцентируется на социально-педагогических факторах, способствующих появлению и сохранению гендерного разрыва в школьном математическом образовании. Выделяются и описываются следующие социально-педагогические факторы: гендерные стереотипы и полоролевой подход в образовании; педагогическая культура, нечувствительная к гендерной сензитивности девочек в подростковом возрасте. На основе методологии гендерного подхода и анализа результатов всероссийских олимпиад школьников по математике, результатов ЕГЭ, а также привлечения результатов психолого-педагогических исследований устанавливается взаимосвязь между феноменом гендерного разрыва и актуальным состоянием гендерного компонента педагогической культуры современного школьного образования.

Ключевые слова: STEM-образование, STEM-занятость, гендерный разрыв, школьное математическое образование, гендерные стереотипы, педагогическая культура.

Введение

В недавнем обращении к Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин особо подчеркнул, что происходящие сейчас в мире изменения носят цивилизационный характер, когда «скорость технологических изменений нарастает стремительно, идет резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперед. Тех, кто не сможет этого сделать, эта волна просто захлестнет, утопит. Технологическое отставание, зависимость, означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета» [1]. Научные исследования также подтверждают, что цифровая трансформация – «один из главных трендов индустрии последних лет. Предполагается, что своевременно «трансформировавшиеся» предприятия не только оставят позади конкурентов на уже существующих рынках, но и создадут новые, ранее недоступные продукты и услуги. <…> Среди самых важных «трансформационных» технологий, отмеченных аналитиками, – облака, средства анализа Больших Данных, Интернет вещей, применение которых на предприятиях будет стремительно расти» [2]. Все это свидетельствует о том, что в ближайшее время с проблемами «уберизации» и «цифровизации» рабочих мест, повышенными требованиями к владению информационными технологиями столкнутся все выпускники школ и профессиональных образовательных учреждений независимо от половой принадлежности.

В связи с этим большую озабоченность ученых в последнее время вызывает гендерный разрыв в STEM-образовании[1] и STEM-занятости, когда молодые женщины и девушки гораздо меньше, чем мужчины, представлены среди студентов технологических вузов и факультетов и, соответственно, в самых технологичных и высоко оплачиваемых отраслях экономики. Тенденцией последних лет стало усиление маскулинизации занятости в таких отраслях, как связь и информационные технологии (ИТ), электросвязь, атомная энергетика и др. По данным исследователей, за десять лет с 2005 по 2014 гг. доля женщин, занятых в электросвязи, уменьшилась с 45% до 38%, а в ИТ – с 35% до 25%. Самая низкая доля женщин среди программистов (17%) и в организациях, разрабатывающих программное обеспечение, осуществляющих консультирование по аппаратным средствам вычислительной техники (менее 20%) [3]. Такое положение в современной науке именуется «гендерным разрывом».

Проблемы ориентации старшеклассниц на наукоемкие инженерно-технические сферы, привлечения школьниц к более активным занятиям математикой и информатикой все чаще поднимаются в научных трудах о STEM-образовании и STEM-занятости молодого поко-

ления (И.Е. Калабихина, Е.В. Креховец, Л.А. Леонова, М.М. Малышева, О.Б. Савинская, Е.А. Савостина, И.Н. Смирнова, О.А. Хасбулатова и др.), потому что в условиях постиндустриального общества место женщины на рынке труда, по мнению экспертов, также будет определяться ее возможностями владеть современными информационно-коммуникативными средствами, работать в сфере высоких технологий, соответствием уровня ее подготовки современным вызовам.

Преодоление гендерного разрыва в образовании и экономике – проблема государственной важности, т.к. это открывает, по оценкам специалистов, колоссальные экономические возможности для страны, означает пополнение секторов STEM и ИКТ квалифицированными кадрами, обусловливает рост современной цифровой экономики, предполагает повышение уровня заработной платы и качества жизни женщин, которые составляют 51% населения страны и 49% среди занятых в отечественной экономике.

Авторы большинства публикаций по гендерным аспектам STEM-образования и STEM-занятости женской молодежи в высокотехнологичных отраслях апеллируют непосредственно к ***школьному образованию***, видя в нем одновременно и источник проблемы, и стратегический ресурс ее решения.

Цель данной статьи – привлечь внимание педагогов к гендерному аспекту педагогической культуры современного образования и социально-педагогическим факторам школьной среды, препятствующим формированию и развитию интереса девочек к STEM-дисциплинам и профессиям.

Методология

Казалось бы, если равенство доступа к школьному образованию и предполагаемое равенство обращения с обучающимися (независимо от их половой принадлежности) с 1918 г. (!) гарантировано совместным обучением мальчиков и девочек на основе единых программ и учебников, то должно быть и равенство результатов (хотя бы на уровне гендерных групп в целом). Тем не менее результаты обучения, как считают ученые, свидетельствуют о гендерном разрыве между выпускниками и выпускницами в ориентации на занятость в высокотехнологичных областях производства. Подтверждением служат примеры, приведенные в докладах ученых на Всероссийской научной конференции «Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030)» (Иваново, 20–21.04.2018) [4]. Так, по данным исследователей, на IT-олимпиадах для школьников мальчики и девочки представлены в соотношении 90% и 10%; среди студентов IT-факультетов сегодня 70% юношей и 30% девушек; в IT-компаниях мужской персонал составляет 80%, а женский, соответственно, 20%; среди бенефициариев фондов стартапов 85% мужчин и 15% женщин и т.д. Известно, что залогом успешного освоения информатики, программирования, многих естественнонаучных дисциплин является образование в области математики. Поэтому первое, в чем следует убедиться, *существует ли «гендерный разрыв» в школьном математическом образовании.* Если будет установлено, что разрыв существует*, то необходимо выявить социально-педагогические факторы, способствующие его появлению, и определить меры, необходимые для исправления ситуации.* Теоретико-методологической платформой нашего исследования является *гендерный подход*, который проблематизирует сложившиеся представления о свойствах, ролях и особенностях, приписываемых людям на основании их пола, и акцентирует внимание на том, что традиционно считающиеся «естественными» различия между мальчиками и девочками в образовании имеют под собой не биологические, а социальные основания, поэтому эти различия могут быть устранены при изменении социокультурных условий, детерминирующих развитие личности. Основные методы исследования – анализ психолого-педагогических публикаций и документов образования, гендерный анализ и интерпретация результатов Всероссийских математических олимпиад.

Результаты исследования

Казалось бы, ответить на указанный выше вопрос просто – достаточно проанализировать результаты ЕГЭ и ИГА по математике. Но сделать это оказалось невозможным из-за отсутствия систематической гендерной статистики по результатам ЕГЭ и ИГА. Как показало исследование документов по итогам ЕГЭ, размещенных на сайте Федерального института педагогических измерений, в ряде случаев авторы аналитических записок и методических рекомендаций не только не указывают число мальчиков и девочек, но даже не приводят точных данных об общем количестве школьников, принявших участие в испытаниях. Внимание фокусируется на описании и оценке испытательных материалов (задач, заданий и пр.), уровнях их сложности и релевантности уровневого тестирования. При этом невозможно уста-

новить, сколько среди тех, кто не справился или успешно справился с выполнением заданий (каждого уровня), непосредственно мальчиков и девочек, имеет ли место гендерная асимметрия в результатах обучения предмету или достигнуто равенство результатов. Анализ справок и рекомендаций показал, что сотрудники института педагогических измерений оперируют понятиями «учащиеся», «экзаменуемые», «участники экзамена». Следовательно, из-за отсутствия в методологическом аппарате КИМ гендерных индикаторов федеральный институт, являющийся подструктурой Рособрнадзора, не замечает и не исследует феномен гендерного разрыва в школьном образовании как таковой, не разрабатывает рекомендаций по его упреждению и/или преодолению.

Приведем конкретный пример. В одном из изученных документов – «Аналитическом отчете о результатах ЕГЭ 2012 г.», в п. 2.1.2 подраздела «Математика» («Характеристика участников ЕГЭ по математике 2012 года») – мы обнаружили упоминание гендерного индикатора. На стр. 2 документа указано, что в «основной волне ЕГЭ по математике в 2012 г. приняли участие 806 468 человек. Из них 597 213 (74%) окончили городские школы, 20 671 (25.8%) – сельские школы; *45% участников ЕГЭ – юноши, 55% – девушки* (курсив наш. – *Л.Ш.*)», но на последующих 17 страницах аналитического отчета по разделу «Математика» гендерный индикатор не используется. В итоге обобщающая часть документа (с. 15) не содержит замечаний и рекомендаций, связанных с гендерными различиями в результатах образования по целевым подгруппам. В документе отмечено, что «более 15% участников экзамена продемонстрировали повышенный и высокий уровни математической подготовки. Улучшился в качественном отношении и увеличился в количественном контингент потенциальных абитуриентов *технических вузов*: почти 16% выпускников преодолели порог 63 тестовых балла. ЕГЭ также позволяет выделить «группу ближнего резерва» – еще 31% выпускников, демонстрирующих хороший базовый уровень подготовки и способных при наличии достаточной мотивации эффективно подготовиться к обучению *в вузах по техническим специальностям* (курсив наш. – *Л.Ш.*)» [5]. Из вышеизложенного следует, что авторы озабочены ориентацией выпускников на технологическое образование, но из приведенных данных невозможно понять, сколько девочек среди тех, кто показал высший балл по математике, и среди тех, кто попал в перспективную группу потенциального резерва абитуры технических вузов. Следовательно, невозможно определить, сколько выпускниц, которые могли бы поступить в технические вузы, выбрали иные профили профобразования, чтобы затем исследовать, какова была мотивация их отказа от выбора в пользу технических вузов. В рекомендациях подчеркивается, что для перевода потенциала в реальность «требуется серьезная работа по расширению сети профильных классов (в том числе при участии вузов), а также – в первую очередь – повышение уровня математического образования в основной и начальной школе» [5], но ничего не говорится о мерах по предупреждению и преодолению гендерного разрыва в математическом и естественно-научном образовании.

В одной из публикаций в СМИ, основанной, по заверению автора, на данных образовательного ведомства за 2015 г., приведены сведения, отражающие различные профили гендерных разрывов в школьном образовании. В статье говорится, что «*девочки* сдают ЕГЭ чаще и лучше, чем мальчики. Обязательные предметы (русский язык и математику) сдают на 9% больше девочек, чем мальчиков. Среди участников экзаменов по выбору девочки также в большинстве, сдавая их в среднем вдвое чаще, чем мальчики. Наибольший гендерный дисбаланс наблюдается среди участников ЕГЭ по иностранным языкам и литературе, которые сдают на 70% больше девочек, чем мальчиков. Мальчики преобладают среди участников ЕГЭ по физике (на 51% больше), информатике (на 50%) и географии (на 14%). В то же время, если судить по среднему баллу ЕГЭ, девочки показывают результаты на 3–5 баллов выше, чем мальчики. Они превосходят результаты мальчиков даже, по так называемым, «мужским» предметам. По физике среди девочек средний балл составляет 46.7, у мальчиков – 45, по информатике – 59.2 против 56.4 у мальчиков, по географии – 53.8 и 52.3 баллов соответственно. Единственный предмет, в котором девочки показывают результат несколько ниже, чем мальчики – математика. У девочек средний балл по нему – 44, а у мальчиков – 44.2» [6].

Вторым источником информации о гендерном разрыве непосредственно в школьном математическом образовании стали материалы Всероссийских олимпиад школьников по математике, которые проводятся в новой России с 1992 г. Наше исследование протоколов Всероссийских олимпиад школьников по математике выявило наличие гендерной асимметрии как среди участников, так и среди победителей олимпиад. По данным сайта *olympiads.mccme.ru*, с 1997 г. по 2017 г. (данные об общем количестве участников олимпиад в 1992–1996 гг. отсутствуют) во Всероссийских олимпиадах по математике среди школьников приняли участие всего 5049 чел., в т.ч.

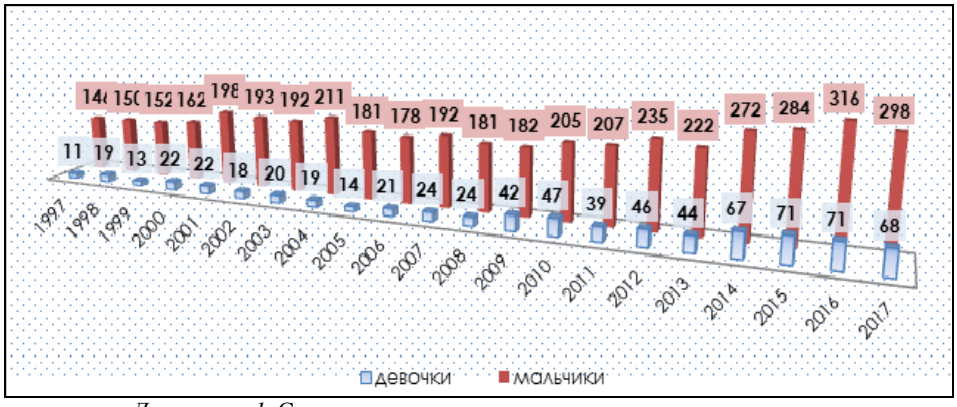

Диаграмма 1. Соотношение мальчиков и девочек среди участников Всероссийской олимпиады школьников по математике (1997–2017 гг.)

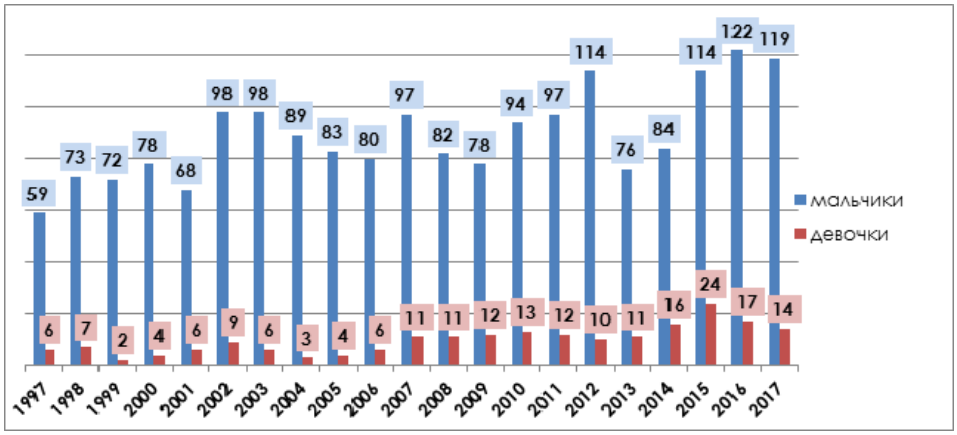

Диаграмма 2. Гендерный состав победителей и призеров всероссийских олимпиад по математике (1998–2017 гг.)

722 девочки, что составляет примерно 14.3% (см. диаграмму 1).

Количество девочек-победительниц за тот же период составило 10.88 % от общего количества призеров и победителей олимпиад (см. диаграмму 2).

Таким образом, соотношение между мальчиками и девочками в группе лидеров олимпиад примерно 10:1 (1875 мальчиков и 204 девочки). При этом количество девочек среди победительниц и призеров олимпиад иногда возрастало до 21.05% (2015 г.), а иногда составляло лишь 2.7% (1999 г.), но с 2007 г. наметилась тенденция к улучшению результатов, причины которой пока не ясны. Несмотря на численное превосходство участников мужского пола, девочки 9 раз становились победительницами (занимали первые места) в своих возрастных группах (см. таблицу 1). При этом две участницы побеждали последовательно на протяжении двух (Дмитриева Мария) и даже трех лет (Петухова Надежда), что свидетельствует о высочайшем потенциале и способностях этих девочек в области математики.

Из вышеизложенного следует, что гендерный разрыв в школьном математическом образовании существует, но это не означает, что девочки неспособны к математике в принципе. Необходимо подчеркнуть, что вопрос о принципиальной способности женщины к освоению знаний любого уровня, новизны и сложности у современных ученых, в отличие от их предшественников эпохи Средневековья и Нового времени, не вызывает сомнений. В пользу того, что девочки могут быть очень успешными в математике, свидетельствует также тот факт, что на первом международном чемпионате по ментальной арифметике AMAKids World Cup 2018, который недавно завершился в Москве, победителями как в младшей, так и в старшей группе стали девочки – Алиса Гусева (Екатеринбург) и София Татаурова (Киров). Высокий потенциал девочек в математике подтверждается не только российским, но и международным опытом. Согласно результатам международного сравнительного исследования PISA (Programme for International Student Assessment) во всех странах, включая и Россию, по уровню математической грамотности результаты мальчиков практически не отличаются от результатов девочек, а в естественнонаучной грамотности результаты девочек значимо выше результатов мальчиков.

Таблица 1

Девочки – победительницы всероссийских олимпиад по математике (1998–2017 гг.)

Год	Возрастная группа	Фамилия, имя	Город и школа
2002	9 класс	Данилова Юлия	Санкт-Петербург, Физико-математический лицей № 239
	9 класс	Петухова Надежда	Санкт-Петербург, лицей «Физико-математическая школа»
2003	10 класс	Петухова Надежда	Санкт-Петербург, лицей «Физико-математическая школа»
	11 класс	Куюмжиян Каринэ	СОШ № 8, г. Ростов-на-Дону
2004	11 класс	Петухова Надежда	Санкт-Петербург, лицей «Физико-математическая школа»
2006	10 класс	Илюхина Мария	Москва, ГОУ «Лицей «Вторая школа»
2013	10 класс	Зайцева Юлия	Москва, СОШ № 179 ГАОУ ВПО «Московский институт открытого образования»
2016	10 класс	Дмитриева Мария	Москва, ГБОУ лицей «Вторая школа»
2017	11 класс	Дмитриева Мария	Москва, ГБОУ лицей «Вторая школа»

Сам собой напрашивается вопрос: если девочки в принципе так же одарены математическими способностями, как и мальчики, то *какие факторы современного школьного образования препятствуют развитию интереса девочек к STEM-дисциплинам и профессиям?*

Анализ психолого-педагогической литературы позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день данные исследований по вопросу гендерный различий в образовании, о способностях мальчиков и девочек к точным и гуманитарным наукам противоречивы. Квалифицированные отечественные исследования, посвященные учету психополовых особенностей при изучении школьных курсов математики и естественнонаучных дисциплин единичны. В большинстве педагогических публикаций последних лет по так называемому «гендерному образованию» некорректно интерпретируются исследования эволюционных биологов (В.А. Геодакян), физиологов и нейрофизиологов (В.Д. Еремеева, Т.П. Хризман и др.). Из статьи в статью кочуют педагогические мифы о «гуманитарном складе ума» девочек и «математическом складе ума» мальчиков, поверхностные рассуждения о «правополушарных» девочках и «левополушарных» мальчиках. Между тем сами авторы теории полотипичной функциональной организации мозга (В.Д. Еремеева и Т.П. Хризман) неоднократно предупреждали об ошибочности деления всех людей только на две группы в зависимости от того, какой тип восприятия и переработки информации, какой тип мышления – левополушарный или правополушарный – преобладает, поскольку таких типов огромное множество, со множеством комбинаций того и другого, а классическая асимметрия мозга встречается не более чем у 15% людей, а уже остальные 85% – «это самые разные варианты мозаичной или несколько размытой специализации полушарий в отношении самых разных психических функций, разные варианты левополушарных, правополушарных и смешанных стратегий мышления» [7, с. 165].

Нам ближе точка зрения директора проекта «Математикос» Тимура Цвартхелия, который считает, что «школьная математика достаточно проста и не требует достижения особых высот мышления, необходимых, скажем, для научной деятельности. Поэтому отказ от обучения, тренировки навыков вариантного мышления под надуманным предлогом «гуманитарный, а не математический склад ума» или о «невозможности из-за индивидуальных особенностей» по факту лишает подавляющее большинство обучаемых важнейших элементов образования не только по математике, но и по другим предметам. В том числе в вопросах получения практики анализа и решений нетривиальных проблем. Итак, для повышения математической образованности ученикам нужно больше времени для самостоятельного решения задач, а преподавателю – больше времени, чтобы уделить внимание образовательной стороне предмета» [8].

В своих публикациях и выступлениях мы неоднократно обращали внимание педагогов на исследование учителя математики из Калининграда И.Я. Каплуновича (2001). Рассматривая различия в математическом мышлении мальчиков и девочек, автор поставил перед собой задачу найти путь и технологию развития новых математических талантов как среди мальчиков, так и среди девочек. Анализируя разные аспекты и факторы различий под гендерным углом зрения, он пришёл к следующим важным выводам.

1. Половые различия в математическом мышлении существуют. Они обусловлены различием его структур, которые, в свою очередь, *порождены разным отношением и разными*

требованиями к мальчикам и девочкам (курсив наш. – *Л.Ш.*).

2. Нельзя констатировать преимущество «мужского» математического мышления над «женским»: оно не лучше и не хуже, а просто другое. Поэтому в одних математических областях более успешны мужчины, а в других – женщины.

3. Для продуктивного формирования математического мышления девочек необходимо учитывать его особенности. Одним из педагогически эффективных путей можно считать решение задач, требующих оперирования отношениями, адекватными доминантным в мышлении подструктурами, и формирования способности не столько создавать пространственные представления, сколько оперировать ими» [9, с. 33].

Этот путь, по утверждению автора, достаточно продуктивен при обучении математике не только девочек, но и мальчиков. Опыт И.Я. Каплуновича убедительно демонстрирует, что миссия гендерного подхода в педагогических исследованиях состоит не в простом выявлении и подчеркивании различий, а в *разоблачении механизмов формирования фундаментально неравных условий для развития способностей* (в данном случае – математических) учащихся женского и мужского пола, в поиске путей и технологий преодоления специфических барьеров гендерных стереотипов в образовании. Тот факт, что в статье предложено «учитывать особенности мышления девочек» косвенным образом подтверждает: типовые методики преподавания нечувствительны к психополовым различиям, ориентированы на гипотетический «средневзвешенный мужской тип мышления», которого, по-видимому, также не существует. В противном случае все мальчики были бы суперуспешны в школьном курсе математики, но всем известно, что это не так.

Из вышеизложенного следует, во-первых, что одна из причин «отлучения» девочек (и не только) от математики заключается в *несовершенстве методики преподавания предмета*, а во-вторых – в *гендерных стереотипах преподавателей*. Рассмотрим вторую причину подробнее.

В 1990-х в исследовании психолога Л.В. Поповой на примере учащихся специализированных московских школ было показано, что даже высокоразвитые способности не являются гарантией будущих успехов девочек. Подростковый возраст выступает одним из критических периодов, на который приходятся резкие изменения в сферах интересов, в отношении к учебе, в восприятии будущего. Как выяснилось, «несмотря на высокие способности и перспективы учиться в наиболее престижных вузах страны, девочек отличала склонность к выбору профессий более низких по социально-экономическому статусу (оператор ЭВМ, но не программист), имеющих исполнительский или обслуживающий характер (секретарь-референт), они чаще, чем мальчики, видели трудности, стоящие на их профессиональном пути» [10, с. 36]. Заниженная самооценка одаренных девочек, по заключению Л.В. Поповой, обусловливалась влиянием ряда факторов школьной среды, среди которых – сексизм отечественных школьных учебников, стереотип о невозможности совмещения женщиной успешной профессиональной деятельности и счастливой семейной жизни, полоролевые стереотипы учителей, воспроизводящих патриархатные взгляды на жесткое разграничение функций полов и порождающих внутренние конфликты у талантливых учениц. В заключении отмечалось, что «под влиянием полоролевых стереотипов девочки с ярко выраженными способностями не выделяют активную, деятельную жизнь, уверенность в себе, высокие притязания и образованность в качестве ценностей, обеспечивающих самореализацию. Ориентированность девочек на обслуживание семьи в определенной степени предопределяет их будущий заниженный статус» [10, с. 37]. Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью сказать, что в исследовании 1999 г. речь шла о влиянии *гендерного компонента педагогической культуры*, а точнее – *гендерных идеалов и представлений непосредственно педагогов*, на формирование жизненных стратегий одаренных школьников и школьниц.

Гендерные исследования школьного образования, проведенные нашими коллегами в 1990-х – начале 2000-х гг., показали, что российские педагоги, как правило, подразделяли школьные дисциплины и занятия на «женские» и «мужские», относили математику, физику и информатику, работу с техникой и инструментами к сфере, предпочтительной для мальчиков, а девочек ориентировали на гуманитарные дисциплины и обслуживающие сферы труда. При этом учителя необоснованно приписывали мальчикам априори более высокий уровень способностей к математике, физике и информатике и не ожидали проявления способностей к этим предметам у девочек, не мотивировали их к углубленным занятиям естественно-математическими дисциплинами. По данным исследований психологов, педагоги объясняли разными причинами успехи и неудачи мальчиков и девочек в образовании: успехи мальчиков объяснялись одаренностью, а неудачи – разгильдяйством и ленью. В то же время успехи девочек интерпретировались исключительно как результат упорства, трудолюбия и

усидчивости, а неудачи – как естественное следствие более низкого уровня способностей. Незаинтересованность учителей в ориентации девочек на математические и естественнонаучные дисциплины, как показали наши исследования, была обусловлена их собственными представлениями о различиях между женским и мужским предназначением, между женским и мужским трудом. При неформальном общении педагогами в учительских неоднократно высказывалась точка зрения, что «мальчики станут мужчинами и им придется овладеть «серьезной» профессией, чтобы «кормить семью», а девочки «родят и математику забудут». По мнению ученых, именно «вера в то, что есть «мужские» и «женские» профессии» – наиболее вредоносный гендерный стереотип, который «негативно сказывается, как на мужчинах, так и на женщинах» [11].

Следует признать, что, несмотря на наступление эры цифровых технологий, и в последние годы ситуация не изменилась. Проведенное нами исследование гендерных представлений и идеалов учителей (2017 г.) показало, что и сегодня они в большей степени соответствуют индустриальной культуре середины XX вв., нежели эпохе цифровой и технологической революций XXI в. В воспитании современных мальчиков и девочек педагоги по-прежнему руководствуются гендерными стереотипами традиционной культуры, создавая невидимые, но вполне действенные барьеры на пути развития интереса девочек к STEM-образованию и STEM-профессиям, ориентируя их преимущественно на профессии социально-гуманитарного, художественного профиля, на вспомогательные и обслуживающие сферы труда [12, с. 99–100].

Таким образом, исследуя причины гендерной асимметрии в STEM-образовании школьников и школьниц, современные ученые сосредоточивают внимание на средовых факторах, подчеркивают в первую очередь угнетающую роль гендерных стереотипов общественного и педагогического сознания, разделяющих школьников на будущих «кормильцев» и «хранительниц домашнего очага» со всеми вытекающими для их дальнейшего образования последствиями [11, с. 21]. В научных публикациях высказывается мнение о насущной необходимости поменять полоролевые педагогические технологии на технологии индивидуально-личностного подхода к обучению и воспитанию, то есть на технологии развития способностей каждого обучающегося независимо от половой принадлежности (И.С. Клецина, О.И. Ключко, Е.А. Савостина, И.Н. Смирнова, О.А. Хасбулатова и др.). Подчеркивается необходимость образовательных программ в русле STEM для всех юных и специальных методов привлечения в них девушек (И.Е. Калабихина).

Исследования в области гендерной и педагогической психологии выявляют, кто и как влияет на формирование профессиональных интересов и жизненных стратегий молодого поколения, в том числе, какое влияние оказывают на образовательные и профессиональные стратегии учащейся молодежи гендерные стереотипы общественного сознания и как в современном образовании формируются специфические гендерные фобии. Результат этих фобий, по мнению ученых, проявляется в слабом интересе девочек к математике и информатике, к техническому конструированию и работе с современными технологиями (И.С. Клецина, О.И. Ключко, Л.В. Попова, Л.Э. Семенова, В.Э. Семенова, А.Г. Тулегенова и др.). В итоге, по заключению экспертов, девочки гораздо реже, чем могли бы, рассматривают работу в высокотехнологичных областях в качестве своего желаемого будущего, между тем как «женщинам в IT работается комфортнее, и они гораздо больше удовлетворены условиями труда, оплатой, коллективом» [11].

Подведем итоги.

Проблема гендерного разрыва в школьном математическом образовании и STEM-занятости существует. Она обусловлена комплексом факторов, среди которых свою роль играют и сложившиеся культурные традиции гендерной стереотипии в обществе и в образовании, и методические просчеты в обучении школьников математическим и естественнонаучным дисциплинам в целом, и гендерная сензитивность девочек, связанная с пиками полового созревания и полоролевой социализации в подростковом и юношеском возрасте, которая не рефлексируется и не учитывается педагогической культурой современного школьного образования.

Очевидно, что данная «школьная» проблема требует изучения в широком социокультурном контексте. Для того чтобы понять, почему абсолютное большинство девочек пока еще не видит себя в наукоемких инновационных сферах и профессиях, необходимо обратить внимание на факторы, обусловливающие формирование гендерных стратегий молодого поколения на всех ступенях полоролевой социализации – от дошкольного образования до окончания средней специальной или высшей школы.

Для грамотного определения стратегий вовлечения женской молодежи в STEM-образование и занятость необходимо обладать более полной и системной информацией в гендерном разрезе, которой сегодня по ряду позиций либо нет совсем, либо катастрофически не хватает. Иначе говоря, необходима статистика в гендерном

разрезе по всем аспектам и уровням образования, трудоустройства и последующей карьеры выпускников и выпускниц с учетом возраста. Так, очень важно, на наш взгляд, иметь ясное представление о том, сколько выпускниц 9 и 11 классов поступает на учебу в средние и высшие учебные заведения, связанные с новейшими технологиями, удается ли им завершить обучение и приступить к работе по специальности; как складываются их карьеры, куда и почему исчезают из STEM-профессий более половины женщин-специалистов. Тогда станет понятнее, что необходимо изменить в обучении и воспитании женской молодежи на самых ранних ступенях образования. Решение проблемы, несомненно, подразумевает взаимодействие ученых из разных подразделений социогуманитарных наук и педагогики в том числе.

Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту «Теоретико-методологические основы, технологии и модели профессионального социально-педагогического образования», научный руководитель – д.п.н., профессор М.П. Гурьянова.

Примечания

1. STEM-образование – новый термин, введеный в школьную программу США для того, чтобы усиленно развивать компетенции учеников в научно-техническом направлении. Аббревиатура включает первые буквы 4 слов Science (наука), Technology (технологии), Engineering (инженерия), Math (математика).

Список литературы

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 01.03.2018. URL: http://www.msn.com/ru-ru/news/featured/ (дата обращения: 01.03.2018).

2. OSP Data, Hitachi / Настоящее и будущее цифровой трансформации в России. URL: https://www.hitachivantara.com/ru/go/emea-dx/?utm_source=plista&utm_medium=Banner&utm_content=plrulp5&utm_campaign=NATIVE%20DX%20W2 (дата обращения: 15.01.2018).

3. Абдрахманова Г.И., Ковалева Г.Г., Озерова О.К. Гендерный аспект в цифровой экономике. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/04/28/1128533054 (дата обращения: 25.04.2018).

4. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018 – 2030): материалы Всерос. конф. с междунар. участием, 20–21 апреля 2018 г., ИвГУ, г. Иваново. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 174 с.

5. Аналитический отчет о результатах ЕГЭ 2012 г. URL: http://fipi.ru/ege-i-gve-11/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy (дата обращения: 01.03.2018).

6. Данные Рособрнадзора: девочки сдают ЕГЭ чаще и лучше, чем мальчики. URL: https://ria.ru/education/20150305/1051109879.html (дата обращения: 01.03.2018).

7. Еремеева В.Д., Хризман Т.П. Мальчики и девочки – два разных мира. Нейропсихологи – учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. СПб.: Тускарора, 2001. 205 с.

8. Хромота математического образования. Интервью преподавателя математики, директора проекта «Математикос» Тимура Цвартхелия. URL: https://newtonew.com/school/lameness-math-education (дата обращения: 12.02.2018).

9. Каплунович И.Я. О различиях в математическом мышлении мальчиков и девочек // Педагогика. 2001. № 10. С. 30–35.

10. Попова Л.В. Некоторые тенденции в ценностных ориентациях девочек и мальчиков младшего подросткового возраста // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 35–38.

11. Яковлева Ю. Дискриминация по половому признаку: мифы и реальность. URL: http://www.eawfpress.ru/press-tsentr/news/jen/diskriminatsiya-po-polovomu-priznaku-mify-i-realnost/ (дата обращения: 26.02.2018).

12. Штылева Л.В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018 – 2030): Материалы Всерос. конф. с междунар. участием, 20–21 апреля 2018 г., ИвГУ, г. Иваново. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 98–101.

WHAT IS THE REASON FOR THE GENDER GAP IN MATHEMATICAL EDUCATION AND STEM EMPLOYMENT OF RUSSIAN SCHOOL GRADUATES?

L.V. Shtyleva

Institute for the Study of Childhood, Family and Education, Russian Education Academy

The article examines the problem of the gender gap in school mathematics education and the subsequent STEM employment of today's school graduates. The author focuses on the socio-pedagogical factors that contribute to the emergence and preservation of the gender gap in school mathematics education. The following socio-pedagogical factors are identified and described: gender stereotypes and sex-role approach in education; pedagogical culture that is not sensitive to girls' gender sensitivity in adolescence. Based on the methodology of the gender approach and the analysis of the results of All-Russian Olympiads for school students in mathematics, the results of the USE, and the results of psychological and pedagogical research, the relationship between the phenomenon of gender gap and the current state of the gender component of the pedagogical culture in modern school education is established.

Keywords: STEM education, STEM employment, gender gap, school mathematics education, gender stereotypes, pedagogical culture.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (51)

2018

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 23,3. Усл. печ. л. 20,1. Тираж 100 экз. Заказ № 625.
Дата выхода в свет: 30.09.2018
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет